

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

А. П. Медведев

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ

Археология
и этнокультурная история
I тысячелетия до н.э.

МОСКВА
«НАУКА»
1999

УДК 902/904

ББК 63.4

М 42

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 98-01-16061*

Медведев А.П.

Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. – М.: Наука, 1999. – 160 с., ил.

ISBN 5-02-008644-4

Благодаря сплошному археологическому обследованию Среднего и Верхнего Подонья и широкомасштабным раскопкам последних десятилетий здесь стали известны поселения, городища и могильники не менее десяти различных археологических культур, локальных вариантов или отдельных типов памятников. Полученные материалы позволяют заполнить более чем тысячелетний период раннего железного века, выделив в нем три основных этапа: предскифский, скифский, сарматский. Монография посвящена изучению двух первых этапов. На основе изучения памятников археологии и данных античной традиции исследуются этнокультурные процессы в лесостепном Подонье в I тысячелетии до н.э.

Для историков, археологов.

ТП-99-I-№ 39

Научное издание

Медведев Александр Павлович

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ
Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э.

Утверждено к печати

Ученым советом Института археологии РАН

Заведующая редакцией "Наука-история" *Н.Л. Петрова*

Редактор *Л.А. Зуева*. Художник *В.Ю. Яковлев*

Художественный редактор *Г.М. Коровина*. Технический редактор *В.В. Лебедева*

Корректоры *З.Д. Алексеева, Г.В. Дубовицкая*

Набор и верстка выполнены в издательстве на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 19.11.98. Формат 84 × 108 ¹/₁₆. Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 16,8. Усл.кр.-отт. 17,1. Уч.-изд.л. 20,2. Тираж 430 экз. Тип зак. 52.

Издательство "Наука" 117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография "Наука" 199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

ISBN 5-02-008644-4

© А.П. Медведев, 1999

© Издательство "Наука",
художественное оформление, 1999

© Издательство "Наука",
Российская академия наук, 1999

ВВЕДЕНИЕ

Лесостепь с ее благоприятными для жизни человека природными условиями издревле играла важную роль в исторических процессах на Юге Восточной Европы. Центральную ее часть занимает территория лесостепного Подонья. В силу естественной природной открытости развитие населения в этом регионе постоянно проходило в теснейшем взаимодействии со скотоводческими племенами степной зоны. Это наложило неизгладимый отпечаток на культуру и исторические судьбы лесостепных племен. Многовековое соседство с номадами во многом предопределило их культурную, а иногда и политическую ориентацию на южный Скифо-Сарматский мир вплоть до частичной инкорпорации в него автохтонных этнокультурных образований лесостепи. Безусловно, оно стимулировало процессы культурно-, социо- и политогенеза в этой зоне. Более того, имеющиеся сейчас данные достаточно надежно свидетельствуют о проникновении и постоянном проживании в лесостепи некоторых групп номадов – выходцев из кочевой степи.

До самого последнего времени лесостепные культуры и пути их развития были известны, главным образом, по материалам Среднего Поднепровья и соседних районов. В Украинской лесостепи не только выделены основные археологические культуры I тыс. до н.э. – середины I тыс. н.э., но практически каждой из них посвящены капитальные монографические исследования (*Тереножкин А.И.*, 1961; *Петренко В.Г.*, 1967; *Ильинская В.А.*, 1968; *Ковпаненко Г.Т.* и др., 1989; *Максимов Е.В.*, 1982; *Терпиловский Р.В.*, 1984; *Обломский А.М.*, 1991). Их результаты нашли должное отражение в ряде обобщающих работ по археологии и древней истории Украины (*История Украинской ССР*, 1981; *Археология Украинской ССР*, 1986; *Степи*, 1989; *Славяне и их соседи*, 1993).

По степени изученности проблематики раннего железного века в лесостепном Подонье наблюдается во многом иная картина. Несмотря на то, что его территория находится в Центре Европейской России, до 60–70-х годов здесь были хорошо известны, по существу, лишь памятники одной среднедонской культуры скифского времени. Долгое время ими ограничивались представления о раннем железном веке Среднего и Верхнего Подонья, да и сам этот период здесь ассоциировался только со

скифской эпохой. Даже в новейших изданиях на исторических и археологических картах Восточной Европы этот регион обычно занимает белое пятно (*Тереножкин А.И.*, 1976, рис. 1; *Степи*, 1989, карта 2; *Седов В.В.*, 1994, рис. 77; *Шукин М.Б.*, 1994, рис. 85).

Сейчас ситуация в корне начинает меняться. Благодаря сплошному археологическому обследованию практически всех районов Среднего и Верхнего Подонья и широкомасштабным раскопкам конца 70-х – 90-х годов здесь стали известны поселения, городища и могильники не менее чем десяти различных археологических культур, локальных вариантов или отдельных типов памятников. Полученные в процессе их раскопок материалы позволяют заполнить практически весь тысячелетний период раннего железного века. С учетом локальных особенностей к общепринятой периодизации в нем выделяются три основных периода:

1. Предскифский – VIII – первая половина VII в. до н.э.
2. Скифский – вторая половина VII – начало III в. до н.э.
3. Сарматский – II в. до н.э. – III в. н.э.

Настоящее исследование посвящено изучению двух первых периодов раннего железного века (с VIII до начала III в. до н.э.). В отличие от работ предшественников в нем подвергаются комплексному анализу все без исключения типы памятников этой эпохи, самой разной культурной принадлежности как на Среднем, так и на Верхнем Дону.

При определении географических границ лесостепного Подонья я исходил из работ *Ф.Н. Милькова* (*Мильков Ф.Н.*, 1950; *Мильков Ф.Н.*, 1977; *Физико-географическое районирование*, 1961). Его западной границей служит р. Оскол, восточной – Хопер. По водоразделам этих двух рек широкие степные языки проникали далеко вглубь лесостепи, отделяя изучаемый регион на западе от Приднепровской Левобережной лесостепи, а на востоке от лесостепного Поволжья. На севере и юге ее границы совпадают с рубежами природных зон. Вслед за *Ф.Н. Мильковым* граница степи и лесостепи в Подонье определяется несколько южнее, чем было принято ранее (*Берег Л.С.*, 1947. Т. 1): в Правобережье по линии г. Валуйки – р. Черная Калит-

ва – р. Дон, в Левобережье – р. Толучеевка. Таким образом, исследуемый регион включает практически все Верхние и лесостепную часть Среднего Подонья.

Здесь необходимо дать хотя бы краткую характеристику природно-климатических условий этого региона и в первую очередь тех его особенностей, которые прямо или косвенно определяли условия жизнедеятельности лесостепного населения. По современному физико-географическому делению он входит в лесостепную область Русской равнины. Это типичная среднерусская лесостепь, где наиболее полно проявилось все своеобразие лесостепных ландшафтов (Мильков Ф.Н., 1977. С. 145). При безусловном их единстве в рамках всей природной зоны в целом внутри нее они все же обладают значительным локальным разнообразием, которое не могло не сказаться на жизни и исторических судьбах их обитателей. В широтном направлении Донская лесостепь делится географами на три подзоны (Физико-географическое районирование. 1961. С. 16, рис. 2).

1. *Северная лесостепь.* В Подонье занимает сравнительно небольшую площадь в верховьях Дона (от его истоков примерно до современной границы Липецкой области). В древности она, видимо, почти сплошь была покрыта дубравами на серых лесных почвах.

2. *Типичная лесостепь.* Распространена на большей части территории Верхнего и Среднего Дона вплоть до долины р. Тихая Сосна на юге. Здесь дубравы чередовались с разнотравно-луговыми степями на выщелоченных и типичных черноземах.

3. *Южная лесостепь.* Простирается к югу от р. Тихая Сосна до р. Черная Калитва. В ней преобладали уже разнотравно-ковыльные степи в комплексе с типчаковыми на обыкновенных черноземах. Из-за недостатка увлажнения в этой подзоне часты засухи и суховеи.

Природно-климатические условия отдельных областей лесостепного Подонья весьма существенно различались не только в широтном, но и в меридианальном направлении. Долина Дона, а на севере Воронежа делит его территорию на две примерно равные части: Правобережье занимает Среднерусская возвышенность, Левобережье – Окско-Донская низменность (плоскоместье).

Донское Правобережье более возвышенное. Оно сильно пересечено долинами рек, но чаще балками и суходолами. Здесь широко распространен склоновый тип местности. Особенностью ландшафтов Правобережья являются выходы известняка и мела (Дивногорье, Белогорье), поэтому окружающие их участки местности часто напоминают предгорья. Весьма существенно, что все зна-

чительные реки текут здесь в широтном направлении и впадают в Дон. Последнее обстоятельство во многом облегчало проникновение в Подонье групп земледельческо-скотоводческого населения из Приднепровской лесостепи, которое осуществлялось в восточном направлении главным образом по долинам рек.

На склонах Среднерусской возвышенности выпадает гораздо больше осадков (500–600 мм), чем в Левобережье. Соотношение тепла и влаги здесь ближе к оптимальному. Все перечисленные орографические, гидрографические и климатические особенности существенно повлияли на растительный покров Правобережья. Степень его облесенности была гораздо выше, чем в Левобережье. Здесь леса произрастают не только в долинах рек, но местами выходят и на водоразделы. Значительные их массивы и сейчас сохранились на водоразделе Верхнего Дона и Воронежа, по правому берегу Среднего Дона, между селами Гремячье и Урыв, по левому берегу Тихой Сосны (Подворонежье, 1973. С. 67; Донское Белогорье, 1976. С. 127–134). В девственном состоянии лесистость составляла здесь не менее 50%. Безлесные участки еще недавно покрывали разнотравные степи, растительность которых богата северными луговыми видами. По своей биологической продуктивности они в два-три раза выше травянистого покрова степной зоны (Мильков Ф.Н., 1977. С. 126–128, табл. 5).

Лесостепная природа Донского Левобережья заметно отличается от Правобережья. Большую его часть занимает Окско-Донская низменность (плоскоместье) с абсолютными отметками примерно на 100 м ниже, чем на Среднерусской возвышенности (Окско-Донское плоскоместье, 1976). Для левобережных районов характерен плакорный тип местности – более ровные и плоские ландшафты. В отличие от Правобережья все крупные левые притоки Дона (Воронеж, Битюг, Хопер) текут в меридианальном направлении почти параллельно Дону. В силу меньшей увлажненности обширные пространства их водоразделов в древности были заняты степями, покрытыми преимущественно ковыльно-типчаковой растительностью. Лесов здесь очень мало, сейчас они занимают всего 1–4% его площади.

Но гораздо важнее другое: в Левобережье соотношение леса и степи создавало своеобразные междуречные ландшафты. Почти каждый из них представлял территорию со степной полосой по середине водораздела и узкими полосами придолинных лесов по краям. Следует обратить внимание на то, что по водоразделам Левобережья сплошные степные языки непрерывно тянулись на сотни километров вплоть до верховий Дона (Куликово Поле) и Воронежа (Рясное Поле).

Здесь сама природа создала благоприятные условия для распространения далеко на север различных типов подвижного скотоводческого хозяйства вплоть до кочевого. В тоже время практически полное отсутствие в Левобережье высоких мысов, удобных для сооружения городищ, никак не способствовало сохранению и развитию традиций оседлой жизни.

Если Донское Правобережье по основным характеристикам было гораздо ближе к Украинской лесостепи, особенно правобережной, то левобережные донские ландшафты имели много общего с южными степными районами. По мнению географов, в древности этот контраст между Правобережьем и Левобережьем Дона был выражен еще резче (*Мильков Ф.Н.*, 1950. С. 223).

У большинства исследователей сейчас не остается сомнений в том, что лесостепные ландшафты уже по самой своей двойственной природе (лес и степь) не могли оставаться неизменными. Совокупность накопленных к настоящему времени данных надежно свидетельствует, что в голоцене они неоднократно переживали весьма существенные трансформации вплоть до значительного их смещения в широтном направлении. Эти сдвиги были обусловлены вековыми циклическими колебаниями климата, в основе которых лежали периодические изменения гидротермического режима (*Шнитников А.В.*, 1957; *Гумилев Л.Н.*, 1967; *Изменение климата*, 1980; *Веклич М.Ф.*, 1990). О конкретных проявлениях изменчивости ландшафтов Донской лесостепи в раннем железном веке речь пойдет далее в соответствующих главах работы. Здесь лишь отме-

чу, что без учета этого фактора невозможно понять и объяснить ряд фактов, зафиксированных археологами, в частности периодическое появление в лесостепи хозяйственно-культурных комплексов, связанных своими истоками с более южными степными или северными лесными культурами.

Главной задачей работы является систематизация и упорядочение того огромного фактического материала по археологии раннего железного века лесостепного Подонья, который накоплен к концу XX в. При этом автор стремился не терять из виду конечной цели исследования – этнокультурной истории населения этого региона в I тыс. до н.э. Естественно, в силу различных причин воссоздать ее полностью, во всем многообразии, сейчас еще не представляется возможным. Но стоит попытаться выявить хотя бы основные вехи исторического процесса в этом регионе в раннем железном веке.

Настоящее исследование является итогом двадцатилетней работы Скифо-Сарматского отряда археологической экспедиции Воронежского университета. Его выполнение было бы невозможно без активного участия в археологических раскопках моих коллег по кафедре археологии и истории древнего мира и особенно студентов, специализировавшихся в области скифо-сарматской археологии: Ю.Д. Разуваева, Я.П. Мулкиджаняна, К.Ю. Ефимова, И.Е. Бирюкова, В.Н. Ковалевского, Д.В. Акимова, Е.Е. Беловой, Л.Ю. Гончаровой и многих других. Автор выражает им искреннюю признательность за бескорыстный вклад в археологию раннего железного века Подонья.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ

В этой главе рассматривается история основных открытий и исследований в области археологии раннего железного века лесостепного Подонья. Я попытаюсь проследить ведущие направления научного поиска, в фокусе которого всегда сложнейшим образом переплетаются и взаимодействуют самые разные факторы: социальная потребность в познании прошлого и возможности общества ее реализации, к тому же требующей в археологии немалых материальных затрат; основные научные парадигмы и существующие методики исследования, личный интерес археолога, уровень его профессиональной подготовки и широта кругозора, новые археологические материалы и их авторские интерпретации, открывающиеся перспективы и дальнейшие задачи исследовательского поиска, а также многое другое. Автор стремился избежать строго регистрационного подхода в изложении истории археологических исследований, чаще всего сводящегося к перечислению того, кто, где, когда и что раскопал или опубликовал. Мне все-таки хотелось увидеть за этими событиями прежде всего те процессы, которые в конечном итоге вывели науку на настоящий уровень исследования археологических памятников раннего железного века Среднего и Верхнего Дона и связанной с ними этнокультурной тематики.

История археологического изучения памятников раннего железного века в лесостепном Подонье насчитывает более столетия, хотя некоторые из них были известны русским людям гораздо раньше – с XVI–XVII вв. Проводившие обследование Поля русские воеводы и казаки довольно часто обращали внимание на древние городища как на наиболее удобные места организации сторож, строительства стоялых острогов, а позже и городов-крепостей¹. Первым русским поселенцам они

служили надежными географическими ориентирами, особенно при отводе новых земель. Краткие сведения о некоторых городищах Центрального Черноземья содержались в донесениях воевод московскому правительству (*Загоровский В.П.*, 1969. С. 196, 208).

Начало целенаправленного сбора материалов и сведений о памятниках раннего железного века Среднего и Верхнего Подонья относится лишь к последней трети XIX в. Оно связано с активной деятельностью Центрального статистического комитета Русского Археологического общества, которому удалось в 1873 г. только для Воронежской губернии получить данные о 1491 кургане и 31 городище (*Сведения*, 1896. С. 286–306). Среди последних значились такие, ныне хорошо известные городища, как у с. Волошино, Сторожевое, Архангельское (Гольшевское), Стрелецкое, Верхняя Покровка и др. С этого же времени помещики все чаще начинают проводить любительские раскопки курганов и собирать коллекции древних вещей. Правда, сохранились из них очень немногие. Это сарматский меч из окрестностей Острогужска и скифский акинак из Задонского уезда, впоследствии переданные в Московский исторический музей, а также скифский акинак из Елецкого уезда, бронзовый псалий из слободы Толучесвки, бронзовые удила из с. Ездоцкое, бронзовые наконечники стрел, собранные у сл. Подколодновки, поступившие в только что созданный тогда Воронежский краеведческий музей (*Сизов В.И.*, 1888. С. 127; *Шоков А.Ф.*, 1954. С. 160; *Либеров П.Д.*, 1965. С. 5).

В 1899 г. воронежский краевед С.Е. Зверев доисследовал впускное погребение с бронзовым котлом скифского типа в кургане у с. Мазурки в Прихоперьс (*Шоков А.Ф.*, 1954. С. 138–142). По существу это открытие положило начало полевой археологии раннего железного века на территории Среднего Подонья. В следующем 1900 г. в Воронеже была создана Воронежская ученая архивная комиссия (ВУАК), с деятельностью которой связаны все дальнейшие дореволюционные раскопки. Уже в 1900–1901 гг. член ВУАК В.Н. Тевяшов раскопал курганы у сл. Владимировки, где открыл два впускных погребения скифского времени (*Тевяшов В.Н.*, 1902. С. 93–112). Однако профессиональные археологи по-настоящему заинтересовались воронеж-

¹ Так при раскопках Архангельского городища А.Н. Москаленко открыла большую квадратную в плане постройку из вертикально вкопанных дубовых столбов, поначалу принятую за остатки древнего жилища (*Москаленко А.Н.*, 1956. С. 90). Как выяснилось позже, это были следы русского стоялого острога, по сохранившимся документам возведенного в 1653 г. С сожалением констатирую, что ссылки на эту постройку как на жилище скифского времени переходят из одной работы в другую (*Алихова А.Е.*, 1962. С. 96; *Пузикова А.И.*, 1969. С. 46; *Граков Б.Н.*, 1971. С. 176; *Степи*, 1989. С. 79), хотя А.Н. Москаленко давно исправила эту досадную ошибку (*Москаленко А.Н.*, 1966. С. 209).

скими памятниками лишь после блестящих результатов раскопок Мاستюгинских и Частых Курганов, так как до их открытия наличие скифской культуры в Воронежской губернии даже не предполагалось (Спицын А.А., 1896. С. 132).

Весьма показательно для рассматриваемой эпохи то обстоятельство, что работы А.А. Спицына в 1905–1906 гг., а затем Н.Е. Макаренко в 1908 г. в Мاستюгине по существу были вызваны любительскими раскопками местных крестьян, которые заинтересовались соседними курганами после увиденного ими массового ограбления казаками курганов на “линии” – в Кубанской области и Ставропольской губернии (Макаренко Н.Е., 1911. С. 48). Но в отличие от Мастюгина уже раскопки Частых Курганов под Воронежем в 1910–1915 гг. проводились по инициативе членов ВУАК (С.Е. Зверева, А.И. Мартыновича и др.) и преследовали чисто научный интерес. На их довольно высокий для того времени методический уровень специально обратил внимание М.И. Ростовцев (Ростовцев М.И., 1925. С. 534). ВУАК удалось исследовать здесь 13 курганов. Многие из них, несмотря на сильное разграбление, дали первоклассные комплексы, очень близкие хорошо уже известным в то время скифским курганам.

Менее известно, что в 1911 г. А.И. Мартынович предпринимал раскопки еще одного курганно-могилиника скифского времени у слободы Чижовки, расположенной ныне в центральной части г. Воронежа. Все сведения об этих раскопках ограничиваются краткой газетной заметкой (Воронежский телеграф. 1911. № 76). Курганы находились на правом берегу р. Воронеж и, видимо, были связаны с известным Чижовским городищем. К началу раскопок здесь насчитывалось не менее 30 насыпей. А.И. Мартыновичем были раскопаны два кургана. Один из них содержал “погребение человека с конем”, совершенное в столбовой гробнице, сопровождаемое изделиями в зверином стиле и украшениями. К сожалению, до публикации этих материалов дело так и не дошло. Дальнейшая судьба найденных вещей неизвестна.

Всего на Среднем Дону в дореволюционный период было раскопано не менее 25 курганов скифского времени. Но в научный оборот тогда вошли немногие. Такие из них, как курган 3 группы Частых, сразу же приобрел всемирную известность, причем не только в результате обнаруженных в нем уникальных вещей, но не в последнюю очередь благодаря изучению их выдающимися отечественными учеными, в частности М.И. Ростовцевым (Ростовцев М.И., 1914. С. 79–93). Через несколько лет он выделил Частые и Мастюгинские курганы из общей массы скифских древностей на юге России в отдельную Воронежскую группу (Ростовцев М.И., 1925. С. 534–536). Этот исследова-

тель первым обратил внимание на высокий уровень социального развития местного общества в скифскую эпоху.

Практически одновременно с М.И. Ростовцевым другой выдающийся отечественный археолог А.А. Спицын включил воронежские памятники в свою сводку курганов “скифов-пахарей” (Спицын А.А., 1918. С. 132–133). Укажу, что именно с его легкой руки в научный оборот вошло понятие “воронежские скифы”. С именем этого неутомимого исследователя связано и первое обследование некоторых среднедонских городищ скифского времени (Архангельского и др.).

Подводя итог дореволюционным исследованиям интересующей нас темы, отмечу, что тогда фактически были выделены только памятники скифского времени, да и то не все, а лишь курганы. На городища ученые почти не обращали внимание, хотя задача их изучения была некоторым из них вполне осознана (Ростовцев М.И., 1925. С. 80). В поле зрения археологов эпизодически попадали городища, погребения и отдельные случайные находки вещей других культур раннего железного века, например сарматской (ОАК, 1908. С. 94). Но, как правило, их датировали нсверно. Они еще долго не привлекали внимания специалистов.

Другая характерная черта этого (да по существу и последующего) периода в истории изучения древнейшего прошлого лесостепного Подонья состояла в том, что археологические и исторические изыскания здесь проводились параллельно и независимо друг от друга. К началу XX в. была собрана и в значительной мере уже проанализирована античная традиция о населении этого и соседних регионов в древности (Латышев В.В., 1893–1904; Браун Ф.А., 1899. С. 81–87). Более того одному из древних народов – будинам Геродота, локализуемым большинством исследователей на территории Среднего Дона, были посвящены специальные статьи такого выдающегося знатока античных источников, как Ф.Г. Мищенко (Мищенко Ф.Г., 1898; Мищенко Ф.Г., 1900). В 1913 увидела свет книга проф. В.Н. Семеновича “Гелоны и мордва”, содержащая достаточно профессиональный анализ данных Геродота и других античных авторов о будинах и гелонах. Но весьма показательно, что мы не найдем в ней даже попытки привлечь для разработки гелонно-будинской проблемы памятники археологии. Впрочем, точно такая же картина наблюдалась тогда в подходах исследователей и к изучению других регионов.

Второй период исследования памятников раннего железного века лесостепного Подонья охватывает время с 20-х до конца 40-х годов. После блестящих по результатам раскопок Мастюгинских и Частых Курганов здесь наступает своего рода депрессия, вызванная рядом социальных и поли-

тических причин, весьма далеких от науки. Большие археологические работы на памятниках раннего железного века в это время не проводились, если не считать раскопок еще пяти курганов в группе Частых, проведенных В.А. Городцовым в 1927 г. (*Городцов В.А.*, 1947). Обычно они ограничивались изучением отдельных курганов, доисследованием разрушенных погребений, а чаще всего сборами подъемного материала. Не изучались специально и поселения, хотя при раскопках некоторых более ранних стоянок (Костенки IV, Александровская) и более поздних городищ (Большое Боршевское, Кузнецовское, Михайловский Кордон) в руки археологов иногда попадала керамика и другие находки раннего железного века. Из разведок следует особо отметить плодотворные результаты работ Н.В. Валукинского, выявившего в пойме р. Воронеж более 20 поселений раннего железного века (*Валукинский Н.В.*, 1948).

Тем не менее в 20–30-е годы на Среднем Дону, помимо памятников скифского времени, стали известны погребения сарматской эпохи. В 1925 г. по поручению только что созданного в Воронеже Краеведческого общества С.Н. Замятнин исследовал курган у г. Россошь, содержащий впускное сарматское погребение (*Замятнин С.Н.*, 1925). В конце 30-х годов у хутора Титчиха были найдены золотые и серебряные украшения, известные как Давыдовский клад. Опубликовавший его А.П. Смирнов правильно установил сарматскую принадлежность входивших в его состав вещей (*Смирнов А.П.*, 1940). После этой публикации в науке встал вопрос о сарматах на Среднем Дону (*Смирнов К.Ф.*, 1954. С. 213).

Помимо сарматских, в конце 20-х годов С.Н. Замятнин открыл одно предскифское погребение у с. Засосенки на Верхнем Дону (*Шоков А.Ф.*, 1960. С. 160). При работе над кандидатской диссертацией, посвященной эпохе бронзы Среднего Подонья, Г.В. Подгаецкий выделил на некоторых более ранних стоянках керамику, имеющую много общего с материалами дяковских и других лесных городищ (*Подгаецкий Г.В.*, 1946. С. 137). По существу, он вплотную подошел к открытию городищ культуры на Дону, хотя этот шаг ему помешала сделать война.

Во время Великой Отечественной войны на фронте, в блокаде или эвакуации погибли (или по разным причинам не вернулись в Воронеж не только многие археологи – Г.В. Подгаецкий, Н.В. Валукинский и др.), но было утрачено большинство археологических коллекций, в том числе почти все материалы по раннему железному веку, хранившиеся в Воронежском краеведческом музее. Так же как и после Октябрьской революции, теперь уже во второй раз прервались зарождавшиеся традиции в исследовании древностей лесостепного

Подонья, так не просто формировавшиеся в 20–30-е годы.

Тем не менее сразу же после окончания Великой Отечественной войны в изучении археологических памятников раннего железного века нашего региона произошло весьма важное событие: в 1946–1947 гг. выходят в свет две работы по Частым Курганам (*Замятнин С.Н.*, 1946; *Городцов В.А.*, 1947). Причем, оба автора не ограничились лишь публикацией старых материалов. С.Н. Замятнин приведен многочисленные аналогии найденным вещам, что позволило более точно датировать этот памятник по сравнению с дореволюционными исследователями. С этого времени материалы Воронежских курганов прочно входят в фонд отечественной скифологии.

На основе архивных разысканий по старым раскопкам в конце 40-х годов была подготовлена и защищена в Ленинграде кандидатская диссертация А.Ф. Шокова по скифскому периоду на Среднем Дону. Вскоре в Воронеже вышла в свет его популярная книжка (*Шоков А.Ф.*, 1952). Но ни в диссертации, ни в книге читатель не найдет анализа археологических или тем более письменных источников, свидетельствующих о пребывании в этом регионе именно скифов, а не какого-либо другого древнего народа. Несколько позже А.Ф. Шоков опубликовал две небольшие статьи, которые можно расценить как самую первую попытку осмысления известных к тому времени сарматских материалов Среднего Подонья. Одна из них содержит описание четырех памятников, по его мнению, оставленных сарматами (*Шоков А.Ф.*, 1958). Однако следует заметить, что отнесение к их числу по крайней мере двух неправомерно, так как наконец-то типичного среднедонского дротика из д. Кулаковки датируется V–IV вв. до н. э., а время впускного захоронения с конем в кургане у с. Мазурки определить невозможно, так как оно оказалось безынвентарным. В другой статье А.Ф. Шоков наряду с введением в научный оборот некоторых непубликованных вещей из Давыдовскогоклада, попытался определить северную границу территории, занятой сарматами в Подонье путем картографирования отдельных случайных находок (*Шоков А.Ф.*, 1960). На приложенной к статье карте он проводил ее по южным районам Воронежской области.

С рубежа 40–50-х годов среднедонские городища начинают изучать только что созданная археологическая экспедиция Воронежского университета под руководством А.Н. Москаленко. Широкой площадью раскапывается Архангельское городище (*Москаленко А.Н.*, 1956). Раскопки этого памятника впервые дали в руки археологов поселенческий материал, столь необходимый для изучения культуры рядовых обитателей городищ.

А.Н. Москаленко правильно датировала нижний слой этого городища скифским временем и отметила его близость культурам междуречья Днепра и Дона. Позже интересы исследовательницы сосредоточились на изучении древнеславянских памятников, но время от времени небольшие по объему работы проводились ею на поселениях и городищах более раннего времени (Волошино I, Титчиха и др.).

В 1952 г. в Институте истории материальной культуры состоялась научная конференция, посвященная вопросам скифо-сарматской археологии. В основном докладе Б.Н. Гракова и А.И. Мелюковой была изложена новая концепция понимания скифской культуры и этногеографии Скифии. Они предложили выделять на юге Восточной Европы не одну скифскую, а две археологические культуры: собственно скифскую степную, оставленную ираноязычными кочевниками-скифами, и лесостепную (скифообразную), принадлежащую соседям скифов, испытывавшим в той или иной мере культурное воздействие последних. Крайней восточной группой лесостепной скифообразной культуры являлась Воронежская группа памятников по среднему течению Дона (Граков Б.Н., Мелюкова А.И., 1954. С. 82). Новая концепция ориентировала ученых на более конкретный историко-археологический подход в исследовании локальных вариантов памятников скифского времени. В полной мере он стал реализовываться лишь археологами следующего поколения.

Третий этап в изучении археологических памятников раннего железного века по времени практически совпадает с годами плодотворной работы на территории лесостепного Подонья двух академических экспедиций: Лесостепной Скифской экспедиции ИА АН СССР под руководством П.Д. Либера, а затем А.И. Пузиковой на Среднем Дону и Верхнедонской экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством В.П. Левенка, а потом Р.Ф. Ворониной на Верхнем Дону. Благодаря многолетней работе сотрудников этих экспедиций были заложены основы современной источниковой базы для изучения истории лесостепного Подонья в скифское время.

С 1954 г. П.Д. Либеров, ранее изучавший памятники скифского периода Поднепровья, возглавил отряд Лесостепной экспедиции с целью доисследования могильника Частые Курганы. Но уже в процессе проведения этих охранных работ происходит постепенная переориентация его исследовательских интересов на памятники скифского времени Среднего Подонья. Их всестороннее изучение становится основной целью его дальнейшей научной деятельности. Со временем из небольшого отряда вырастает Лесостепная Скифская экспедиция, которая с конца 50-х годов проводит плано-

мерные разведки и раскопки на территории Среднего Подонья. После завершения работ на могильнике Частые Курганы Лесостепная экспедиция приступает к раскопкам Мазюгинских Курганов, исследованных полностью к началу 60-х годов. В эти же годы отряд экспедиции под руководством А.И. Пузиковой раскапывает могильники у с. Русская Тростянка и Дуровка, содержащие яркие погребальные комплексы скифского времени (Пузикова А.И., 1962; Пузикова А.И., 1964; Пузикова А.И., 1966; Пузикова А.И., 1969а).

Одновременно с изучением курганных могильников Лесостепной Скифской экспедицией проводятся систематические раскопки на поселениях (Подгорное 3) и городищах скифского времени (Волошинских, Большом Сторожевом, Кировском, Русской Тростянке, Стрелецком, Круглом и др.). Особо следует отметить масштабные работы на Волошинском I городище, где к началу 70-х годов была вскрыта площадь более 4000 м². Итогом этих исследований стало издание Свода памятников скифского времени на Среднем Дону (Либеров П.Д., 1965) и сборника работ по среднедонской проблематике (Население, 1969).

Новые материалы позволили П.Д. Либерову разработать целостную концепцию истории населения Среднего Подонья в скифское время (Либеров П.Д., 1965; Либеров П.Д., 1969, Либеров П.Д., 1971а).

Ученый приложил много усилий для доказательства существования на Среднем Дону особой среднедонской культуры скифского времени. Ее истоки он искал в местных памятниках эпохи поздней бронзы, в частности срубной и абашевской культур. Им была разработана хронология памятников скифского времени Среднего Дона, в целом не утратившая своего значения и сейчас, за исключением лишь датировок начального и заключительного этапов. П.Д. Либеров обратил внимание на разительные бытовые различия между памятниками скифского времени Левобережья и Правобережья Среднего Дона и дал им оригинальное объяснение. Он первым из исследователей попытался сопоставить данные археологических и письменных источников о населении Среднего Дона в античную эпоху (Либеров П.Д., 1969. С. 5–26). В результате П.Д. Либеров пришел к вполне обоснованному заключению о локализации на Среднем Дону не скифов, как считали ранее, а геродотовых гелонов и будинов. В законченном виде эта концепция была изложена в его докторской диссертации (Либеров П.Д., 1971). В свою очередь в одновременно защищенной кандидатской диссертации А.И. Пузикова подробно осветила важнейшие результаты исследований городищ и курганных могильников скифского вре-

мени Правобережья Среднего Дона (*Пузикова А.И.*, 1971).

Параллельно с раскопками П.Д. Либерова на Среднем Дону с конца 50-х годов активно разворачивает свою полевую деятельность Верхнедонская экспедиция под руководством В.П. Левенка. Основное внимание он уделял археологическому обследованию Верхнего Подонья, практически до этого не известного археологам. Им были проведены небольшие раскопки на скифоидном городище у с. Конь-Колодезь. Но главным результатом работ Верхнедонской экспедиции было открытие целого массива поселений городецкой культуры, до этого времени исследователям здесь совсем неизвестных. На некоторых из них (Воргол, Малый Липяг, Персхваль) были заложены небольшие раскопы. На основе изучения полученных материалов В.П. Левенок совместно с В.Г. Мироновым в середине 70-х годов опубликовали статью, по существу положившую начало археологии раннего железного века Верхнего Подонья (*Левенок В.П., Миронов В.Г.*, 1976). Они выделили новый донской вариант городецкой культуры, включавший тогда свыше 70 поселений. Кроме городецких поселений Верхнедонская экспедиция открыла еще один тип памятников раннего железного века. В начале 60-х годов В.П. Левенок проводит раскопки Ново-Никольского курганного могильника, позднее продолженные Р.Ф. Ворониной (*Левенок В.П.*, 1973; *Воронина Р.Ф.*, 1982). В результате этих работ появились первые материалы по истории верхнедонских племен в сарматское время. Однако их первые этнокультурные оценки сейчас нуждаются в существенной корректировке.

С начала 70-х годов Лесостепная Скифская и Верхнедонская экспедиции постепенно сворачивают свои работы на территории лесостепного Подонья. Отходят от активной полевой работы П.Д. Либеров и В.П. Левенок, научные интересы А.И. Пузиковой смещаются в Курское Посеймье. За время многолетних работ этих экспедиций ни в Воронеже, ни в Липецке не были подготовлены кадры местных археологов, способных профессионально продолжить их исследования. Поэтому в 70-е годы в археологическом изучении памятников раннего железного века лесостепного Подонья наблюдается определенный спад, продолжавшийся на Среднем Дону до конца 70-х, а на Среднем Дону фактически до середины 80-х годов.

Четвертый, современный этап в исследовании археологических памятников раннего железного века и связанной с ними проблематики начался в конце 70-х годов и продолжается в настоящее время. В 1977 г. в составе археологической экспедиции ВГУ под моим руководством приступил к работе Скифо-Сарматский отряд. Первоначально его основная деятельность была сосредото-

чена в области сарматской археологии, памятники которой на изучаемой территории тогда оставались практически неизвестны. Следует отметить, что инициатором их изучения был К.Ф. Смирнов, прочитавший в 1978 г. спецкурс по сарматской археологии на кафедре истории древнего мира и археологии Воронежского университета. Поэтому далеко не случайно в качестве основного объекта исследования в том же 1978 г. мною был избран только что открытый I Чертовицкий могильник на р. Воронеж. Его раскопки продолжались в 1979–1980 гг. и дали серию сарматских погребений I – начала II в. н.э. Одновременно Скифо-Сарматский отряд провел раскопки II Чертовицкого и Писаревского могильников того же времени. В 1980 г. силами отряда доисследован Ново-Никольский могильник на Среднем Дону, где вскрыто еще 25 курганов. В 1980–1983 гг. производились раскопки Вязовского могильника на р. Красивая Меча, где изучено 50 курганов II–III вв.

В результате этих работ только за первое пятилетие своей деятельности Скифо-Сарматский отряд исследовал более 130 сарматских погребений – во много раз больше, чем за всю предшествующую историю воронежской археологии. Впервые был получен массовый и разнообразный материал по культуре населения лесостепного Подонья сарматского времени. Итогом его изучения явилась серия статей и монография (*Медведев А.П.*, 1990). В ней выделены основные этапы проникновения сарматов в лесостепное Подонье и характер их контактов с местным лесостепным населением, в результате которых здесь формировалось новое этнокультурное образование, наиболее ярко представленное в материалах верхнедонских могильников II–III вв.

Одновременно с исследованиями могильников производился поиск поселений сарматского времени, ранее здесь совсем неизвестных. С этой целью проводились разведки по рекам Воронеж и Красивая Меча, в ходе которых был открыт ряд памятников скифо-сарматского времени, в том числе большие сильно укрепленные городища. Их начали планомерно изучать с рубежа 80–90-х годов. С 1989 г. Скифо-Сарматский отряд приступил к раскопкам самого крупного поселения сарматского времени лесостепного Подонья – III Чертовицкого городища. За шесть полевых сезонов на памятнике исследовано более 2000 м² его площади, а также внешняя и внутренняя линии укреплений. Раскопки дали массовые материалы по культуре местного оседлого населения первых веков н.э. Впервые были получены достаточно надежные свидетельства пребывания сарматов на городище. Оно особо ценно тем, что составляет единый комплекс памятников с ранее исследованным I Чертовицким могиль-

ником. Поэтому сопоставление их материалов позволяет уже сейчас в какой-то мере прояснить весьма сложную этнокультурную ситуацию, сложившуюся в центральной полосе Донской лесостепи в сарматское время.

В 90-е годы, помимо III Чертовицкого, исследовались и другие верхнедонские городища первых веков н.э.: Подгоренское (Медведев А.П., 1996) и Сырское (Бирюков И.Е. Отчеты 1991–1995) на р. Воронеж, Паженьское городище на р. Быстрая Сосна (Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д., 1991). Особо следует выделить небольшие по площади раскопки на Ишутинском городище (Разуваев Ю.Д., 1994). Они дали яркий поселенческий материал одной из групп сарматизированного верхнедонского населения, вероятно, оставившего Вязовский курганный могильник II–III вв.

Параллельно с изучением поселений сарматского времени Скифо-Сарматский отряд все активнее включается в исследование памятников скифской эпохи. Если на рубеже 70–80-х годов его работы ограничивались небольшими по площади раскопками на городище Чертовицкое II (Медведев А.П., 1988) и на соседнем селище, где впервые в Подонье исследован объект, близкий зольнику, то во второй половине 80-х годов основные усилия были сосредоточены на Пекшевском городище. На памятнике вскрыто не менее половины его площади, полностью исследована жилая северная часть, изучены внешняя и внутренняя линии укреплений, открыта наиболее представительная для изучаемого региона серия жилых сооружений (около 30 построек), получен богатый керамический и вещевой комплекс.

Но главная научная ценность этого памятника заключалась все же не в количественных, а прежде всего в его качественных характеристиках. В отличие от всех ранее раскопанных скифоидных поселений Пекшевское городище выделялось наличием мощного культурного слоя, формировавшегося с VIII–VII вв. до н.э. по первые века н.э. Здесь впервые была получена надежная стратиграфическая колонка, отражавшая процесс почти непрерывного развития культуры местных племен на протяжении целого тысячелетия. Изучение керамического комплекса этого памятника позволило создать надежную фактологическую базу для решения вопроса об истоках среднедонской культуры скифского времени.

Помимо Пекшевского, широкомасштабные работы проводились в 80-е годы и на других городищах лесостепного Подонья. На Животинном городище А.З. Винниковым в 1982–1986 гг. исследовано свыше 2500 м² его площади. При участии автора изучена внутренняя линия укреплений, древнейшие сооружения которой были возведены еще в раннескифское время. На городище Мостище

экспедицией Воронежского пединститута изучено около 3000 м² площади (Синюк А.Т., Березуцкий В.Д. Отчеты 1984–1992). В ходе раскопок выявлена серия жилых наземных построек, множество зерновых ям, а также несколько грунтовых захоронений.

Особо следует выделить интересные результаты многолетних раскопок Семилукского городища экспедицией Воронежского университета (Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д., 1995). На памятнике исследовано около трети его площади (3600 м²). Раскопки дали многочисленную серию лепных сосудов и других находок. На территории городища в заброшенных жилых и хозяйственных сооружениях открыты массовые захоронения последних его обитателей. Материалы этого памятника проливают новый свет на причину гибели среднедонской культуры.

Кроме поселений и городищ, в 80-е годы на территории лесостепного Подонья изучались погребальные памятники раннего железного века. Именно в это время здесь были открыты и правильно атрибутированы первые бесспорные погребения позднейшего предскифского периода. Еще в 60-е годы К.Ф. Смирнов и П.Д. Либеров датировали этим временем несколько впускных захоронений в Частых и Мастюгинских Курганах (Смирнов К.Ф., 1964. С. 27; Либеров П.Д., 1965. С. 24). Но достаточно надежных оснований для столь ранней датировки тогда еще не было. Лишь после открытия в 1984 г. Ю.П. Матвеевым погребений в курганах у с. Чурилово не осталось сомнений в их принадлежности к кругу памятников черногоровско-новочеркасского типа. Их первая, далеко не полная сводка была опубликована автором в 1985 г. (Медведев А.П., 1985). Чуть позже практически ту же выборку погребений повторил в своей статье Ю.Г. Екимов (Екимов Ю.Г., 1986). В последние годы А.Т. Синюком, Ю.П. Матвеевым, Т.А. Аринчиной открыты новые погребальные комплексы предскифского времени. Их изучение позволяет заполнить если не полностью, то хотя бы частично многовековой hiatus между самыми поздними памятниками эпохи бронзы и ранними памятниками железного века в Донской лесостепи.

В 80–90-е годы на территории лесостепного Подонья возобновились раскопки курганных могильников скифского времени. В 1981 г. Ю.П. Матвеев при участии автора полностью доисследовал Частые Курганы, открыв еще несколько погребений V–IV вв. до н.э. В 1983–1986 гг. экспедицией Воронежского пединститута раскапывается могильник у с. Ближнее Стояново, где выявлено девять погребений скифского времени (Березуцкий В.Д., 1996). В 1985–1987 гг. А.И. Пузикова доисследовала курганы у с. Дуровка (Пузикова А.И., 1987; Пузикова А.И., 1988). Среди них особый ин-

терес представляет комплекс кургана 14, в котором найден второй на изучаемой территории серебряный кубок, а также курган 13, содержащий раннесарматское погребение в катакомбе. С 1993 г. Потуданская экспедиция ИА РАН под руководством В.И. Гуляева ведет исследование курганного могильника Терновое I, где раскопано несколько курганов, выделяющихся большими размерами погребальных сооружений (Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1995). С 1995 г. Скифо-Сарматский отряд экспедиции Воронежского университета приступил к охраняемым раскопкам Староживотинного могильника на водоразделе Дона и Воронежа, где изучено свыше десятка курганов скифского времени. Это самый северный курганный могильник скифского времени на Дону.

С конца 80-х годов предпринимаются попытки поиска новых подходов к исследованию среднедонских курганных могильников. Широкомасштабное изучение окружающих их городищ и поселений с каждым годом все нагляднее убеждало в том, что эти некрополи принадлежали не всему скифоидному населению, а лишь его военно-аристократической верхушке. Автор попытался уточнить их место в структуре памятников скифского времени (Медведев А.П., 1992а). В.Д. Березуцкий посвятил среднедонским курганным могильникам специальное исследование (Березуцкий В.Д., 1995). Работа в этом направлении перспективна, но она требует создания собственной методики изучения, в частности уточнения археологических критериев для социального анализа именно лесостепных скифоидных могильников, так как последние оказались во многом иными, нежели собственно скифские степные курганы.

Со второй половины 80-х годов позитивные сдвиги намечаются в исследовании городецкой проблематики. Если раньше на верхнедонских памятниках проводились только очень небольшие, по существу пробные раскопки, то в последнее время некоторые из городецких поселений исследовались широкими площадями, что сразу же дало принципиально новые результаты. Из серии городецких памятников, подвергавшихся раскопкам, особо выделяю два: уже упомянутое Пекшевское городище и стоянку Студеновка 3.

В нижнем слое Пекшевского городища Скифо-Сарматским отрядом выявлены остатки поселения с текстильной керамикой и весьма архаичным костяным инвентарем. Судя по стратиграфическому положению этого слоя, повсеместно перекрытого прослойкой древнейшего пожара, да и другим находкам к началу VI в. до н.э. раннегородецкое поселение было полностью уничтожено скифоидными лесостепными племенами, приступившими к освоению Верхнего Подонья (Медведев А.П., 1993). Другой городецкий памятник –

стоянка Студеновка 3 в среднем течении р. Воронеж была практически полностью раскопана экспедицией Липецкого пединститута (Бессуднов А.Н. Отчеты 1988–1989). В отличие от нижнего слоя Пекшевского городища на этом памятнике уже встречалась почти исключительно классическая “рогожная” посуда, причем вместе с характерной гладкостенной скифоидной керамикой VI–V вв. до н.э. Впервые на городецком поселении была открыта весьма выразительная серия жилых построек.

Изучение материалов новых памятников позволило поставить вопрос о проникновении в Подонье нескольких волн лесных городецких племен и связать их с природно-климатическими изменениями в начале железного века (Медведев А.П., 1993. С. 75–76). Эти же источники свидетельствовали о продвижении в глубинные районы Верхнего Подонья отдельных групп скифоидного населения. В результате появилась реальная возможность оценить на конкретном археологическом материале далеко неоднозначные последствия контактов различных по происхождению и хозяйственно-культурным типам групп верхнедонского населения в VII–V вв. до н.э.

Этнокультурные процессы на Верхнем Дону в последние годы изучаются Ю.Д. Разуваевым, выполнившим большую работу по сбору и обработке материалов поселений I тыс. до н.э. Им предпринята попытка систематизировать данные по всем городецким памятникам верхнедонского региона (Разуваев Ю.Д., 1990. С. 74; Разуваев Ю.Д., 1993. С. 63–65). Правда, автор уклонился от широких сопоставлений верхнедонских материалов с классическими памятниками городецкой культуры соседних регионов. Мне представляется, что без этого нельзя объективно выявить специфику ее донского варианта.

Современное состояние изучения проблематики раннего железного века невозможно представить без весьма плодотворных результатов археологических разведок 80-х – начала 90-х годов. Это время ознаменовалось невиданным подъемом полевых разведочных работ практически во всех областях изучаемого региона. Они осуществлялись силами не менее чем двадцати экспедиций и отдельных отрядов с целью подготовки материалов для издания Свода памятников истории и культуры России. За полтора десятилетия проведено археологическое обследование большей части Воронежской области, а также южных районов Липецкой области. Только здесь выявлено более двух тысяч памятников (Старцева Т.С., 1994; Гурин Ю.Г., 1995). О стелени плотности археологических изысканий в отдельных лесостепных районах свидетельствует число открытых памятников, например, в Острогожском районе Воронежской области.

ти – 182, в Хлебенском районе Липецкой области – 235, в Усманском районе той же области – 354, причем не менее трети среди них составляют памятники раннего железного века.

Для исследователей проблематики раннего железного века несомненный интерес представляют результаты планомерного обследования Скифо-Сарматским отрядом в 1987–1993 гг. шести районов Среднедонского Правобережья. В ходе работ обнаружены новые городища и могильники скифского времени. Но все же главным результатом разведок на Среднем Дону было открытие многочисленных неукрепленных поселений V–IV вв. до н.э. (свыше 120). При их изучении на местности постепенно стали выявляться определенные закономерности в расположении поселений относительно стационарных городищ и курганных могильников. Это позволило выделить в Правобережье Дона не менее десяти микрорайонов памятников среднедонской культуры с достаточно устойчивой внутренней структурой и тем самым вплотную подойти к разработке вопроса о системе расселения среднедонского населения в скифское время (Медведев А.П., 1990а; Медведев А.П., 1992). В то же время сплошное обследование Среднего Подонья показало, что здесь практически не встречаются поселения сарматского времени, хотя сарматские курганы хорошо известны.

В 80-е годы археологические разведки проводились не только на Среднем, но и на Верхнем Дону (Клоков А.Ю. Отчеты 1982–1983, 1985; Разуваев Ю.Д. Отчеты 1982–1983). Но особенно интенсивно обследование этого региона началось в конце 80-х годов, когда здесь развернула активную деятельность только что созданная археологическая экспедиция Липецкого пединститута под руководством А.Н. Бессуднова. Ее сотрудниками осуществлено сплошное обследование нескольких южных районов этой области. Одновременно отрядами экспедиции Воронежского университета исследуется среднее течение р. Воронеж (Кудрявцева Е.Ю. Отчет 1988; Винников А.З. Отчет 1989). С 1989 г. эта экспедиция осуществляет систематические разведки и раскопки в окрестностях Ельца. Здесь выявлен еще один микрорайон памятников городищ культуры (Разуваев Ю.Д., 1991).

Во время разведочных работ на Верхнем Дону открыты сотни памятников раннего железного века. В результате к середине 90-х годов по степени изученности таких памятников, как поселения, этот район приблизился к давно исследуемому археологами Среднему Подонью. Но, пожалуй, наиболее интересным результатом сплошного обследования этого региона стало выявление представительной серии поселений первых веков н.э. Следует отметить, что оно было подготовлено предшествующими исследова-

ниями керамики сарматского времени, прежде всего сероглиняной, которая сейчас является их основным археологическим индикатором (Медведев А.П., 1987. С. 93–111). Поселений этого времени на Верхнем Дону сейчас открыто значительно больше, чем памятников других культур раннего железного века. Очевидно, что в отличие от запустевшего в последние века I тыс. до н.э. Среднего Подонья на Верхнем Дону в I–III вв. н.э. не только сохранялись, но и развивались традиции оседлой жизни.

В 90-е годы на ряде городищ и поселений Верхнего Подонья был выявлен новый тип памятников с материалами второй четверти I тыс. н.э. Впервые они обратили на себя внимание при исследовании III Чертовицкого городища. С 1989 г. в его культурном слое, помимо уже хорошо известной керамики сарматского времени, стали встречаться фрагменты лепной и круговой посуды, а также другие более поздние находки. Сейчас на этом памятнике открыты жилые комплексы III–V вв. В 1991 г. очень близкие материалы были обнаружены мною на Подгоренском городище (Медведев А.П., 1996). Практически одновременно к исследованию памятников этого времени на Верхнем Дону приступила археологическая экспедиция Липецкого пединститута под руководством А.Н. Бессуднова при активном участии в последние годы А.М. Обломского. Особо нужно выделить раскопки ими поселений Каширка 2 и Седелки, давшие материал киевской и черняховской культур (Обломский А.М., Бессуднов А.Н., 1995; Обломский А.М., 1997). Исследование поселений этого типа в Подонье только еще начинается. Во многом остаются неясными вопросы их происхождения и культурной принадлежности. Однако уже не вызывает сомнений их датировка второй четвертью – серединой I тыс. н.э. Хронологически они, видимо, завершают эпоху раннего железного века на Верхнем Дону.

Проведенный выше обзор исследований по проблематике раннего железного века на территории лесостепного Подонья наглядно свидетельствует, насколько она усложнилась и обогатилась за 10–15 лет после выхода в свет последних обобщающих трудов по археологии и древней истории изучаемого региона, причем повторно: это произошло не только в результате широкомасштабных раскопок, но, не в последнюю очередь, вследствие целенаправленного поиска новых видов памятников. Если первоначально представление о раннем железном веке на территории лесостепного Подонья ограничивалось лишь хорошо известными среднедонскими памятниками скифского времени, затем в 60–70-е годы к ним добавились городищские поселения

Верхнего Дона, то в настоящее время мы имеем все основания для выделения в этом регионе не менее десятка различных археологических культур, локальных вариантов и групп памятников (погребения позднейшего предскифского периода, раннегородецкие поселения с текстильной керамикой, классические городецкие памятники с "рогожной" керамикой, среднедонская культура скифского времени, ранне-, средне- и позднесарматские погребальные памятники, верхнедонские могильники II–III вв. н.э., синхронные им поселения, наконец памятники второй четверти I тыс. н.э.). Разумеется, степень изученности их далеко не одинакова, многие из них не опубликованы, а некоторые не известны даже специалистам. Но тем не менее в настоящее время они позволяют заполнить почти целиком весь более чем тысячелетний период раннего железного века лесостепного Подонья, хотя и сейчас здесь сохраняются отдельные лакуны, например VII и III вв. до н.э.

Если в полевой археологии раннего железного века лесостепного Подонья в последние десятилетия наблюдался несомненный прогресс, проявившийся прежде всего в качественном изменении ее источниковой базы, то этого никак нельзя сказать о теоретическом осмыслении новых материалов, что прямо отражается на современном состоянии изучения истории региона в I тыс. до н.э. Подавляющее большинство названных выше типов памятников еще не получило даже самой предварительной этнокультурной оценки. Пожалуй, единственное исключение составляют лишь

городища и курганы среднедонской культуры скифского времени, постоянно привлекавшие внимание скифологов. Но и в этой области в 70–80-е годы сложилась весьма парадоксальная ситуация.

После публикации основных итогов раскопок Лесостепной Скифской экспедиции они стали широко использоваться другими исследователями, особенно при разработке новых вариантов карт этногеографии Скифии (Рыбаков Б.А., 1979; Яйленко В.П., 1983; Смирнов К.Ф., 1984; Тереножкин А.И., Мозоловский Б.Н., 1988; Моруженко А.А., 1989). Некоторые из них содержали любопытные догадки и весьма перспективные методические предложения. Однако никто из названных выше исследователей к среднедонским археологическим материалам непосредственно не обращался и специально их не анализировал. Во всех новых построениях использовались лишь основные заключения археологических штудий П.Д. Либерова (об особой среднедонской культуре, ее территории, отличии памятников Лео- и Правобережья и т.п.). Но при этом ученые приходили к самым различным, подчас взаимоисключающим оценкам этнической принадлежности одних и тех же групп памятников. К настоящему времени по этому вопросу уже накопилась довольно богатая историографическая традиция. Видимо, настало время верифицировать весь спектр этнических оценок населения Среднего Дона в скифское время с привлечением максимально полного объема имеющихся источников и существующих наработок в области древней этногеографии.

ЛЕСОСТЕПНОЕ ПОДОНЬЕ НА РУБЕЖЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

На рубеже II–I тыс. до н.э. в Донской лесостепи, как, впрочем, и в других регионах степной и лесостепной полосы Евразии, происходят во многом еще неясные процессы, необратимо нарушившие сложившийся уклад жизни населения эпохи поздней бронзы. Наиболее зримо они проявились в сокращении, а затем и в практически полном исчезновении стационарных поселений, в резком уменьшении численности населения, в явном обеднении и даже деградации его материальной культуры, в распаде и трансформации сложившихся хозяйственно-культурных типов. Во многом сходные явления наблюдались в это время по всей северной периферии древних евразийских цивилизаций. Некоторые из них (Микенская, Хеттская, Иньская) переживают упадок и даже погибают в результате инвазий различных групп населения из областей ближней и дальней периферии (“народы моря”, дорийцы, индоарии и др.). Именно для этой эпохи исследователи предполагают перемещение больших масс населения из Великой Евразийской степи и прилегающих к ней районов на Юг, в зону древних цивилизаций (Грантовский Э.А., 1970; Артамонов М.И., 1974; Кузьмина Е.Е., 1994).

Конкретно-исторические проявления этих деструктивных процессов могли быть различными в разных регионах северной части Евразии. Однако практически повсеместный их характер и совпадение во времени заставляют задуматься о каких-то более универсальных причинах этого по существу всемирно-исторического явления в масштабах тогдашнего Древнего мира. По мнению большинства современных ученых, таковые следует искать прежде всего среди природно-климатических и производственно-технических причин.

НАСТУПЛЕНИЕ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ДОНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Переходная эпоха от бронзы к железному веку по времени совпала с окончанием суббореального периода и началом его смены субатлантическим. В настоящее время почти ни у кого не вызывает сомнений факт довольно резких изменений климата в сторону его ухудшения, достигших своего апогея как раз на рубеже II–I тыс. до н.э. (Хотин-

ский Н.А., 1982. С. 142–147; Лосев К.С., 1985. С. 98; Золотун В.П., Кухтеева К.М., 1984. С. 249; Борисенков Е.П., Пасецкий В.М., 1988. С. 42–49; Веклич М.Ф., 1990. С. 15, рис. 5). Эти изменения были обусловлены наступлением нового большого климатического цикла, который начался с общего похолодания климата при усилении его аридности.

Примерно к XII в. до н.э. на юге Восточной Европы заканчивается период довольно благоприятных природно-климатических условий, не в последней степени обеспечивших расцвет земледельческо-скотоводческих культур эпохи поздней бронзы, в частности известный демографический феномен срубной культуры (Культуры, 1986. С. 79). С конца II тыс. до н.э. происходит общее похолодание климата, продолжавшееся до середины I тыс. до н.э. По времени оно совпало с наступлением эпохи пониженной увлажненности (примерно XII–VIII вв. до н.э.).

По мнению исследователей, начало позднего голоцена на всем пространстве Русской равнины сопровождалось усилением засушливости (Динесман Л.Г., 1976. С. 126). Палеогеографы отмечают особую засушливость климата на территории современной Украины между 1004 и 996 гг. до н.э., что привело к сокращению уровня стока Днепра более чем в четыре раза (Швец Г.И., 1978. С. 24–29). Принимая во внимание высокую степень корреляции водных режимов Днепра и Дона, вполне возможно допустить для этого времени сходный гидротермический процесс и в бассейне последнего.

В результате наложения двух важнейших ландшафтообразующих факторов – понижения температуры воздуха и усиления засушливости – на юге Восточной Европы на рубеже II–I тыс. до н.э. формируются ландшафты так называемых “холодных степей” (Иевлев М.М., 1991. С. 312). На территории современной Украины граница лесостепи отодвигается к северу почти на ползоны. Восточнее эти изменения были еще более существенными. Так, например, в Арало-Каспийских степях в это время наблюдается смещение ландшафтов на 200 км к северу, т.е. практически на целую зону (Зданович Г.Б. и др., 1984. С. 42). Ухудшение привычных природно-климатических условий не могло не сказаться негативно на хозяйстве и жизни различных

племен. Судя по имеющимся данным, оно затронуло и территорию современного лесостепного Подонья. Даже на Верхнем Дону палеопочвоведы недавно обнаружили свидетельства резкого иссушения климата в самом начале I тыс. до н.э. (*Александровский А.Л., Гольева А.А., 1995. С. 34*). Скорее всего, здесь оно проявилось еще резче, чем на Украине, так как Подонье отличается от Поднепровья большей континентальностью климата и контрастностью ландшафтов, особенно Левобережье с его обширными остепненными пространствами (*Окско-Донское плоскогорье, 1976. С. 11–13*).

Палеогеографами установлено, что в переломные природно-климатические рубежи природная обстановка находилась в крайне неустойчивом состоянии (*Хотинский Н.А., 1982. С. 144*). Участвовавшие засухи в сочетании с сокращением из-за наступившего похолодания вегетативного периода больно ударили по земледельческому хозяйству лесостепного населения, привели к существенному уменьшению естественной кормовой базы для пастушеского скотоводства. В результате рано или поздно нарушился сложившийся в течение веков баланс между двумя основными отраслями комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства, внутри которого все более усиливалось скотоводческое направление (*Махортых С.В., 1993. С. 41*). В условиях прогрессирующего сокращения продуктивности окружающих поселения пастбищ придомное животноводство неизбежно приобретало более подвижные формы и в итоге завершилось переходом к кочевничеству.

Возможно, общему ухудшению экологической обстановки на рубеже эпохи бронзы и раннего железного века способствовали не только объективные природные обстоятельства, но и все более усиливавшийся антропогенный фактор – многовековая хищническая хозяйственная деятельность людей. Она приводила не только к деградации пастбищ, но и обрабатываемой земли, особенно в окрестности крупных поселений. Пример тому – зафиксированное палеопочвоведом остепнение территории, прилегающей к срубному поселению в Мосоловке. Исследователи связывают его происхождение с довольно интенсивной хозяйственной деятельностью металлургов-бронзолитейщиков (*Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988. С. 161*). Как известно, она требовала большого количества топлива, а значит, неизбежного сведения лесов на прилегающей к поселению территории. Негативную роль могло сыграть и экстенсивное скотоводство, в течение нескольких веков практиковавшееся древними обитателями Мосоловки, вызывавшее очаговую пастбищную дигрессию.

В результате взаимодействия перечисленных природных и антропогенных факторов весьма су-

щественно сужается естественная база для традиционного комплексного хозяйства лесостепных племен эпохи поздней бронзы, уменьшается оседлость, возрастает подвижность населения, наблюдается процесс депопуляции целых районов, ранее имевших довольно высокую плотность населения. Эти явления сейчас хорошо фиксируются археологами не только в наиболее чувствительной к климатическим переменам степной зоне, но и в лесостепи, в частности в Донской. С конца II тыс. до н.э. здесь прослеживается явная тенденция к резкому сокращению количества стационарных поселений. Если для срубной культуры XVI–XII вв. до н.э. в лесостепном Подонье известно не менее тысячи поселений, то стоянок финальной бронзы конца II – начала I тыс. до н.э. учтено около сорока, а в позднейшее предскифское время они здесь вообще неизвестны. Не менее разительная картина выявляется и по погребальным памятникам: на более чем пятьсот исследованных погребений срубной культуры Донской лесостепи приходится едва ли полтора десятка захоронений переходного времени.

Эти формальные археологические показатели демонстрируют масштабы перемен в жизни обитателей лесостепного Подонья на рубеже эпох бронзы и раннего железа. Сейчас их трудно квалифицировать иначе, как экологическую и экономическую катастрофу. Одним из важнейших ее последствий была полная вынужденная перестройка экономики, завершившаяся распространением в лесостепи нового хозяйственно-культурного типа, – кочевничества. С этого времени и на протяжении всего раннего железного века оно играло весьма важную, а иногда и определяющую роль в хозяйстве и жизни всего или части населения изучаемого региона.

Кризисные явления в жизни лесостепных племен на рубеже II–I тыс. до н.э., видимо, не в последнюю очередь были обусловлены и производственно-техническими причинами, прежде всего явным упадком бронзовой индустрии (*Черных Е.Н., 1976. С. 198–202*). Из-за особенностей ее сырьевой базы она могла успешно функционировать лишь при наличии доступных источников металлов и стабильности связей с отдельными горно-металлургическими центрами, производившими медь, олово или готовую бронзу. Уменьшение объема поставок металла и тем более нарушение традиционных связей приводило к чрезвычайно серьезным последствиям, которые в первую очередь затрагивали уровень производительных сил и обороноспособность древних обществ. В этих условиях люди были вынуждены очень экономно относиться к металлу, что сразу же сказалось в заметном сокращении ассортимента изделий из бронзы, уменьшении их размеров и даже частичной замене ее более архаичными материалами – костью и камнем (*Боцкарев В.С., 1981*).

Именно эти явления наблюдались в культурах финальной бронзы Донской лесостепи, как известно, не обладавших собственными рудными источниками – финальной срубной (валиковой керамики) и бондарихинской. Поэтому в них полностью отсутствуют крупные изделия из бронзы и в то же время получают довольно широкое распространение каменные изделия, в частности небольшие кремневые серпы и даже кремневые наконечники копий (Синюк А.Т., 1996. С. 256, рис. 67, 11–19). В предшествующее срубное время и те, и другие отливали из бронзы.

В условиях резкого сокращения и деградации металлургии бронзы люди рано или поздно должны были перейти к использованию другого металла – железа, известного на юге Восточной Европы с середины II тыс. до н.э. Уже начиная с классической статьи Б.Н. Гракова, Донская лесостепь считалась одним из древнейших районов зарождения черной металлургии Восточной Европы (Граков Б.Н., 1958. С. 3–9). Эта мысль получила развитие в работах А.Д. Пряхина (Пряхин А.Д., 1973. С. 134–135). По его мнению, племена срубной культурно-исторической общности первыми на территории лесостепной зоны Восточной Европы приступили к плавке железной руды. В настоящее время известно не менее восьми находок железных изделий или следов их производства на поселениях донской лесостепной срубной культуры: Вогрэсовском, Масловском 1, Боровском, Волковском, на левом берегу р. Воронеж, Семидворики, у с. Гнилуша, а также на Мосоловском. На последнем, кроме кусков железного шлака, обнаружены два железных шила. Они точно повторяли форму бронзовых шильев, известных по находкам целых экземпляров и литейных форм в слое того же поселения (Бирюков И.Е., 1990).

Перечисленные материалы как будто бы подтверждают предположение о зарождении здесь черной металлургии еще в эпоху поздней бронзы. Видимо, получение железа срубными мастерами было побочным результатом металлургии бронзы. Известно, что по сравнению с этим металлом первое железо обладало более низкими рабочими качествами. К тому же сама технология изготовления железных изделий путем горячейковки требовала более трудоемких операций, нежели бронзовое литье. Поэтому при наличии необходимого количества бронзы железо крайне редко использовалось срубным населением для практических целей. По мнению В.С. Бочкарева, внедрение нового металла было связано не с расцветом бронзолитейного производства, а, напротив, с его кризисом (Бочкарев В.С., 1981. С. 26).

Казалось бы, следовало ожидать более очевидных свидетельств прогресса местной черной металлургии в культурах, пришедших на смену сруб-

ной – валиковой керамики и бондарихинской. Однако имеющиеся на сегодняшний день данные не дают картины ее дальнейшего поступательного развития. Несмотря на довольно значительные масштабы раскопок донских поселений финальной бронзы, в их слоях пока ни разу не были обнаружены какие-либо железные изделия. Разумеется, это не исключает возможности таких находок в будущем, хотя бы потому, что на памятниках этих культур в бассейне Северского Донца они не только известны, но даже выявлены остатки железоплавильного горна (Татаринов С.И., 1980. С. 280–283). Но весьма показательным, что и там их ассортимент исчерпывался лишь мелкими поделками из железа типа ножей и шильев (Буйнов Ю.В., 1981. С. 16; Берестнев С.И., 1994. С. 133–134, рис. 8, 24–26). Эти находки убеждают, что на рубеже II–I тыс. до н.э. железо еще занимало весьма скромное место в жизни лесостепных племен. Основные орудия труда и оружие они по-прежнему изготавливали из бронзы, но чаще из камня и кости, о чем уже говорилось.

Одна из причин столь медленного внедрения железа в хозяйство и культуру населения заключительного периода бронзового века, вероятно, кроется в особенностях традиционной психологии людей той эпохи. Л. Бинфорд на очень широком этнографическом материале доказал, что им не было свойственно стремление к улучшению хозяйства и орудий труда до тех пор, пока к этому их не вынуждали суровые обстоятельства, прежде всего изменения окружающей среды (Binford L., 1971). Другая причина состояла в невысоких рабочих качествах первых железных изделий. По твердости кричное железо в два раза мягче оловянистой бронзы (Шрамко Б.А., 1983. С. 8–9). Поэтому только после открытия и освоения способов карбонизации железа, т.е. искусственного повышения содержания углерода в металле, изделия из него в результате соответствующей обработки приобретали неоспоримые преимущества перед бронзой и вскоре получили повсеместное распространение.

Как показали специальные металлографические исследования, период первичного освоения железа закончился на юге Восточной Европы лишь к VIII–VII вв. до н.э. (Шрамко Б.А. и др., 1977. С. 72). Именно в это время здесь появились первые крупные изделия не только из железа, но и стали. Они весьма быстро и радикально изменили практически всю материальную культуру и в конечном итоге обусловили многие принципиально важные отличия археологических культур железного века от культур эпохи бронзы. Автор разделяет точку зрения тех исследователей, которые важнейшим критерием наступления железного века как исторической эпохи считают не само открытие способа получения этого металла в сыродутном горне и да-

же не начало изготовления первых небольших кованых железных изделий, а появление новых культур, в которых уже присутствовали достаточно крупные изделия из науглероженного железа и прежде всего – орудия труда и оружие, оказавшие действительно революционизирующее воздействие на все стороны жизни людей (*Граков Б.Н.*, 1977. С. 10–22; *Шрамко Б.А.*, 1983. С. 7–9), причем, как неоспоримо свидетельствуют материалы самых разных культур, в том числе степной полосы Евразии, новый металл в первую очередь стал использоваться для изготовления оружия, прежде всего мечей и кинжалов. Появление меча открыло на юге Восточной Европы новую “героическую” эпоху, “война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни” (*Энгельс Ф.*, 1961. С. 164). Судя по имеющимся на сегодняшний день данным, эта эпоха наступила в лесостепном Подонье в позднейший предскифский период.

КУЛЬТУРЫ ФИНАЛЬНОЙ БРОНЗЫ И ИХ СООТНОШЕНИЕ С ПАМЯТНИКАМИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ДОНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Одним из наименее исследованных периодов истории лесостепного Подонья является переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. Три десятилетия назад П.Д. Либеров выступил с гипотезой происхождения среднедонской культуры скифского времени от местных культур эпохи бронзы, прежде всего катакомбной и абашевской (*Либеров П.Д.*, 1971а. С. 105–107). Последний он отводил ведущую роль в сложении культуры и этноса среднедонских племен скифского времени. Черты преемственности исследователь находил в керамике и некоторых особенностях погребального обряда этих культур.

Однако при проверке фактических оснований этой гипотезы оказалось, что сходство между материальной культурой донского населения эпохи бронзы и раннего железного века сводится к отдельным, как правило, самым общим элементам формы или орнамента керамики, например пальцевым защипам на сосудах катакомбной культуры II тыс. до н.э. и среднедонской культуры I тыс. до н.э., или же к чисто функциональным элементам посуды вроде парных отверстий под венчиком для подвешивания у абашевских острореберных сосудов и так называемых ритуальных сосудиков скифского времени. Но главное даже не в этом. В настоящее время между названными культурами эпохи бронзы и раннего железного века выявлен большой хронологический разрыв.

Исследования, выполненные в 70–80-х годах, убедительно показали, что ни катакомбные, ни

абашевские племена не дожили даже до начала второй половины II тыс. до н.э. (*Пряхин А.Д.*, 1977. С. 134; *Матвеев Ю.П.*, 1982. С. 22). То же самое можно сказать и о срубниках, участие которых в этногенезе населения Среднего Дона скифского времени допускалось в гипотезе П.Д. Либерова (*Либеров П.Д.*, 1971а. С. 107). По весьма обоснованному мнению современных исследователей, развитие срубной культуры в Подонье прослеживается лишь до XII–XI вв. до н.э. К концу II тыс. до н.э. произошел отток основной массы срубного населения из этого региона (*Пряхин А.Д.*, *Матвеев Ю.П.*, 1988. С. 161).

На рубеже 70–80-х годов В.И. Беседин и Ю.Г. Екимов выявили в Донской лесостепи небольшую серию поселений финальной бронзы. На основе типологического и стратиграфического анализа керамики Шиловского поселения им удалось установить наличие в Подонье двух типов памятников этого времени, принадлежавших разным культурам, – с валиковой керамикой и бондарихинской. Первые были датированы концом II – началом I тыс. до н.э., вторые существовали с начала I тыс. до н.э., до конца эпохи бронзы (точнее не определено). По мнению авторов, эти памятники позволяют заполнить имевшийся до той поры вакуум между временем оттока из лесостепи основного массива населения срубной культурно-исторической общности и началом эпохи раннего железа (*Екимов Ю.Г.*, *Беседин В.И.*, 1980. С. 93–94).

К настоящему времени число поселений финальной бронзы существенно возросло (не менее пятидесяти). На четырех из них (Шилово, Таврово, Рыкань 2, Копанице 2) проведены значительные по масштабам раскопки. Однако ознакомление с опубликованными материалами этих поселений вынуждает усомниться в правомерности вывода о непосредственном их предшествовании памятникам раннего железного века. Уже судя по керамическому комплексу донских бондарихинских поселений, отличающемуся весьма архаическим обликом, здесь неизвестны памятники, синхронные заключительному этапу развития бондарихинской культуры VIII – середины VII в. до н.э. (*Буйнов Ю.В.*, 1981. С. 18). Во всяком случае, на донских поселениях практически отсутствуют горшки I типа с резко сужающимся ко дну туловом, преобладающие на памятниках среднего и позднего этапов этой культуры. Нет здесь и поздней бондарихинской керамики, орнаментированной наlepным валиком под венчиком в сочетании со сквозными проколами, наlepными шишечками и т.п.

Сравнительный анализ целых форм финальных срубных и бондарихинских сосудов и наиболее ранней поселенческой керамики скифского времени Пекшевского городища показал высокую сте-

лень их различия. Практически не выявлено сколь-нибудь существенных элементов преемственности в орнаментации и технологии изготовления этих групп посуды. К тому же в Подонье бондарихинские сосуды ни разу не встречены в закрытых комплексах с вещами VIII – середины VII в. до н.э. Как выяснилось в последнее время, неизвестны пока такие комплексы и в Днепровском Левобережье (Ромашко В.А., 1995. С. 66–67).

Поэтому вряд ли следует признать удачной попытку Ю.Г. Екимова выделить типологически “керамику киммерийского времени” из коллекции лепной посуды многослойного Шиловского поселения (Екимов Ю.Г., 1986. С. 140, рис. 3). Судя по приведенному на его рисунке образцам, в большинстве своем это все та же финальная срубная и бондарихинская посуда рубежа II–I тыс. до н.э., вероятно, для большей убедительности дополненная отдельными фрагментами сосудов скифского времени VI–V вв. до н.э. (Екимов Ю.Г., 1986, рис. 3, 10, 12).

Датировка бондарихинских памятников Подонья позднейшим предскифским временем (в пределах IX–VIII вв.) до н.э. в значительной мере базировалась на находке в верхнем слое Шиловского поселения фрагментированного изделия из клыка кабана с двумя сохранившимися круглыми отверстиями по центру, интерпретированного Ю.Г. Екимовым, а затем и Ю.В. Буйновым в качестве трехдырчатого псаля V типа (Екимов Ю.Г., 1986. С. 130, рис. 2, 8; Буйнов Ю.В., 1981. С. 14). Однако, на мой взгляд, предложенная атрибуция этой поделки не вполне корректна, так как псалии, отнесенные К.Ф. Смирновым к V типу (Смирнов К.Ф., 1961), большинство которых датируется первой четвертью I тыс. до н.э., сейчас достаточно хорошо известны. Но они имеют иную конструкцию, расположение и форму отверстий, да и изготовлены как правило из кости или рога, а не из клыка кабана. Можно указать более близкую аналогию шиловскому изделию. Это псалий из такого же клыка кабана с тремя круглыми отверстиями в середине с городища Ош Пандо в Западном Поволжье (Степанов П.Д., 1967. С. 72, рис. 34, 17). Б.Н. Граков датировал его первой половиной VI в. до н.э. (Граков Б.Н., 1961. С. 147). Правомерность этой аналогии еще более возрастает, если принять во внимание наличие на Шиловском поселении слоя скифского времени.

Более надежно хронологические позиции донских памятников заключительного периода бронзового века определяют находки второго псаля в слое того же Шиловского поселения и кремневых серпов. Этот псалий изготовлен из рога и определенно относится к типу стержневидных с выступом на конце и сквозным отверстием по середине (Екимов Ю.Г., Беседин В.И., 1980, рис. 4, 16). Подобные детали конской упряжи на Украине датируются ру-

бежом сабашиновской и белозерской культур, т.е. примерно XII в. до н.э. (Шарафутдинова И.Н., 1982. С. 146, рис. 59, 70). Кремневые луновидные вкладыши серпов обнаружены на двух поселениях: Рыкань 2 (1 экз.) и Копанице 2 (6 экз.). Они дают возможность синхронизировать донские бондарихинские поселения с памятниками белогрудовской, ранней чернолесской и белозерской культур, что в соответствии с современной хронологией Восточной Европы вряд ли позволяет датировать их позже X–IX вв. до н.э.

В общем, на известных к настоящему времени поселениях финальной бронзы Среднего и Верхнего Подонья мне не удалось найти ни одной вещи, бесспорно датируемой позднейшим предскифским периодом. А это может свидетельствовать только о том, что ни финальные срубные с валиковой керамикой, ни даже бондарихинские племена, оставившие в лесостепном Подонье названные выше памятники, вряд ли дожили здесь до наступления раннего железного века.

В последние годы в пограничье Донской степи и лесостепи открыт новый тип поселений финальной бронзы, представленный пока лишь одним исследованным памятником – Терешковским Валом (Синюк А.Т., 1996. С. 257–258, рис. 68–69). Здесь обнаружены остатки медеплавильных печей вместе с большим количеством лепных сосудов. По заключению ознакомившегося с ними В.В. Отрощенко они принадлежали населению, культура которого находит прямые аналогии в памятниках белозерского типа на территории степной Украины. По-видимому, к этому поселению относится найденный поблизости клад бронзовых изделий (Пряхин А.Д. и др., 1981. С. 281–285). Любопытно, что по металлу Терешковский клад связан с Завадовско-Лобойковским очагом металлообработки XII–IX вв. до н.э., как известно, обслуживавшим в первую очередь потребности белозерских племен. О судьбе этого населения в позднейшее предскифское время говорить преждевременно до более детального изучения этого памятника. Однако уже само по себе его открытие в какой-то степени проясняет ранее установленные факты обнаружения в погребальных комплексах рубежа эпохи бронзы и раннего железного века керамики, близкой белозерской.

ПОГРЕБЕНИЯ ПОЗДНЕЙШЕГО ПРЕДСКИФСКОГО ПЕРИОДА НА СРЕДНЕМ И ВЕРХНЕМ ДОНУ

До самого последнего времени в Донской лесостепи практически оставались неизвестны памятники позднейшего предскифского периода IX – первой половины VII вв. до н.э. Отставание стало

особенно заметным после выхода в свет серии публикаций погребений этого периода на соседних территориях: Украины (Тереножкин А.И., 1976; Гошко Т.Ю., Отрощенко В.В., 1986), Нижнего Подонья (Максименко В.Е., 1983) и Нижнего Поволжья (Дворниченко В.В., 1982; Шарафутдинова Э.С., Дубовская О.Р., 1987; Степи, 1989). Между тем от степени разработки этого вопроса зависит решение целого ряда проблем начального периода раннего железного века в Донской лесостепи.

Для изучения этнокультурной ситуации в этом регионе на рубеже бронзового и железного веков большой интерес представляет группа погребальных памятников, которые могут быть отнесены к позднему предскифскому периоду (Медведев А.П., 1985). Некоторые из этих погребений были раскопаны П.Д. Либеровым еще в начале 60-х годов. Но тогда он включил их в среднедонскую культуру скифского времени и датировал VIII–VII вв., VII–VI вв. и даже VI в. до н.э. (Либеров П.Д., 1965. С. 24–28, табл. 6). Несколько погребений переходного типа в Левобережье Среднего Дона тогда же выделил К.Ф. Смирнов (Смирнов К.Ф., 1964. С. 27). Он определил их как прото-

савроматские. Однако наиболее яркие памятники открыл в 80-е годы Ю.П. Матвеев. Сейчас на территории лесостепного Подонья известно 15 погребений и 4 случайные находки вещей предскифского периода (рис. 1). Критериями для их выделения послужил прежде всего инвентарь в сочетании с характерными элементами погребальной обрядности, отличными как от обряда эпохи поздней бронзы, так и скифского времени.

Погребения предскифского времени встречаются на всей изучаемой территории, в том числе на Верхнем Дону (Засосенки, Подклетное). Однако основная их масса все же происходит из районов Среднего Подонья, расположенных вблизи от современной границы степи и лесостепи. За исключением одного (Засосенки), все погребения впущены в курганы эпохи бронзы. Уже этим они отличаются от более поздних среднедонских погребений скифского времени, которые, как правило, являются основными и единственными в курганах.

Господствующий способ захоронения – труположение. Лишь в курганах у с. Левашовка и с. Пески (рис. 5, 1) встречаются неполные трупосожжения на месте. Такой способ погребений изредка встречается среди памятников предскифского времени Украинской лесостепи (Тереножкин А.И., 1976. С. 69). На Среднем Дону трупосожжения на месте совершались и позднее, в V–IV вв. до н.э. Но там они, скорее всего, имеют иные истоки. За исключением парного захоронения II Богучарского могильника (рис. 5, б), все остальные погребения одиночные. Большинство из них, видимо, были совершены в узких прямоугольных ямах, хотя в отдельных случаях прослежены и более широкие могилы.

Поza и ориентировка установлены в 14 случаях. Для большинства погребений характерно захоронение покойника на спине, вытянуто (7 случаев), но еще встречаются погребения в слабо скорченном положении с завалом на левый (5 случаев) и правый (2 случая) бок. Только в одном захоронении покойник лежал сильно скорченным, на левом боку (рис. 4, 4). В погребении кургана 7/28 Мاستюгинского могильника зафиксирован обычай положения кисти правой руки на нижнюю часть живота (рис. 2, б), а в Ближне-Стояновском могильнике кисти обеих рук лежали на тазе (рис. 2, 9).

Отличительной чертой донских погребений предскифского времени, как вытянутых на спине, так и слабо скорченных на бок, является западная ориентировка покойников (12 случаев), иногда с незначительными отклонениями чаще всего к югу, реже к северу. Противоположная – северо-восточная ориентация – достоверно установлена лишь в погребении могильника Таганский. Любопытно, что именно оно было совершено в сильно скорченном

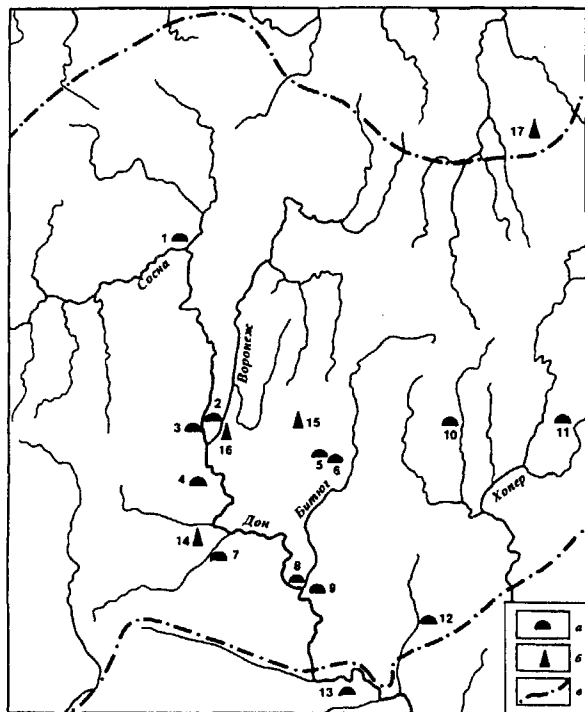

Рис. 1. Карта погребальных памятников позднейшего предскифского периода в лесостепном Подонье: а – погребение, б – случайная находка, в – границы лесостепи

1 – Засосенки, 2 – Частые Курганы, 3 – Подклетное, 4 – Мастюгино, 5 – Левашовка, 6 – Старая Тойда, 7 – Ближнее Стояново, 8 – Иванов Бугор, 9 – Таганский, 10 – Чурилово, 11 – Губари, 12 – Пески, 13 – Богучар II, 14 – Ездоцкое, 15 – Хлебное, 16 – Воронеж, 17 – Навки

Рис. 2. Погребения позднейшего предскифского периода первой группы
1-3 - Частые Курганы, к. 21, п. 1; 4-5 - Старая Тойда, к. 3, п. 6; 6-8 - Мастюгино, к. 7/28, п. 1; 9-11 - Ближнее Стояново, к. 2, п. 1

положении. Какие-либо другие особенности обряда не фиксировались, за исключением каменной забутовки погребения в Песках и обкладки стен могильной ямы плоскими камнями II Богучарского могильника (рис. 5, 1, 6). В могилу у с. Засосенки, помимо вещевого инвентаря, были положены красная краска, кремь и мясная заупокойная пища.

Комплекс признаков погребального ритуала рассмотренных памятников свидетельствует о их несомненном сходстве с погребальной обрядностью степного населения позднейшего предскифского периода Северного Причерноморья (Тереножкин А.И., 1976. С. 92-103; Шарафутдинова Э.С., Дубовская О.Р., 1987. С. 31-32; Гошко Т.Ю., Отрощенко В.В., 1986. С. 174, 180) и Волго-Донских степей (Дворниченко В.В., 1982. С. 60-63; Максименко В.Е., 1983. С. 22-25; Степи,

1989. С. 149-150). Большинство из них по обряду соответствуют традициям погребений новочеркасского типа (вытянутое положение на спине или слабо скорченное на боку, западная ориентировка). Лишь сильно скорченное погребение на левом боку с северо-восточной ориентировкой Таганского могильника обнаруживает определенную близость черногоровскому ритуалу.

Инвентарь погребений небогат, но весьма показателен в культурном и хронологическом отношении. Обращает на себя внимание большое разнообразие типов керамики - 17 экз.: банки (1 экз.), горшки (3 экз.), вазообразные сосуды (4 экз.), корчаги (3 экз.), кувшины (2 экз.), кубки (4 экз.). По форме, орнаментации и технике изготовления намечается выделение двух групп керамики.

В первую группу включены сосуды, сохраняю-

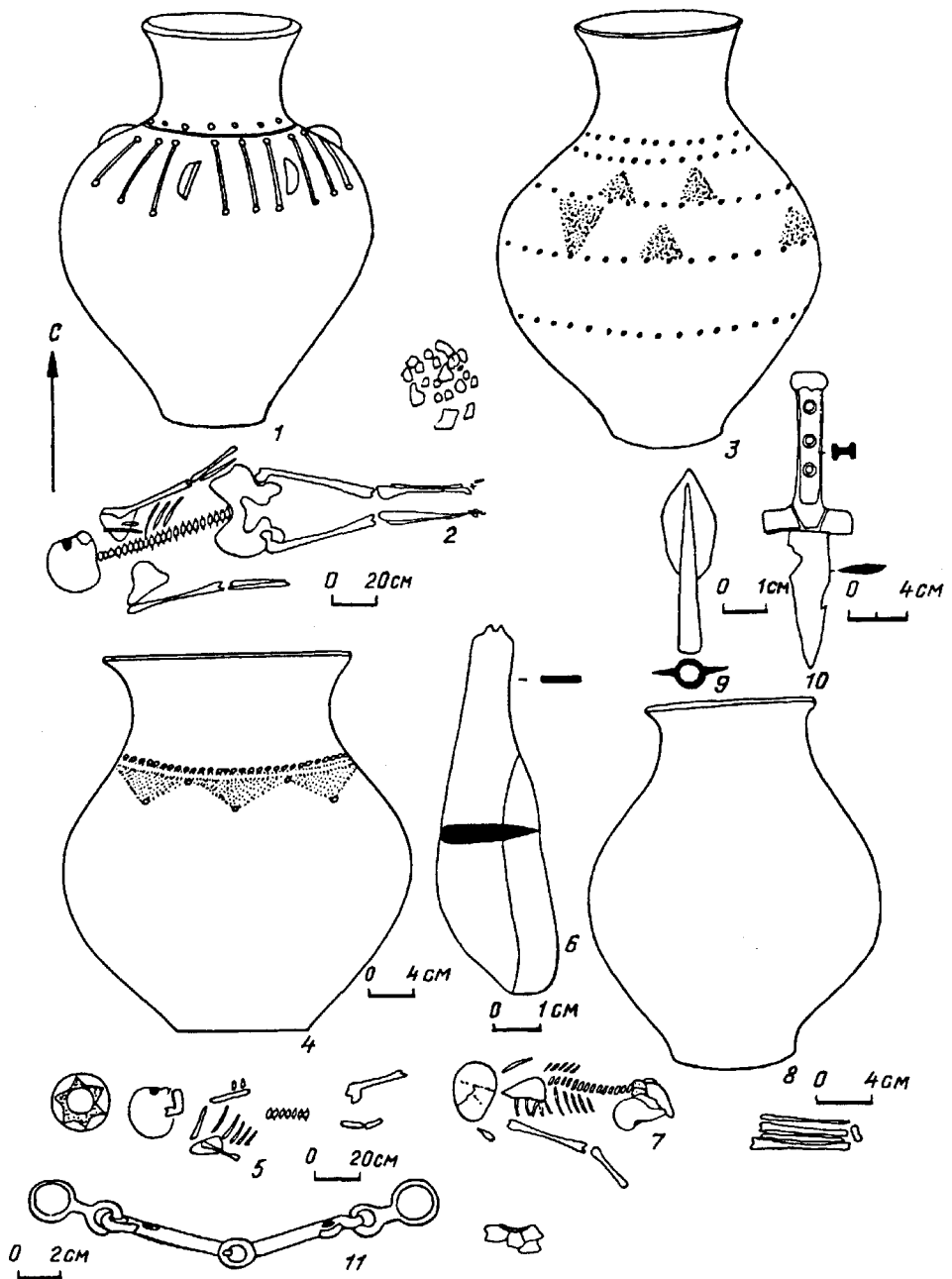

Рис. 3. Погребения позднейшего предскифского периода второй группы и случайные находки на территории лесостепного Подонья 1-2 - Мастюгино, к. 12/14, п. 1; 3 - Засосенки, к. 2; 4-5 - Чурилово, к. 2, п. 1; 6-7 - Чурилово, к. 4, п. 2; 8 - Левашовка, к. 1, п. 4

щие некоторые традиции керамики эпохи бронзы - 4 экз. Одни из них (рис. 2, 3) типологически и технологически не отличаются от срубных банок, другие (рис. 2, 7) находят достаточно близкие аналогии среди белозерской посуды (Лесков А.М., 1971. С. 78, рис. 1, 6), третьи (рис. 2, 5, 10) представляют так называемые переходные типы к керамике скифо-савроматского времени (Смирнов К.Ф., 1964. С. 24, рис. 2, 2г). Орнамент на этих

сосудах встречается очень редко. Он представлен лишь бессистемными наколами по тулову, образующими гнезда (рис. 2, 7).

Вторую группу составляют сосуды, которые не обнаруживают корней в местной керамической традиции эпохи поздней бронзы - 13 экз. Прежде всего это высокие изящные сосуды вазообразной формы с округлым туловом, характерным блоковидным горлом и узким дном (рис. 2, 2; 3, 1, 3; 5, 3).

По форме и орнаментации, в частности вертикальными налечами, они близки керамике из погребений черноговоровского и новочеркасского типов (Тереножкин А.И., 1976. С. 169, рис. 3, 6), особенно сосуду из захоронения у хут. Алитуб на Нижнем Дону (Максименко В.Е., 1983. С. 24, рис. 7, 10). Трижды найдены корчаги, отличающиеся от ваз более широким горлом: одна грубой лепки (рис. 3, 8), две других изготовлены более тщательно и покрыты лощением. Особо интересна серолощенная корчага из Чурилово, украшенная по плечикам поясом геометрического орнамента (рис. 3, 4). Близкие сосуды характерны для предскифских погребений Северного Причерноморья (Тереножкин А.И., 1976, рис. 2, 4; 12, 3; 13, 6; 27, 5).

Четыре раза встречены лощенные кубки: два не орнаментированные (рис. 4, 3; 5, 7) и два украшены врезным геометрическим узором (рис. 4, 1–2). Если первые более характерны для погребений черноговоровского типа, то вторые близки кубкам из новочеркасских погребений Северного Причерноморья (Тереножкин А.И., 1976. С. 170). Однако от последних они несколько отличаются орнаментацией, нанесенной по всей поверхности тулова и состоящей главным образом из чередующихся в шахматном порядке квадратов и треугольников. Не исключено, что они относятся уже к VII в. до н.э., для которого характерен так называемый орнаментальный взрыв на столовой посуде (Мелюкова А.И., 1979. С. 73). Тот же круг аналогий обнаруживает кувшин без ручки из Ивановбугорского могильника (рис. 4, 5), орнаментированный поясом врезных треугольников. Второй кувшин из погребения у с. Пески интересен своей оригинальной формой и наличием выделенного поддона (рис. 5, 2).

Большинство сосудов второй группы выделяется тщательностью изготовления, почти половина из них покрыта лощением. Напомню, что очень близкие показатели характерны и для предскифской керамики, среди которой 30% лощеной (Степи, 1989. С. 150). Эту группу отличает преобладание орнаментированной посуды (58%). Большинство экземпляров украшено геометрическим орнаментом, состоящим из треугольников, ромбов, квадратов, шахматной сетки. Он нанесен врезными линиями по сырой глине или оттискам мелкозубчатого штампа. Вазы чаще орнаментированы горизонтальными рядами округлых ямок в сочетании с треугольными зонами из мелких наколов или вертикальными налечами.

Абсолютное доминирование среди погребального инвентаря сосудов для питья весьма сложной профилировки резко отличает керамический комплекс позднейших предскифских погребений от захоронений местных лесостепных культур поздней бронзы. Возможно, за этим явлением скрывается не просто смена моды, а принципиально важные

изменения хозяйственно-культурного типа (ХКТ) этого населения, связанные с переходом к кочевому скотоводству. Для последнего как раз характерно резкое увеличение в пищевом рационе доли жидких, в первую очередь молочных, продуктов. Отмечу, что и в последующие эпохи среди инвентаря курганных погребений Донской лесостепи посуда для питья будет также занимать важное место.

Прочий инвентарь немногочислен. Тем не менее и он служит весьма надежным показателем принадлежности выделенных памятников к предскифской эпохе. Бронзовый нож с горбатой спинкой и коротким пластинчатым черешком для рукояти из кургана 4 у хут. Чурилово (рис. 3, 6) принадлежит хорошо известному камышевахскому типу (Тереножкин А.И., 1976. С. 161, рис. 19, 1). Последний характерен для погребений черноговоровской ступени Северного Причерноморья и степного Волго-Донского междуречья (Дворниченко В.В., 1982. С. 60, рис. 2, 4). Бронзовый килевидный наконечник стрелы из кургана у с. Пески (рис. 5, 4) также относится к типу, характерному для черноговоровской ступени. Но от большинства известных экземпляров он отличается очень длинной втулкой, близкой новочеркасским, что, возможно, свидетельствует о его более позднем производстве. Наиболее близок ему наконечник стрелы из погребения 34 могильника на территории Кисловодской мебельной фабрики, которое по комплексу сопровождающего инвентаря датируется первой половиной VII в. до н.э. (Виноградов В.Б. и др., 1980. С. 198–199, рис. 4, 6). Назначение железного изделия, обломок которого встречен в погребении кургана 7/28 Мастюгинского могильника (рис. 2, 8), не ясно. Однако сам факт его присутствия в погребении, содержащем сосуд, сохраняющий традиции белозерской керамики, свидетельствует о переходном характере этого захоронения.

Коллекцию металлических вещей предскифского времени дополняют несколько случайных находок. Из с. Навки бывшего Ломовского уезда Пензенской губернии происходит биметаллический кинжал с бронзовой рукоятью и обломанным в древности железным клинком (рис. 3, 10). Подобные биметаллические кинжалы с однорядовой орнаментацией на рукояти сейчас датируются первой половиной VIII в. до н.э. (Дударев С.А., 1993. С. 33). В окрестностях с. Ездоцкое Острогожского уезда в прошлом веке были случайно обнаружены бронзовые удила с двукольчатыми концами и дополнительными звеньями для повода (рис. 3, 11). Они принадлежат кобанскому типу, наиболее характерному для степных погребений новочеркасской ступени (Тереножкин А.И., 1976. С. 151–155). К тому же времени относится бронзовый двухлопастной наконечник стрелы новочеркасского типа с ромбической головкой и длинной втулкой, обнаружен-

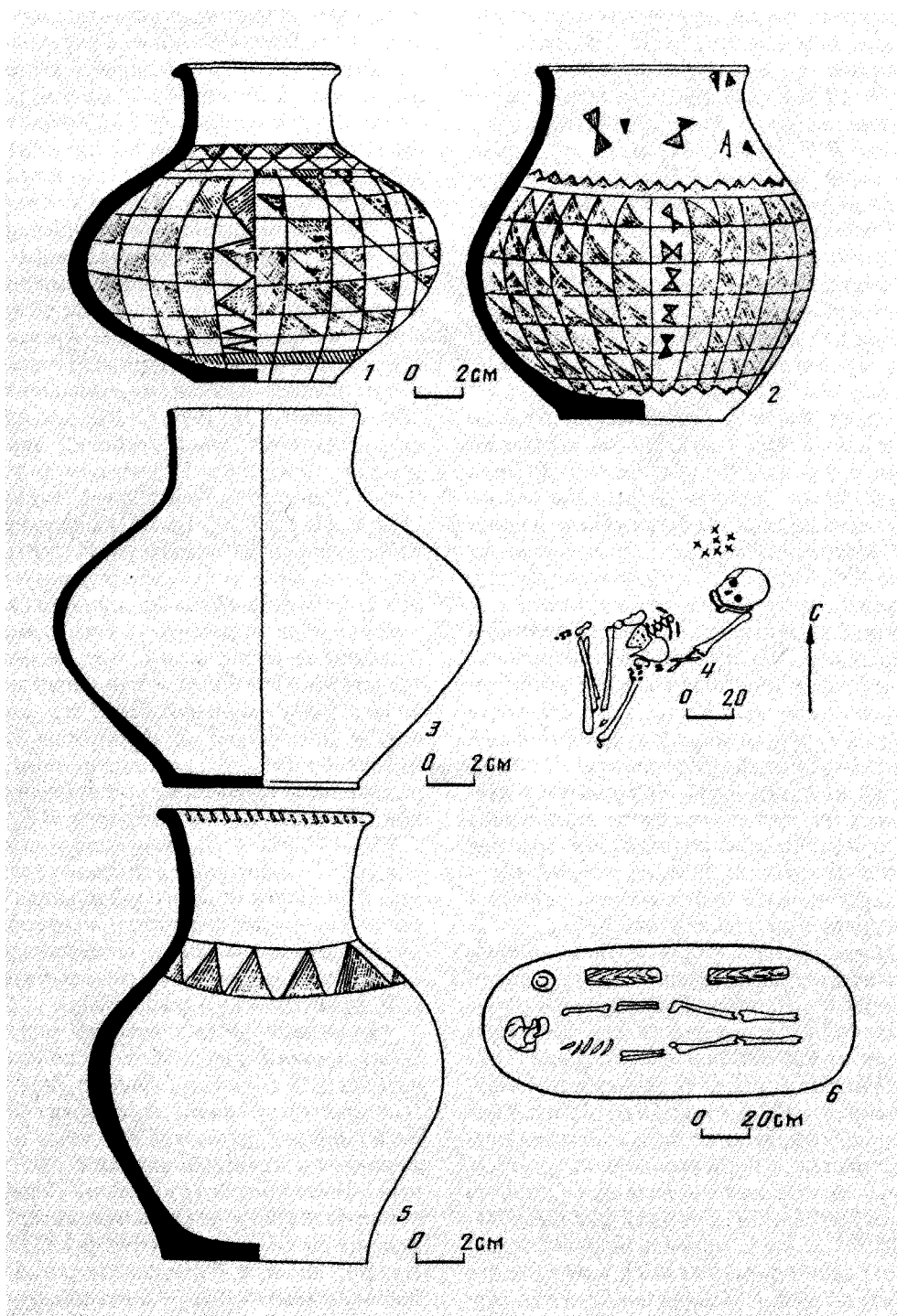

Рис. 4. Погребения позднейшего предскифского периода на территории лесостепного Подонья
 1 – Подклетное, к. 18, п. 2; 2 – Губари, к. 3, п. 6; 3–4 – Таганский, к. 4, п. 1; 5–6 – Иванов Бугор, п. 23

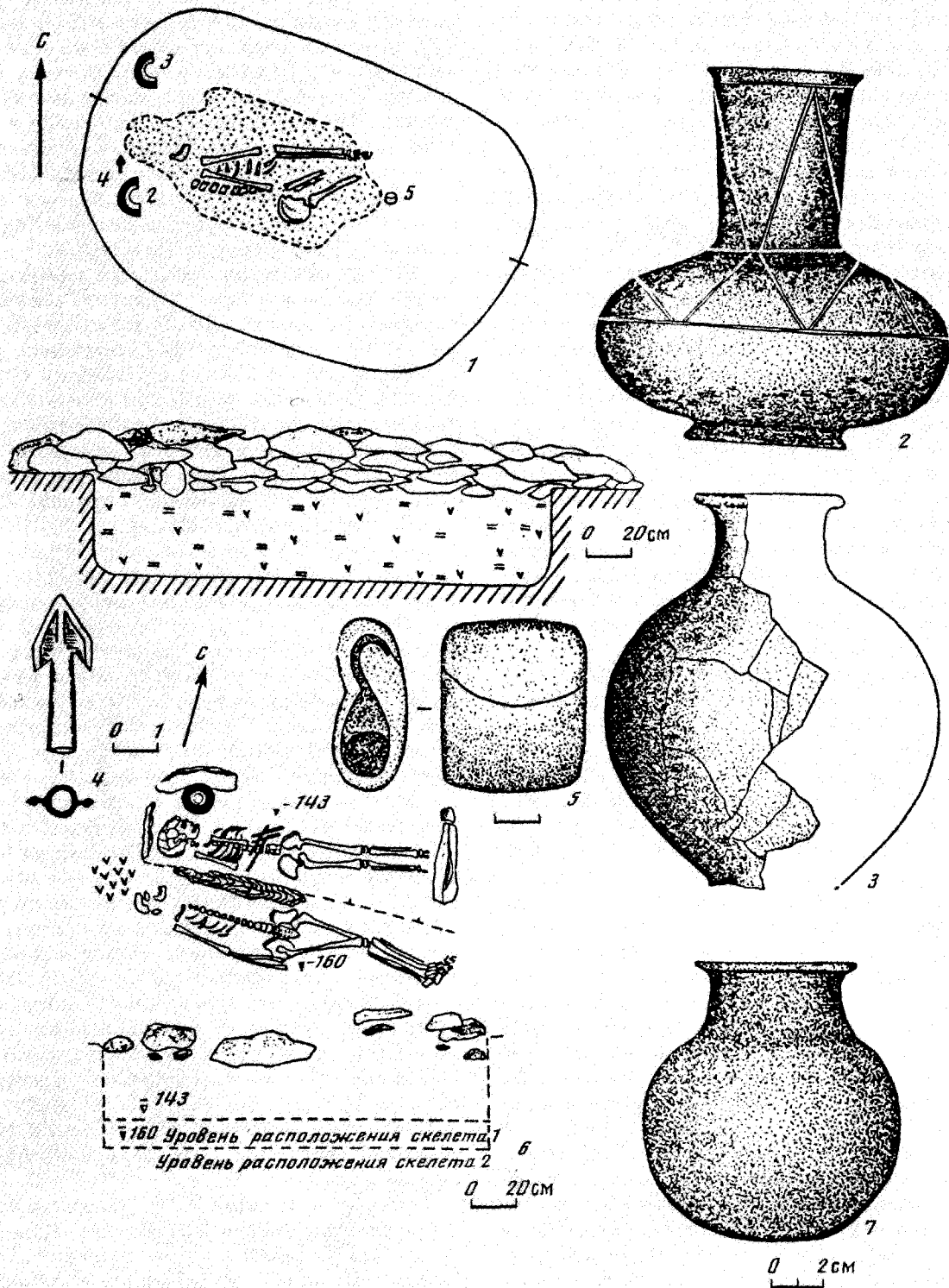

Рис. 5. Погребения позднейшего предскифского периода степного пограничья
1-5 - Пески, к. 1, п. 1; 6-7 - Богучарский II, к. 1, п. 3-4

ный у с. Хлебное Новоусманского района Воронежской области (рис. 3, 9). По сообщению А.А. Иессена в 30-е годы близ Воронежа был найден бронзовый кобанский топор (*Иессен А.А.*, 1947. С. 31). На юге Восточной Европы подобные находки встречаются также преимущественно в комплексах новочеркасского типа (*Тереножкин А.И.*, 1976, рис. 26, 1).

Анализ инвентаря анализируемых погребений позволил поставить вопрос о наличии в лесостепном Подонье двух групп памятников переходного времени (*Медведев А.П.*, 1985. С. 111–112).

Первая группа (Частые Курганы, к. 21; Мастюгино, к. 7/28; Ближнее Стояново, к. 2, п. 1; Старая Тойда, к. 7, п. 6) выделяется по керамике, в которой еще сохраняются некоторые традиции позднесрубной и белозерской культур. Однако, скорее всего, эти памятники никак нельзя считать позднесрубными, так как в них уже отсутствует сколь-нибудь полный комплекс специфических признаков последних при наличии совершенно новых черт погребального обряда (поза и ориентировка погребенных). Да и сама найденная в этих комплексах посуда в большинстве случаев уже заметно отличается от позднесрубной, представляя в лучшем случае дальнейшее развитие ее отдельных типов. Скорее всего, погребения этой группы оставлены весьма отдаленными потомками местного срубного населения, а частично, возможно, и пришлых степных племен, во многом уже утративших набор своих основных культурных черт в нелегких условиях переходной эпохи от бронзы к железу, которая сопровождалась ломкой традиционной материальной и духовной культуры и становлением нового уклада – кочевничества.

Вторая группа (Засосенки, к. 2; Подклетное, к. 18, п. 2; Мастюгино, к. 12/14, п. 1; Чурилово, к. 2, п. 1 и к. 4, п. 1; Губари, к. 6, п. 3; Иванов Бугор, п. 23; Таганский, к. 2, п. 4; Пески, к. 1, п. 1; Богучарский II, к. 3, п. 3 и 4) включает памятники по обряду и инвентарю, очень близкие, если не идентичные рядовым степным погребениям черногородовского и новочеркасского типа. Однако уверенно разделить их на две культурно-хронологические группы пока не представляется возможным, хотя среди них определенно имеются более ранние погребения: Чурилово, к. 2, п. 1 (по серолощенной корчаге, украшенной геометрическим орнаментом, нанесенным гребенчатым штампом); Чурилово, к. 4, п. 2 (по бронзовому ножу камышевахского типа); Таганский, к. 2, п. 4 (по сильно скорченной позе на левом боку, северо-восточной ориентировке и, возможно, неорнаментированному кубку с прямой шейкой).

Основная же масса памятников обладает более выраженными признаками захоронений новочеркасского типа (слабо скорченное положение на бо-

ку или чаще вытянутое на спине, ориентировка головой на запад, лощенные сосуды с прочерченным геометрическим орнаментом и др.). Ни в одном из донских лесостепных погребений пока не встречены ранние черногородовские вещи. Поэтому наиболее приемлемой датой этой группы в целом можно считать VIII – середину VII вв. до н.э. Ее верхний хронологический рубеж пока весьма условно определяется по отсутствию в погребальных комплексах вещей раннескифских типов, древнейшие образцы которых появляются на Среднем Дону вряд ли ранее второй половины VII в. до н.э.

Если происхождение носителей первой группы погребений пока остается во многом неясным, то появлению на Среднем Дону более многочисленной второй группы, на мой взгляд, определенно связано с проникновением в лесостепь южного степного населения, по всем признакам очень близкого древнейшим кочевникам восточноевропейских степей, оставившим памятники черногородовско-новочеркасского типа. Как известно, в последнее время вопрос их этнической принадлежности вновь стал остро дискуссионным.

Большинство современных отечественных исследователей усматривают в них доскифское население, известное Геродоту под именем киммерийцев (*Herod.*, IV, 11, 12). Целостную концепцию принадлежности памятников Северного Причерноморья IX – первой половины VII в. до н.э. историческим киммерийцам в 70-е годы разработал А.И. Тереножкин. Сейчас ее активно развивают его ученики (*Отрощенко В.В.*, 1994; *Мурзин В.Ю.*, 1990; *Махортых С.В.*, 1993). Однако еще в 50-е годы было высказано мнение о возможной принадлежности этих погребений как киммерийцам, так и скифам (*Иессен А.А.*, 1953). Этой гипотезы придерживались и другие исследователи (*Граков Б.Н.*, 1977; *Лесков А.М.*, 1971). В новейшей литературе она наиболее полно представлена в книгах Д.С. Раевского и М.Н. Погребовой (*Раевский Д.С.*, 1985; *Погрелова М.Н., Раевский Д.С.*, 1992). Наконец, третий подход, отрицающий какую-либо причастность памятников черногородовско-новочеркасского типа к реальным киммерийцам, в последние годы нашел наиболее концентрированное выражение в работах И.В. Куклиной (*Куклина И.В.*, 1985), А.И. Иванчика (*Иванчик А.И.*, 1996) и в коллективной монографии “Киммерийцы” (*Алексеев А.Ю.* и др., 1993).

Однако этим авторам не удалось полностью опровергнуть две первые гипотезы. Более того предложенный ими подход не только не снимает “киммерийской проблемы” на юге Восточной Европы, а, наоборот, порождает еще больше противоречий между письменными и археологическими источниками, нежели два “старых”. Поэтому я считаю возможным сохранить этноним “киммерий-

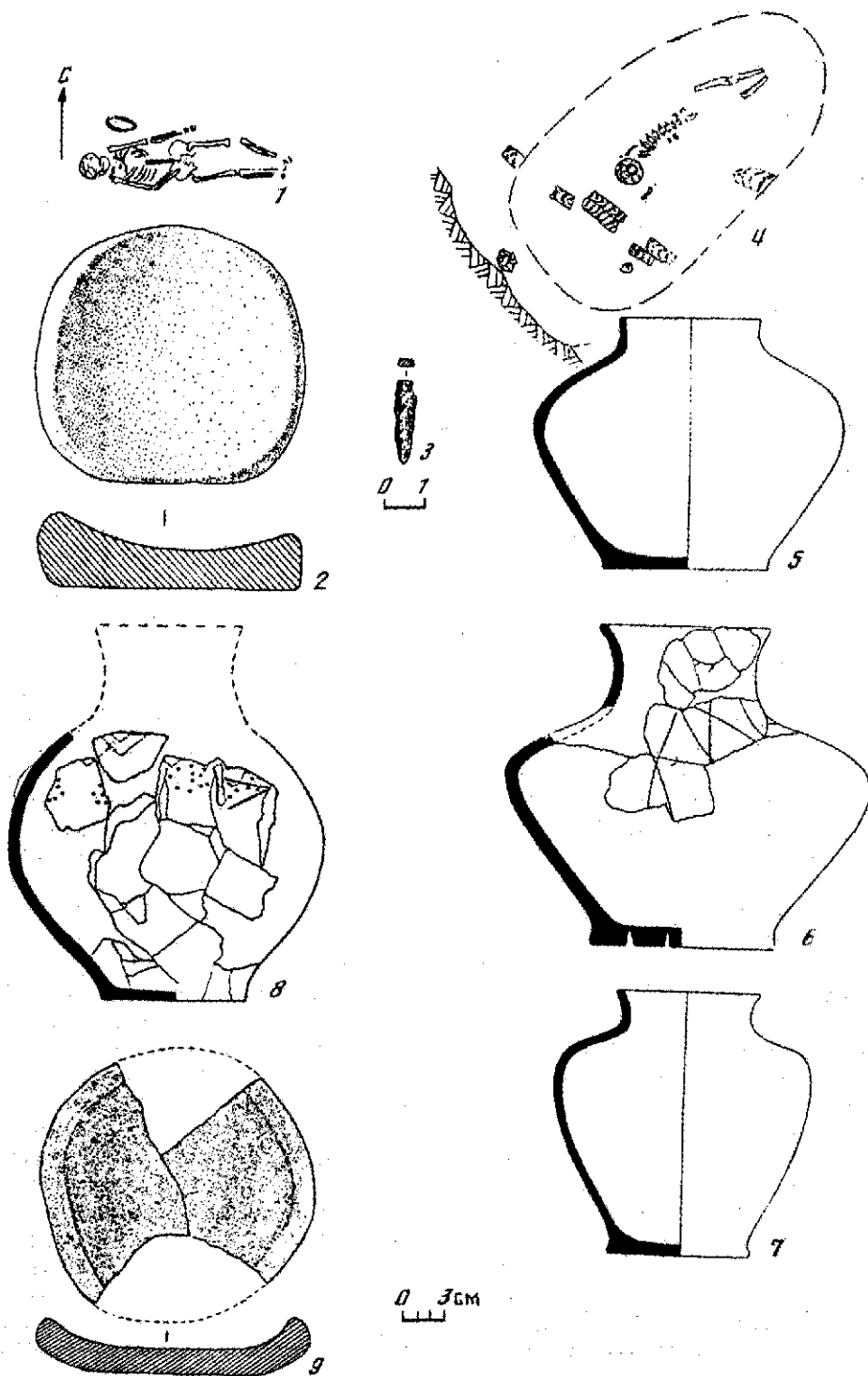

Рис. 6. Погребения раннескифского времени на территории лесостепного Подонья
 1-3 - Мастюгино, к. 8/22, п. 1; 4-5 - Селезневка, к. 2; 6 - Первомайский, к. 1, п. 1; 7 - Филатовка, к. 1, п. 2; 8-9 - Красноармейское, к. 1, п. 2

цы” за древнейшими кочевниками Северного Причерноморья или, по крайней мере, за какой-то их частью.

По инвентарю не фиксируется сколь-нибудь заметное имущественное неравенство погребенных. Бедность захоронений – яркий показатель той сложной обстановки, которая сложилась в Донской лесостепи на рубеже эпохи бронзы и раннего железного века. Характер погребальных памятников (отдельные впускные погребения, разбросанные по большой территории) при отсутствии достоверных синхронных поселений указывают на весьма подвижный образ жизни этого населения в условиях хозяйственной и политической нестабильности. В степи такие памятники обычно характерны для номадов, находившихся на первой стадии кочевания (*Плетнева С.А.*, 1982. С. 14–17). Они допускают различную историческую интерпретацию. За ними может скрываться миграция, процесс освоения и приспособления к условиям новой ландшафтной зоны, наконец, внешний неблагоприятный фактор. Скорее всего, в переходное время в лесостепном Подонье, как, впрочем, и повсюду в Великом степном поясе Евразии, наблюдалось наложение названных факторов, которое усиливалось общей неблагоприятной для жизни людей природно-климатической обстановкой.

По мнению некоторых палеоклиматологов, начавшееся на рубеже эпохи бронзы и раннего железного века общее похолодание достигло кульминации в IX–VIII вв. до н.э. (*Гриббин Дж., Лэм Г.Г.*, 1980. С. 102–120; *Бараш С.И.*, 1989. С. 12–13). Для этого времени исследователи отмечают понижение солнечной активности, что указывает на очень суровые зимы (*Демкин В.А., Лукашев А.В.*, 1993. С. 51). Поэтому не исключено, что в Среднедонской лесостепи в переходное время не было постоянного населения, а рассмотренные выше погребальные памятники оставлены ранними кочевниками, поднимавшимися из степей вверх по Дону в теплые весенне-летние месяцы. Скорее всего, по этой причине здесь до сих пор не обнаружены и синхронные им стационарные поселения.

Вопрос дальнейшей судьбы этого населения во многом остается открытым. Возможно, обе названные группы приняли какое-то участие в этногенезе среднедонских племен скифского времени. Но их роль в этом процессе была далеко неодинаковой. В настоящее время на археологическом материале скифского времени не прослеживаются какие-либо традиции, восходящие к позднесрубно-

му населению и тем немногочисленным пережиточным его коллективам, которым принадлежали погребения первой группы. Более заметен вклад населения, оставившего в лесостепном Подонье памятники черноговорского и новочеркасского типа. В VI–IV вв. до н.э. он ощутим в таких типах среднедонской керамики, как вазы. Но возводить к этим памятникам некоторые черты погребальной обрядности среднедонских курганов (вытянутая поза погребенных, западная ориентировка с отклонениями к югу и т.п.) вряд ли следует по причине почти универсального их характера в культурах скифской эпохи.

В последние годы на территории лесостепного Подонья начинает выявляться серия погребений, в которой более отчетливо просматриваются традиции второй группы памятников предскифского времени. Это впускные захоронения в насыпях курганов эпохи бронзы, главным образом Левобережья – у с. Красноармейское Воронежской области, у с. Филатовка Липецкой области, у пос. Первомайский и с. Селезневка Тамбовской области (рис. 6). Скорее всего, к этой серии принадлежит и погребение кургана 8/22 Мастюгинского могильника (*Либеров П.Д.*, 1961. С. 156).

Все они совершены в довольно широких ямах прямоугольной формы, в двух случаях в деревянных срубах (Мастюгино, Первомайский). Погребенные лежат вытянуто, на спине, иногда кисть руки положена на нижнюю часть живота (рис. 6, 1). Они ориентированы головой на запад или юго-запад. Инвентарь захоронений по-прежнему очень беден. Он представлен почти исключительно лепными сосудами вазообразной и корчагообразной формы (рис. 6, 5–8). Однако в двух погребениях этой серии (Мастюгино, к. 8/22, Красноармейское, к. 1, п. 2) встречены массивные каменные блюда округлой формы – характерный элемент инвентаря раннескифских погребений (рис. 6, 2, 9). Эти находки дают основание вывести указанные захоронения за хронологические рамки позднейшего предскифского периода. Они вполне могут занимать промежуточное положение между погребениями черноговорско-новочеркасского типа VIII – первой половины VII вв. до н.э. и наиболее ранними захоронениями среднедонских могильников конца VI в. до н.э. Не исключено, что именно с кочевым населением, оставившим указанные погребения, связаны некоторые случайные находки скифских мечей и наконецников стрел архаических типов VII–VI в. до н.э. (см. рис. 51, 1–12).

ВЕРХНЕЕ ПОДОНЬЕ В НАЧАЛЕ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Археологические памятники раннего железного века Верхнего Подонья в отличие от давно и достаточно интенсивно изучающихся городищ и курганов Среднего Дона попали в поле зрения исследователей лишь в последние два-три десятилетия. Уже это обстоятельство объективно предопределило заметное отставание в их изучении по сравнению со среднедонскими. Определенную роль сыграло и отсутствие в глубинных районах Верхнего Подонья ярких могильников типа Частых и Мастогиных Курганов, которые давно и прочно привлекли внимание скифологов к Среднему Дону.

Лишь в результате археологического обследования Верхнего Подонья, проведенного в конце 50–60-х годах археологической экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством В.П. Левенка, была выявлена довольно многочисленная серия поселений, большинство из которых принадлежали городищной культуре (Левенок В.П., Миронов В.Г., 1976). Они позволили выделить новый донской район городищной культуры, включавший более 70 поселений. Исследователи указали некоторые его локальные особенности (преобладание открытых поселений над городищами, сильное воздействие керамических традиций среднедонских племен и др.). С той поры число известных городищных памятников на Верхнем Дону увеличилось не менее чем в два раза (рис. 7). Однако сколько-нибудь масштабные их раскопки не производились вплоть до середины 80-х годов. Лишь в 1985–1989 гг. на р. Воронеж были исследованы широкими площадями два поселения: Пекшевское городище и стоянка Студеновка 3. Их материалы не только позволили поставить, но и решить ряд вопросов этнокультурной истории Верхнего Подонья в первой половине I тыс. до н.э. (Медведев А.П., 1993).

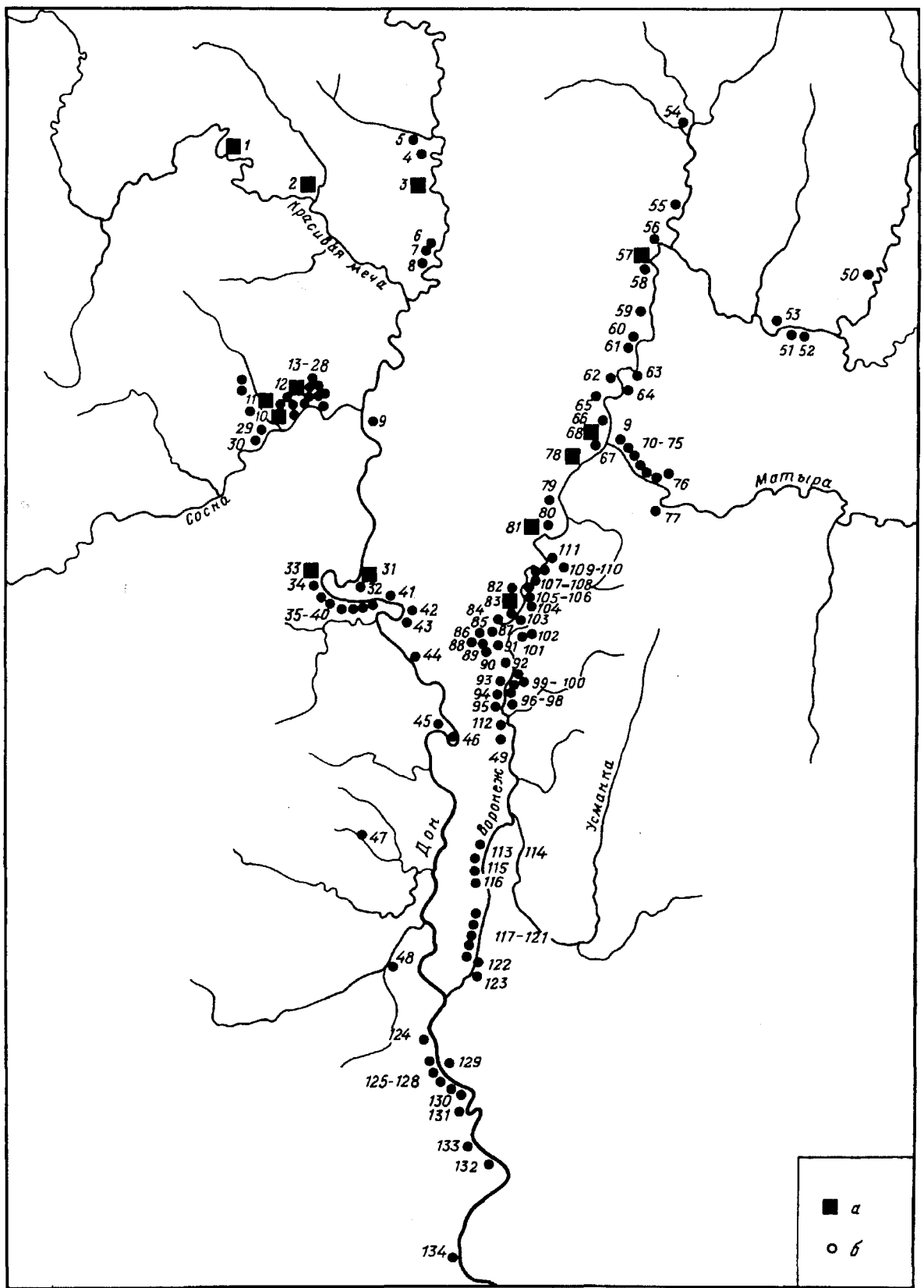
Но прежде чем перейти к их анализу, необходимо рассмотреть вопрос о природно-климатической ситуации в этом регионе в начале железного века, так как без ее учета невозможно в должной мере понять и оценить природу тех исторических процессов, которые протекали на Верхнем Дону в ту эпоху.

К концу переходного периода природно-климатическая обстановка в лесостепном Подонье стала несколько меняться к лучшему. К VII в. до н.э. завершился засушливый период (SB-3). Его сменила новая субатлантическая эпоха, начальная

фаза которой отличалась повышенной увлажненностью при сохранении в целом довольно прохладного климата (Брукс К., 1952. С. 271–277; Нейштадт М.И., 1957. С. 174; Шнитников А.В., 1957. С. 163–164; Будыко М.И., 1980. С. 169). По разным оценкам температура воздуха тогда была на 2–4 градуса ниже климатического оптимума (Александровский А.Л., 1983. С. 20; Борисенков Е.П., Пасецкий В.М., 1988. С. 43). По палинологическим и радиоуглеродным данным экстремум похолодания и увлажнения в северной части Среднерусской возвышенности датируется временем 2540±40 лет назад (Климанов В.А., Серебрянная Т.А., 1986. С. 98–101). Исследование растительных макро- и микроостатков из слоев позднеголоценовых отложений с поселений в низовьях р. Воронеж показало, что они произрастали в условиях, свойственных сейчас более северным районам Подмосковья (Хмелев К.Ф., 1973. С. 168). Характерной чертой климата стало преобладание холодных летних сезонов (Борисенков Е.П., Пасецкий В.М., 1988. С. 49). Но судя по повышенной солнечной активности, в это время зимы становятся более мягкими, влажными и ветреными (Демкин В.А., Лукашев А.В., 1993. С. 51).

Изменения природно-климатической обстановки на начальной фазе позднего голоцена весьма существенно повлияли на развитие ландшафтов лесостепной зоны. В это время заметно повысился уровень воды в водоемах, что находило подтверждение и в данных археологии, в частности в устойчивой топографической приуроченности поселений начала железного века к возвышенным участкам поймы, боровым террасам, но главным образом к коренным берегам рек. Повышение влажности способствовало расширению площади лесов. На Верхнем Дону максимальное облесение восходит к началу субатлантического периода (Серебрянная Т.А., 1992. С. 60). В центральных и южных районах Донского правобережья широко распространяются дубравы, проникающие на плакоры, где они чередуются с разнотравно-луговыми степями.

В I тыс. до н.э. дубовая лесостепь как тип растительности достигает своего расцвета (Климанов В.А., Серебрянная Т.А., 1986. С. 96). По мнению ряда исследователей, в это время она начинает наступать на степь. В результате граница зон несколько смещается к югу (Серебрянная Т.А., 1982.

С. 185; Александровский А.Л., 1988. С. 91). Особенно активно леса проникали на юг по долинам больших рек: Дона, Воронежа, Хопра. Именно для этой фазы позднего голоцена палеопочвоведы и палинологи фиксируют многочисленные свидетельства зарастания речных долин лесами (Нейштадт М.И., 1954. С. 169–171; Хмелев К.Ф., 1973. С. 159). Судя по разрезу торфяника Двуречье–Есаулово близ Липецка, на Верхнем Дону среди древесных пород появляется не только сосна, но и ель, причем в значительном количестве (Грищенко М.Н., 1976. С. 212). Как известно, последняя служит надежным индикатором распространения на ту или иную лесостепную территорию более холодостойких лесов. В настоящее время в естественном состоянии она здесь уже не произрастает. Сосновые леса с примесью широколиственных пород разрастаются не только на Верхнем Дону, но и по всей долине Среднего Дона (Федорова Р.В., 1976. С. 140). Признаки ее облесения зафиксированы и южнее вплоть до низовий Хопра, где сейчас господствуют чисто степные ландшафты (Лопатников М.И., 1960).

Скорее всего, расширению площади лесов в Подонье способствовали не только перечисленные природно-климатические факторы, но и резкое сокращение численности, а значит, и хозяйственной активности лесостепного населения к началу I тыс. до н.э. В результате природа получила срок, вполне достаточный для восстановления древесного и травяного покрова, а также животного мира.

ПОСЕЛЕНИЯ С ТЕКСТИЛЬНОЙ КЕРАМИКОЙ

Существенные изменения природно-климатической обстановки создали естественные предпосылки для расселения в Верхнем Подонье в самом начале железного века новых групп населения, хо-

зяйство и образ жизни которых оптимально отвечали сформировавшимся ландшафтам. Сейчас здесь выявляется не менее двух последовательных волн миграций на юг северных лесных племен (Медведев А.П., 1991. С. 95–96).

С первой наиболее ранней волной было, видимо, связано распространение на Верхнем Дону и Воронеже памятников с так называемой текстильной (иногда ее называют сетчатой) керамикой. Единичные фрагменты такой посуды встречались и ранее в слоях городецких поселений (Левенков В.П., Миронов В.Г., 1976. С. 23, рис. 3, 5; 5, 11–18). Но они всегда рассматривались исследователями как компонент городецкого керамического комплекса наряду с классической “рогожной” посудой. Однако исследование Скифо-Сарматским отрядом археологической экспедиции Воронежского университета Пекшевского городища позволило внести существенные коррективы в хронологию и культурную оценку верхнедонских поселений с текстильной керамикой. Как представляется, материалы этого памятника дают возможность поставить вопрос о выделении их в отдельный культурно-хронологический пласт. Уже сейчас поселений с текстильной керамикой в Подонье насчитывается не менее двух десятков. Но по-прежнему базовым памятником этого типа остается Пекшевское городище.

Пекшевское городище занимает высокий мыс правого берега р. Воронеж, в его нижнем течении (рис. 8,а). Оно отличается сравнительно небольшими размерами 50×120 м при высоте около 40 м. Со стороны поля городище защищено двумя линиями укреплений, каждая из которых состояла из рва и вала. На памятнике полностью исследована внутренняя городищенская площадка, раскопаны обе линии укреплений, вскрыта примерно половина его площади (около 2700 м²). Среди известных поселений раннего железного века лесостепного Подонья оно выделяется наличием по краям городищенской

←
 Рис. 7. Карта памятников с текстильной и псевдорогожной керамикой на Верхнем и Среднем Дону: а – городище, б – поселение
 1 – Дубики, 2 – Скородное, 3 – Перехваль 2, 4 – Ново-Никольское, 5 – Солнечный 2, 6 – Лебедянская птицефабрика, 7 – Покрово-Инвалидная 5, 8 – Покрово-Казачья, 9 – Каменка Верховская, 10 – Воргол, 11 – Рябинки, 12 – Александровское, 13–28 – поселения в Ельце и его окрестностях, 29 – Нижний Воргол, 30 – Глушица, 31 – Верхнее Казачье (гор.), 32 – Верхнее Казачье (пос.), 33 – Каменка (гор. “Курган”), 34 – Каменка Задонская, 35–40 – Замятино: пос. 3, 5, 7, 10, 11, 13, 41 – Казачья Страница, 42 – Данышино 4, 43 – Данышино 10, 44 – Елецкое Маланино, 45 – Донская Негачевка 1, 46 – Кривоборье, 47 – Губарево, 48 – Чаусовка, 49 – Пекшево, 50 – Изосимовское, 51–52 – Старое Торбево: пос. 1 и 2, 53 – Большое Лаврово, 54 – Климово, 55 – Колыбельское, 56 – Студеновка 3, 57 – Гудовское (гор.), 58 – Делеховое 2, 59 – Доброе, 60–61 – Богородицкое: пос. 1 и 2, 62 – Кузьминка, 63 – Горица, 64 – Желтые Пески, 65 – Никольское, 66–67 – г. Липецк, пос., 68 – Липецк (гор.), 69 – Мелкий Брод, 70–75 – поселения в устье р. Матыры: Рыбное Озеро 1 и 2, Сокольское, Бугор, Наташа, 76 – Егунов Хутор, 77 – Грязи, 78 – Сырское (гор.), 79 – Пады 4, 80 – Крутогорье, 81 – “Малый Липяг” (гор.), 82 – Бригантина 2, 83 – Вербилово (гор.), 84 – Вербилово, пос. 8, 85 – Малинино 5, 86 – Мечковская Балка 2, 87 – Стерляговка 7, 88 – Малый Мечек, 89 – Вертячье 1, 90 – Вертячье 2, 91 – Вертячье (гор.), 92 – Курино 1, 93 – Подгорное 1, 94 – Плещеево 1, 95 – Синдякино 2, 96–98 – Излегоще: пос. 10, 21, 29, 99–100 – Савицкое: пос. 1 и 8, 101–102 – Лесохи-мический участок: пос. 17, 18, 103 – Первомайский кордон 4, 104 – Малининский кордон 5, 105–106 – Вербиловский кордон: пос. 2 и 5, 107–108 – устье Кривки: пос. 4 и 5, 109–110 – Колодецкое лесничество: пос. 3 и 7, 111 – Гудовское лесничество 6, 112 – Глушицы 2, 113–114 – Чертовицкое: пос. 3 и 6, 115 – Чертовицкая стоянка, 116 – Рыбачий кордон (гор.), 117–121 – поселения в черте г. Воронежа, 122 – Шилово, 123 – Таврово, 124 – Рудкино, 125–128 – Костенки: пос. IV, VI, VIII, XIII, 129 – Погоново Озеро, 130 – Боршевское III, 131 – Боршевское VI, 132 – Титчиха, 133 – Нижнесторожевская стоянка, 134 – Мостище (гор.)

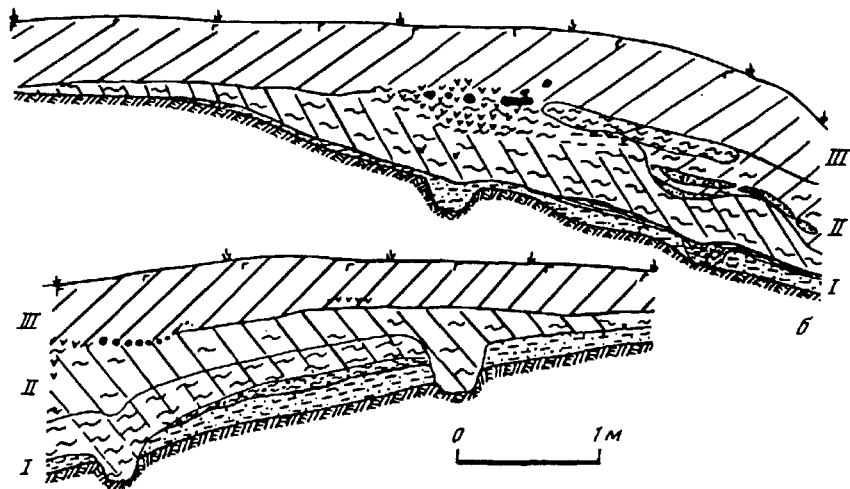
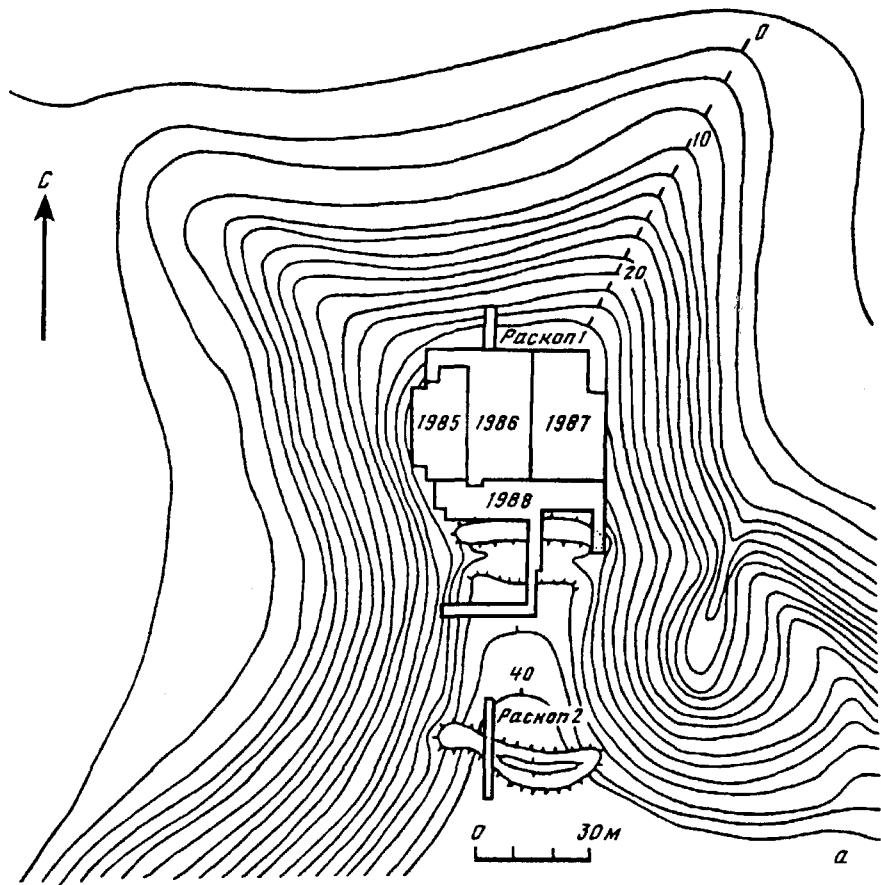

Рис. 8. Пекшевское городище: а – план, б – профили бровок. I – нижний слой, II – средний слой, III – верхний слой

площадки культурных напластований мощностью до 2 м, разделенных двумя разновременными прослойками пожарищ на три слоя (рис. 8,б). При исследовании городища по его периметру повсеместно выявлялась одна и та же стратиграфия.

Нижний слой (глубина 1,6–2 м от современной поверхности), состоящий из супеси бурого цвета, характеризуется наличием в керамическом комплексе текстильной и грубой гладкостенной посуды с так называемым тычковым орнаментом, а также

большим количеством изделий из кости. Он отделен от среднего слоя тонкой золисто-углистой прослойкой пожара.

Средний золистый слой (глубина 0,4–1,6 м) содержит архаическую скифоидную керамику с защипами по венчику и проколами по шейке, а также железные, бронзовые и костяные изделия VI–V вв. до н.э. С этим слоем стратиграфически надежно связывается сооружение древнейших укреплений городища.

Верхний слой (глубина 0,1–0,4 м) темно-серой супеси с многочисленными находками керамики и других изделий, аналогичными материалами среднедонских городищ IV–III вв. до н.э. У краев городищенской площадки он везде перекрывает мощную золисто-углистую прослойку пожара с остатками сгоревших деревянных конструкций. На основной части городища этот слой является единственным и залегает непосредственно на материке. На поверхности и в первом штыке этого слоя встречались также отдельные свидетельства продолжения жизни на городище в первые века н.э.

Интересующий нас нижний слой представляет собой остатки древнейшего поселения, возникшего, видимо, в самом начале железного века на месте будущего городища. Планиграфический анализ материалов показал, что его первые обитатели использовали для жизни только края мысовой площадки у ее склонов. Никаких жилых или хозяйственных сооружений этого времени на ней не обнаружено, кроме канавообразных ям неясного назначения. Основную массу находок в нижнем слое составляет лепная керамика. По способу обработки поверхности она легко подразделяется на две группы: текстильную и гладкостенную.

Коллекция текстильной посуды включает 86 венчиков, 35 днищ и около 150 стенок (рис. 9). Она составляет 22,8% керамического комплекса древнейшего поселения. Керамика изготовлена в технике обычного спирального налета из глины с добавлением дресвы, песка, а в отдельных случаях и мелкого шамота. Поверхность сосудов серая, иногда почти черная, редко коричневая. Отличительной особенностью этой посуды являются оттиски ткани, обычно покрывающие всю поверхность сосуда. Большинство фрагментов венчиков имеют так называемые “ниточные” отпечатки (42 экз.), чуть реже встречаются “бороздчатые” (40 экз.) и совсем немного найдено фрагментов с “рябчатymi” отпечатками (4 экз.). Днища сосудов довольно широкие, плоские, большинство без закраин, лишь у некоторых заметен намечающийся рантик (рис. 9, 14–15). По форме тулова текстильная керамика подразделяется на пять типов.

Тип 1 – банки – 7 экз. (рис. 9, 1, 3). Край венчика утолщен, плоско срезан, почти всегда покрыт

оттисками ткани. Под венчиком встречается орнаментация крупными “жемчужинами” от несквозных наколов изнутри, иногда в сочетании с неглубокими вдавлениями круглой палочки снаружи, нанесенной поверх ткани.

Тип 2 – слабо профилированные горшки с прямым или чуть отогнутым наружу венчиком и намечающимися плечиками – 12 экз. (рис. 9, 2, 4). Край венчика плоско срезан и покрыт отпечатками ткани. Большинство сосудов этого типа не орнаментировано. Лишь у отдельных экземпляров под венчиком имелись “жемчужины”, сквозные проколы или неглубокие вдавления круглой в сечении палочкой.

Тип 3 – более профилированные округлобокие горшки с коротким прогнутым внутрь венчиком – 11 экз. (рис. 9, 5–7). Край обычно плоско срезан и орнаментирован оттисками ткани. Под венчиком появляются сквозные проколы, а ниже – один-два ряда неглубоких вдавлений круглой палочки. Один сосуд украшен по плечикам двойными прочерченными линиями, образующими зигзаг (рис. 9, 6).

Тип 4 – хорошо профилированные горшки с высоким прямым венчиком, образующим в месте перехода в тулово плечо в виде уступа – 29 экз. (рис. 9, 8–10). Край венчика плоско срезан, иногда Т-образно расплюсчен. По его срезу нанесен оттиск ткани, очень редко – поперечные насечки. Под венчиком обычны сквозные проколы, а ниже по шейке – вдавления круглой палочки в один-два ряда. Иногда они составляют треугольники или грозди вершиной книзу. Один раз встречен орнамент вдавлениями полой костяной трубочки.

Тип 5 – хорошо профилированные горшки с сильно отогнутым наружу венчиком и резко сужающимся ко дну туловом (рис. 9, 12–13). Край венчика плоско срезан, украшен оттисками ткани или вдавлениями палочки, по шейке нанесены один-два ряда таких же вдавлений. У некоторых сосудов венчик орнаментирован крупными пальцевыми защипами в сочетании с мелкими сквозными проколами по шейке (рис. 9, 13).

Типологический и стратиграфический анализ текстильной керамики позволил выявить некоторые тенденции ее развития. В основании слоя преобладали банки и слабо профилированные горшки 1–3 типов с уплощенным венчиком, покрытым отпечатками ткани, “жемчужинами” и рядами неглубоких круглых вдавлений по плечикам. В верхней части древнейшего слоя, а также в нижних штыках среднего слоя встречались горшки 4–5-го типов. Некоторое распространение в основании среднего скифоидного слоя сосудов двух последних типов, а также появление орнаментации сосудов пальцевыми защипами по венчику в сочетании со сквозными проколами (16,7% текстильной посуды) трудно объяснить иначе, как воздействием керамической

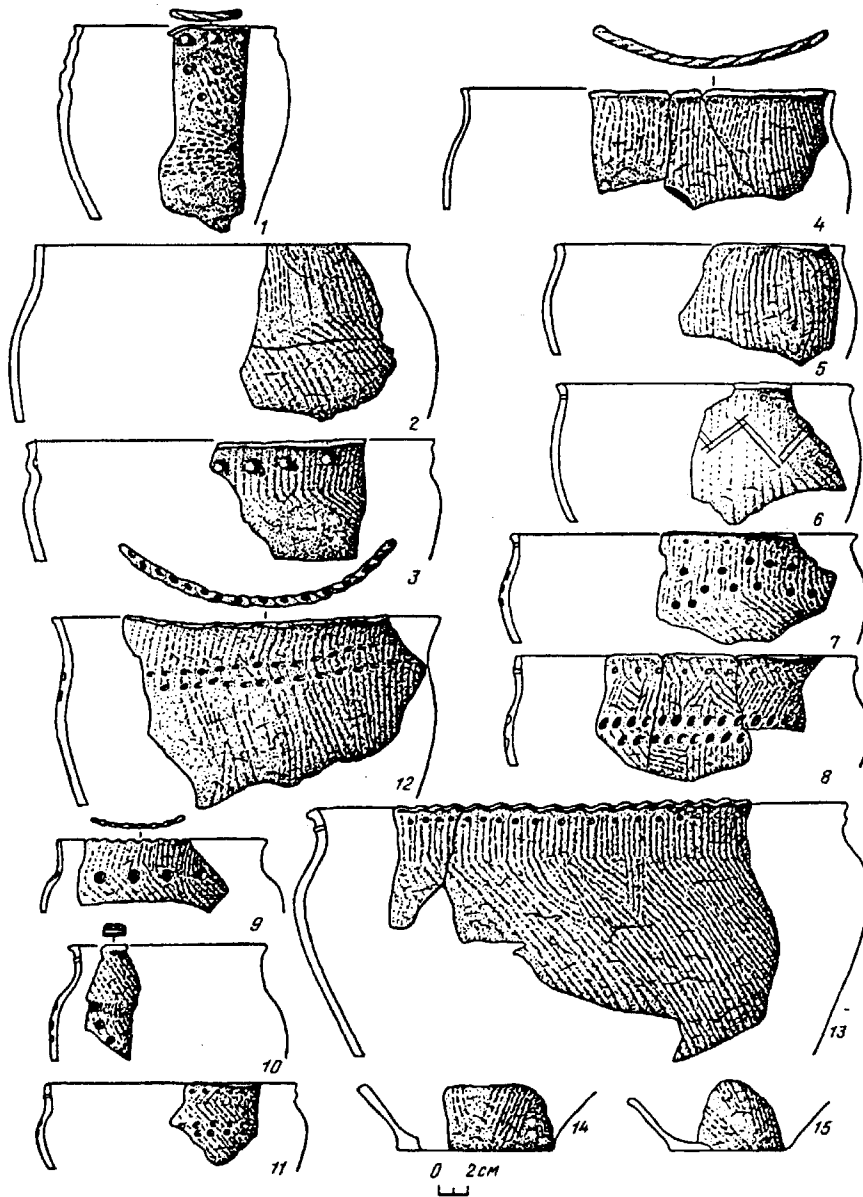

Рис. 9. Текстильная керамика Пекшевского городища

традиции лесостепного скифоидного населения. Но весьма показательно, что даже эта группа текстильной посуды резко отличается от керамики среднего слоя не только по форме, но и по характеру примесей в тесте. В качестве таковой в ней использовались песок и дресва, реже мелкий шамот плюс органика, тогда как в основной массе скифоидной керамики для этой цели применялся главным образом лишь шамот, часто очень крупный.

И еще одно наблюдение. В среднем слое встречено 8 венчиков сосудов, демонстрирующих постепенное изживание традиций изготовления текстиль-

ной керамики. Большая часть поверхности этих сосудов уже гладкостенная, оттиски ткани покрывали лишь плечики и шейки сосудов, а затем только плоский край венчика. Последний этап деградации текстильной посуды, видимо, представляют гладкостенные горшки, по форме, орнаментации и составу теста идентичные 4-5 типам текстильной керамики, но уже без каких-либо отпечатков ткани (рис. 10, 12-13). О них речь пойдет ниже.

Вторая группа лепной керамики из нижнего слоя Пекшевского городища включает 292 венчика гладкостенных сосудов, большинство из кото-

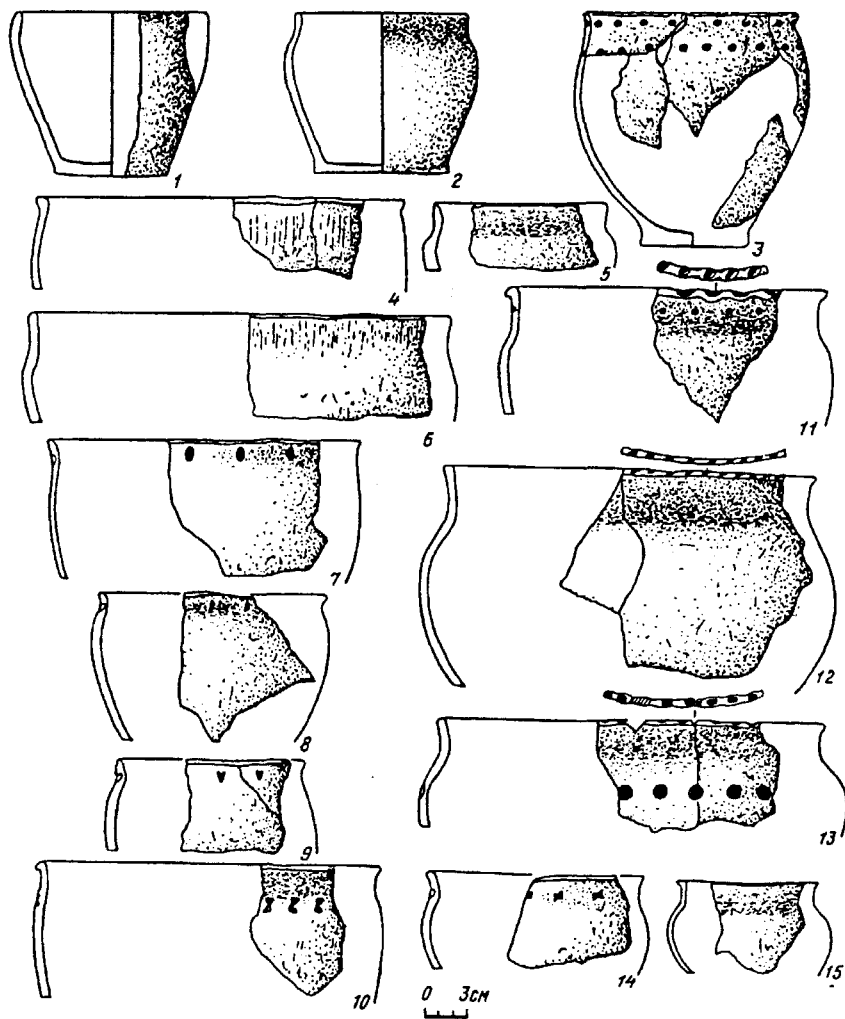

Рис. 10. Гладкостенная тычковая керамика Пекшевского городища

рых украшено характерным тычковым орнаментом (рис. 10). Эта посуда составляет 77,2% керамического комплекса древнейшего поселения. Морфологически она подразделяется на пять типов.

Тип 1 – банки – 11 экз. (рис. 10, 1, 4). Венчик слегка наклонен внутрь, иногда закруглен, но чаще плоско срезан. Сосуды, как правило, не орнаментированы, только изредка встречается орнамент в виде неглубоких пальцевых вдавлений по тулову. Банки составляют лишь около 4% гладкостенной посуды.

Тип 2 – горшки со слабо профилированным туловом и высоким прямым венчиком, образующим в месте перехода в тулово плечо в виде уступа – 18 экз. (рис. 10, 2, 5, 6). Венчик сосудов закруглен или приострен. Большинство из них не орнаментированы, и лишь отдельные экземпляры украшены по венчику пальцевыми защипами в сочетании со сквозными проколами по шейке или вдавлениями

щепки. Сосуды этого типа составляют 6,2% керамической серии.

Тип 3 – горшки со слабо профилированным туловом и хорошо выделенным прямым или чуть отогнутым невысоким венчиком – 169 экз. (рис. 10, 3, 7–9). Его край приострен и скруглен. Как правило, он не орнаментирован, зато по шейке почти всегда нанесены вдавления круглой палочкой (рис. 10, 3) или щепкой, поставленной под углом (рис. 10, 8–9), реже оттиски пальца или ногтя (рис. 10, 7). Горшки этого типа преобладают в анализируемой керамической серии (58,2%).

Тип 4 – горшки со слабо профилированным туловом и характерным прогнутым внутрь венчиком, образующим в месте соединения с туловом намечающееся плечо – 25 экз. (рис. 10, 10–11). Край венчика утолщен и часто плоско срезан, изредка орнаментирован пальцевыми защипами. Шейка сосудов обычно украшена рядом вдавле-

ний круглой палочки или щепки, в том числе двойными, образующими характерный оттиск в виде “бантика” (рис. 10, 10). Горшки этого типа составляют 8,6% керамической серии.

Тип 5 – горшки с хорошо профилированным округлым туловом и венчиком, обычно образующими изнутри в месте соединения отчетливо выраженное ребро – 69 экз. (рис. 10, 12–15). Большинство сосудов этого типа не орнаментированы. У некоторых экземпляров по срезу венчика нанесены вдавления палочкой (рис. 10, 13) или широкие косые насечки (рис. 10, 12). Орнамент на плечиках в виде крупных круглых вдавлений (рис. 10, 13) и оттисков щепки (рис. 10, 14) встречается редко. В целом горшки 5-го типа составляют 23,5% анализируемой керамической серии.

Сосуды 1–4 типов изготовлены в одной и той же керамической традиции. Они имеют характерную шероховатую поверхность, иногда с вертикальными расчесами (рис. 10, 4, 6), цвет серый, желтоватый, реже коричневый. В тесте преобладает примесь дресвы. Для нижнего слоя характерны слабопрофилированные формы, близкие банкам, и приземистые округлобокие горшки с прямой, почти цилиндрической шейкой (68,4% всей керамической серии). И те, и другие выглядят весьма архаично. По основным морфологическим признакам и составу теста они сопоставимы с посудой финального горизонта культуры эпохи бронзы лесной и лесостепной полосы Восточной Европы.

Для культурной атрибуции этой керамики весьма показательной является орнаментация. У большинства сосудов она ограничивается рядом вдавлений по шейке, нанесенных круглой палочкой или чаще просто щепкой. По этому признаку горшки 1–4 типов сближаются с так называемой тычковой керамикой Поочья (Алихова А.Е., 1959. С. 113–116; Вихляев В.И., 1986. С. 206–208). Ее носители проживали в поречье Оки на рубеже бронзового и железного веков. По мнению большинства исследователей, они составили непосредственный этнический субстрат городецких племен с классической “рогожной” керамикой (Вихляев В.И., 1986. С. 207–208; Миронов В.Г., 1995. С. 76). Обращает на себя внимание явное сходство основных элементов орнамента, в том числе комбинированного, на пекшевской посуде и на тычковой керамике. Весьма распространена подобная орнаментация и на бондарихинской посуде.

Однако при сопоставлении гладкостенной керамики нижнего слоя Пекшевского городища со среднеокской, примокшанской и бондарихинской обращает на себя внимание одно существенное отличие. У последних тычковый орнамент часто наносился по всему тулову в несколько рядов, тогда как на пекшевской керамике он за единственным исключением (рис. 10, 3) ограничивался одним рядом вдавлений по шейке. Это отличие, скорее все-

го, может быть интерпретировано как более поздний хронологический показатель исследуемой серии по сравнению с названными выше среднеокской, примокшанской и бондарихинской.

Среди гладкостенной керамики Пекшевского городища заметно выделяется 5-й тип сосудов. По форме, орнаментации и составу теста они близки 4-му типу текстильной посуды, отличаясь от него по существу лишь отсутствием оттисков ткани по тулову. Морфологически эти горшки выглядят более развитыми, чем гладкостенные сосуды 1–4 типов. Для них чаще характерна орнаментация по венчику, нанесенная палочкой или отпечатками ткани, свойственная и текстильной посуде. Наконец, немаловажно и стратиграфическое положение сосудов 5-го типа – более половины их встречено в основании среднего слоя, в том числе выше прослойки древнейшего пожара начала VI в. до н.э.

В целом, оценивая соотношение двух керамических серий Пекшевского городища, более архаичной следует признать слабо профилированную гладкостенную посуду с тычковым орнаментом. Последнее, конечно, не означает, что текстильная и гладкостенная тычковая керамика принадлежат к разным хронологическим пластам. Судя по всему, на Верхнем Дону они появляются вместе как единый керамический комплекс с более “ранним” гладкостенным тычковым компонентом и более “поздним” текстильным. Скорее всего, они оставлены одной из групп северного, лесного по происхождению населения, у которого еще не вполне завершился процесс ассимиляции племенами текстильной керамики носителей гладкостенной посуды с тычковым орнаментом. Но не исключено, что впоследствии удастся хронологически и культурно расценить и этот керамический комплекс.

Исходя из проведенного выше анализа, дату древнейшего поселения Пекшевского городища по керамике можно было бы определить в пределах VIII–VII вв. до н.э.¹ Однако с учетом времени наступления существенных природно-климатических изменений в сторону увлажнения и похолодания и последовавшего за ними заметного облесения Верхнего Подонья это событие предпочтительнее отнести ко второй половине указанного срока – к VII – началу VI в. до н.э. Именно этому переходному времени оптимально соответствует состав керамического комплекса нижнего слоя Пекшевского городища, в частности соотношение в нем гладкостенной и текстильной посуды (Вихляев В.И., 1986. С. 206–207). Явное преобладание первой может рассматриваться как дополнительный аргумент в пользу отнесения этого поселения к самому

¹ Сейчас время бытования развитой текстильной (сетчатой) керамики на окских городищах по серии радиоуглеродных дат определяется в пределах X–VIII вв. до н.э. (Фоломеев Б.А., 1993. С. 19–20). Текстильная керамика появляется на городецких городищах лишь около середины VIII в. до н.э. (Миронов В.Г., 1995. С. 75).

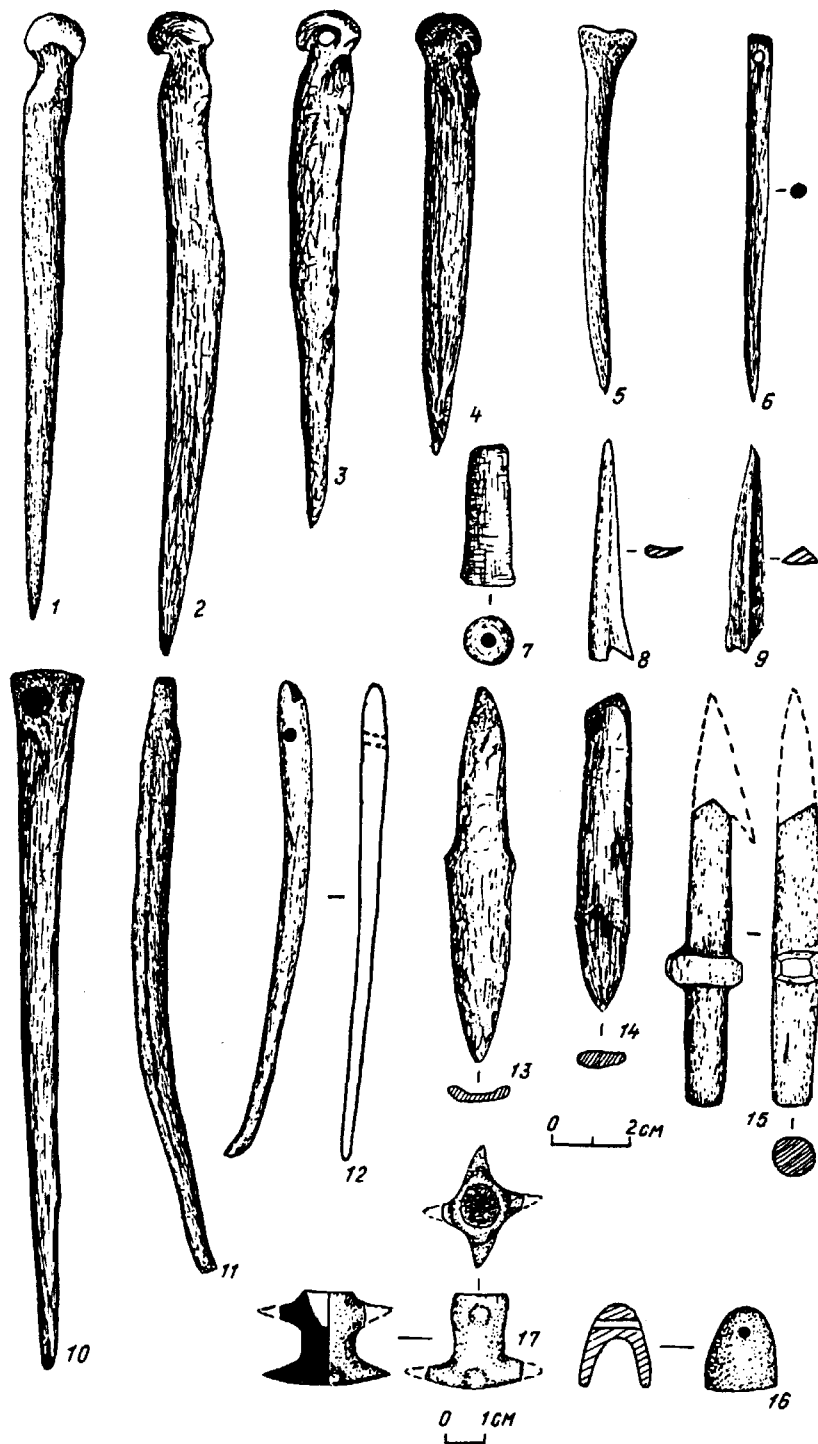

Рис. 11. Охотничий и рыболовецкий инвентарь нижнего слоя Пекшевского городища

начальному этапу городецкой культуры или даже еще к подстилающему ее субстрату, общему как для этой, так и для дьяковской культуры.

Обращает на себя внимание и полное отсутствие в нижнем слое Пекшевского городища “рогож-

ной” посуды – важнейшего, но явно более позднего компонента городецкой культуры по сравнению с текстильной (сетчатой) керамикой. Она появляется на Верхнем Дону не ранее VI в. до н.э. (Медведев А.П., 1993. С. 89). На достаточно раннее время

существования древнейшего поселения Пекшевского городища косвенно указывает и обилие разнообразных поделок из кости и рога, тогда как изделия из железа здесь не встречены ни разу.

Среди костяных изделий преобладают проколки крупных размеров (рис. 11, 1–2), реже более миниатюрные (рис. 11, 5). Крупные проколки имели в верхней части характерное округлое утолщение с узким перехватом для привязывания нити или шнура. Как крупные, так и миниатюрные проколки обнаруживают массовые аналогии на ранних дьяковских (Смирнов К.А., 1974. С. 43–44; Дубынин А.Ф., 1974. С. 223, табл. IV, 22–23; XVIII, 12, 14; XIX, 13–17), ананьинских (Збруева А.В., 1952. С. 241, табл. XLIV, 1–2) и в меньшей степени городецких (Смирнов А.П., Трубникова Н.В., 1965. С. 17, табл. 13, 1–3, 5–6) городищах. Среди этой категории находок есть кочедыки для плетения сетей (рис. 11, 3–4). От обычных крупных проколок они отличаются меньшей длиной и не таким острым и узким, как у проколок, рабочим концом. В верхней части кочедыки также имели округлое утолщение, иногда с отверстием для вдевания нити (рис. 11, 3). Скорее всего, для плетения сетей применялись и крупные иглы длиной до 18 см с тупым или даже слегка загнутым рабочим концом (рис. 11, 10–12). Кроме них, найдены костяные швейные иглы небольших размеров (рис. 11, 6). Их находки также обычны для дьяковских (Смирнов К.А., 1974. С. 43; Дубынин А.Ф., 1974, табл. VI, 13–14), городецких (Смирнов А.П., Трубников Н.В., 1965. С. 17, рис. 14, 3), ананьинских (Збруева А.В., 1952. С. 61, табл. XLII, 9) и других лесных городищ.

Немногочисленны, но весьма любопытны по своему набору костяные наконечники стрел. Они принадлежат трем различным типам: цилиндрическим наконечникам с глухим продольным отверстием для древка и тупым ударным концом (рис. 11, 7), черешковым однокрылым (рис. 11, 8) и трехгранным с шипами на концах лопастей (рис. 11, 9). Первый тип хорошо известен не только по находкам в слоях древнейших городищ лесной полосы, но и по этнографическому материалу, в частности у коренных таежных народов Урала и Сибири (Смирнов К.А., 1974. С. 29, табл. 1, 4). Стрелы с такими наконечниками применялись для охоты на мелкого пушного зверя. Их тупой конец убивал или глушил животных, но не портил меха. Второй тип восходит к более ранним костяным однокрылым наконечникам стрел лесных культур эпохи бронзы. На дьяковских городищах аналогичные изделия происходят из основания или нижней части культурного слоя (Смирнов К.А., 1974. С. 31, табл. 1, 21, 23). Обычно их датируют VII–VI вв. до н.э., хотя там они встречаются и несколько позже (Розенфельд И.Г., 1974. С. 99). На городецких городищах их находки единичны, возможно, из-за бо-

лее позднего времени большинства из них. Костяные трехгранные наконечники с боковыми шипами в лесной полосе известны повсеместно, но их датируют широко VII–III в. до н.э. (Смирнов К.А., 1974. С. 31, табл. 1, 9). Однако, судя по находкам наконечников с такой же сильно вытянутой треугольной головкой в ананьинских погребениях вместе с бронзовыми наконечниками VII в. до н.э. (Халиков А.Х., 1977. С. 206), скорее всего, и их можно отнести к числу наиболее ранних.

Костяные наконечники копий или дротиков представлены также тремя экземплярами (рис. 11, 13–14). Они изготовлены из расколотых пополам трубчатых костей животных. Особо следует отметить находку фрагментированного однозубого гарпуна с муфтой (рис. 11, 15). Такие отделяющиеся от дерева гарпуны использовались для охоты на крупную рыбу или зверя, живущего в воде (бобра, выдру). Многочисленные находки подобных гарпунов известны на дьяковских городищах, причем главным образом на тех, где есть ранние слои (Смирнов К.А., 1974. С. 35; Дубынин А.Ф., 1974. С. 222, табл. 3, 1–7, 10–13, 17–20). Достаточно раннюю их датировку подтверждают и находки подобных орудий на чернолесских городищах (Тереножкин А.И., 1961. С. 97, рис. 68, 1). Видимо, по той же причине на городецких городищах гарпунов этого типа найдено очень мало (Смирнов А.П., Трубникова Н.В., 1965. С. 17). В целом костяной инвентарь нижнего слоя Пекшевского городища отличается исключительно архаическим обликом, как и в древнейших слоях дьяковских городищ (Смирнов К.А., 1974. С. 78; Розенфельд И.Г., 1974. С. 189).

Кроме костяных изделий, в нижнем слое изредка встречались каменные орудия. Как правило, это обломки абразивных плит и точильных камней. Обращает на себя внимание полное отсутствие в этом слое находок каменных зернотерок и пестов-растиральников, обычных для среднего и верхнего слоев этого памятника, как, впрочем, и для других скифоидных городищ лесостепного Подонья. Из других изделий следует назвать единичные находки пряслиц и грузиков. Подавляющая же масса таких орудий найдена в более поздних – среднем и верхнем – слоях (свыше 700 экз.). В среднем слое встречена интересная находка глиняного “колокольчика” с отверстием для подвешивания (рис. 11, 16). Она обнаруживает близкие аналогии среди глиняных поделок дьяковских городищ (Смирнов К.А., 1974, табл. VII, 15; Дубынин А.Ф., 1974, табл. XIV, 19). Наконец, нужно обратить внимание на оригинальный миниатюрный сосудик с четырьмя выступами-шипами по бокам (рис. 11, 17). Он резко выделяется среди многочисленной серии миниатюрных сосудиков Пекшевского городища и также находит довольно точную аналогию в дьяковской культуре (Смирнов К.А., 1974, табл. IX, 9).

Завершая анализ материальной культуры древнейшего поселения Пекшевского городища, еще раз отмечу, что по своему облику она очень близка вещевому комплексу ранних дяковских и в меньшей степени городецких городищ. Как известно, в их нижних слоях наблюдается абсолютное доминирование изделий из кости и рога и практически полностью отсутствуют изделия из железа. Но если на дяковских городищах металл все же изредка встречается, то в нижнем слое Пекшевского городища, несмотря на довольно большую исследованную площадь, он полностью отсутствует. Видимо, это объясняется тем, что Пекшевское и другие поселения с текстильной керамикой на Верхнем Дону прекратили свое существование еще до того времени, когда здесь достаточно широко стало использоваться железо.

Не позднее начала VI в. до н.э. древнейшее поселение Пекшевского городища было уничтожено пришлыми скифоидными племенами, а часть его жителей перебита, о чем свидетельствуют находки разрозненных костяков его защитников в слое пожара. Вскоре на этом месте сооружается новое, хорошо укрепленное поселение, оставившее мощный золистый слой.

Однако наличие в нижних штыках среднего слоя наряду с абсолютно преобладающей скифоидной небольшого числа раннегородецкой текстильной керамики, в том числе с явными признаками ее деградации, указывает на то, что на городище среди пришлого населения с самого начала проживало небольшое число старожилов. Скорее всего, это были женщины — главные хранительницы керамических традиций, захваченные при разрушении древнего поселения. Стратиграфически их следы прослеживаются еще довольно долго — до верхних штыков среднего слоя². В верхнем слое IV—III вв. до н.э. они уже практически не ощутимы. Видимо, к этому времени древнейший раннегородецкий этнический субстрат был полностью ассимилирован скифоидным населением.

ГОРОДЕЦКИЕ ПАМЯТНИКИ С “РОГОЖНОЙ” КЕРАМИКОЙ

Несколько иначе складывалась этнокультурная ситуация в VI—V вв. до н.э. в более северных районах Подонья. Здесь наиболее изученным памятником начала железного века является стоянка Студеновка 3, практически полностью раскопанная экспедицией Липецкого пединститута под ру-

² По этнографическим данным полное перерождение субстратных навыков в керамическом производстве способно произойти в течение жизни пяти-шести поколений гончаров (Бобинский А.А., 1978. С. 243).

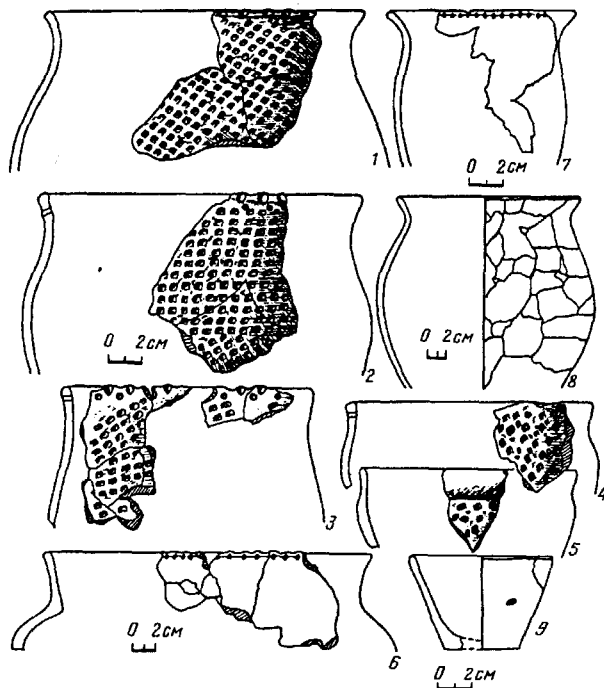

Рис. 12. Керамика из культурного слоя стоянки Студеновка 3

ководством А.Н. Бессуднова. Она находится в верхнем течении р. Воронеж, на правом его берегу, примерно в 40 км к северу от г. Липецка. Стоянка занимает небольшую дюну в пойме реки размерами 40 × 90 м, высотой не более 2—4 м. Материалы раннего железного века в культурном слое представлены почти исключительно обломками лепной керамики. Среди нее 41% составляет “рогожная”, 3,2% — текстильная с “ниточными” отпечатками, остальная керамика гладкостенная.

“Рогожная” керамика включает главным образом крупные и средние горшки плавного S-овидного профиля с мягко отогнутым наружу венчиком (рис. 12, 1—2). Его край почти всегда орнаментирован пальцевыми защипами, ниже расположены сквозные проколы. Морфологически они ничем не отличаются от наиболее распространенного 1-го типа скифоидной керамики. Однако в отличие от последнего вся их поверхность покрыта оттисками крупноячеистого штампа. Реже попадались слабо профилированные сосуды, близкие банкам (рис. 12, 3), еще реже горшки с прямо поставленным венчиком и выделенными плечиками, иногда в виде характерного уступа (рис. 12, 4—5). Орнамент тот же, что и у 1-го типа сосудов, но чаще встречается утолщенный венчик без какой-либо орнаментации. В отличие от “рогожной” керамика с текстильными отпечатками представлена только стенками. Поэтому о ее формах судить невозможно. Среди гладкостенной посуды также преобладают горшки 1-го типа с плавным

S-овидным профилем и орнаментацией венчика пальцевыми защипами (рис. 12, 7), часто в сочетании со сквозными проколами, хотя известны и неорнаментированные экземпляры (рис. 12, 8). Найдены фрагменты более профилированных крупных сосудов с венчиком, поставленным под тупым углом к тулову (рис. 12, 6). В слое встречены обломки небольших гладкостенных банок (рис. 12, 9).

На стоянке Студеновка 3 впервые для территории Верхнего Подонья открыта серия жилых и хозяйственных сооружений с материалами городецкой культуры. Среди них наибольший интерес представляют постройки № 7 и 8.

Постройка № 7 почти квадратной формы 5,5 × 6,5 м, углублена в материк на 0,35 м (рис. 13, 1). Ее пол был частично покрыт слоем обожженной глины. На полу обнаружены злаки пшеницы, ржи, ячменя, проса, чечевицы(?). В восточном углу постройки стоял лепной гладкостенный горшок, украшенный по венчику крупными пальцевыми защипами и сквозными проколами под ними (рис. 13, 1). Кроме него, на полу найдено еще 410 обломков керамики, из них 55% "рогожные" и 45% гладкостенные (рис. 13, 2-5). Керамический комплекс этой постройки отличался очень высоким процентом посуды, орнаментированной сквозными проколами, наколами и "жемчужинами" (76,7%).

Постройка № 8 в плане имела необычную семиугольную форму с почти одинаковыми сторонами длиной 1,8-2 м (рис. 14, 1). Ее стенки круто спуска-

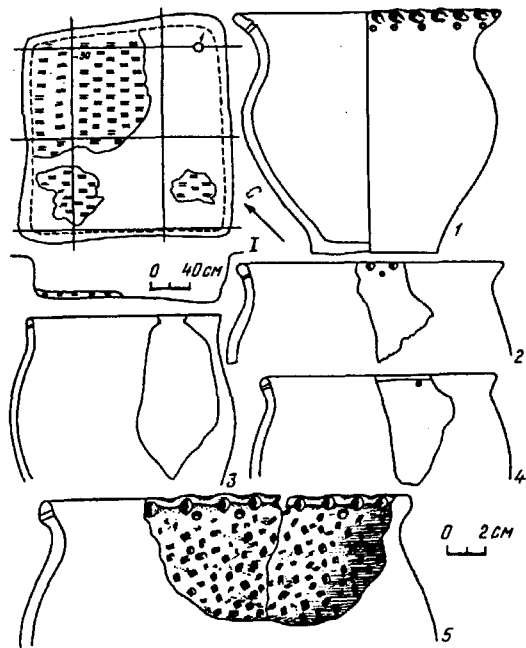

Рис. 13. Постройка № 7 стоянки Студеновка 3: 1 – план и разрез, 1-5 – находки с пола

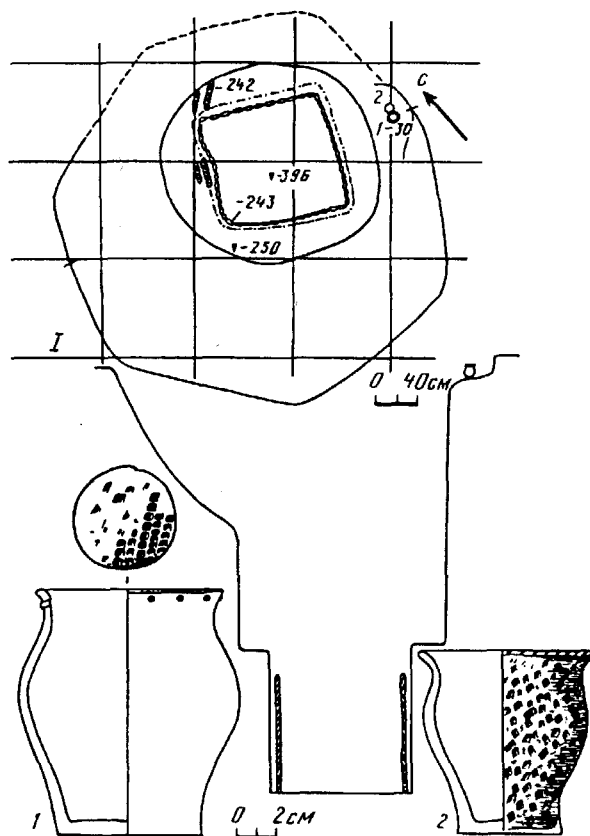

Рис. 14. Постройка № 8 стоянки Студеновка 3: 1 – план и разрез, 1-2 – сосуды из постройки

лись вниз до глубины 2,43 м. Ниже сооружение приобретало круглую в плане форму. Затем с отметки 2,5 м по всему его периметру фиксировался материковый уступ. С этого уровня сооружение имело уже форму четырехугольного колодца, стенки которого были облицованы вертикально стоящими плахами. Его дно обнаружено на глубине 3,96 м. Исследованный объект необычен, сколько-нибудь близкие аналогии ему не известны, что затрудняет определение его назначения. Однако находки позволяют уверенно отнести это сооружение к началу железного века³. В восточном углу постройки на небольшом уступе обнаружены два лепных сосуда. Первый представляет собой невысокий горшок с раздутым в средней части туловом и отогнутым наружу венчиком, под которым идут проколы (рис. 14, 1). Сосуд гладкостенный, однако на его дне внутри имеются оттиски крупноячеистого штампа. Второй небольшой, но высокий горшок имеет тюльпановидную форму, его венчик украшен косыми насечками (рис. 14, 2). Вся

³ Это сооружение можно было бы считать колодцем, если бы рядом со стоянкой не проходило старое русло реки и не протекал ручей.

его поверхность покрыта неглубокими оттисками крупноячеистого "рогожного" штампа.

Исследованные на стоянке Студеновка 3 жилые постройки не находят сколь-нибудь близких соответствий среди известных сооружений городецкой культуры. Правда, следует заметить, что вопрос о городецких жилищах относится к числу наименее изученных. В литературе большинство из них представлены лишь описаниями, да к тому же, как правило, не очень внятыми. По ним совершенно невозможно составить определенное представление о господствовавшем типе городецкого жилища. На мой взгляд, жилые постройки Студеновки 3 обнаруживают наиболее точные аналогии на лесостепных скифоидных городищах Посеймья (Пузикова А.И., 1981. С. 14–15; Пузикова А.И., 1997. С. 24–31). И те, и другие относятся к слабо углубленным полуземлянкам подквадратной или прямоугольной формы, как правило, небольших размеров с плетневыми стенами, обмазанными глиной, от которых иногда сохраняются скопления обожженной обмазки. Скорее всего, здесь мы имеем дело с проявлением лесостепной домостроительной традиции, получившей в дальнейшем наибольшее развитие в более южных районах Подонья, занятых скифоидным населением.

Для датировки и культурной атрибуции памятника основную массу данных дает керамика. Принадлежность "рогожной" посуды к городецкой культуре столь очевидна, что не требует особой аргументации. Кроме характерной обработки поверхности, на это указывают некоторые весьма распространенные в этой культуре формы сосудов (рис. 12, 3–5), обнаруживающие аналогии на городецких городищах (Вихляев В.И., 1986. С. 201, рис. 3, II–III). Технологические особенности этой керамики, в частности преобладание в тесте примесей дресвы и песка, также находят полное соответствие в традициях городецкой культуры.

Стоянка Студеновка 3 выделяется высокой долей гладкостенной посуды. Если по данным В.Г. Миронова на собственно городецких поселениях ее насчитывается не более 20%, то на анализируемом памятнике она составляет в среднем свыше 45% керамического комплекса из слоя и построек. Среди гладкостенной посуды есть, безусловно, и городецкие формы. Но они немногочисленны, причем здесь полностью отсутствует раннегородецкая гладкостенная керамика с тычковым орнаментом, доминирующая в нижнем слое Пекшевского городища. Большинство гладкостенной керамики из Студеновки 3 по форме и орнаментации очень близко, если не тождественно обычной скифоидной посуде. К последней, несомненно, относятся целые горшки из построек № 7 (рис. 13, 1) и № 8 (рис. 14, 1). Они находят многочисленные точные аналогии среди керамики лесостепных го-

родищ Посеймья и Подонья (рис. 15). От городецкой посуды их отличает не только форма и орнаментация, но также и состав теста. В нем почти всегда присутствует шамот – характерный технологический признак лесостепной скифоидной керамики.

Оценивая в целом керамический комплекс Студеновки 3, следует признать его явно смешанный характер. Генетически он восходит к двум разнокультурным традициям – лесной городецкой и лесостепной скифоидной. На этом памятнике фиксируется результат их взаимодействия, что особенно ярко заметно, с одной стороны, в появлении скифоидных по форме, орнаментации и составу теста горшков, иногда помеченных оттисками крупноячеистого штампа, а с другой стороны, в преобладании среди "рогожной" посуды с дресвой форм и орнаментов, заимствованных у лесостепных племен. Сосуществование на одном поселении и в одних и тех же жилищах носителей двух разных культурных традиций с их последующим слиянием отражает весьма сложные этнические процессы в глубинных районах Подонья в начале железного века.

Опираясь на сопоставление анализируемой керамической серии с хорошо стратифицированными и датированными керамическими комплексами Пекшевского городища, можно попытаться определить хронологические позиции Студеновки 3.

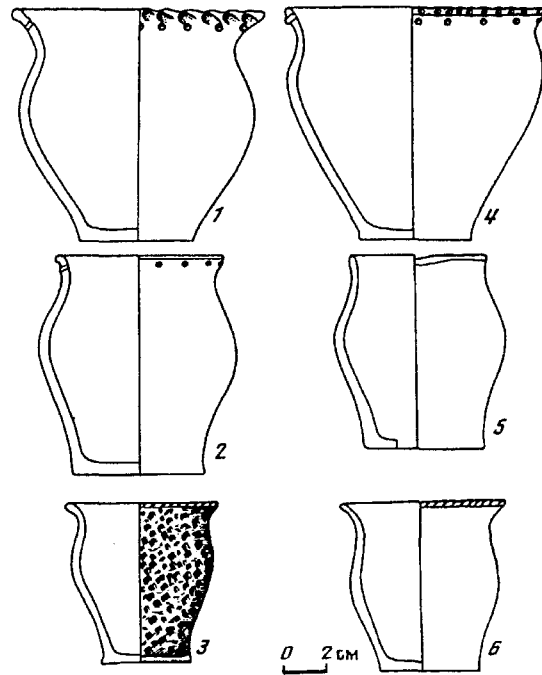

Рис. 15. Керамика со стоянки Студеновка 3 и ее лесостепные аналогии
1–3 – Студеновка 3, 4 – Марица, 5 – Пекшево (средний слой),
6 – Нартово

Стратиграфический анализ лепной посуды Пекшевского городища, проверенный и скоррелированный материалами скифоидных городищ Левобережья Днепра показал, что в качестве надежного хронологического индикатора может использоваться такой показатель, как процент керамики со сквозными проколами, наколами и “жемчужинами”. В слое Студеновки 3 она составляет до 50% керамики, а в постройке № 7 – даже 76,7%. По этому показателю ее керамический комплекс обнаруживает наибольшую степень близости керамике из основания среднего, скифоидного слоя Пекшевского городища, где доля посуды с такой орнаментацией достигает 60% (см. табл. 6). Этот горизонт датируется VI – началом V в. до н.э. Скорее всего, к тому же времени следует отнести и стоянку Студеновка 3. На такую дату указывают и другие данные, в частности преобладание на посуде проколов изнутри (достаточно ранний признак), но уже при практически полном отсутствии текстильной керамики VIII–VII вв. до н.э.

По этим показателям Студеновке 3 близки и некоторые другие верхнедонские поселения, такие, как VI Чертовицкое поселение (*Бирюков И.Е.*, 1991. С. 13) и II Перехвальское городище (*Бирюков И.Е.*, 1991. С. 13; 1993. С. 51–60). Более ранние памятники городищской культуры с “рогожной” керамикой на Дону не известны. Видимо, VI век до н.э. явился временем, когда началось распространение в этом регионе носителей “рогожной” керамики. Сейчас эта дата хорошо согласуется с установленным радиоуглеродным методом временем появления такой керамики на городищах Средней Оки (*Фоломеев Б.А.*, 1993. С. 21). И там этот рубеж определяется в пределах VI в. до н.э.

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ КУЛЬТУРНЫХ И ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА ВЕРХНЕМ ДОНУ В I ТЫС. ДО Н.Э.

Опираясь на проведенный выше анализ базовых памятников, а также привлекая все доступные материалы синхронных и более поздних поселений можно попытаться не только реконструировать этнокультурную ситуацию на Верхнем Дону в начале железного века, но и проследить основные этапы ее изменения. В этом нам поможет таблица, отражающая основную линию историко-культурного развития в изучаемом регионе в VIII–III вв. до н.э. (рис. 16). Она составлена на основе корреляции керамических серий, инструментариев и жилых построек с хорошо изученных поселений. В настоящее время можно выделить три этапа в развитии городищских памятников Верхнего Подонья.

Наиболее ранний этап представлен памятниками типа нижнего слоя Пекшевского городища

VIII–VII вв. до н.э. (рис. 16,а). Это открытые поселения, расположенные как в поймах рек, так и на мысах коренного берега. Их керамический комплекс характеризуется сочетанием текстильной и гладкостенной керамики (примерно 1:3). Видимо, к концу этапа на текстильной посуде появляются проколы и наколы под венчиком, а также пальцевые защипы, свойственные архаической скифоидной керамике. Орудия труда почти исключительно костяные, тех же типов, что и в древнейших слоях дьяковских и раннегородецких городищ. Железные изделия отсутствуют. Нет сведений и о жилищах.

Второй этап VI–V вв. до н.э. характеризуют памятники типа Студеновки 3 (рис. 16,б). Они представлены как стоянками, так и городищами (Дубики, Перехваль II, Сырское). Этот этап выделяется по широкому распространению классической “рогожной” посуды с четким крупночешуйчатым штампом в комплексе с гладкостенной скифоидной керамикой архаического облика. И ту, и другую отличает высокий показатель посуды с проколами и наколами под венчиком – от 20 до 76,7%. На поселениях встречаются “гибридные” типы сосудов, соединяющие в себе городищские и скифоидные признаки. По-прежнему доминируют костяные орудия труда и оружие, хотя появляются уже и первые железные вещи (обломок серпа с городища Дубики, фрагмент ножа с городища Перехваль II). Жилища – квадратные и прямоугольные полуземлянки площадью 5–16 м², видимо, с плетневыми, обмазанными глиной стенами.

Третий этап IV–III вв. до н.э. включает большинство верхнедонских поселений раннего железного века (рис. 16,в). Он представлен как городищами, так и стоянками. Наиболее исследованной из них является стоянка Курино на р. Воронеж, городища Воргол, Рябинки, Александровское на р. Быстрая Сосна. Этот этап отличает присутствие “рогожной” керамики с неглубокими, часто смазанными оттисками мелкозубчатого штампа, иногда прямоугольной формы в сочетании с гладкостенной скифоидной посудой, украшенной защипами и насечками под венчиком, но уже без проколов и наколов, причем последняя преобладает на большинстве верхнедонских поселений позднескифского времени. Постепенно выходит из употребления “рогожная” керамика – этот основной и по существу единственный диагностический признак городищской культуры. Орудия труда представлены как костяными, так и железными изделиями небольших размеров. Последние встречаются редко, особенно в сравнении с синхронными скифоидными городищами. Верхнедонские городища по-прежнему имеют очень небольшие размеры – 0,2–0,5 га. Появляются слабо углубленные жилища столбовой конструкции удлиненно прямоугольной фор-

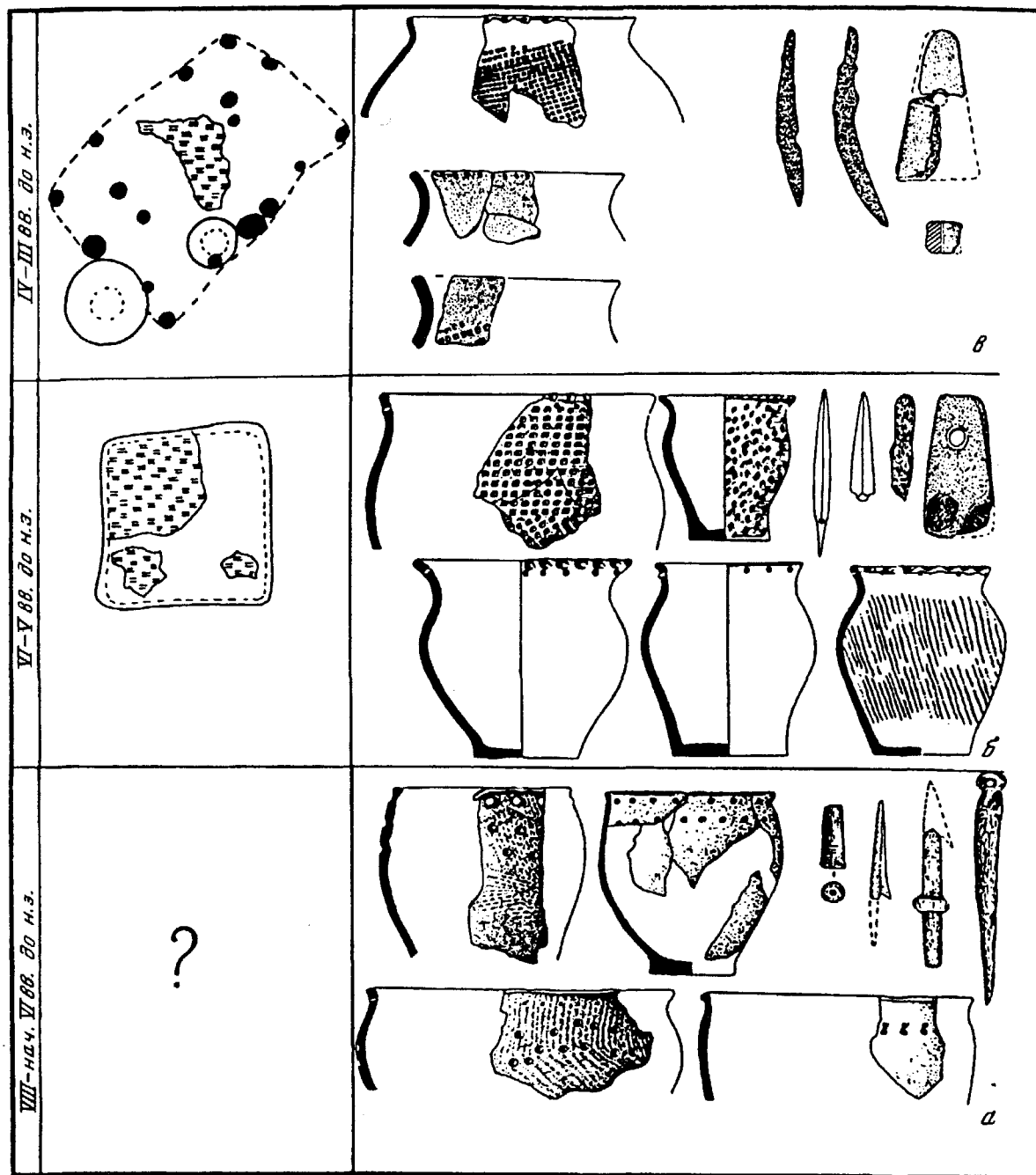

Рис. 16. Основные этапы развития городецкой культуры на Верхнем Дону

мы того же типа, который был широко распространен на скифоидных городищах IV–III вв. до н.э. Ввиду полного отсутствия датирующего материала верхний рубеж существования городецких памятников на Верхнем Дону пока не установлен. Но уже к концу I тыс. до н.э. присутствие этого населения здесь никак не ощущается.

Следует заметить, что какой-либо преемственности между памятниками первого и второго эта-

пов на Верхнем Дону пока не прослеживается, хотя на некоторых из поселений VI–V вв. до н.э. наряду с преобладающей “рогожной” встречается небольшое количество более древней текстильной керамики. Весь известный на сегодняшний день верхнедонской материал однозначно свидетельствует, что “рогожная” посуда не развивается из более ранней местной текстильной керамики. Очевидно, и та, и другая традиции сформировались за

пределами территории Подонья, скорее всего, в бассейне Оки и были принесены сюда в уже сложившемся виде. Результаты новых раскопок не подтвердили мнение В.П. Левенка и В.Г. Миронова о местных истоках донского варианта городецкой культуры (Левенок В.П., Миронов В.Г., 1976. С. 22).

В тоже время между памятниками второго и третьего этапов наблюдается прямая генетическая преемственность, проявляющаяся в постепенном эволюционном развитии основных признаков городецкой культуры. В обработке поверхности сосудов на смену раннему крупнозубчатому штампу в IV–III вв. до н.э. приходит более мелкий, исчезают проколы под венчиком, увеличивается доля посуды, орнаментированной насечками. Но продолжают развиваться основные типы сосудов предшествующего этапа, которые становятся еще более профилированными. Возможно, происходит эволюция жилищ – от подквадратных слабо углубленных полуземлянок к прямоугольным постройкам столбовой конструкции. Она полностью соответствует основной тенденции развития лесостепных скифоидных жилищ междуречья Днепра и Дона.

Используя проанализированные выше материалы, суммированные в итоговой таблице, попытаемся реконструировать этнокультурную историю Верхнего Подонья в раннем железном веке. Представляется, что в основе ее лежали сложные и противоречивые этнические и культурные процессы, обусловленные неоднократными инвазиями в этот регион разноэтнических групп населения с различными хозяйственно-культурными типами, не в последнюю очередь детерминированные природно-климатическими факторами.

В начале раннего железного века из более северных лесных районов Среднего Поочья на Верхний Дон и Воронеж начинают проникать отдельные группы лесного по происхождению и типу хозяйства населения. Скорее всего, этому способствовали природно-климатические изменения, связанные с наступившим похолоданием и увлажнением, вызвавшие в свою очередь смещение границы леса к югу, особенно по поймам больших рек, о чем подробно говорилось в начале главы. Имеющиеся на сегодняшний день данные позволяют выделить не менее двух последовательных волн их распространения.

Первая волна носителей текстильной и тычковой керамики VIII–VII вв. до н.э. лучше всего зафиксирована на поселении, оставившем нижний слой Пекшевского городища. Вопрос ее происхождения не вызывает особых затруднений в силу сразу же бросающейся в глаза особенности обработки поверхности керамики. Да и по остальным признакам, включая орнаментацию, она очень

близка лепной посуде культуры текстильной (сетчатой) керамики лесной полосы Восточной Европы конца эпохи бронзы – начала железного века (Бадер О.Н., 1970. С. 74–79; Фоломеев Б.А., 1975. С. 157–165; Чернай И.Л., 1981. С. 70–85). Полностью соответствует ей и весьма характерный костяной инструментарий из нижнего слоя Пекшевского городища.

По единодушному мнению исследователей, культура текстильной (сетчатой) керамики принадлежала древнейшим волжским финнам или западной группе древних финно-угорских племен (Третьяков П.Н., 1966. С. 141; Бадер О.Н., 1970. С. 78–79; Патрушев В.С., 1989. С. 45). Она рассматривается сейчас как важнейший этнический показатель финноязычного населения. Насколько известно, иные ее этнокультурные интерпретации отсутствуют. Достаточно достоверно установлено, что в Волго-Донском междуречье с этой культурой генетически связаны городища дьякова типа, связь которых в свою очередь с историческими финноязычными племенами, упомянутыми в Первоначальной Русской летописи, доказана археологами (Третьяков П.Н., 1966. С. 135, 141).

Кроме дьяковских городищ, текстильная керамика в сочетании с тычковой гладкостенной встречается в ранних слоях городецких памятников Среднего Поочья и Примокшанья. Но как она соотносится с классической городецкой “рогожной” посудой, пока не ясно. Ряд исследователей даже ставят вопрос о различном происхождении текстильной и “рогожной” керамики (Вихляев В.И., 1986. С. 204; Патрушев В.С., 1989. С. 60). Однако большинство из них все же предполагают то или иное участие носителей культуры текстильной керамики как важного этнического компонента или субстрата собственно городецких племен (Вихляев В.И., 1986. С. 207–208; Миронов В.Г., 1995. С. 72–76). На мой взгляд, на Верхнем Дону она, скорее, выступает именно в этом последнем качестве, причем хотелось бы еще раз обратить внимание на чистоту обоих верхнедонских комплексов. В нижнем слое Пекшевского городища, не считая гладкостенной, встречалась лишь текстильная керамика, в Студеновке 3 – практически только “рогожная”. Видимо, это обстоятельство указывает не только на хронологические, но и на весьма существенные племенные различия среди финноязычного населения, осваивавшего Верхнее Подонье в начале раннего железного века.

Судя по небольшому числу памятников и их характеру, проникновение носителей текстильной керамики на Верхний Дон осуществлялось отдельными, весьма немногочисленными группами. Они оставили поселения типа кратковременных стоянок в большинстве своем без значительного культурного слоя, выделяемые по единичным находкам

текстильной керамики. Единственное исключение пока представляет поселение, остатки которого открыты в нижнем слое Пекшевского городища. Оно явно имело более стационарный характер.

Картографирование стоянок с текстильной керамикой показало, что в начале железного века ее носители сумели освоить практически всю долину р. Воронеж, а также верховья Дона выше устья р. Быстрой Сосны. Однако отдельные находки текстильной керамики на поселениях Среднего Дона указывают на то, что какие-то небольшие их группы могли спускаться по реке и ниже (рис. 7). Но нигде сезонные стоянки не выходили далеко за пределы долин Дона и Воронежа.

Вторая волна уже собственно городецких племен с классической "рогожной" керамикой распространяется на Верхнем Дону вряд ли ранее VI в. до н.э. Именно с ней было связано практически полное заселение верхнедонского региона. В VI–IV вв. до н.э. количество городецких поселений с "рогожной" керамикой превысило сотню, что чуть ли не в пять раз больше числа ранних стоянок с текстильной и тычковой посудой. Подавляющее большинство из них составляют поселения и кратковременные сезонные стоянки, но уже в это время появляются древнейшие верхнедонские городища. Однако по сравнению с другими локальными вариантами городецкой культуры, где последний тип поселений преобладал, на Верхнем Дону городищ немного (не более шести-семи). Это, скорее всего, как-то связано с культурно-хозяйственными особенностями городецкого населения изучаемого региона.

Как и их предшественники, племена с "рогожной" керамикой осваивали почти исключительно облесенные долины больших рек, а не просто лесные массивы. Весьма показательны, что сплошное обследование северного участка Усманского бора П.Я. Дубровским в 1991 г. не дало городецких памятников. По долине Дона отдельные городецкие группы спускались довольно далеко на юг, о чем свидетельствуют стоянки Погоново Озеро, Червленький Яр, Нижнесторожевская и др. (Левенок В.П., Миронов В.Г., 1976. С. 23; Синюк А.Т., 1993. С. 30).

Не позднее первой половины VI в. до н.э. практически одновременно с городецкими племенами в верхнедонской регион с запада из бассейнов Сейма, а возможно, и Верхней Оки начинают проникать группы лесостепного скифоидного населения (подробнее см. следующую главу). Их следы фиксируются сейчас в нижних слоях городищ по всему Верхнему Подонью (Дубики, Сырское, Пекшево, Животинное, I и III Чертовицкие и др.). Видимо, именно они вместе с переселенцами из бассейна Северского Донца составили основное этническое ядро донских будинов (Медведев А.П., 1989. С. 85). В этом историческом контексте приведенные выше материалы Пекшевского городи-

ща и Студеновки 3 отражают результаты встречи двух разно этнических групп населения, имевшие различные последствия. В южной части Верхнего Подонья раннегородецкие племена с текстильной керамикой были частично уничтожены, частично вытеснены, частично ассимилированы и подчинены пришельцами.

В более северных глубинных районах произошло их смешение. В VI–V вв. до н.э. здесь возникло этнокультурное новообразование, в котором органично соединялись элементы лесостепной скифоидной и лесной городецкой культуры. Именно этот скифоидный компонент придал верхнедонским памятникам с "рогожной" посудой ту специфическую окраску, которая позволила В.П. Левенку и В.Г. Миронову выделить здесь особый донской вариант городецкой культуры.

Скорее всего, на поселениях типа Студеновки 3 осуществлялся не только культурный, но и этнолингвистический контакт финноязычных и ираноязычных групп населения. Как известно, последние оставили заметный след в культурной лексике западноволжских финнов. Лингвисты выделяют в ней целый пласт иранских заимствований, связанных со скотоводством, земледелием, военным делом раннего железного века (Серебрянников Б.А., 1965. С. 251–252; Гордеев Ф.И., 1965. С. 192–194).

Подчеркну, что изначально эти группы принадлежали не только к различным этносам, но и к разным хозяйственно-культурным типам. По единодушному мнению современных исследователей, скифоидные племена представляли собой различные варианты хозяйственно-культурного типа лесостепных земледельцев и скотоводов (Шрамко Б.А., 1971. С. 92; Моруженко А.А., 1989. С. 31). Скорее всего, именно с ними связана находка большого количества обугленных злаков в постройке № 7 Студеновки 3. Иной тип хозяйства принесли на Верхний Дон городецкие племена. Как сейчас становится все более очевидным, в нем очень большую роль продолжали играть традиции присваивающего хозяйства, в первую очередь – охоты и рыболовства.

Практически весь костяной инструментарий нижнего слоя Пекшевского городища связан именно с этими видами хозяйственной деятельности. На такую хозяйственную ориентацию указывает и топография большинства городецких поселений Верхнего Дона и Воронежа – в облесенной пойме крупной реки, у воды. В тоже время на городецких поселениях Верхнего Дона практически отсутствуют орудия труда, связанные с земледелием, в большом количестве представленные на поселениях и городищах среднедонских скифоидных племен. Следует напомнить, что на Верхнем Дону пока не найдено ни одного железного топора – орудия, без которого немислимо подсечное земледелие, кото-

рое предполагается у городецкого населения некоторыми исследователями (*Смирнов А.П.*, 1952. С. 43; *Монгайт А.Л.*, 1961. С. 66).

Уже высказано мнение по поводу большого значения подсечного земледелия и в хозяйстве городецкого населения Верхнего Подонья, правда, археологически до сих пор также совсем не аргументированное (*Разуваев Ю.Д.*, 1993. С. 64). Всего одним обломком здесь представлены находки серпов, причем последний происходит с городища Дубики, материалы которого фиксируют контакт лесостепных скифоидных и городецких племен. Крайне редки на городецких поселениях каменные орудия для переработки продуктов земледелия типа зернотерок и пестов, обычные на синхронных среднедонских городищах скифского времени. Наконец, верхнедонские городецкие поселения отличаются от скифоидных практически полным отсутствием хозяйственных ям, по форме и размерам соответствующих зерновым. Специальные палеопочвенные исследования также пока не выявили каких-либо следов занятия земледелием у обитателей собственно городецких городищ Верхнего Подонья (*Александровский А.Л.*, *Гольева А.А.*, 1995. С. 34).

Ознакомление с опубликованными материалами классических городецких памятников Среднего Поочья, Посурья и Примокшанья, а также консультации со специалистами (*В.Г. Мироновым*, *Б.А. Фоломеевым*) убеждают в том, что и там пока не обнаружено каких-либо достоверных свидетельств занятия земледелием, хотя бы и подсечным. Не только в изучаемом регионе, но и на всей обширной территории городецкой культуры от Дона до Волги не известны находки железных топоров, серпов и других сельскохозяйственных орудий. Не располагаю я сведениями и о находках культурных злаков.

На весьма слабо развитое подсечное земледелие у древних финно-угров даже в более позднее время указывают данные этнографии (*Краснов Ю.А.*, 1971. С. 61) и лингвистики (*Серебрянников Б.А.*, 1965. С. 252). Для возделывания полей они охотнее выбирали естественные поляны, не требующие специальной расчистки. Об этом прямо свидетельствуют такие лексические соответствия, как морд. “нор” – луг и мар. “нур” – поле. Выбор открытых полей был обусловлен не только трудностями расчистки значительных лесных площадей под пашню без достаточно совершенных железных рубящих орудий. Не в последнюю очередь он объяснялся тем, что в глубокой древности в лесной зоне Восточной Европы землю не пахали, а вскапывали. На это прямо указывают некоторые палеолингвистические материалы: фин. “кунтаа” – пахать этимологически соответствует мар. “кунгаш” – копать (*Серебрянников Б.А.*, 1965. С. 252).

Думается, что все эти данные далеко не случайны. В силу каких-то еще во многом неясных причин в начале железного века в южной части лесной полосы наблюдался явный регресс производящего хозяйства по сравнению с предшествующей эпохой поздней бронзы (*Краснов Ю.А.*, 1971. С. 44, 112). В результате мы наблюдаем своего рода явление возрождения и даже расцвета таких видов хозяйственной деятельности, которые сложились здесь за много тысячелетий до наступления железного века. Не исключено, что все это не в последнюю очередь было обусловлено опять же природно-климатическими изменениями на рубеже бронзового и железного веков, о чем уже говорилось выше.

Как бы то ни было, в свете имеющихся на сегодняшний день данных представляется, что городецкие племена середины I тыс. до н.э. были прежде всего охотниками и рыболовами. Знали они и скотоводство, а возможно, и какие-то простейшие формы земледелия. Однако вряд ли эти последние отрасли хозяйства доставляли им основное пропитание. Весь облик их материальной культуры, в общем-то довольно примитивной, крайне небольшие размеры их поселений, практически полное отсутствие данных о стационарных типах их жилищ (за исключением описанных выше случаев контакта с оседлыми скифоидными племенами на Дону) свидетельствует, скорее, в пользу предложенной выше оценки их хозяйственно-культурного типа, нежели традиционной точки зрения о земледелии и скотоводстве как основе хозяйства городецких племен (*Смирнов А.П.*, 1952. С. 43; *Смирнов А.П.*, *Трубникова Н.В.*, 1965. С. 28). Не следует забывать и вполне определенные данные античной традиции, в частности Геродота, о “живущих охотой” лесных племенах тиссагетов и иирков.

Большинство современных исследователей видят в городецких племенах геродотовых тиссагетов (*Смирнов А.П.*, 1952. С. 67; *Трубникова Н.В.*, 1953. С. 69; *Либеров П.Д.*, 1969. С. 21; *Доватур А.И.* и др. 1982. С. 245; *Нейхард А.А.*, 1982. С. 136–137; *Рыбаков Б.А.*, 1979. С. 192; *Погребова М.Н.*, *Раевский Д.С.*, 1989. С. 49; *Распадин С.Е.*, 1992. С. 165–166). Есть сторонники локализации этого народа в более восточных районах, в частности в Прикамье (*Шмидт А.В.*, 1934. С. 19; *Збруева А.В.*, 1952. С. 18–19; *Халиков А.Х.*, 1977. С. 258). Совсем не выдерживает критики размещение тиссагетов Л.А. Ельницким в степном Нижнем Поволжье (*Ельницкий Л.А.*, 1977. С. 109). Он явно неудачно предложил отождествить этот лесной охотничий народ с населением, оставившим археологические памятники, которые в современной науке связывают с кочевниками (“савроматами”). Еще более серьезные возражения вызывает локализация тиссагетов на территории Северо-Восточного Кавка-

за (Ганина О.Д., 1970, карта на с. 8). Поэтому представляется необходимым еще раз рассмотреть вопрос о тиссагетах и географической привязке их земли.

При описании народов, обитающих за Танаисом, Геродот сообщает о двух многочисленных племенах – будинах и тиссагетах (*Herod.*, IV, 21–22). С первыми надежно отождествляют среднедонские племена скифского времени (Либеров П.Д., 1969. С. 15–26) или еще более многочисленное население междуречья Днепра и Дона, оставившее памятники лесостепной скифоидной культуры (Граков Б.Н., 1971. С. 132; Шрамко Б.А., 1987. С. 156–157; Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1989. С. 47). Но даже и в последнем случае культуре Геродотовых будинов за Танаисом оптимально будут соответствовать археологические памятники Среднего Дона и Подворонья, составляющие крайний восточный вариант лесостепной скифоидной культуры (Медведев А.П., 1992). Более детально этот вопрос рассмотрен в следующей главе.

По Геродоту “выше будинов к северу идет сначала пустыня на расстоянии более семи дней пути. За пустыней, если отклонится в сторону восточного ветра, живут тиссагеты, племя многочисленное и особое, живут они охотой” (*Herod.*, IV, 22).

Географическому положению земли тиссагетов точнее всего соответствует обширный ареал городецкой культуры, по всем признакам резко отличавшейся от скифоидных культур восточноевропейской лесостепи. Основная ее территория находилась к северо-востоку от Среднего Подонья и была действительно отделена от страны донских будинов широкой, практически незаселенной полосой земли по водоразделам Дона, Хопра и Оки, в полной мере соответствующей названию “пустыни” у Геродота (Доватур А.И. и др., 1982. С. 207). Несмотря на сплошные разведки 80-х – начала 90-х годов, здесь не удалось обнаружить не только скольконибудь значительного массива поселений скифского времени, но даже и погребений.

После открытия на Верхнем Дону многочисленных городецких памятников нельзя игнорировать еще одно любопытное сообщение Геродота. Рассказывая о событиях Скифо-Персидской войны, “отец истории” вторично подтверждает локализацию тиссагетов относительно будинов и уточняет, что из земли тиссагетов берут начало четыре реки, в том числе Танаис (*Herod.*, IV, 123). Три из них идентифицировать с современными реками пока не удалось. Если же придерживаться традиционного отождествления Танаиса с Доном, то последний действительно вытекает из области городецких племен – “земли тиссагетов” Геродота.

Практически полное соответствие наблюдается в культурно-хозяйственной характеристике

Рис. 17. Сцена “охоты иириков” на золотой бляхе из Сибирской коллекции

Геродотовых тиссагетов (“живут они охотой”) и населения городецкой культуры, у которого, как мы только что убедились, были широко распространены охота и рыболовство. О каких-либо других занятиях этого народа ничего не сообщается. Это, разумеется, не означает, что их не было в действительности. Как представляется, Геродот не случайно обратил внимание на занятие тиссагетов охотой. Тем более не случаен его пристальный интерес к экзотической охоте иириков – другого народа, проживавшего в тех же самых местах, что и тиссагеты. “Они также живут охотой, занимаясь ею следующим образом. Охотник сидит в засаде, взобравшись на дерево, а деревья там в изобилии растут по всей стране. У каждого наготове конь, обученный ложиться на брюхо, с тем чтобы стать ниже, и собака. Как только охотник увидит с дерева зверя, он, выстрелив из лука и сев на коня, устремляется в погоню, а собака следует за ним” (*Herod.*, IV, 22).

Это описание целиком находится в русле научных интересов “отца истории”, определявших особенности его отбора исторического и этнографического материала. Как известно, в занятиях и обычаях разных народов его в первую очередь привлекало все необычное и удивительное с точки зрения эллинов (*Herod.*, I, 1). Именно рассказ об “удивительном” был одной из основных целей его труда (Борухович В.Г., 1972. С. 493), как, впрочем, и всей античной этнографии (Поплинский Ю.К., 1980, 132–146). И, как мы только что убедились, этому критерию в полной мере отвечал приведенный выше рассказ об “охоте иириков”.

Этнографическую достоверность рассказа Геродота подкрепляет еще один источник – ажурные золотые пряжки из Сибирской коллекции (рис. 17)⁴. Они содержат изображение конной охо-

⁴ Сибирское происхождение всех художественных изделий из Сибирской коллекции далеко не бесспорно. Раскопки Запорожского кургана показали, что по крайней мере часть из них определено происходит из курганов Южной России и Украины (Манцевич А.П., 1976. С. 177–178).

ты на вепря в лесу. Один охотник сидит на дереве, под ним лежащая лошадь. Другой верхом преследует зверя, на скаку стреляя из лука. Эта сцена во всех деталях точно соответствует геродотову описанию "охоты иирков". Подобный способ конной охоты можно было практиковать не столько в настоящем густом лесу, сколько на южной окраине широколиственных лесов или в северной лесостепи, где дубравы чередовались с открытыми полянами. Именно таким природным условиям отвечала большая часть территории, занятой городецкими племенами.

М.Н. Погребова и Д.С. Раевский обратили

внимание исследователей на то, что нет никаких оснований выделять ииркам отдельную территорию и приписывать ему особую, лежащую вне городецкого ареала археологическую культуру (Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1992. С. 203). Следуя Геродоту, этот народ нужно искать в пределах того же ареала. В таком случае не отражают ли ранние городецкие памятники с текстильной и "рогожной" керамикой как раз те племенные различия, которые подметили информаторы Геродота, сообщая ему о двух лесных народах, обитающих в одних и тех же местах к северо-востоку от будинов.

СРЕДНЕДОНСКАЯ КУЛЬТУРА СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЙ)

К середине I тыс. до н.э. в Подонье сложилась одна из наиболее ярких скифоидных культур Восточной Европы – среднедонская культура VI–IV вв. до н.э. Ее носители – среднедонские племена играли определяющую роль в этнополитической и культурной истории лесостепного Подонья в скифское время. Их потомки составляли значительную часть населения Верхнего Подонья и в последующую сарматскую эпоху.

Среднедонские погребальные памятники впервые попали в поле зрения археологов почти сто лет назад, после раскопок знаменитых Мясюгинских и Частых Курганов под Воронежем. Однако лишь в результате многолетних целенаправленных работ Лесостепной Скифской экспедиции ИА АН СССР под руководством П.Д. Либера и А.И. Пузиковой были изучены широкими площадями не только курганные могильники, но также городища и поселения, позволившие выделить здесь среднедонскую культуру. В многочисленных публикациях и двух диссертациях она получила всестороннюю характеристику (Либера П.Д., 1965; Либера П.Д., 1969; Либера П.Д., 1971; Пузикова А.И., 1969). Последнее обстоятельство освобождает меня от традиционного описания и классификации всего археологического материала скифского времени, достаточно хорошо известного специалистам, и позволяет сосредоточить основное внимание на ключевых вопросах археологии и истории региона в VI–IV вв. до н.э. Постановка и разработка некоторых из них стали возможны лишь после открытия и стационарного изучения ряда базовых памятников скифского времени, а также в результате сплошных разведок практически по всей лесостепной части Среднего Дона и Подворонежья, произведенных в 80-х – начале 90-х годов.

ТЕРРИТОРИЯ И СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ СКИФОИДНОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЛЕСОСТЕПНОМ ПОДОНЬЕ

Одним из перспективных направлений современных исследований является так называемая пространственная археология (Clark D.C., 1977). В основе ее лежит ряд научных принципов и мето-

дов, заимствованных археологами из социально-экономической географии и адаптированных к их собственным нуждам. Согласно важнейшему из них, пространственное размещение следов человеческой деятельности есть не что иное, как отражение реальной экономической и социальной деятельности носителей древних культур (Крадин Н.Н., 1995. С. 41). Ее изучение достигается различными методами: путем выявления и картографирования всех типов синхронных однокультурных памятников, установления пространственных связей между ними, выделения отдельных микрорайонов, изучения их внутренней структуры и иерархии поселений.

Однако пространственный анализ может быть результативным только при достаточно высокой степени изученности того или иного региона сплошными разведками. Непременным его условием является наличие необходимого количества “базовых” памятников, как бытовых, так и погребальных, раскопанных максимально широкой площадью.

Сейчас этим требованиям начинает отвечать территория лесостепного Подонья, где в последнее десятилетие развернулись масштабные полевые работы в связи с подготовкой материалов к изданию свода памятников истории и культуры России. Планомерное изучение бассейнов больших и малых рек на всей территории Донской лесостепи позволило создать качественно новую источниковую базу для разработки указанной проблемы. В настоящее время здесь известно не менее 60 городищ и свыше 300 скифоидных поселений VI–IV вв. до н.э.

Сплошное археологическое обследование лесостепного Подонья позволило более надежно определить границы территории, занятой среднедонскими племенами. Четверть века назад П.Д. Либера отвел им обширные пространства Центральной России – от Оскола на западе до междуречья Хопра и Медведицы на востоке, от р. Быстрой Сосны, верховьев Воронежа и Хопра на севере до низовий Медведицы и Северского Донца на юге (Либера П.Д., 1969. С. 20–21, рис. 2). Его вывод опирался главным образом на материалы разведок по большим рекам, прежде всего Дону и Хопру, а также на отдельные случайные находки, причем дале-

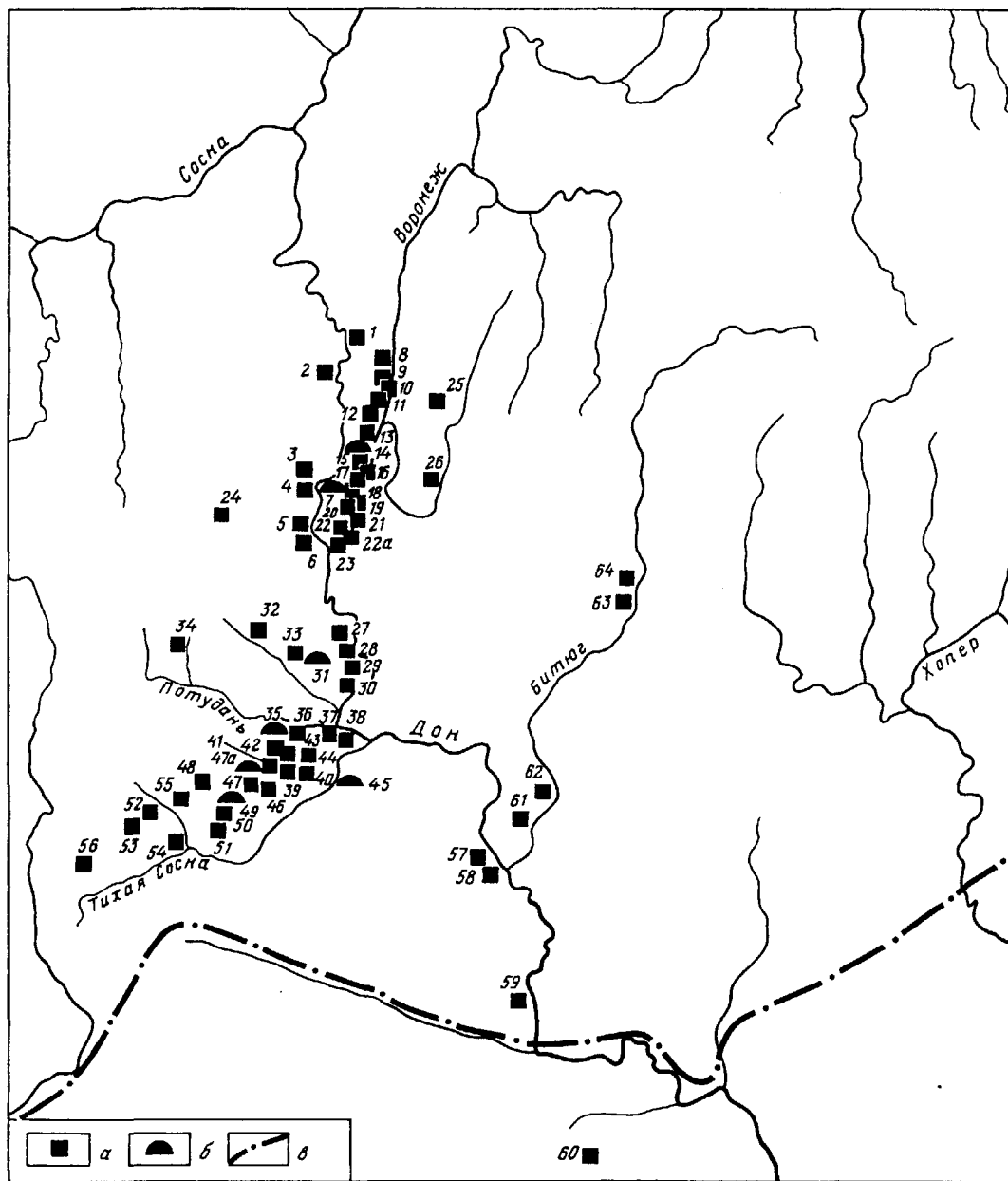

Рис. 18. Карта городищ и курганных могильников скифского времени лесостепного Подонья: а – городище, б – курганный могильник, в – границы лесостепи

1 – Конь-Колодезь, 2 – Отскочное, 3 – Губарево, 4 – Семилуки, 5 – Устье I, 6 – Устье II, 7 – Частые Курганы, 8 – Сенное, 9 – Ситное, 10 – Пекшево, 11 – Ивницы, 12 – Рамонь II, 13 – Животинное (гор.), 14 – Староживотинное (кург.), 15 – Чертовичское III, 16 – Чертовичское II, 17 – Чертовичское I, 18 – Белогорское II, 19 – Егеревский Кордон, 20 – Михайловский кордон, 21 – Кузнецовское, 22 – Чижовское, 22а – Шиловское, 23 – Сады, 24 – Верхнее Турово, 25 – Беляево, 26 – Орлово, 27 – Архангельское, 28 – Малое Сторожеево, 29 – Большое Сторожеево, 30 – Титчиха, 31 – Мастогино, 32 – Ново-Солдатка (“Крутцы”), 33 – Гора Белая I, 34 – Скупая Потудань, 35 – Терновое I, 36 – Столдатское, 37 – Мостище, 38 – Авериное, 39–44 – Волошино, гор. I–VI, 45 – Ближнее Стояново, 46 – Шубное, 47 – Русская Тростянка (гор.), 47а – Русская Тростянка (кург.), 48 – Круглое, 49 – Дуровка, 50 – Кировское, 51 – Городище, 52–53 – Верхняя Покровка, гор. I и II, 54 – Стрелецкое, 55 – Пруцки, 56 – Филипповское, 57 – Малое Костомарово, 58 – Большое Костомарово, 59 – Духовое, 60 – Титаревское, 61 – Шелаяево, 62 – Липовка, 63 – Кудеярово, 64 – Тромбаки

ко не всегда бесспорной культурной принадлежностью. Обширные пространства междуречий, составляющие более 60% указанной территории (Междуречные ландшафты, 1990. С. 9), и особенно бассейны малых рек тогда оставались полностью неисследованными.

Картографирование всех достоверных памятников скифского времени позволило существенно уточнить основную территорию среднедонских племен (рис. 18). Судя по всему, она ограничивалась главным образом лесостепным Правобережьем Дона и Воронежа, где сосредоточено почти 200 (71%) открытых поселений, а также все долговременные городища и большие курганные могильники. В Левобережье Дона, несмотря на интенсивные археологические работы, не выявлено сколько-нибудь значительного массива памятников скифского времени, хотя за два последние десятилетия только в лесостепном междуречье Дона и Хопра раскопано более 200 курганов. Открыты захоронения предскифского и сарматского времени, но, как это не удивительно, ни разу не встречены погребения скифской эпохи. Скорее всего, по Битюгу проходил крайний восточный рубеж земли, занятой среднедонскими племенами. Здесь он отмечен рядом городищ практически без культурного слоя (Тромбаки, Кудеярово, Липовка, Шелаево). Дальше на восток, вплоть до Хопра простиралась широкая полоса "ничейной" земли, не только без каких-либо следов стационарных поселений, но и погребений. Однако сюда уже могли проникать отдельные группы кочевников, на что указывает разрушенное погребение у г. Павловска, содержащее типичный савроматский каменный жертвенник (рис. 59, 13).

Данные последних разведок свидетельствуют о том, что основным южным рубежом среднедонских племен была р. Тихая Сосна. Весьма показательно, что если к северу от этой реки в ее междуречье с Потуданью сейчас известно 19 городищ, 3 больших могильника и около 100 открытых поселений, то к югу, где целиком господствуют безлесные остепненные ландшафты, поселения скифского времени встречаются очень редко. Только по правому высокому берегу Дона известны два больших городища у с. Костомарово, скорее всего, выполнявшие функцию сезонных убежищ и крайних южных форпостов в линии обороны среднедонских племен. Ни П.Д. Либерову, ни мне не удалось обнаружить на них следов культурного слоя, кроме единичных обломков лепной керамики с защитными. Более надежно сейчас можно определить верхние рубежи территории среднедонских племен. На Дону их крайними северными крепостями были городища у сел Конь-Колодезь и Отскочное, а на р. Воронеж, видимо Сенное и Пекшевское городища. Далее на восток линия обороны проходила по Ле-

вобережью Воронежа, вплоть до его левого притока р. Усманки, где известны городища раннего железного века, к сожалению, до сих пор не подвергавшиеся раскопкам.

Остается не совсем ясным вопрос о западных пределах земли среднедонских племен. Хотя по Осколу сейчас открыты несколько небольших городищ со слоями скифского времени (Кучугуры, Холки, Старая Симоновка, два Филипповских), все же они не составляли единой линии обороны, подобной той, которая выявлена на южных и восточных среднедонских рубежах. К тому же некоторые оскольские городища располагались на противоположном западном берегу реки, что делает крайне маловероятным их вхождение в общую линию обороны племен среднедонской культуры.

Для уточнения изложенных выше наблюдений дополнительно привлечен еще один источник – случайные находки скифских акинаков (рис. 19; 51). В лесостепном Подонье их сейчас известно почти четыре десятка. Весьма показательным, что на основной правобережной территории обитания среднедонских племен они не встречены ни разу. Здесь мечи найдены только в курганных погребениях. Нанесенные на карту пункты случайных находок акинаков образуют широкую подковообразную полосу, как бы окаймляющую основную территорию среднедонских племен с северо-запада со стороны балтоязычных юхновских племен – 5 экз. (Тимский р-н, Шигровский р-н, Афанасьевка, Ключ, Горшечное), с севера и северо-востока со стороны финно-угорских городецких племен – 11 экз. (Вторые Тербуны – 2 акинака, Елецкий уезд, Конь-Колодезь, Черниговка, Сергеевка, Капитанщино, Тынково, Тамбов – 3 меча), но особенно с востока и юга со стороны кочевников-савроматов – 17 экз. (Хлебное, Анна, Николаевка, Красный Лог, Садовое, Заполотово, Туголуково, Инясево, Дубравный, Борисоглебск, Чичерино, Павловск, Гороховка, Монастырщина, Калач, Екатериновка, Вязники).

Возможно, какая-то часть акинаков наиболее ранних типов могла относиться к эпохе первоначального освоения скифоидными племенами территории лесостепного Подонья (рис. 51, 1–12). Но более половины находок определенно датируется концом V–IV вв. Интересно, что среди последних лишь 4 меча принадлежат к типам, характерным для среднедонских курганов.

Для настоящего исследования весьма существенно то обстоятельство, что подавляющее большинство акинаков (28 из 33), местонахождение которых достоверно известно, не связано с курганами. Напомню, что у среднедонских скотоводов не получила развития традиция совершать впускные захоронения, которые легче других разрушаются распашкой. Все это склоняет меня принять точку зре-

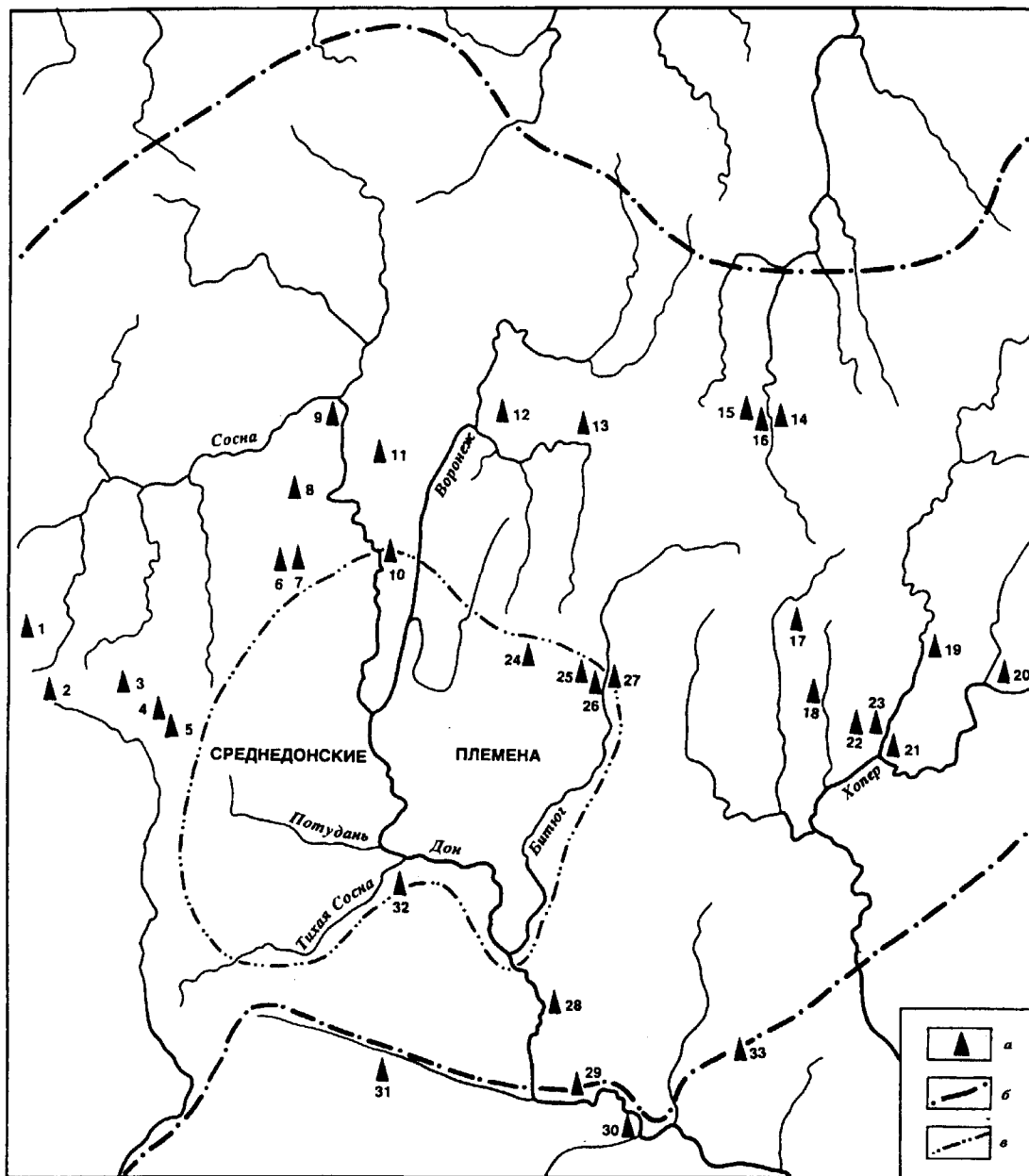

Рис. 19. Карта распространения случайных находок акинаков в лесостепном Подонье: а – находки акинаков, б – граница лесостепи, а – граница среднедонской культуры

1 – Щигровский р-н, 2 – Тимский р-н, 3 – Афанасьевка, 4 – Ключ, 5 – Горшечное, 6–7 – Вторые Тербуны, 8 – Сергеевка, 9 – Елецкий уезд, 10 – Конь-Колодезь, 11 – Черниговка, 12 – Капитаншино, 13 – Тынков, 14–16 – Тамбов, 17 – Туголуково, 18 – Садовка, 19 – Заполатово, 20 – Инясево, 21 – Борисоглебск, 22 – Дубравный, 23 – Чичерино, 24 – Хлебное, 25 – Николаевка, 26 – Анна, 27 – Красный Лог, 28 – Павловск, 29 – Гороховка, 30 – Монастырщина, 31 – Екатериновка, 32 – Вязники, 33 – Калач

ния тех исследователей, которые усматривают в подобных находках свидетельства межплеменных военных столкновений (Пузикова А.И., 1984. С. 212). Их нельзя интерпретировать иначе, как показатель весьма напряженных отношений среднедонского скифоидного населения с южновскими, городецкими и особенно савроматскими кочевыми племенами.

В этом контексте весьма показательным, что подобные серийные находки акинаков не отмечены на западе, в лесостепном Приосколье, что, видимо, указывает на принципиально иной характер взаимоотношений среднедонского населения со скифоидными племенами Левобережья Днепра и Северского Донца. Это обстоятельство необходимо при-

нимать во внимание при разработке вопроса о рубежах территории среднедонской группы, ее соотношении с другими локальными вариантами лесостепной скифоидной культуры.

В целом проведенный анализ заставляет весьма существенно сократить территорию, отведенную П.Д. Либеровым среднедонскими племенами. В результате она приобрела размеры и очертания, близкие тем, которые ранее были установлены Б.Н. Граковым и А.И. Мелюковой (*Граков Б.Н., Мелюкова А.И., 1954, рис. 9*). По своим масштабам она оказалась более сопоставима с другими локальными вариантами лесостепной скифской культуры, нежели с собственно археологическими культурами раннего железного века. Последнее обстоятельство представляется весьма существенным для объективной оценки ранга той совокупности археологических памятников, за которой в науке последних десятилетий закрепились разные названия: "среднедонская археологическая культура" (*Либеров П.Д., 1969. С. 18–19*), "среднедонской локальный вариант лесостепной скифоидной культуры", "среднедонская, или воронежская, группа памятников скифского времени" (*Степи, 1989. С. 79*).

На мой взгляд, скифоидные памятники лесостепного Подонья, несмотря на все их безусловное локальное своеобразие, составляли не какое-то особое культурное образование ранга отдельной археологической культуры, а лишь крайнюю восточную часть культуры или этнокультурной общности лесостепных земледельческо-скотоводческих племен Днепро-Донского междуречья. Но в то же время я не решаюсь отказать и от термина "среднедонская культура" – не только потому, что он прочно вошел в науку. В последнее время вполне обоснованно предложено рассматривать скифоидные памятники лесостепного Днепро-Донского междуречья в рамках одной историко-этнографической (*Шрамко Б.А., 1971. С. 92–93; Мелюкова А.И., 1988. С. 21*) или историко-культурной общности (*Моруженко А.А., 1989. С. 25*). В таком случае входящие в нее культурные образования более низкого ранга логичнее оценивать как культуры, а не как локальные варианты.

Пространственный анализ позволяет существенно уточнить представления о системе расселения и внутренней организации среднедонских племен скифского времени. Это исследование необходимо начать с археологического районирования занятой ими территории, принимая во внимание ее ландшафтное своеобразие. По имеющимся на сегодняшний день данным здесь выделяются пять больших районов (*рис. 20*). Они существенно отличались своими размерами, соотношением городищ, стационарных неукрепленных поселений и особенно сезонных стоянок, а также наличием или отсутствием курганных могильников.

1. Как уже указывалось, большинство памятников скифского времени сосредоточено в Правобережье Среднего Дона от р. Тихой Сосны на юге до устья р. Воронеж на севере – 25 городищ, 134 неукрепленных поселения и 5 больших курганных могильников (*рис. 21*). Среди них такие известные памятники, как Волошинские, Большое и Малое Сторожевые, Архангельское городища, а также могильники у с. Мастюгино, Русская Тростянка, Дуровца. Это наиболее плотно населенный район Донской лесостепи. Он начал активно осваиваться с VI в. до н.э., а к его концу городища появились уже на р. Дон (*Пузикова А.И., 1969. С. 65*). Большинство же памятников содержат материалы преимущественно V–IV вв. до н.э.

2. Второй район распространения памятников скифского времени выявлен в южной части Верхнего Подонья, начиная от устья р. Воронеж и примерно до современной границы Воронежской и Липецкой областей на севере (*рис. 22*). В нем учтено 7 городищ и 36 открытых поселений. Здесь находятся знаменитые Частые Курганы и Семилукское городище. Все известные городища и поселения не имеют наслоений раннескифского времени. Но в Частых Курганах открыты немногочисленные погребения конца VI в. до н.э. (*Либеров П.Д., 1965. С. 28*).

3. Третий район занимает нижнее течение р. Воронеж (*рис. 22*). Раньше здесь были известны главным образом открытые поселения (*Либеров П.Д., 1965. С. 8*). Именно в абсолютном преобладании последних над городищами П.Д. Либеров в свое время усматривал его локальную специфику. Однако в 70–80-е годы в низовьях р. Воронеж открыто не менее двух десятков городищ VI–IV вв. до н.э. Вместе с ранее известными здесь сейчас учтено 47 неукрепленных поселений и один курганный могильник скифского времени (у с. Староживотинное). По правому берегу реки городища идут почти непрерывной цепью, начиная от ее устья. Среди них такие крупные, как Животинное, III Чертовицкое и др. На некоторых из них (Пекшево, Животинное, I и III Чертовицкие) определенно имеются слои раннескифского времени.

4. Следующий район выделяется в Левобережье Среднего Дона. Как уже указывалось, в него входят 4 городища по Битюгу – практически все без культурного слоя, и около 30 сезонных поселений. Скорее всего, в скифское время здесь не было постоянного населения, причем не только оседлого, но и кочевого, как это ранее предполагал П.Д. Либеров (*Либеров П.Д., 1965. С. 33*). В противном случае последнее оставило бы здесь какой-то массив хотя бы впускных погребений. А их известно всего 5 на более чем две сотни раскопанных курганов. Как и поселения все они открыты в нижнем течении Битюга.

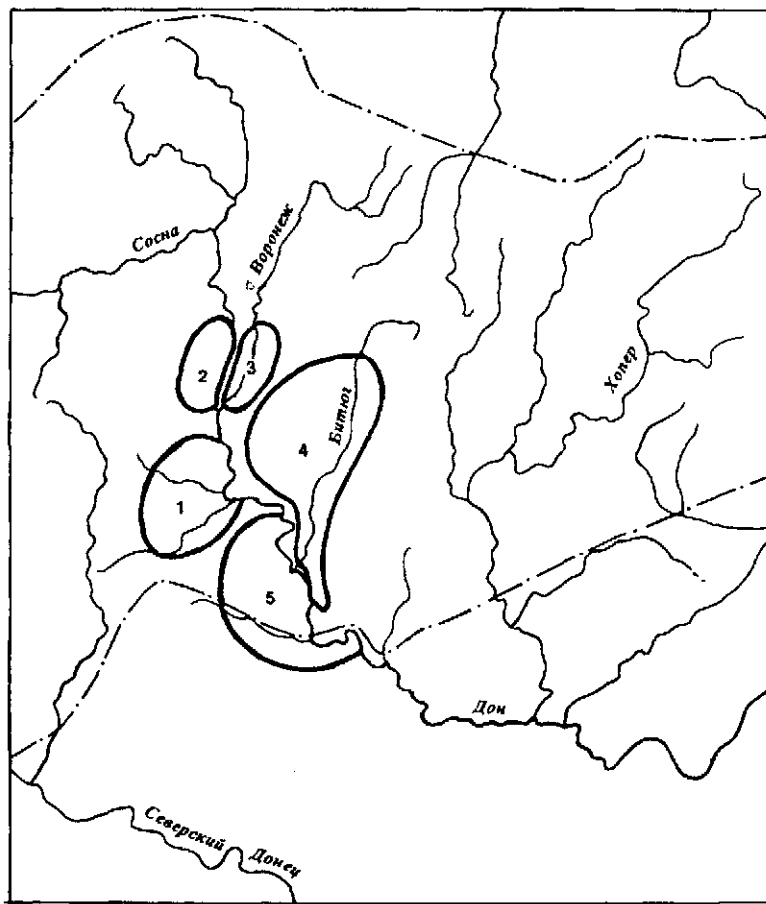

Рис. 20. Схема районирования памятников среднедонской культуры скифского времени
 Районы: 1 – Среднедонской Правобережной, 2 – Верхнедонской, 3 – Воронежской, 4 – Среднедонской Левобережной, 5 – Среднедонской (южнее Тихой Сосны)

5. Пятый район объединяет очень редкие памятники Среднедонского Правобережья к югу от Тихой Сосны. Здесь также известны городища (Большое и Малое Костомаровские, Духовое, Титаревское) и 31 сезонное кратковременное поселение с крайне немногочисленными материалами V–IV вв. до н.э.

Среди названных районов, скорее всего, лишь не более трех соответствовали крупным территориальным подразделениям скифоидного населения лесостепного Подонья. В действительности их могло быть даже не три, а только два, так как верхнедонские и воронежские памятники, по существу, сливаются в одну большую локальную группу, четко обособленную от собственно среднедонской. Их разделяет незаселенная полоса по остепненным водоразделам Верхней и Нижней Девичы. Проведенная здесь в 1993 г. разведка каких-либо следов поселений скифского времени не обнаружила. В то же время, несмотря на явное территориальное обособление среднедонской и верхнедонской (вместе с во-

ронежской) групп скифоидных памятников, каких-либо существенных культурных различий между ними не фиксируется. Как те, так и другие составляли единое культурное образование, соответствующее среднедонской культуре П.Д. Либерава.

Четвертый и пятый районы, судя по отсутствию в них признаков прочной оседлости, видимо, не представляли отдельных территориальных подразделений среднедонского скифоидного населения. По характеру памятников и их ландшафтного окружения последние, скорее всего, соответствовали ареалам его хозяйственной деятельности в форме отгонного или полукочевого скотоводства.

Для более детального изучения системы расселения скифоидных племен сейчас наибольшие возможности предоставляет первый район, включающий бассейны рек Тихой Сосны, Потудани, Девичы (рис. 21). Здесь известно 25 городищ (стационарно раскапывалось 13), 134 неукрепленных поселения, а также 5 больших курганных могильников, содержащих около 90 погребений скифского вре-

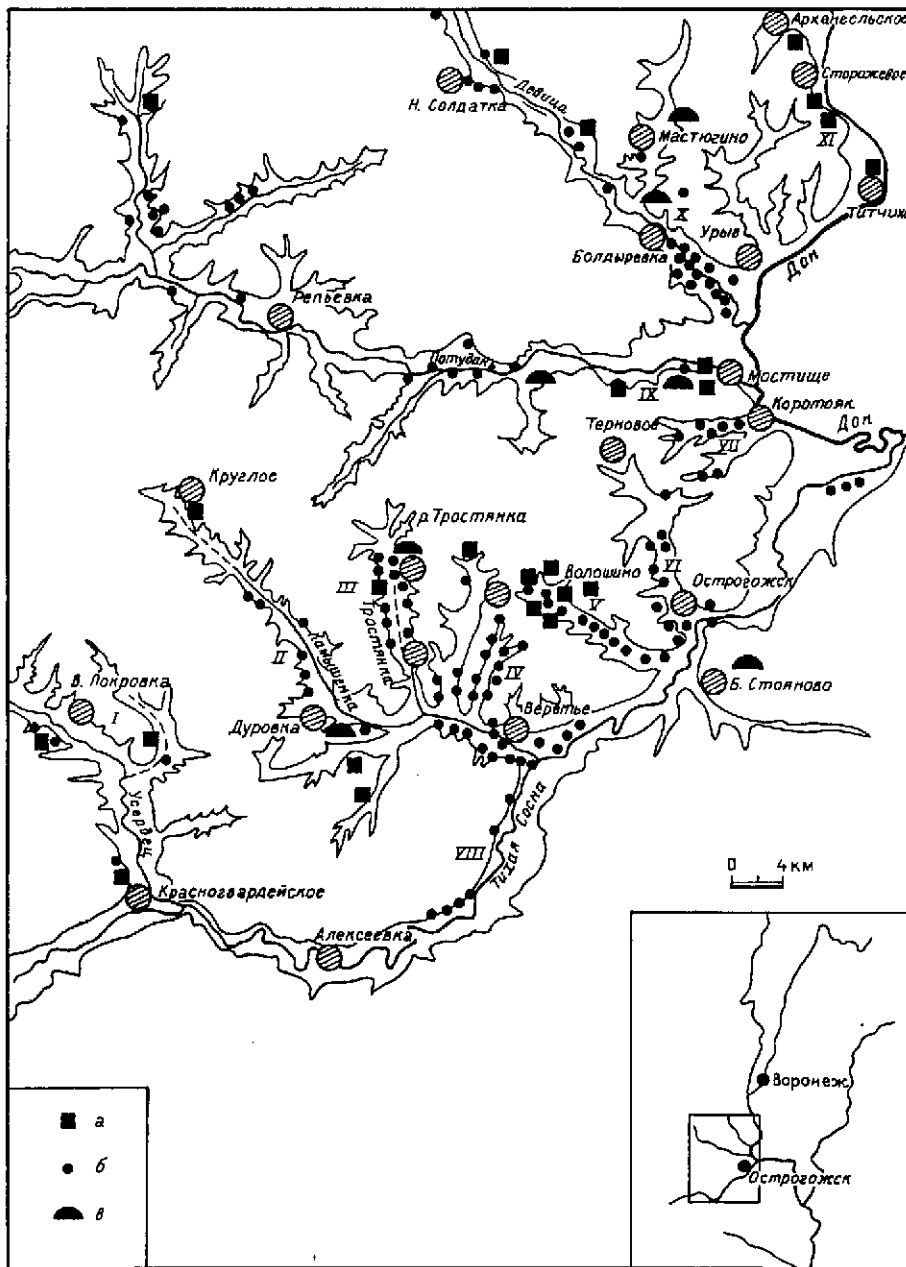

Рис. 21. Карта микрорайонов памятников скифского времени Среднедонского Правобережья: а – городища, б – открытые поселения, в – курганные могильники

Микрорайоны: I – Усердец, II – Камышенка, III – Тростянка, IV – Шубное, V – Волошино, VI – Острогояк, VII – Коротояк, VIII – левобережье Тихой Сосны, IX – Потудань, X – Девичья, XI – Дон

мени¹. Эти данные открывают новые возможности для исследования внутренней структуры террито-

¹ Я рассматриваю городища и поселения как синхронные, по крайней мере для конца V–IV вв. до н.э. ввиду того, что подавляющее большинство из них содержали лепную керамику и фрагменты амфор этого времени. Также датируются и 95% среднедонских курганных погребений.

рии, занятой среднедонскими племенами. При ее изучении максимально учитывались результаты комплексного анализа ландшафтов Центрального Черноземья (Донское Белогорье, 1976; Долина Дона, 1982; Среднерусское Белогорье, 1985; Междуречные ландшафты, 1990 и др.).

Исследуемая территория входит в Придонской

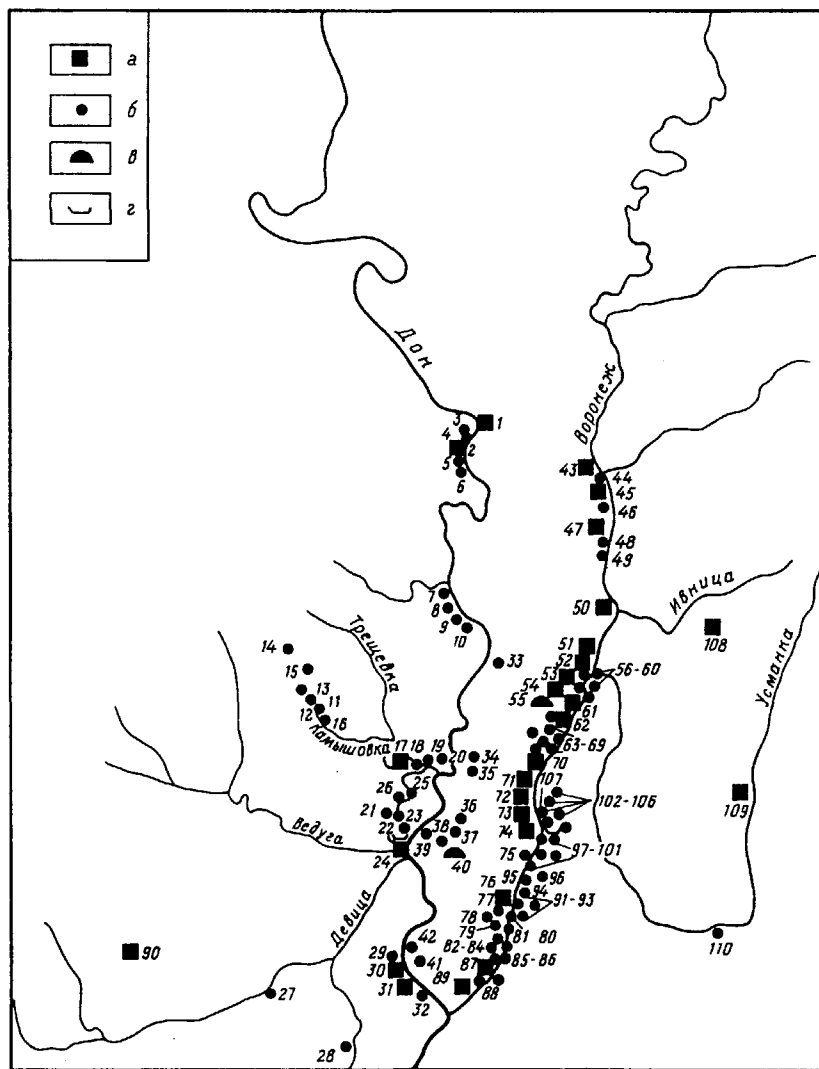

Рис. 22. Карта скифоидных памятников Верхнего Подонья: а – городище, б – поселение, в – курганный могильник, г – грунтовый могильник

1 – Конь-Колодезь (гор.), 2 – Отскочное 1, 3 – Отскочное 2, 4 – Отскочное 3, 5 – Отскочное 3, 6 – Отскочное 4, 7 – Верилровка, 8–10 – Гнездилово: пос. 1, 2, 3, 11–16 – Чистая Поляна: пос. 1, 2, 3, 5, 6, 11а, 17 – Губарево (гор.), 18 – Губарево 1, 19 – Губарево 2, 20 – Благовещенка, 21–22 – Ендовище: пос. 1 и 2, 23 – Семилуки (пос.), 24 – Семилуки (гор.), 25 – Терновка, 26 – Гудовка, 27 – Сосновка, 28 – Никольское-на-Еманче, 29 – Петино, 30 – Устье 1 (гор.), 31 – Устье 2 (гор.), 32 – Устье (пос.), 33 – Ново-Животинное, 34 – Ямное, 35 – Ново-Подклетное, 36–38 – Подгорное: пос. 1, 3, 5, 40 – Частые Курганы, 41–42 – Мальшево: пос. 1 и 2, 43 – Сенное, 44 – Писаревка, 45 – Ситное, 46 – Глушицы, 47 – Пекшево (гор.), 48 – Пекшево (пос.), 49 – Карачун, 50 – Ивницы, 51 – Рамонь I, 52 – Рамонь II, 53 – Животинное (гор.), 54 – Староживотинное (гор.), 55 – Староживотинное (мог.), 56–60 – Староживотинное: пос. 1–5, 61 – Чертовицкое III (гор.), 62 – Чертовицкое II (гор.), 63–69 – Чертовицкое: пос. 1–7, 70 – Чертовицкое I (гор.), 71 – Белогорское II (гор.), 72 – Егеревский кордон, 73 – Михайловский кордон, 74 – Кузнецовское, 75 – пос. 118 на правом берегу р. Воронеж, 76 – Дальняя Чижовка (гор.), 77 – пос. 83 на правом берегу, 78 – пос. 84 на правом берегу р. Воронеж, 79 – пос. 85 на правом берегу р. Воронеж, 80, 82–84 – Чижовское: пос. 1–3, 5, 81 – пос. 4 у южной окраины Воронежа, 85–86 – поселения 1 и 2 у южной окраины Воронежа, 87 – Сады (гор.), 88 – Шилово 3, 89 – Шилово (гор.), 90 – Верхнее Турово (гор.), 91–93 – пос. 57, 62, 73 на р. Печанка, 94 – поселение 45 на левом берегу р. Воронеж, 95 – пос. 44 на ул. Щерса, 96 – пос. 40 у с. Монастырщанка, 97–101 – пос. 16, 18, 23, 24, 27 на левом берегу р. Воронеж, 102–106 – пос. 1, 2, 8–11 на левом берегу р. Инютинки, 107 – пос. 5 в ур. Попова Дача, 108 – Бельево (гор.), 109 – Орлово, 110 – Орлиное Болото

меловой лесостепной физикогеографический район (Среднерусское Белогорье, 1985. С. 127–134). Это типичная среднерусская лесостепь с преобладанием склонового типа местности, который занимает 50–55% ее площади. Естественный травяной

покров сохранился по берегам рек, оврагов, балок. Он представляет остатки древних луговых и ковыльно-разнотравных степей, некогда занимавших обширные площади по водоразделам. До сих пор нераспаханные суходолы и небольшие речные до-

лины этого района используются для выпаса преимущественно мелкого рогатого скота и прежде всего овец.

В то же время в Левобережье Тихой Сосны сохранились довольно значительные лесные массивы, еще и сейчас покрывающие 11–13% его площади. Здесь находится наиболее облесенный район Правобережья Среднего Дона, где леса занимают не только долинно-балочные склоны, но частично выходят на водоразделы. Это известные Острогжские, Алексеевские, Красногвардейские дубравы, где главной лесообразующей породой был и до сих пор остается дуб. В древности они составляли обширный Куколов лес, покрывавший почти все левобережье Тихой Сосны, в том числе частично и водораздельное плато. Поэтому, видимо, далеко не случайно именно в этой сильно облесенной местности было сооружено большинство (не менее 15) городищ Среднедонского Правобережного района. В отличие от последних синхронные им курганные могильники занимали возвышенные участки междуречий, причем всегда на черноземных почвах, некогда покрытых степной растительностью.

Впервые вопрос о конкретной структуре расселения среднедонского населения скифского времени был поставлен П.Д. Либеровым (1971. С. 47–48). Ее реконструкция производилась по простейшему критерию – степени территориальной близости памятников. В результате исследователю удалось получить семь групп городищ на Среднем Дону. Но весьма слабая источниковая база даже для наиболее изученного П.Д. Либеровым района Среднедонского Правобережья и недостаточное внимание к ландшафтному окружению привели к тому, что большинство памятников было объединено в группы весьма произвольно. Так П.Д. Либеров включил в одну группу 5 городищ: Верхняя Покровка I и II, Стрелецкое, Городище и Кировское. Однако первые три находятся в бассейне р. Усердец (левый приток р. Тихая Сосна), два других – на берегах суходола, впадавшего в р. Камышенку (также левый приток р. Тихой Сосны). Еще больше возражений вызывает объединение в одну группу городищ Круглое, Русская Тростянка, Шубное. Каждое из них находится на берегу небольшой речки или суходола и отделено от других водоразделами с развитой овражно-балочной сетью (рис. 21).

Еще в процессе подготовки к сплошному обследованию среднедонского региона на стадии изучения публикаций и архивных материалов я обратил внимание на одну повторяющуюся особенность местоположения городищ скифского времени в Среднедонском Правобережье. Часто они располагались в верховьях и низовьях рек. Например, на р. Усердец в верховьях находятся два городища у с. Верхняя Покровка, а в низовьях – Стрелецкое

городище. На р. Камышенка у ее истоков известно городище Круглое, а в ее низовьях – Кировское городище и связанный с ним курганный могильник Дуровка. Однако в обоих случаях вызывало недоумение отсутствие памятников по среднему течению этих рек между городищами, хотя разведки по ним производились неоднократно.

С целью выяснения этого вопроса в 1989 г. мною произведено сплошное обследование бассейна р. Камышенка. Разведка проводилась в начале мая, когда пойма реки и склоны ее берега были почти полностью распаханы, что максимально облегчало обнаружение археологических памятников. В результате целенаправленных поисков были открыты 6 поселений скифского времени. Они позволили надежно связать оба названные выше городища в единый археологический комплекс.

Для проверки подмеченной закономерности была избрана р. Девица, где ранее значилось лишь одно поселение (*Либеров П.Д.*, 1965, рис. 1). Картографирование данных разведок И.Е. Бирюкова (1989–1990) и моих (1992), а также сведений краеведов И.Я. Ярцева и П.М. Золотарева позволило установить следующую систему расселения по этой реке. В ее верховьях находится городище Крутцы у с. Ново-Солдатка и окружающие его 5 поселений, в среднем течении – небольшое городище-убежище Гора Белая I и два расположенных поблизости пойменных поселения, в ее низовьях – 15 поселений скифского времени. Имеются старые данные о существовании в низовьях этой реки каких-то древних городищ (*Савелов Л.М.*, 1905. С. 157). Скорее всего, именно с этим микрорайоном связан известный Мастюгинский могильник. Во всяком случае, топографически он гораздо лучше увязывается с этой группой памятников, нежели с Большим Сторожевым и Архангельским городищами, удаленными от него не менее чем на 10 км по густо пересеченному оврагами водоразделу (*Либеров П.Д.*, 1971. С. 47). Это предположение дополнительно подтверждает недавно открытое П.М. Золотаревым поселение в с. Мастюгино напротив известного могильника.

Близкий по структуре микрорайон выявлен весной 1990 г. по р. Тростянка в Острогжском районе Воронежской области. Ранее здесь были известны и активно исследовались экспедицией П.Д. Либерова городище и могильник скифского времени у с. Русская Тростянка, а также одно поселение. В результате разведки обнаружено еще 9 поселений V–IV вв. до н.э. расположенных в окрестностях городища и ниже по течению реки.

В 1991 г. в левобережье Тихой Сосны Скифо-Сарматским отрядом было проведено сплошное археологическое обследование всех балок и суходолов от длины р. Тростянки на западе до Дона на

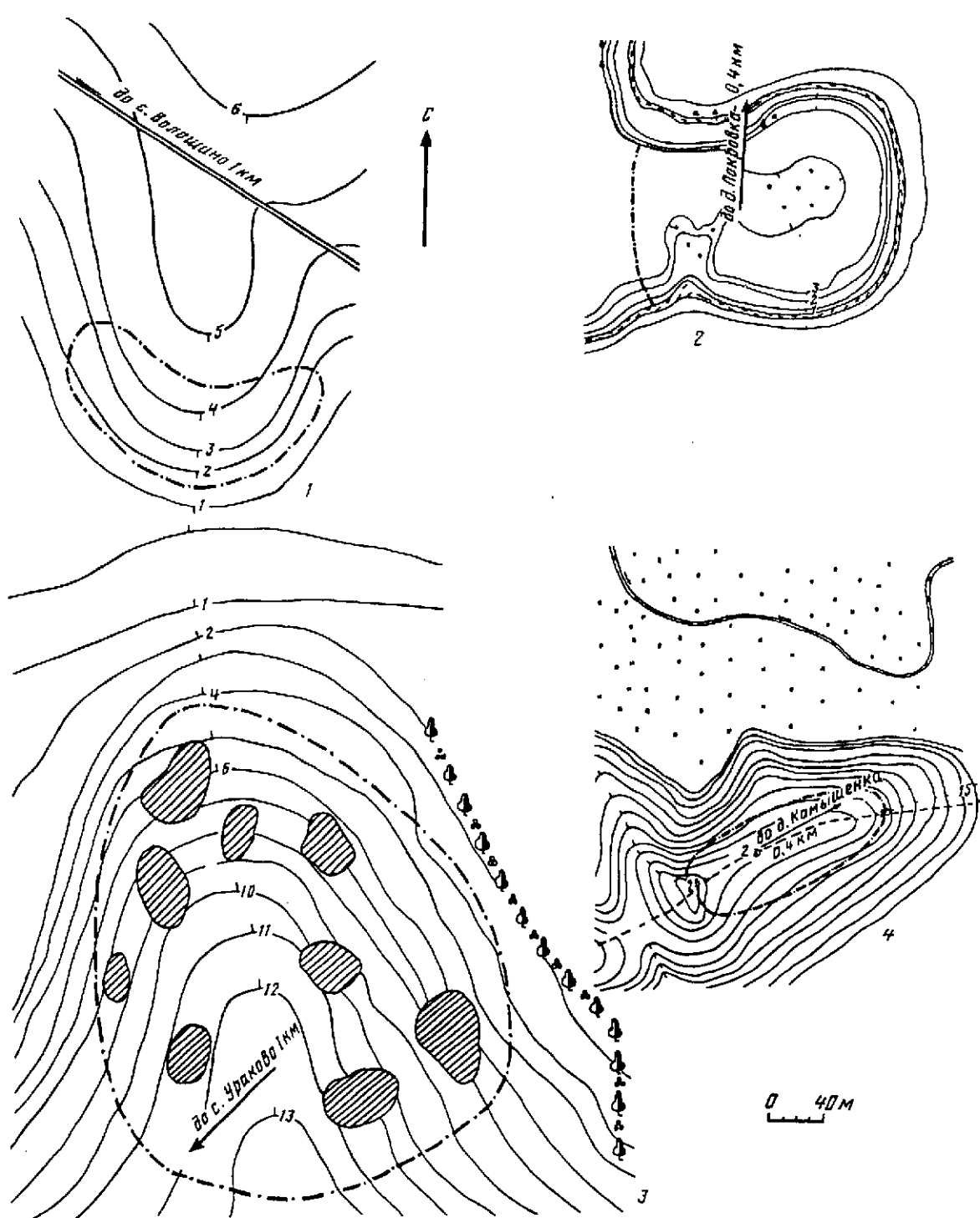

Рис. 23. Типы неукрепленных поселений скифского времени Среднего Подонья
1 – Волошино, 2 – Покровка, 3 – Ураково, 4 – Камышенка

востоке. До этого на указанной территории были известны лишь городища (Шубное, Волошинские I–VI, Аверинское, Мостище). В результате разведки в 5 суходолах (Глубокий, Городецкий, Жалин, долина р. Острогосца в окрестностях с. Волошино,

безымянный яр севернее г. Острогосжа и две балки у с. Коротояк), а также по левому берегу Тихой Сосны и ее притоку р. Ольшану открыто 63 поселения скифского времени (рис. 21).

В суходолах памятники встречались главным

образом на возвышенных участках дна, вблизи пересохших русел древних речек, реже по пологим склонам берега. На дне балок следов поселений не обнаружено. Как правило, они занимали участки, непосредственно прилегающие к кромке водораздельных плато. Топографически такие стоянки часто никак не выделялись и фиксировались только по распространению подъемного материала по свежей распашке. По левобережью Тихой Сосны и ее левого притока р. Ольшан стоянки располагались на пологих склонах берега и возвышенных участках поймы.

Абсолютное большинство открытых памятников имели тонкий, слабо насыщенный слой, как правило, почти полностью уничтоженный распашкой. Обычно их площадь невелика, хотя иногда встречаются поселения, вытянутые вдоль склона берега или русла на 200–400 м. Соборный на их поверхности материал представлен немногочисленными находками лепной керамики, реже фрагментами амфорной тары и лишь в отдельных случаях орудиями труда, а также костями животных. Судя по топографии, характеру культурного слоя и составу находок, большинство памятников являлись остатками кратковременных сезонных поселений типа стойбищ или кочевий (рис. 23, 1–2). На некоторых из них, например у с. Ураково на р. Камышенке, культурные остатки залежали не сплошным слоем, а отдельными пятнами овальной формы размерами от 20 × 50 до 40 × 70 м (рис. 23, 3). Последние, скорее всего, маркируют местоположения отдельных легких жилищ типа шатров, юрт или кибиток.

Лишь некоторые из среднедонских неукрепленных поселений I тыс. до н.э. имели долговременный характер, о чем свидетельствует их более мощный и насыщенный находками культурный слой, содержащий не только керамику, но и орудия труда, включая массивные каменные зернотерки. Топографически они были приурочены к высоким, незатопляемым участкам поймы или пологим склонам мысов (рис. 23, 4). Такие поселения как правило располагались в среднем течении рек или суходолов (Камышенка 1, Волошино 9, Коротояк 5), а иногда явно занимали промежуточное положение между верховыми и низовыми городищами.

Выявленные микрорайоны памятников скифского времени имели устойчивую организационную структуру, основными звеньями которой в большинстве случаев являлись городища в верховьях и низовьях, связанные серией сезонных поселений. Если река имела значительные размеры, то городища иногда сооружались и в среднем ее течении, как это было зафиксировано на р. Девица. На небольших речках их функцию могли выполнять промежуточные неукреп-

ленные поселения стационарного характера. Такая схема расселения, видимо, являлась типичной для основной территории Правобережья Среднего Дона выше р. Тихая Сосна. Если это так, то и на других малых реках можно ожидать подобных результатов. Наложение имеющихся археологических данных на речную сеть Правобережья Дона показывает, что здесь возможно выделение не менее десяти микрорайонов памятников скифского времени.

Кроме названных, еще один микрорайон со временем определенно будет выделен в долине р. Усердец, где имеются городища в верховьях и низовьях. Несомненно еще один, а возможно, даже несколько микрорайонов расселения локальных групп среднедонского населения в общих чертах начинаются вырисовываться по р. Потудань, в низовьях которой расположены городища Мостище и Аверино, а выше – серия пойменных поселений, выявленных П.Д. Либеровым в 1972 г. и В.Д. Березуцким в 1991 г. По данным Центрального Статистического комитета 1873 г., в среднем и верхнем течении этой реки были отмечены городища (Сведения, 1896. С. 287–291). Видимо, одно из них вновь открыто Потуданской экспедицией ИА РАН в 1993 у с. Солдатское.

В 1992 г. мною проведено полное обследование одного из левых притоков этой реки – Скупая Потудань. В ее верховьях удалось обнаружить большое городище-убежище, а ниже – серию из 6 поселений V–IV вв. до н.э. Вероятно, с юга этот микрорайон замыкало городище у с. Россось, известное по сведениям Центрального Статистического Комитета 1873 г., но к настоящему времени не сохранившееся.

Самый северный микрорайон Донского Правобережья, видимо, составят памятники по р. Ведуга и ее притокам (рис. 22). Хотя археологическое изучение этой территории далеко еще не завершено, тем не менее здесь уже известны 2 городища (Семилукское и Губаревское), а также 14 поселений. Среди них наибольший интерес представляет серия поселений по речке Камышевка: в ее верховьях В.Н. Ковалевским открыто 6 поселений у с. Чистая Поляна, в низовьях известно Губаревское городище и несколько неукрепленных поселений.

По нижнему течению р. Воронеж (из-за ландшафтных особенностей этого района и затопления Воронежским водохранилищем большей части речной поймы) пока не удалось выявить каких-либо локальных групп, сопоставимых по структуре со среднедонскими микрорайонами, несмотря на очень высокую плотность распространения здесь памятников. Видимо, из-за отсутствия сколько-нибудь развитой речной сети в Правобережье Воронежа в скифское время сложилась иная схема расселения, нежели на Среднем Дону. Не исключено,

Таблица 1. Основные характеристики микрорайонов памятников скифского времени лесостепного Подонья

Район	Площадь (кв. м)	Поселения		Городища	Курганные могильники	Всего
		стационарные	сезонные			
<i>Правобережье Среднего Дона</i>						
<i>Микрорайоны</i>						
I Усердец	220	1	3	4	–	8
II Камышенка	110	2	5	3	1	11
III Тростянка	50	1	9	1	1	12
IV Шубное–Ольшан	60	1	25	1	–	27
V Жалин Яр	40	1	10	6	1	18
VI Острогжский Яр	55	1	7	–	–	8
VII Коротояк	30	1	6	–	–	7
VIII Левобережье Т. Сосны	60	2	11	–	–	13
IX Потудань	300	2	23	4	1	30
X Девица	100	1	23	2	1	27
XI Дон	280	–	2	4	–	6
<i>Верхний Дон</i>	500	6	30	7	1	44
<i>Воронеж</i>	300	7	40	20	1	68
<i>Южнее Т. Сосны</i>	5000	–	31	4	–	35
<i>Левобережье Дона</i>	35000	–	30	4	–	34
Всего	42105	26	255	60	7	348

что при ее формировании не последнюю роль сыграло наличие надежной естественной защиты с запада – Воронежской нагорной дубравы, но особенно с востока – в виде обширных лесных массивов Усманского Бора и сильно заболоченной поймы Левобережья (Подворонежье, 1973. С. 67).

Скорее всего, выделенные микрорайоны представляют собой остатки схемы расселения и хозяйственной деятельности отдельных социальных подразделений среднедонского населения скифского времени. Основной территорией обитания каждого из них являлся бассейн той или иной малой реки. Сейчас еще преждевременно определять характер этой социальной единицы. Однако размеры освоенной ею территории, значительное количество неукрепленных поселений (от 6 до 23) и городищ (от 1 до 3) позволяют думать, что, скорее всего, она была больше отдельной общины (или патронимии), но все же вряд ли крупнее племени – основной надобщинной структуры той эпохи (Семенов Ю.И., 1979. С. 7–86). Последнему, видимо, могло соответствовать население нескольких соседних микрорайонов, охватывающих весь или лишь часть бассейна крупной реки. Таковых могло быть от двух (Средний Дон, Верхний Дон, включая нижнее течение Воронежа) до пяти (Тихая Сосна, Потудань, Девица, Верхний Дон, Воронеж). В совокупности они могли составлять высший тип социального объединения общества переходной эпо-

хи – “метаплемя”, или соплеменность (История, 1988. С. 320–321).

Как видно по остаточным схемам расселения, микрорайоны существенно различались размерами, числом и площадью укрепленных и открытых поселений, степенью их концентрации, наличием или отсутствием богатых курганных некрополей (табл. 1). По-видимому, их размеры так или иначе отражали различия в масштабах отдельных локальных образований среднедонского населения, их далеко неодинаковые возможности обладания людскими и природными ресурсами.

В то же время, вполне возможно, что городища и связанные с ними стационарные поселения, с одной стороны, и цепочки кратковременных сезонных стоянок и курганных могильников – с другой, в той или иной мере отражали два основных хозяйственно-культурных типа (ХКТ), сосуществовавших в Донской лесостепи на протяжении скифской эпохи:

1. ХКТ оседлых лесостепных земледельцев и скотоводов с пастушеским, придомным видом животноводства. Основной тип их постоянных местобитаний – укрепление городища с выраженным культурным слоем (рис. 24, 1–3), реже открытые поселения. Это ХКТ довольно хорошо изучен и неоднократно описывался скифологами (Шрамко Б.А., 1971. С. 92–102; Моруженко А.А., 1989. С. 25–40; Степи, 1989. С. 116–117).

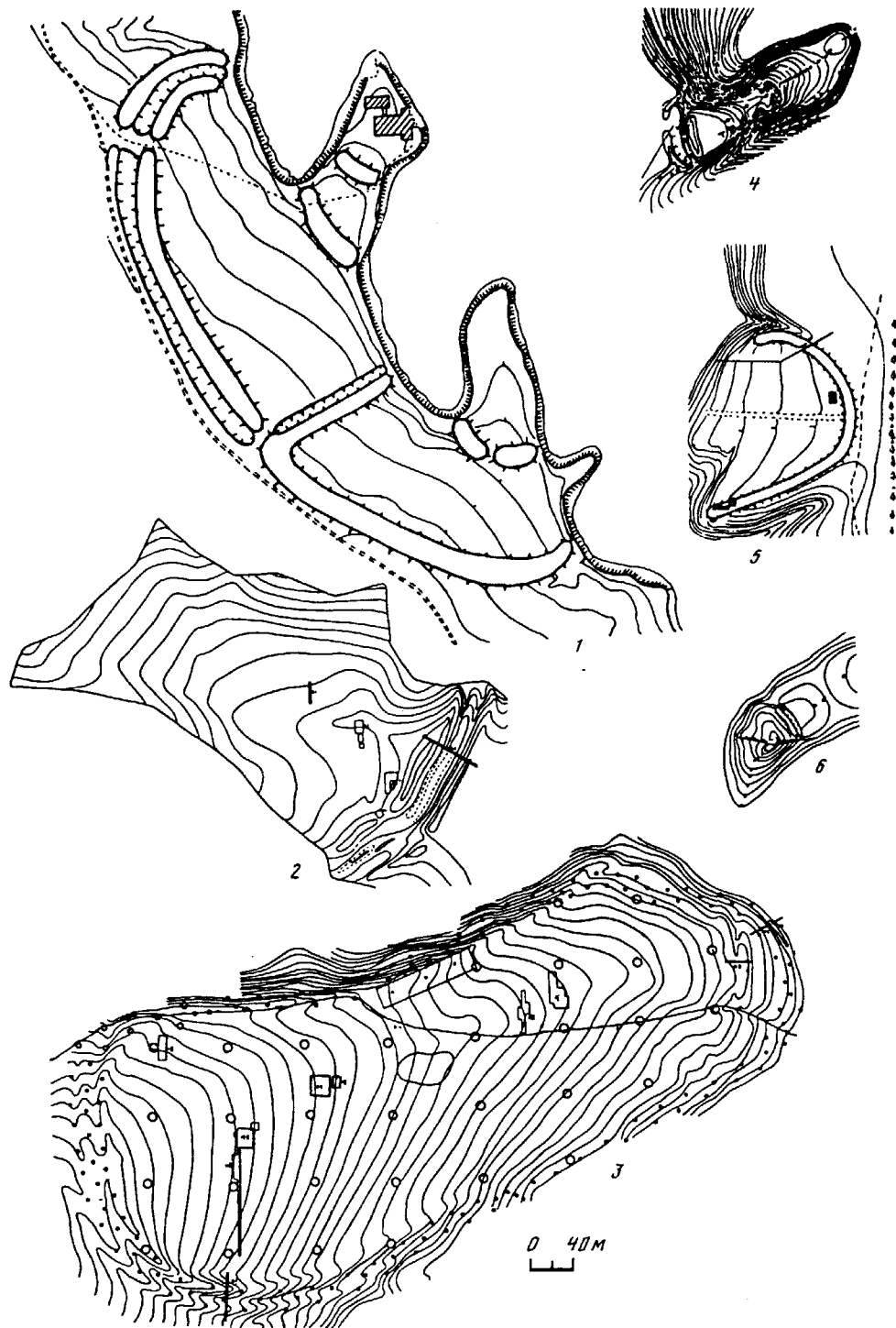

Рис. 24. Типы среднедонских городищ скифского времени
 1 – Архангельское, 2 – Большое Сторожевое, 3 – Волошинское I, 4 – Устье I, 5 – Круглое, 6 – Гора Белая I

2. ХКТ подвижных скотоводов, по существу полукочевников. Скорее всего, именно они оставили большинство сезонных стоянок и все среднедонские курганные могильники. Обоснованное определение полукочевочного типа хозяйства специально к ландшафтно-климатическим условиям среднедонской лесостепи дано А.А. Шенниковым, правда, для более позднего периода (Шенников А.А., 1987. С. 81–87).

Эти различия нашли определенное отражение не только в типах и топографии поселений, но, видимо, и в остеологическом материале городищ и курганных могильников. Если на большинстве среднедонских городищ в составе стада преобладал крупный рогатый скот, затем лошади при довольно высоком проценте поголовья свиней, которые на многих поселениях почти не уступали по численности мелкому рогатому скоту (Цалкин В.И., 1969. С. 135–136, табл. 6), то по курганным материалам определенно устанавливается доминирование в стаде лошади при почти одинаковой доле крупного и мелкого рогатого скота и практически полном отсутствии свиньи (Либеров П.Д., 1965. С. 14, табл. III).

Однако нужно признать, что скотоводческие племена Среднего Дона не могли быть кочевниками в полном смысле этого слова. Скорее всего они практиковали подвижное отгонное скотоводство с ограниченным радиусом выпаса². Регулярные длительные перекочевки на большие расстояния здесь были не нужны в силу того, что продуктивность зеленой массы лесостепи в два-три раза превышает таковую в злаковой зоне степи (Мильков Ф.Н., 1977. С. 126–128, табл. 5). О том же свидетельствует и остеологический материал из среднедонских курганных погребений, где преобладал не обычный для кочевников мелкий рогатый скот, а лошадь. В пользу такой оценки говорит и слишком густая для “чистых” номадов сеть сезонных стоянок, выявленная в отдельных микрорайонах Донского Правобережья, в том числе там, где полностью отсутствовали жилые городища и поселения, например микрорайон в окрестностях с. Шубное.

Как уже отмечалось, в качестве весенне-летних пастбищ среднедонские скотоводы могли использовать обширные остепненные районы Левобережья Дона по его водоразделам с Битюгом, а также подзону южной правобережной лесостепи ниже Тихой Сосны. Но к зиме они вынуждены были пригонять свои стада в окрестности городищ. Без этого неоседлые скотоводы Среднедонской лесостепи просто не могли су-

ществовать, так как значительная толщина снежного покрова (на открытых пространствах в среднем 12–14 см, но иногда до полуметра, см. Шипчинский А., 1926) делала зачастую невозможной тебеневку – зимний выпас лошадей, не говоря уже о выпасе других видов скота (Цалкин В.И., 1966. С. 93). По этой причине на Среднем Дону нельзя было постоянно держать зимой скот на подножных кормах, как это обычно практиковали кочевники более южных районов. Необходимо, хотя бы на время нередких зимних бескормиц, подкармливать животных сеном или другими грубыми кормами, заранее заготовленными в определенных местах (Руденко С.И., 1961. С. 13). Поэтому лесостепным скотоводам жизненно были необходимы длительные, практически на все холодное время года остановки близ запасов сена. Скорее всего, по той же причине их зимники, иногда отмеченные большими курганными могильниками, входили в структуру отдельных микрорайонов, где проживало преимущественно оседлое население. Именно оно могло обеспечить необходимыми запасами кормов стада номадов. Такой тип отношений оседлого русского и кочевого татарского населения реконструируется на Среднем Дону для XIV–XV вв. (Шенников А.А., 1987. С. 96–97).

С ХКТ лесостепных номадов, скорее всего, связаны и такие памятники, как большие городища без признаков постоянного обитания или же с крайне слабыми следами культурного слоя типа Шубного, Аверинского и некоторых Волошинских городищ (рис. 25). По-видимому, близка к истине догадка П.Д. Либерова о том, что последние использовались в основном как законы и укрытия для скота (Либеров П.Д., 1965. С. 10). Весьма показательно, что некоторые из них определенно находились в глубине территории, занятой оседлым населением городищ. В этом плане особый интерес вызывает пара городищ между хуторами Мостище и Аверино (рис. 25, 1–2). Первое представляло собой обычное небольшое мысовое городище с довольно насыщенным находками слоем, остатками жилищ и большого числа хозяйственных ям, многие из которых имели все признаки зерновых. Не вызывает сомнений принадлежность хозяйства его обитателей к 1-му ХКТ. В 200 м от него, на том же плато находилось Аверинское городище, по площади примерно в десять раз превосходящее первое. Со стороны поля его защищал вал длиной почти 1 км. Несмотря на большие размеры и довольно мощные укрепления, культурный слой на городище отсутствовал. Но судя по отдельным находкам лепной керамики и фрагментов амфор, Аверинское городище синхронно городищу у хут. Мостище. Этот памятник действительно трудно интер-

² Этнографам известны группы неоседлого населения (башкиры, северные казахи, часть ногайцев), кочевавшие в радиусе не более 10 км (Шенников А.А., 1987. С. 77).

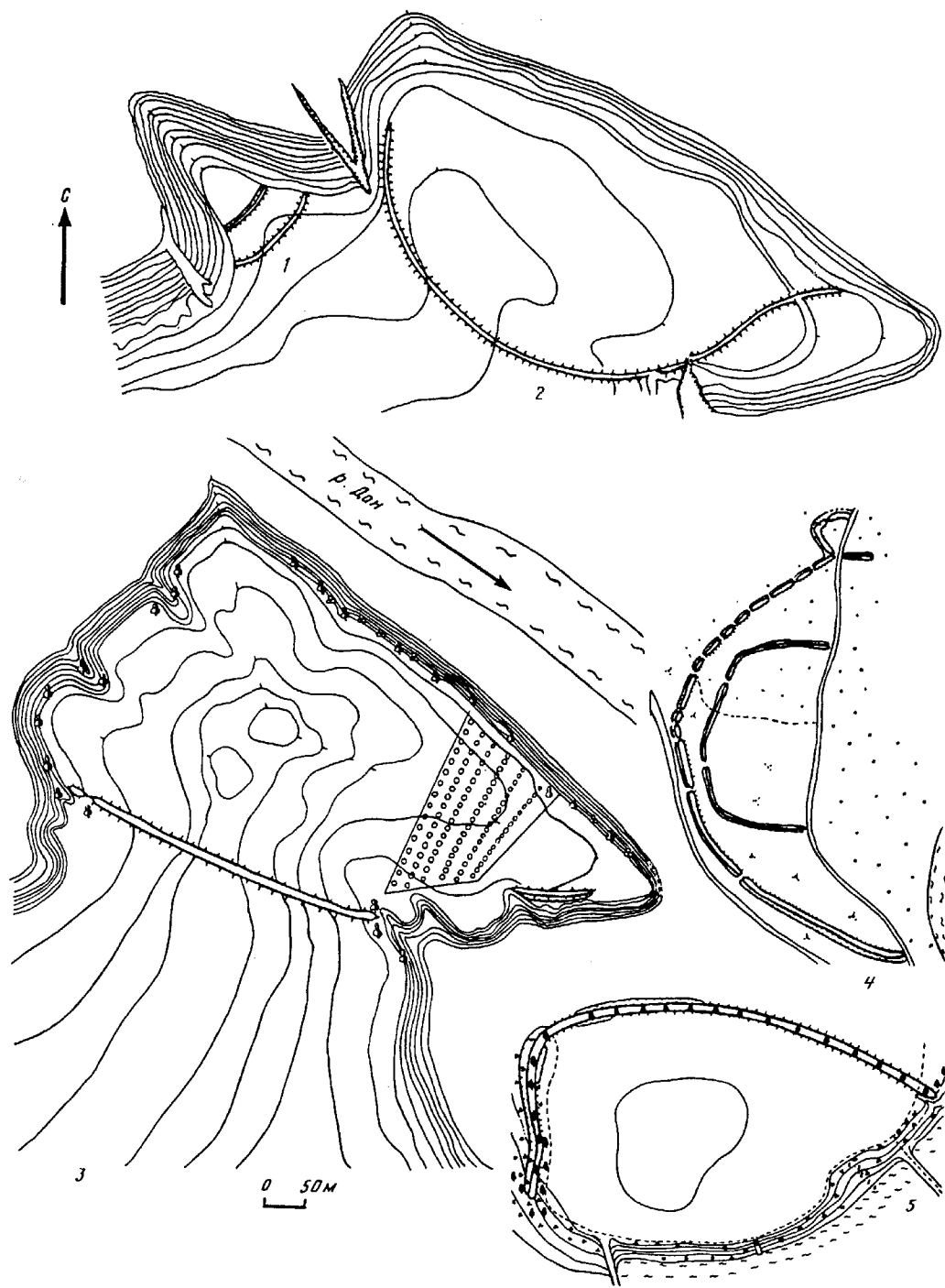

Рис. 25. Среднедонские городища-загоны
 1 – Мостище, 2 – Аверино, 3 – Костомарово (Большое), 4 – Тромбаки, 5 – Шубное

претировать иначе, как большой укрепленный за-
 гол для скота.

Интересно, что подобные городища-загоны
 известны лишь в Среднем Подонье, причем как в
 Правобережье, так и Левобережье. На верхнем

Дону и р. Воронеж они не встречены, что, скорее
 всего, обусловлено существенно меньшим удель-
 ным весом неоседлого скотоводства в хозяйстве
 скифоидного населения этих более северных рай-
 онов Донской лесостепи. Видимо, развитию полу-

Таблица 2. Основные характеристики скифоидных городищ лесостепного Подонья

Название	Общая площадь (га)	Исследовательская площадь (м ²)	Мощность культурного слоя (м)	Тип городища		Тип укрепления			Характер использования	
				м.к.	плато	валы	рвы	эскарпы	стационар.	загон, убежище
Волошино I	16	<4000	0,4	+		+	+	+	+	
Волошино II	9	200	0,6		+	+			+	
Волошино III	6	шурф	0,6	+		+				+
Волошино IV	4,5	шурф	0,4	+		+	+			+
Волошино V	3	шурф	0,4	+		+	+		+	
Волошино VI	6	шурф	0,4–0,6		+	+	+			+
Большое Сторожевое	7,5	454	0,4–0,8	+		+	+		+	
Малое Сторожевое	0,25	шурф	0,25	+		+	+		+	
Кировское	7,5	<1000	0,5	+		+	+		+	
Русская Тростянка	1,5	288	0,4	+		+	+		+	
Стрелецкое	3	96	0,6			+	+		+	
Верх. Покровка I	0,4	шурф	–	+		+				+
Верх. Покровка II	5	220	0,4	+		+			+	
Прудки	1,5	шурф	0,4	+		+			+	
Архангельское	10	<1000	0,5–0,6		+	+	+		+	
у хут. Городище	1	шурф	0,4	+		+			+	
Мостице	1,3	<3000	0,4	+		+	+	+	+	
Круглос	0,9	168	0,4		+	+			+	
Ново-Солдатка	3	шурф	0,3	+		+	+		+	
Солдатское	1	шурф	0,3	+		+			+	
Титчиха	7,5	420	0,3		+	+	+		+	
Аверино	12	<200	–		+	+				+
Шубное	10	шурф	–		+	+				+
Гора Белая II	0,2	шурф	0,25	+		+	+			+
Скупая Потудань	0,35	шурф	0,25	+		+	+			+
Большое Костомаровское	30	шурф	–	+		+				+
Малое Костомаровское	7	шурф	–	+		+				+
Кудеярово	10	шурф	–		+	+				+
Тромбаки	6	шурф	–		+	+				+
Липовка		шурф	–		+	+				+
Шестаково	0,15	шурф	–	+		+				+
Верхнее Турово	0,5	шурф	–	+		+	+			+
Устье I	0,9	шурф	0,25	+		+	+		+	
Устье II	0,1	шурф	0,2	+		+	+			+
Губарево	0,45	шурф	0,4–0,5	+		+	+		+	
Конь-Колодезь	0,5	292	0,7	+		+	+		+	
Отсочное	0,9	380	0,4	+		+	+		+	
Семилуки	0,9	3600	0,4–0,8	+		+	+		+	
"Салы"	1	16	0,6	+		+	+	+	+	
Кузнецовское	2	<1600	0,3–0,6	+		+	+		+	
Михайловский кордон	9	<300	0,2–0,3	+		+	+		+	
Егеревский кордон	0,7	50	0,25	+		+	+		+	
Белогорское II	1,5	125	0,5	+		+	+		+	
Чертовичское I	1	120	0,4	+		+	+	+	+	
Чертовичское II	0,25	260	0,2–0,4	+		+	+	+	+	
Чертовичское III	6	<2000	0,4	+		+	+	+	+	
Животинное	3	2500	0,2–0,4	+		+			+	
Староживотинное I	0,25	шурф	–	+		+				+
Рамонь I	1	шурф	0,3	+		+				+
Рамонь II	0,4	шурф	0,25	+		+	+			+
Ивнищы	0,15	185	0,5	+		+	+		+	
Пекнево	0,5	2676	0,4–2,0	+		+	+		+	
Ситное	0,3	шурф	0,4	+		+	+		+	
Сенное	0,2	800	0,3	+		+	+		+	

кочевого скотоводства в Верхнем Подонье существенно препятствовал более высокий снежный покров, особенно если принять во внимание многоснежные зимы, характерные для V–IV вв. до н.э. В настоящее время он здесь чаще превышает предельно допустимые для тебеневки нормы. Средняя высота снега достигает 16–26 см, но иногда до 0,75 м (Шипчинский А., 1926. С. 6).

Представляется, что оба хозяйственных уклада населения Среднего Подонья и Подворонежья объективно соответствовали двум основным экологическим нишам восточноевропейской лесостепи. Хорошо известна приуроченность видов производственной деятельности к различным типам лесостепных ландшафтов (Междуречные ландшафты, 1990. С. 32). При этом, чем глубже кочевья nomads заходили на север, тем больше они нуждались в хозяйственной интеграции с оседлым населением городищ в силу объективных особенностей природно-климатических условий лесостепной зоны. Данное обстоятельство необходимо учитывать при изучении этнокультурной истории населения Донской лесостепи в раннем железном веке.

Накопленный к настоящему времени материал позволяет в самом первом приближении оценить заселенность скифоидными племенами лесостепного Подонья. Из 60 скифоидных городищ региона половина находится на Среднем Дону (табл. 2). Но если мы примем во внимание такой более объективный показатель, как жилая площадь городищ (разумеется, без учета городищ-за-

гонов и убежищ), то окажется, что в этом районе сосредоточен 71%, на р. Воронеж 25%, а на Верхнем Дону всего лишь 4% площадей стационарных укрепленных поселений. По-видимому, на Среднем Дону кочевала и основная масса неоседлого населения. Здесь находится большинство курганных могильников скифского времени, а также все известные городища-загоны и убежища, причем последние вместе с городищами-загонами по Битюгу и южнее Тихой Сосны по площади даже несколько превосходят постоянно обитаемые укрепления поселения Среднего Правобережья (соответственно 84 и 78 га).

Для получения более конкретных демографических данных о населении лесостепного Подонья в скифское время можно использовать количественные характеристики жилых сооружений, в частности их площадь. Всего удалось собрать сведения о более чем 60 жилищах этой эпохи. Из них свыше 50 определенно датируются концом V–IV вв. до н.э. Это прямоугольные, иногда почти квадратные в плане постройки столбовой конструкции, слабо углубленные в грунт, отапливаемые одним-тремя открытыми очагами (рис. 41). Из всего массива я выбрал только постройки четырех, наиболее полно исследованных городищ. По каждому памятнику вычислена средняя площадь жилища и коэффициент плотности застройки – отношение числа открытых жилых построек к исследованной площади городища (табл. 3).

Таблица 3. Некоторые демографические характеристики донских лесостепных скифоидных городищ по данным жилищ

Городище	Общая площадь (га)	Исследованная площадь (м ²)	Число жилищ	Средняя площадь жилищ (м ²)	Коэффициент плотности	Расчетное число жилищ	Вероятная численность жителей
Волошино I	16	4000	8	14,6	1/500	320	1600
Мостище	1,3	3000	10	13,8	1/333	39	195
Семилуки	0,9	3600	13	9,2	1/277	33	162
Пекшево	0,5	2680	19	20	1/140	36	180
<i>По индивидуальным коэффициентам плотности</i>							
Средний Дон	78				1/500	1560	7800
Верхний Дон	4,25				1/333	2342	11711
Воронеж	27,25				1/277	153	767
Всего	109,5				1/140	1946	9732
<i>По усредненному коэффициенту</i>							
Средний Дон					1/313		
Верхний Дон						2492	12460
Воронеж						136	679
Всего						870	4353
						3498	17492

Средняя площадь скифоидных жилищ на различных памятниках Донской лесостепи варьировала от 9,2 м² (Семилуки) до 20 м² (Пекшево). Но оба наиболее исследованные среднедонские городища дали весьма близкие показатели: 13,8 м² (Мостище) и 14,6 м² (Волошино I). В целом по лесостепному Подонью для скифского времени средняя площадь жилищ составила 14,4 м². Представляется, что эта площадь более соответствует размерам жилища, которые большинство современных исследователей отводят для проживания малой (“нуклеарной”) семьи (Моруженко А.А., 1968). Для стадially близких обществ ее численность определяют от трех-четырёх до шести-семи человек (Хазанов А.М., 1975. С. 72–76). Принимая во внимание то существенное обстоятельство, что большинство изучаемых жилищ относятся ко времени резкого увеличения количества скифоидного населения в Подонье, вряд ли сильно преувеличу, сочтя за среднюю семью из 5 человек.

Исходя из полученных результатов и принятых допущений, минимальная расчетная численность оседлого населения Среднедонского района по имеющимся на сегодняшний день археологическим данным может быть оценена в пределах 7800–11711 человек, а по среднему коэффициенту в 12460 человек; минимальная численность обитателей скифоидных городищ Верхнего Дона 767 человек (по среднему коэффициенту 679 человек) и соответственно низовий Воронежа – 9732 человек (по среднему коэффициенту 4353 человек) (табл. 3). Общая численность оседлого населения лесостепного Подонья соответственно колеблется в пределах 18000–22000 человек, а по усредненному коэффициенту – 17000–18000 человек.

Еще раз замечу, что это минимальная расчетная численность скифоидного населения, проживавшего на известных мне городищах лесостепного Подонья конца V–IV вв. до н.э.³ В действительности она, скорее всего, была значительно выше, так как по объе-

³ При расчетах я избрал путь от конкретных эмпирических данных, полученных археологами, к общим заключениям. Есть и иные приемы вычислений, когда в качестве исходной берется расчетная продуктивность хозяйственных ареалов, из которой вычисляется возможная численность населения (Громов Г.Г., Новиков Ю.Ф., 1975. С. 220–236; Гаврилюк Н.А., 1989. С. 17–24; Железчиков Б.Ф., 1984. С. 64–68; с последующими поправками: Халдеев В.В., 1987. С. 230–231). Возможно, эти методы вполне результативны для ранних стадий развития человечества. Но при использовании их для демографических оценок этносов Скифо-Сарматской эпохи сразу выявляются их слабые места, в первую очередь слишком большое количество неизвестных переменных, которые невозможно сейчас учесть, – таких, например, как реальное соотношение типов древних сельскохозяйственных угодий различной продуктивности, влияние на нормы потребления резкой социальной дифференциации и т.п. По-видимому, без учета последних часто получаются явно завышенные демографические оценки.

ктивным причинам нельзя учесть площади не менее чем десятка не сохранившихся городищ, известных в конце XIX – первой половине XX в. Не учитывались и данные по неукрепленным постоянно обитаемым поселениям, число которых, правда, здесь невелико, равно как и численность не очень многочисленного неоседлого населения. Последнюю можно оценить лишь после комплексного анализа оставленных им курганных могильников.

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ СРЕДНЕДОНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Опираясь на полученные материалы и господствовавшие тогда идеи в изучении этногенеза, П.Д. Либеров в 60-х годах выдвинул оригинальную гипотезу происхождения среднедонской культуры. Он прямо связал ее генезис с местными племенами эпохи бронзы, прежде всего с потомками носителей абашевской и катакомбной культур. Для обоснования своей гипотезы исследователь привлек отдельные типы среднедонской керамики скифского времени, обнаруживающие, по его мнению, близость катакомбной, абашевской и срубной посуде, а также некоторые детали погребального обряда, выявленные не только в среднедонских могильниках VI–IV вв. до н.э., но и в курганах эпохи бронзы (Либеров П.Д., 1971а. С. 107–109, рис. 2). Однако эта гипотеза оказалась весьма слабо аргументированной, особенно в области хронологии, о чем речь шла выше.

С позиций требований современной науки вряд ли можно принять предложенные П.Д. Либеровым соответствия в культуре среднедонских племен эпохи бронзы и скифского времени, свидетельствующие о сохранении некоторых традиций катакомбной и абашевской культур вплоть до середины I тыс. до н.э. Вряд ли таковыми можно считать пальцевые зацепы на лепной посуде, якобы восходящие исключительно к катакомбной культуре, или парные отверстия на абашевских и среднедонских “ритуальных” сосудиках. Последние не несли какой-либо особой смысловой и тем более этнической нагрузки, а имели лишь одно функциональное назначение – служить для подвешивания сосуда.

В общем, следует признать, что гипотеза П.Д. Либерова о местных корнях среднедонской культуры не выдержала испытания временем. Насколько известно, у нее нет сторонников. Причина ее слабости заключалась не только в господствовавших несколько десятилетий назад теоретических установках этнокультурного автохтонизма. В распоряжении исследователей тогда не оказалось ранних памятников, в которых достаточно отчетливо просматриваются совсем иные истоки среднедонской культуры скифского времени.

Почти полвека назад Б.Н. Граков и А.И. Мелюкова включили среднедонские памятники в один из локальных вариантов лесостепных культур скифского времени (Граков Б.Н., Мелюкова А.И., 1954. С. 82–83). Эту идею последовательно поддерживали многие отечественные исследователи (Шрамко Б.А., 1975. С. 82–83; Моруженко А.А., 1989. С. 25–44). Казалось бы, такая оценка должна была придать определенную направленность в разработке данной проблемы в русле археологии Лесостепной Скифии. Но за четверть века после выхода в свет итоговых работ П.Д. Либерова этого не произошло. Правда, В.А. Ильинская предложила решение вопроса о происхождении части среднедонского населения, оставившего воронежские курганы, в результате миграции их предков-гелонов с Нижнего Дона (Ильинская В.А., 1977. С. 91–92). Однако и эта гипотеза не нашла поддержки специалистов из-за наличия ряда неразрешимых противоречий между письменными источниками и археологическим материалом. Поэтому авторы последнего итогового исследования вынуждены были констатировать, что вопрос происхождения среднедонского населения скифского времени остается открытым (Степи, 1989. С. 80). Но как раз к тому времени появились новые материалы, которые могут способствовать его решению (Медведев А.П., 1989).

Как уже указывалось, в 1985–1988 гг. Скифо-Сарматский отряд провел широкомасштабное исследование Пекшевского городища на р. Воронеж. Именно раскопки этого памятника впервые дали ранний массовый материал, столь необходимый для решения проблемы происхождения среднедонской культуры. Он залегал по краям городищенской площадки в среднем золистом слое на глубине от 0,4 до 1,6 м (рис. 8,б, II). Напомню, что от древнейшего раннегородецкого и более позднего слоя IV–III вв. до н.э. он повсеместно был отделен прослойками пожарниц. Его материалы легко отличались от содержимого верхнего слоя не только стратиграфически и типологически, но и планиграфически. Они отсутствовали в центральной части городища, где обнаружены только остатки поселения позднескифского времени.

Наличие четкой стратиграфии при значительной мощности культурных напластований позволило провести детальное исследование культурного слоя этого городища по пластам толщиной в 20 см. В результате весь полученный материал был разделен по 11 штыкам, достаточно объективно отражающим историю данного памятника и проживавшего здесь населения с VIII вв. до н.э. по первые века н.э. Из них не менее пяти пластов (3–7 штыки) принадлежали среднему слою.

Для разработки проблемы происхождения

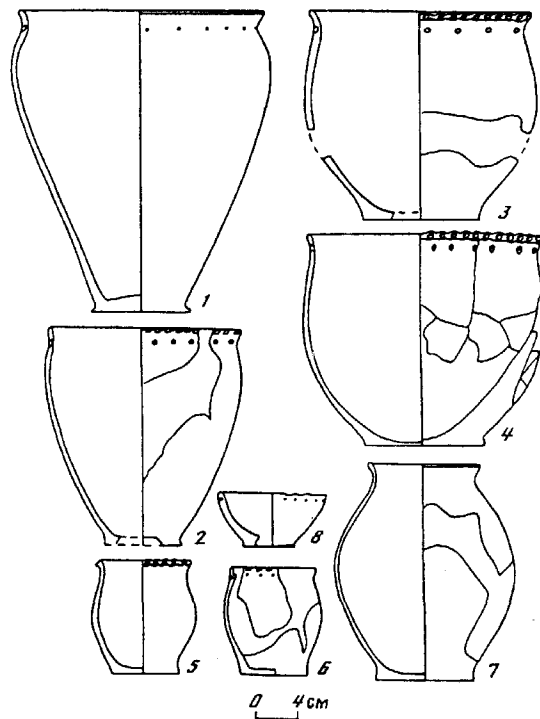

Рис. 26. Сосуды из среднего слоя Пекшевского городища

среднедонской культуры ниже анализируются материалы среднего слоя Пекшевского городища, прежде всего лепная керамика. Она представлена в этом слое 1957 единицами сосудов учтенных по венчикам, а также серией целых форм. Среди посуды абсолютно преобладали горшки – 1641 экз. (83,9%). Кроме них, в среднем слое изредка встречались миски – 59 экз. (3%), чашки – 12 экз. (0,6%), кувшины – 7 экз. (0,4%) и дуршлаги – 2 экз. (0,1)⁴.

Лепная керамика среднего слоя Пекшевского городища по форме, орнаментации, составу теста и характеру обработки поверхности заметно отличалась от ранее известной посуды среднедонских городищ скифского времени. Большинство горшков толстостенные, тесто довольно рыхлое с примесью шамота или дресвы, часто очень крупных. Поэтому внешняя поверхность многих сосудов неровная, бугристая, в ряде случаев с выступающими наружу зернами примесей. Цвет поверхности горшков грязно-серый, бурый, реже коричневый.

Для типологического анализа отбирались фрагменты сосудов, как правило, сохранившиеся не менее чем на половину профиля. Достоверность

⁴ Как указывалось, помимо скифоидной керамики, преимущественно из нижних штыков среднего слоя происходят 236 фрагментов текстильной и гладкостенной тычковой посуды (12%).

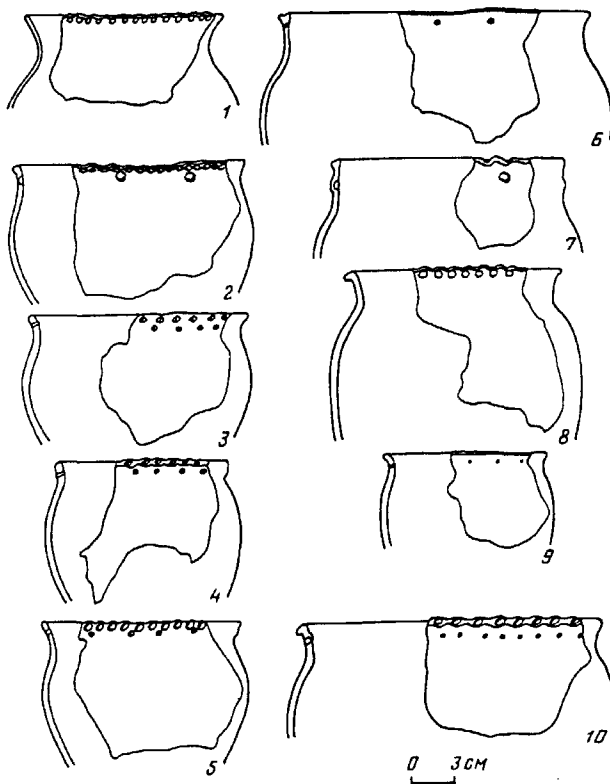

Рис. 27. Керамика из среднего слоя Пекшевского городища (типы 1 и 5)

их реконструкции коррелировалась по типам или аналогичным целым формам, найденным на лесостепных городищах Днепро-Донского междуречья. Мною был учтен опыт классификации лепной керамики Степной (Граков Б.Н., 1954. С. 68–81) и Лесостепной Скифии (Ильинская В.А., 1968. С. 166–171; Петренко В.Г., 1967. С. 11–13; Шрамко Б.А., 1983а. С. 73–92; Пузикова А.И. 1981. С. 41–64) и Среднего Дона (Пузикова А.И., 1969. С. 51–66). По морфологии верхней части сосудов, главным образом венчика и шейки, удалось выделить восемь основных типов горшков из среднего слоя Пекшевского городища (Медведев А.П., 1998).

Тип 1 – венчик равномерно отогнут наружу, плавно переходит в округлое плечико, отчего профиль сосуда приобретает S-образную форму (рис. 26, 5; 27, 1–5).

Тип 2 – венчик чуть отогнут наружу и почти незаметно переходит в низкое слабо профилированное тулово, плавно закругляющееся ко дну (рис. 26, 3–4; 28, 1–4).

Тип 3 – венчик короткий прямой, вертикально поставленный, почти сразу переходит в тулово (рис. 26, 2).

Тип 4 – венчик резко отогнут наружу, перехо-

дит в хорошо выраженное плечико, тулово конической формы, сильно сужается ко дну (рис. 26, 1).

Тип 5 – венчик высокий прямой или слегка прогнут, образует хорошо выраженное горло, почти всегда резко отделенное от шаровидного тулова (рис. 27, 6–10).

Тип 6 – короткий венчик сразу переходит в сильно расширяющееся к середине высоты тулово (рис. 29, 9–10).

Тип 7 – венчик прямой, поставлен под углом к округлому или яйцевидному тулову (рис. 29, 1, 3, 4–8).

Тип 8 – слабо профилированные сосуды почти баночной формы (рис. 30, 1–11).

У большинства горшков из среднего слоя дна небольшие, в среднем в 1,5–2 раза уже их устьев. Свыше 70% сосудов имели выраженную закраину (рантик) в месте перехода дна в тулово. С 5-го штыка в среднем слое появляются сосуды с отпечатками кленового листа на дне, более характерные для верхнего слоя IV–III вв. до н.э.

Статистический анализ распределения типов горшков по штыкам позволил выявить некоторые тенденции развития керамического комплекса Пекшевского городища (табл. 4; рис. 31, 1). В среднем слое более половины сосудов составляют

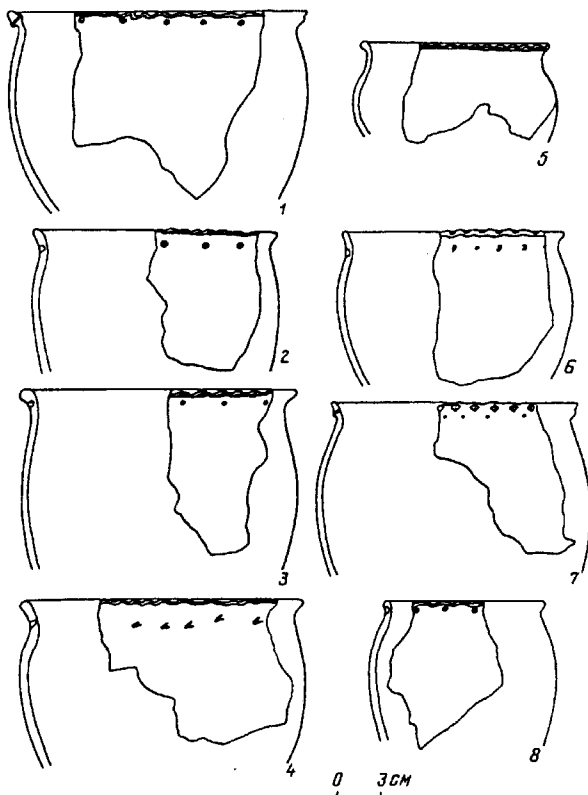

Рис. 28. Керамика из среднего слоя Пекшевского городища (тип 2)

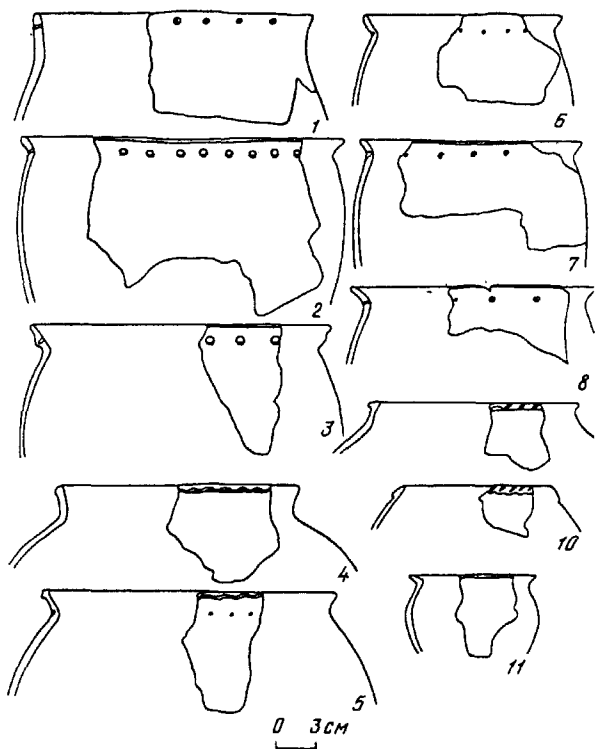

Рис. 29. Керамика из среднего слоя Пекшевского городища (типы 6 и 7)

горшки 1-го (51,4%). В целом по слоям наблюдается постепенное нарастание этого типа, достигающее максимума в 1–2-м штыках (70,1–74,4%). 2-й (10,3%) и 3-й (7,9%) типы распределяются в этом слое довольно равномерно, лишь 3-й дает некоторый “всплеск” в его основании – до 16,4%. 4-й тип (6,8%) появляется в основании среднего слоя, его доля несколько увеличивается в верхней части, достигая максимума в 3-м штыке (11,7%), а затем резко идет на снижение в верхнем слое – до 1,3–2,9%. 5-й тип (10,8%) также появляется в основании среднего слоя, где его доля несколько выше (13,8%), затем она постепенно уменьшается к верхним штыкам примерно в два раза (до 6,9%). 6-й тип (6,5%) дает картину неравномерного распределения с некоторым “всплеском” в нижней части среднего слоя – до 11,2–12,3% с последующим снижением до 2% в верхнем слое. Сосуды 7-го и 8-го типов стратиграфически явно тяготеют к нижнему слою памятника. В среднем слое их доля невелика (максимум 3,4% для 7-го типа и 5,6% для 8-го типа).

Большинство горшков среднего слоя орнаментированы (80%). Орнамент наносился лишь на верхнюю часть сосудов – венчик и шейку. Статистическое распределение керамики в слое по этим

видам орнаментации отражено в табл. 5 и 6 и графически представлено на рис. 31, 2 и 32, 1.

По венчику преобладает орнаментация пальцевыми защипами, часто с отпечатками ногтя (56,1%). Защипы, как правило, крупные, хорошо выраженные (рис. 26, 4; 27, 4, 5, 10; 28, 6), тогда как в верхнем слое IV–III вв. до н.э. преобладают (почти в 3 раза) мелкие неглубокие вдавления ногтем по краю венчика. Второе место (16,1%) в слое занимают горшки, украшенные под венчиком оттянутым валиком, всегда орнаментированным ровными пальцевыми защипами, отчего он становится волнистым (рис. 26, 3; 28, 1–5, 8; 29, 4, 5). Увеличение доли сосудов с такой орнаментацией наблюдается с 7–8-го штыков, достигает максимума к 4-му штыку (23,6%). В верхнем слое они практически уже не встречаются. На третьем месте (7,4%) орнаментация горшков косыми насечками по срезу венчика (рис. 29, 9–10; 30, 4, 11). Во всех его штыках их доля достаточно стабильна и лишь несколько увеличивается до 11,3% в верхнем слое. Примерно пятая часть сосудов не имела какой-либо орнаментации по венчику (рис. 26, 1, 7; 27, 6, 9; 29, 1–3, 6–8). В целом доля не орнаментированной керамики постепенно увеличивается от нижних штыков к верхним, достигая максимума в 1–2-м штыках (31,1–35,2%).

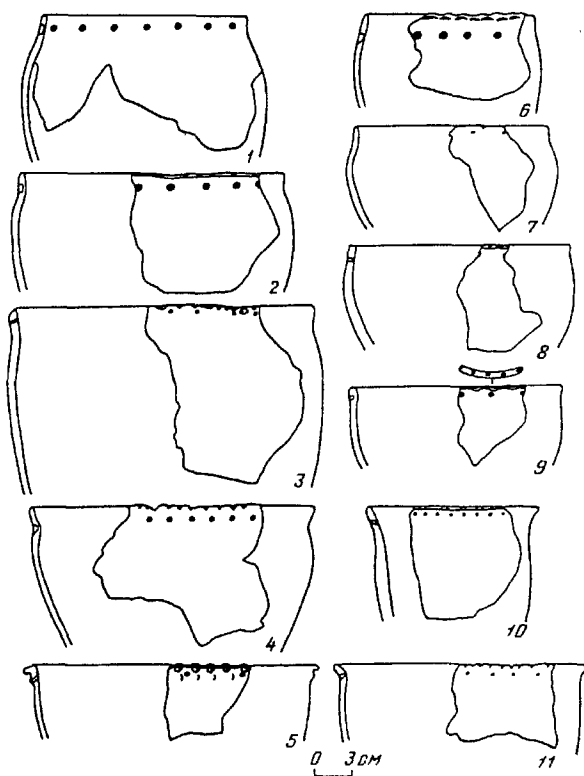

Рис. 30. Керамика из среднего слоя Пекшевского городища (тип 8)

Таблица 4. Распределение типов сосудов в слое пекшевского городища

№ срав- ниваемых комплек- сов	№ признаков								Всего
	1	2	3	4	5	6	7	8	
1	691 (75,4)	87 (9,5)	13 (1,4)	12 (1,3)	63 (6,9)	18 (2)	20 (2,2)	13 (1,4)	917 (100)
2	513 (70,1)	74 (10,1)	23 (3,1)	21 (2,9)	59 (8,1)	13 (1,8)	4 (0,5)	25 (3,4)	732 (100)
3	391 (59,2)	58 (8,8)	15 (2,3)	77 (11,7)	63 (9,5)	24 (3,6)	11 (1,7)	21 (3,2)	660 (100)
4	189 (49,6)	42 (11)	35 (9,2)	22 (5,8)	40 (10,5)	26 (6,8)	13 (3,4)	14 (3,7)	381 (100)
5	116 (42,3)	32 (11,9)	26 (9,7)	8 (3)	32 (1,9)	33 (12,3)	8 (3)	13 (4,9)	268 (100)
6	101 (46,8)	24 (11,1)	35 (16,2)	2 (0,9)	26 (12)	11 (5,1)	5 (2,3)	12 (5,6)	216 (100)
7	46 (39,7)	14 (12,1)	19 (16,4)	2 (1,7)	16 (13,8)	13 (11,2)	1 (0,9)	5 (4,3)	115 (100)
8	12 (35,3)	7 (20,6)	4 (11,8)	0 (0)	0 (0)	4 (11,8)	3 (8,8)	4 (11,8)	34 (100)
9	11 (47,8)	3 (13)	3 (13)	0 (0)	1 (4,3)	1 (4,3)	2 (8,7)	2 (8,7)	23 (100)
10	2 (20)	2 (20)	1 (10)	0 (0)	0 (0)	1 (10)	1 (10)	3 (30)	10 (100)
11	2 (28,6)	1 (14,3)	1 (14,3)	0 (0)	0 (0)	1 (14,3)	0 (0)	2 (28,6)	7 (100)
12	305 (41,6)	68 (9,3)	132 (18)	28 (3,8)	74 (10,1)	80 (10,9)	15 (2)	31 (4,2)	733 (100)
13	186 (53,9)	38 (11)	49 (14,2)	19 (5,5)	28 (8,1)	17 (4,9)	5 (1,4)	3 (0,9)	345 (100)

Числитель – число сосудов; знаменатель – их доля в штыке (%); по горизонтали – номера типов; по вертикали: 1–11 – номера штыков Пекшевского городища; 12 – Марица; 13 – Люботин

Ниже венчика по шейке сосудов отмечены следующие виды орнамента: сквозные проколы – 23,3% (рис. 26, 4; 27, 3–6, 9; 28, 1, 7; 29, 1–2, 8; 30, 3, 8, 10), несквозные наколы снаружи – 26,1% (рис. 26, 1–3, 6; 27, 10; 28, 2–4, 6, 8; 29, 5–7; 30, 4, 9); несквозные наколы изнутри, обычно оставляющие снаружи выпуклины (“жемчужины”) – 5,7% (рис. 27, 2, 7; 29, 3); вдавления щелки – 4,6% (рис. 28, 4); неглубокие вдавления пальца или ногтя – 3,1% (рис. 30, 1–2, 5–6). В среднем слое Пекшевского городища сосудов со сквозными проколами изнутри почти в два раза больше, чем с наколами снаружи. Судя по стратиграфическому распределению керамики, проколы под венчиком, нанесенные изнутри, являются более ранним хронологическим показателем, нежели проколы, нанесенные снаружи. Отмечу также, что в верхнем слое орнаментация сосудов проколами и наколами практически исчезает. Скорее всего, по этой причине такой керамики почти не было на ранее исследованных среднедонских го-

родищах, которые содержали главным образом наслоения IV–III вв. до н.э. Там число сосудов с проколами обычно не превышало 1,5–2% (Пузикова А.И., 1969. С. 65).

Если попытаться предельно суммировать отличительные признаки керамического комплекса среднего скифоидного слоя, наиболее рельефно выступающие в его основании, то следует признать, что для него характерны приземистые толстостенные горшки 1, 2 и 5-го типов, а также высокие, но слабо профилированные горшки 3 и 4-го типов. Они составляют основу этого керамического комплекса (87,2%). Преобладает орнаментация крупными пальцевыми защипами по венчику при довольно высокой доле посуды, украшенной оттянутым валиком. Характерную особенность этой керамической серии составляет высокий процент посуды с проколами и “жемчужинами”. Весьма показательно, что наибольшее их количество происходит из основания среднего слоя.

Таблица 5. Распределение сосудов в слое Пекшевского городища по видам орнамента по венчикам

№ сравни- ваемых комплексов	№ признаков				всего	№ сравни- ваемых комплексов	№ признаков				всего
	1	2	3	4			1	2	3	4	
1	323 (35,2)	469 (51,1)	21 (2,3)	104 (11,3)	917 (100)	8	10 (25)	23 (57,5)	4 (10)	3 (7,5)	40 (100)
2	228 (31,1)	411 (56,1)	18 (2,5)	75 (10,2)	732 (100)	9	5 (20)	14 (56)	1 (4)	5 (20)	25 (100)
3	175 (26,5)	347 (52,6)	85 (12,9)	53 (8)	660 (100)	10	2 (18,2)	6 (54,5)	1 (9,1)	2 (18,2)	11 (100)
4	74 (19,4)	199 (52,2)	90 (23,6)	18 (4,7)	381 (100)	11	2 (28,6)	3 (42,9)	0 (0)	2 (28,6)	7 (100)
5	42 (15,7)	164 (61,2)	41 (15,3)	21 (7,8)	268 (100)	12	135 (16,6)	448 (55)	13 (1,6)	218 (26,8)	814 (100)
6	29 (13,4)	132 (61,2)	35 (16,2)	20 (9,3)	216 (100)	13	51 (12,8)	243 (61,1)	67 (16,8)	37 (9,3)	398 (100)
7	14 (12,2)	79 (68,1)	13 (10,2)	10 (8,6)	116 (100)						

Числитель – число сосудов; знаменатель – их доля в штывке (%); по горизонтали – виды орнамента по венчикам: 1 – без орнамента; 2 – зацепы; 3 – оттянутый венчик; 4 – насечки; по вертикали: 1–11 – номера штывков Пекшевского городища; 12 – Марица; 13 – Люботин

По этим признакам керамический комплекс среднего слоя Пекшевского городища весьма существенно отличается от всех исследованных ранее среднедонских городищ. В то же время он обнаруживает близость архаической керамике скифоидных памятников лесостепного междуречья Днепра и Дона. Большинство пекшевских сосудов находят весьма близкие аналогии среди лепной нелощеной керамики Левобережья Днепра (рис. 33). При этом следует подчеркнуть, что совпадают не только основные типы, но даже и редкие формы сосудов. Так, в основании среднего слоя изредка встречались крупные корчагообразные горшки с широким горлом и покатыми плечиками (рис. 26, 7). Им известны точные аналогии среди архаической керамики Посулья и Восточного Бельского городища (Ильинская В.А., 1968, табл. XIX, 2; Шрамко Б.А., 1987. С. 86, рис. 9, 11). В нижней части среднего слоя появляются миски (рис. 26, 8), причем наиболее ранние из них имеют такую же орнаментацию в виде проколов под венчиком, что и миски Днепровского Левобережья (Ильинская В.А., 1968. С. 168, табл. LIX, 4–5).

Не довольствуясь визуальным сходством, я провел сравнительный статистический анализ лепной керамики Пекшевского городища и ряда лесостепных памятников скифского времени. Для сопоставления были выбраны достаточно представительные керамические коллекции с городища Марица в Посеймье (814 единиц сосудов) и городища Люботин на Северском Донце (398

единиц)⁵. Предварительно их керамические серии были классифицированы по тем же типам и признакам, что и серии Пекшевского городища. Используя компьютерную программу определения коэффициента сходства по методу Брейнерда–Робинсона, я определил степень близости керамики Пекшевского городища с комплексами Марицы и Люботина по трем видам признаков: форме, орнаментации венчика и орнаментации шейки, что в итоге позволило определить средний коэффициент их сходства (табл. 7). Были получены следующие данные.

Наиболее высокую степень близости обнаружил 7-й штывок слоя Пекшевского городища и Марицы – 0,82, а также 6-й штывок изучаемого памятника и городища Люботин – 0,79. Если исходить из предложенных критериев различия археологических культур и их вариантов, то полученные показатели убедительно свидетельствуют не только о принадлежности Пекшевского городища, Марицы и Люботина к одной культуре, но, по существу, даже к одному ее варианту (Федоров-Давыдов Г.А., 1987. С. 167). На мой взгляд, выявленные П.Д. Либеровым отличия среднедонского керамического комплекса (Либеров П.Д., 1965) появились несколько позже, в конце V–IV вв., до н.э. в результате некоторого обособления среднедонских племен

⁵ Выражаю признательность А.И. Пузиковой и Б.А. Шрамко за предоставленную возможность использовать эти материалы, а также В.И. Беседину за помощь в выполнении этой и других компьютерных программ.

Таблица 6. Распределение сосудов в слое Пекшевского городища по видам орнамента по шейке

№ сравниваемых комплексов	№ признаков						всего
	1	2	3	4	5	6	
1	40 (4,4)	21 (2,3)	4 (0,4)	6 (0,7)	6 (0,7)	840 (91,6)	917 (100)
2	46 (6,3)	34 (4,6)	6 (0,8)	5 (0,7)	10 (1,4)	631 (86,2)	732 (100)
3	143 (21,7)	88 (13,3)	20 (3)	16 (2,4)	23 (3,5)	370 (56,1)	660 (100)
4	97 (25,5)	85 (22,3)	18 (4,7)	14 (3,7)	22 (5,8)	145 (38,1)	381 (100)
5	102 (38,1)	75 (28)	22 (8,2)	8 (3)	13 (4,9)	48 (17,9)	268 (100)
6	67 (31)	80 (37)	17 (7,9)	9 (4,2)	13 (6)	30 (13,9)	216 (100)
7	19 (16,4)	54 (46,6)	16 (13,8)	4 (3,4)	5 (4,3)	18 (15,5)	116 (100)
8	11 (32,4)	13 (38,2)	1 (2,9)	2 (5,9)	7 (20,6)	0 (0)	34 (100)
9	11 (47,8)	7 (30,4)	0 (0)	1 (4,3)	4 (17,4)	0 (0)	23 (100)
10	6 (54,5)	3 (27,3)	0 (0)	0 (0)	2 (18,2)	0 (0)	11 (100)
11	5 (71,4)	2 (28,6)	0 (0)	0 (0)	0 (0)	0 (0)	7 (100)
12	20 (2,5)	454 (55,8)	237 (29,1)	9 (1,1)	22 (2,7)	72 (8,8)	814 (100)
13	0 (0)	342 (84,9)	0 (0)	2 (0,5)	0 (0)	54 (13,6)	398 (100)

Числитель – число сосудов; знаменатель – их доля в штыке (%); по горизонтали – виды орнамента по шейке: 1 – вдавления круглой палочки; 2 – сквозные проколы; 3 – “жемчужины”; 4 – оттиски пальца; 5 – оттиски щепки; 6 – без орнамента; по вертикали: 1–11 – номера штыков Пекшевского городища; 12 – Марица; 13 – Люботин

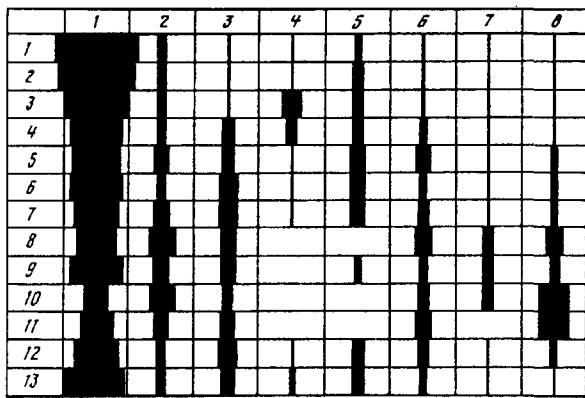
от их западных соседей. В свете проведенного выше исследования основные тенденции его развития представлены на рис. 34.

В то же время детальное сопоставление пекшевской керамики из среднего слоя с лепной посудой Марицкого, Переверзевского I, Глебовского городища в Посеймье, Люботинского городища на Северском Донце, Восточного Бельского городища и поселения Лихачевка в Поворсклье при всей действительной близости их форм и орнаментов показывает все же производный и в целом более поздний характер изученной серии. Так, на пекшевской посуде ни разу не встречен налепной валик, достаточно типичный для архаической керамики лесостепного Поднепровья VII–VI вв., но уже изредка встречаемый на горшках с городищ Посеймья (Пулкова А.И., 1981. С. 44, рис. 22, 5, 7) и крайне редко на среднедонских городищах (Либеров П.Д., 1969. С. 24). В Пекшеве несколько ниже процент

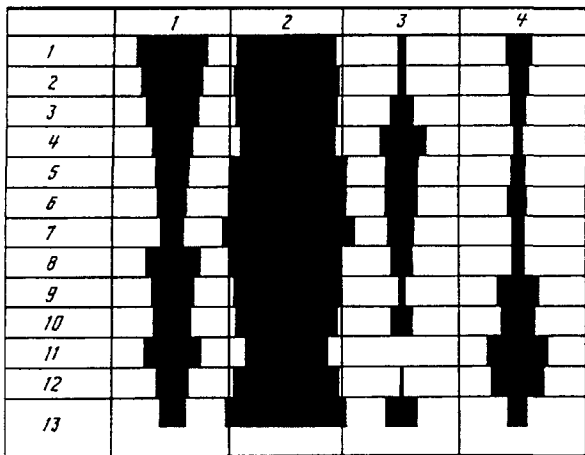
посуды со сквозными проколами – максимум 46,6% в 7-м штыке, тогда как на Марице 55,8%, а на Люботине даже 85,9%. Реже встречаются и “жемчужины” (максимум 13,8%), в то время как на Марице они характерны для 29,1% керамики.

Приведенные выше данные весьма однозначно свидетельствуют о том, что лесостепные скифоидные городища междуречья Днепра и Дона, несмотря на некоторые их локальные различия, демонстрируют в общем-то одну линию развития лепной керамики, хорошо выявляемую во времени и пространстве по изменению названных выше показателей. В Среднем Поднепровье, где, скорее всего, зародился этот керамический комплекс, они, естественно, выше, в Посеймье несколько ниже, а на Дону существенно ниже исходных.

Весьма показательно, что очень близкую линию развития отражают керамические материалы среднедонских городищ Правобережья, хотя до сих

1

2

Рис. 31. Статистическое распределение керамики в слоях Пекшевского, Марицкого и Люботинского городищ

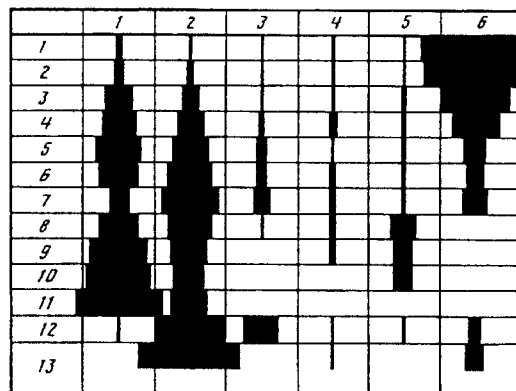
1 – по типам сосудов (по горизонтали: 1–8 – номера типов горшков; по вертикали: 1–11 – номера штыков Пекшевского городища, 12 – Марица, 13 – Люботин); 2 – по видам орнамента венчиков (по горизонтали: 1 – без орнамента, 2 – пальцевые защипы, 3 – оттянутый валик, 4 – насечки; по вертикали: 1–11 – номера штыков Пекшевского городища, 12 – Марица, 13 – Люботин)

пор здесь не исследованы памятники со стратифицированными слоями, сколько-нибудь сопоставимыми с Пекшевским городищем. Используя тот же показатель – процент керамики с проколами под венчиком, – проанализируем материалы среднедонских городищ⁶. Судя по этому показателю, наиболее ранним из них следует признать городище Верхняя Покровка II, что подтверждают и некоторые другие данные, в том числе очень архаический тип укреплений в виде двойной деревянной стены. Как показали мои раскопки 1990 г., горшки с проколами

⁶ Впервые на хронологическое значение процента керамики с проколами обратил внимание П.Д. Либеров (Либеров П.Д., 1962. С. 70). Но к сожалению, впоследствии эта идея не получила развития.

составляют здесь в целом 41,8%, но в основании слоя их еще больше – до 55%. Скорее всего, это далеко не случайно – городище Верхняя Покровка II является крайним западным памятником среднедонской культуры. Географически оно занимает промежуточное положение между скифоидными городищами бассейна Северского Донца и Дона.

Если последовательно нанести на карту лесостепные памятники этого междуречья, используя индекс керамики со сквозными проколами по мере его убывания (рис. 35), то получим следующий нисходящий ряд: Люботин – 84,9% и у хут. Городище – 64,5% на Северском Донце, Верхняя Покровка II – 41,8% в верховьях Тихой Сосны, Кировское городище – 5–8% и Русская Тростянка – 4% в ее среднем течении, Большое Сторожевое городище – 3–5% на Среднем Дону, остальные – менее 3% (Пузикова А.И., 1969. С. 65). Существенно то, что на среднедонских городищах с более высоким процентом керамики с проколами, как правило, имеет-

1

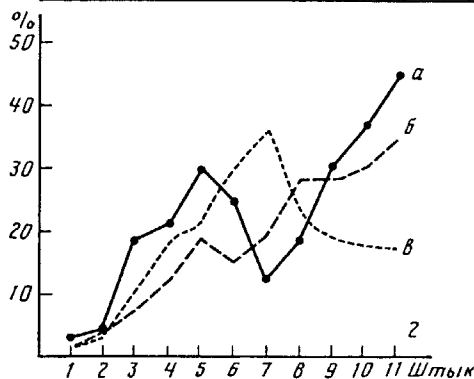

Рис. 32. Статистическое распределение керамики в слоях Пекшевского, Марицкого и Люботинского городищ

1 – по видам орнамента шейки (по горизонтали: 1 – круглые несквозные вдавления, 2 – сквозные проколы, 3 – жемчужины, 4 – оттиски пальца, 5 – оттиски щетки, 6 – без орнамента; по вертикали: 1–11 – номера штыков Пекшевского городища, 12 – Марица, 13 – Люботин); 2 – график распределения в слое Пекшевского городища горшков с круглыми несквозными вдавлениями (а), текстильной и тычковой керамики (б) и сосудов со сквозными проколами (в)

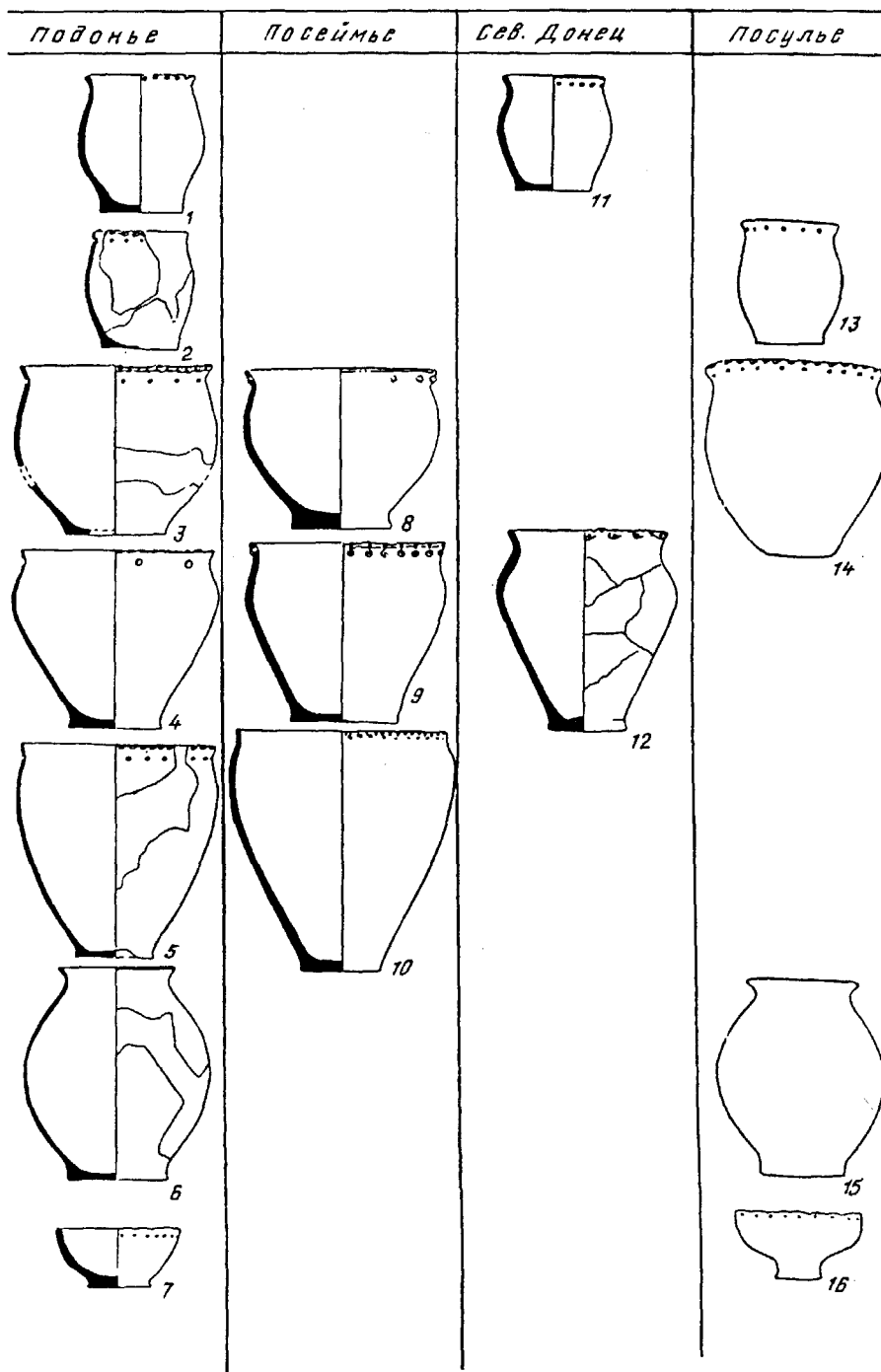

Рис. 33. Ранние формы лепной посуды среднедонской культуры и их лесостепные аналоги
 1-3, 5-7 - Пекшево, 4 - Большое Сторожевое, 8 - Кудеярова Гора, 9-10 - Марица, 11 - Черемушны, 12 - Островерховка,
 13 - Броварки, к. 504, 14 - Лука (кург.), 15 - Лубны, 16 - Стайкиц, Верх, к. 15

Таблица 7. Средние коэффициенты сходства керамики Пекшевского, Марицкого и Люботинского городищ по методу Брейнерда-Робинсона

№ признака	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	1000	943	787	660	570	563	537	487	540	420	443	540	563
2	943	1000	823	700	623	613	587	530	577	453	467	577	603
3	787	823	1000	850	753	740	693	647	660	553	527	617	660
4	660	700	850	1000	857	840	767	717	737	640	580	680	713
5	570	623	763	857	1000	920	860	797	793	720	663	740	737
6	563	613	740	840	920	1000	887	800	807	680	637	760	793
7	537	587	693	767	860	887	1000	757	717	630	597	817	783
8	487	530	647	717	797	800	757	1000	847	827	713	670	640
9	540	577	660	737	793	807	717	847	1000	843	757	697	653
10	420	453	553	640	720	680	630	827	843	1000	813	597	537
11	443	467	527	580	663	637	591	713	757	813	1000	613	513
12	540	577	617	680	740	760	817	670	697	597	613	1000	760
13	563	603	660	713	737	797	787	640	653	537	513	760	1000

ся античный керамический импорт конца VI-V вв. до н.э. По-видимому, этот признак достаточно активно отражает динамику развития во времени и распространения в пространстве архаического скифоидного керамического комплекса: из лесостепного Поднепровья через бассейны Северского Донца и Сейма на Средний и Верхний Дон.

На Среднем Дону до сих пор пока не удалось выявить какой-либо его подстилающий субстрат. На Верхнем Дону он сейчас известен. Как уже было показано в предшествующей главе, здесь таковыми являлись носители текстильной керамики. Некоторые элементы их керамической традиции продолжали сохраняться в культуре на-

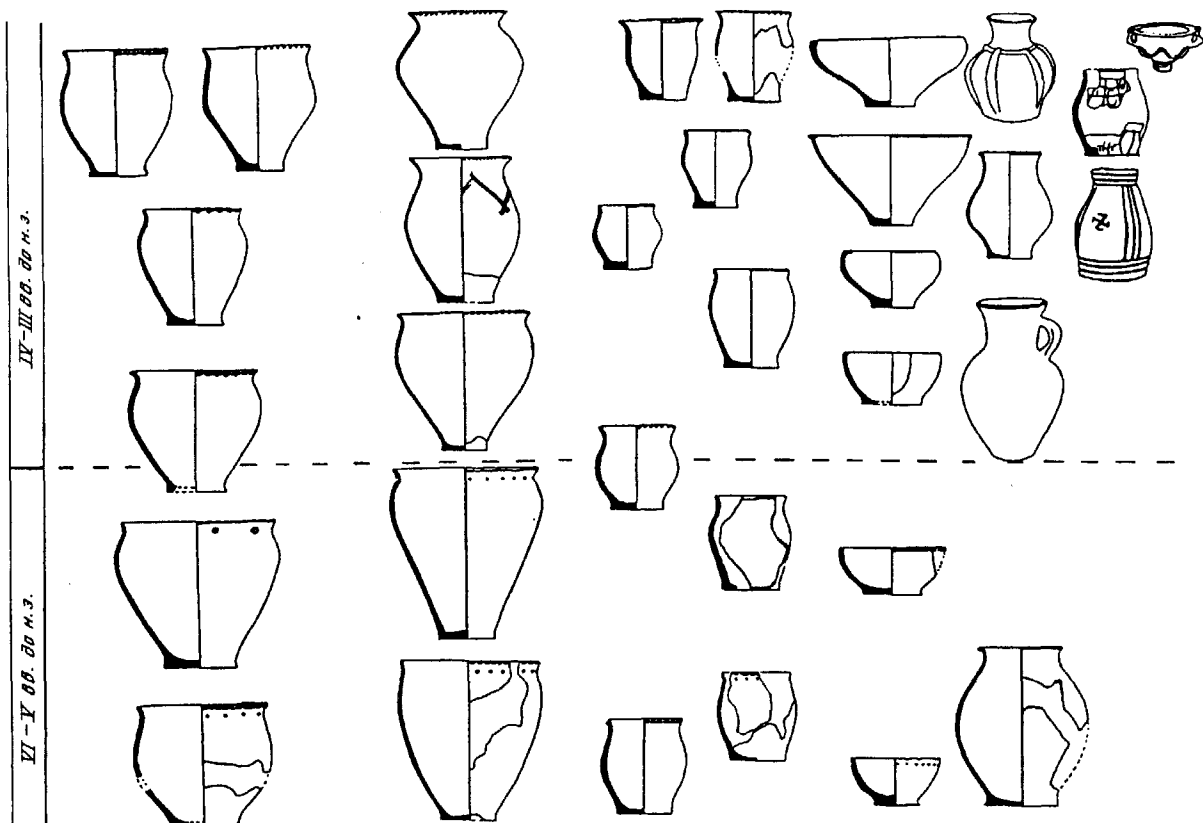

Рис. 34. Развитие керамического комплекса городищ лесостепного Подонья в скифское время

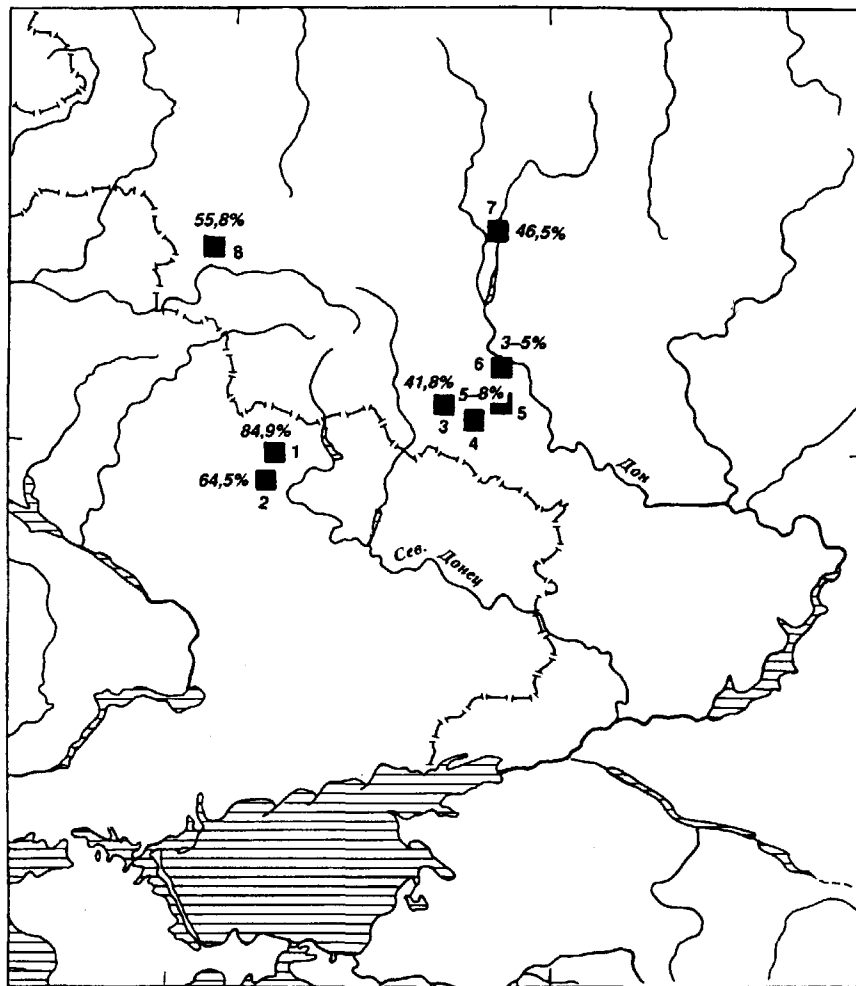

Рис. 35. Распространение лепной керамики со сквозными проколами на лесостепных городищах Днепро-Донского междуречья
1 – Люботин, 2 – Городище, 3 – Верхняя Покровка II, 4 – Кировское, 5 – Волошино I, 6 – Большое Сторожевое, 7 – Пекшево, 8 – Марица

селения Пекшевского городища и в VI–V вв. до н.э. Стратиграфический анализ распределения керамики этого памятника по видам орнаментации позволил выявить любопытную тенденцию, возможно отражающую еще одну сторону культурных контактов местного и пришлого населения (рис. 32, 2).

Оказалось, что керамика, украшенная рядом неглубоких круглых ямок по шейке, преобладает в нижнем раннегородецком слое, где ее доля достигает 71,4%. В основании среднего скифоидного слоя ее количество резко уменьшается до 16,4%, потом несколько возрастает до 38,1% в 5-м штыке, чтобы затем вновь резко сократиться в верхнем слое до 4,4%. Попутно отмечу, что для большинства среднедонских городищ такая орнаментация мало характерна.

В распределении керамики со сквозными проколами выявляется прямо противоположная тен-

денция. В основании среднего слоя (7-й штык) наблюдается явный всплеск этого вида орнаментации до 46,6%, с последующим постепенным снижением ее доли в верхних штыках до 2,3–4,6%. Обращает на себя внимание полное стратиграфическое, а значит, и хронологическое совпадение наибольшего распространения керамики со сквозными проколами при одновременном очень резком сокращении более древней орнаментации в виде ряда круглых ямок по шейке. Пик первых и спад вторых приходятся на основание среднего слоя и, скорее всего, как-то связаны с событиями, в результате которых на мысу погибло древнейшее раннегородецкое поселение, а затем возникло укрепленное скифоидное городище.

Возможно, здесь мы имеем дело с некоторым подавлением керамических навыков субстратного населения с последующим частичным их возрождением, но уже на лепной посуде во многом иной

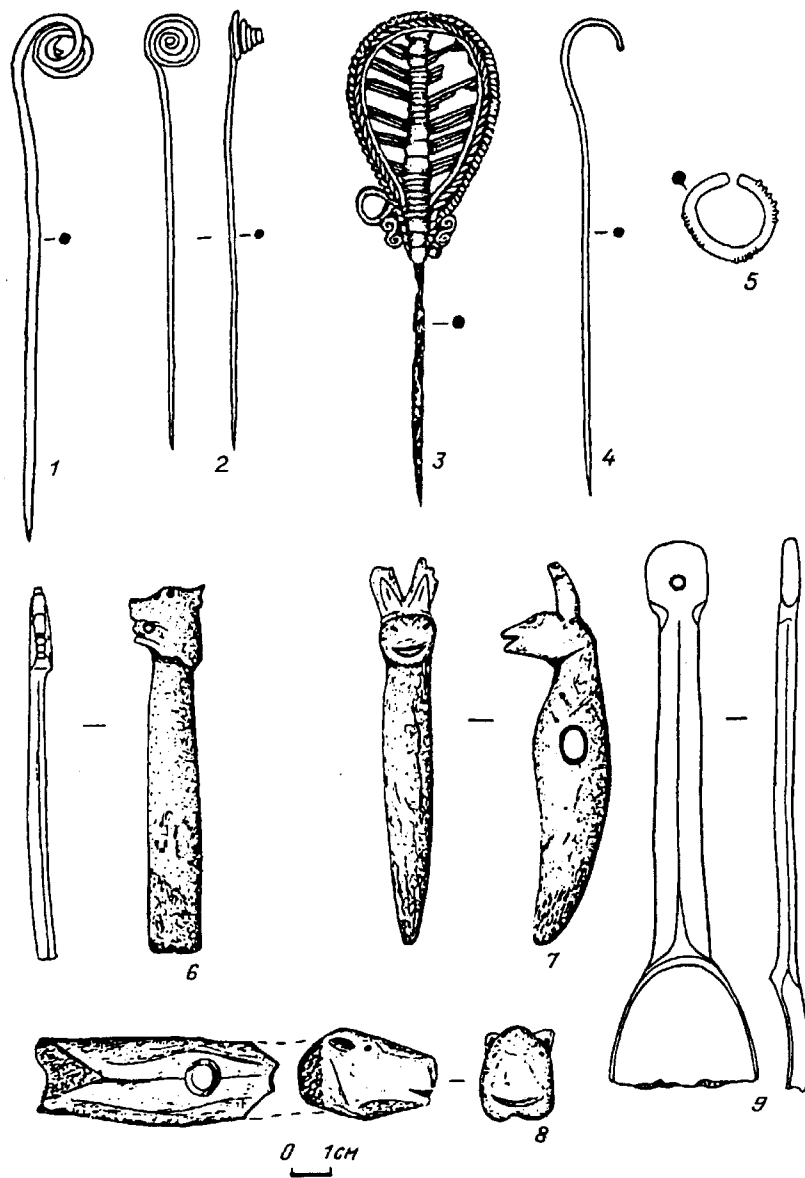

Рис. 36. Находки из среднего слоя Пекшевского городища: 1–2, 4–5 – бронза, 3 – бронза-железо, 6, 8–9 – кость, 7 – рог

керамической традиции. По форме и орнаментации венчика это типичные скифоидные горшки (рис. 26, 3–4; 28, 2–4). Может быть, также не случайно присутствие среди этой керамики довольно большого числа сосудов с примесью дровяной стружки в тесте (Беседин В.И., 1992. С. 41–42). Последняя считается важным технологическим признаком городищской керамики.

На Пекшевском городище свидетельства появления нового культурного комплекса не исчерпываются лишь керамикой. В среднем слое обнаружен ряд находок, не менее определенно указывающих на их происхождение.

1. *Украшения.* Из среднего слоя происходят две булавки с навершием, завитым в виде многовитковой спирали (рис. 36, 1–2). Они близки, хотя не идентичны, типу 22 булавок классификации В.Г. Петренко. Их находки происходят из комплексов Днепровской Правобережной и Западноподольской групп (Петренко В.Г., 1978. С. 18–19, табл. 13, 18). Их датируют концом VII – началом V вв. до н.э. На полу постройки № 3, также относящейся к наиболее архаичному типу жилищ, найдена булавка с бронзовым ажурным навершием листовидной формы и железной иглой (рис. 36, 3). Начиная с раннескифского времени, такие украшения

были довольно широко распространены в Верхнем Поднепровье, Подесенье и особенно на Верхней Оке (*Рассадин С.Е.*, 1991. С. 110–114). Четвертая булавка, возможно посоховидного типа, обнаружена на границе среднего и верхнего слоев (рис. 36, 4). Вероятно, она принадлежит более позднему типу, который встречается в Днепровском Правобережье и Степной Скифии в IV–III вв. до н.э. (*Петренко В.Г.*, 1978. С. 17, табл. 11, 25), что не противоречит стратиграфической позиции и пекшевской находке. В основании среднего слоя найдено бронзовое кольцо с несомкнутыми концами, внешняя поверхность которого украшена группами рубчиков (рис. 36, 5). Довольно близкое украшение встречено на Пастырском городище в землянке, надежно датированной по античной керамике VI в. до н.э. (*Петренко В.Г.*, 1978. С. 34, табл. 27, 22).

2. *Костяные изделия.* К числу наиболее ранних находок относятся некоторые изделия из кости. Прежде всего это резные ложки, ранее в лесостепном Подонье не встречавшиеся (рис. 36, 9). Они обнаруживают аналогии в некоторых архаических скифских комплексах, в частности в погребении первой половины VI в. до н.э. из Ново-Александровки на Нижнем Дону (*Максименко В.Е.*, 1983. С. 39, рис. 24, 8).

В углистой прослойке древнейшего пожарища, уничтожившего раннегородецкое поселение, найден фрагмент костяного изделия, возможно ручки еще одной ложки, украшенной резным изображением головы хищного животного, скорее всего медведя (рис. 36, 6). По единодушному мнению Е.В. Переводчиковой и Е.Ф. Чежиной, изучивших эту находку, стилистические особенности изображения животного позволяют вполне определенно отнести ее к изделиям раннескифского звериного стиля.

Из архаической постройки № 17 происходят еще два изделия в зверином стиле. Одно из них изготовлено из рога и имеет по середине круглое отверстие для ремня (рис. 36, 7). В верхней его части вырезано изображение головки травоядного животного с подчеркнута большими прямостоящими ушами. Возможно, это конский налобник. По ряду стилистических особенностей он близок некоторым произведениям архаического скифского звериного стиля, в частности, навершию костяного трехдырчатого псаля из погребения кургана № 9 у с. Волковцы, совершенного не позже середины VI в. до н.э. (*Ильинская В.А.*, 1968. С. 70, табл. XIX, 4). Из той же постройки происходит фрагмент каково-то изделия из трубчатой кости с круглым отверстием в середине, украшенного резной головкой животного, возможно медведя (рис. 36, 8).

3. *Глиняные изделия.* В среднем слое и ранних постройках найдена серия весьма выразительных поделок из глины, проливающих дополнительный

свет на происхождение первых обитателей городища. Среди них особый интерес представляют изделия, скорее всего ритуального назначения, в определенной степени отражающие особенности религиозного мировоззрения этого населения. На полу ранней постройки № 18 лежали фрагментированные антропоморфные фигурки (рис. 39, 6–7). В ямах № 9 и 19, также связанных с ранней постройкой № 3, найдены разбитые в древности зооморфные фигурки: быка (рис. 37, 4), свиньи (рис. 37, 5), но больше всего лошади (рис. 37, 2–3). Обломки зооморфных фигурок неоднократно встречались и в слое. Как известно, грубые антропо- и зооморфные фигурки являлись важным элементом культуры обитателей лесостепных городищ, начиная с раннескифского времени (*Шрамко Б.А.*, 1985. С. 3–39; *Ковпаненко Г.Т.* и др., 1989. С. 54, 80). Кроме Пекшевского городища, они встречены на других памятниках лесостепного Подонья: Волюшинском I (*Пузикова А.И.*, 1995. С. 5, рис. 14), Большом Сторожевом, Кировском (*Пузикова А.И.*, 1969. С. 77), III Чертовицком городище, а также на поселении Подгорное I (*Либеров П.Д.*, 1964. С. 26, рис. 12, 1).

К изделиям культового назначения, скорее всего, относятся и такие глиняные поделки, как лепешки и хлебцы (рис. 37, 7–9), небольшие круглые шары (рис. 37, 14–15), модели культурных злаков (рис. 37, 17–18) и желудей (рис. 37, 6). Все эти изделия впервые появляются на Пекшевском городище в среднем слое. Они имеют многочисленные близкие аналогии на лесостепных скифоидных городищах (*Шрамко Б.А.*, 1957. С. 178–198; *Шрамко Б.А.*, 1987. С. 134–139, рис. 65, 1–4; *Ковпаненко Г.Т.* и др., 1989. С. 80, рис. 19, 47–48), в том числе в Посеймье (*Пузикова А.И.*, 1981. С. 84–86, рис. 43, 1–7, 26–48).

К этой категории находок следует отнести и глиняные яйцевидные блоки (рис. 37, 10). Они изготовлены из рыхлой глины с примесью органики в тесте, их поверхность обычно хорошо заглажена. На ней почти всегда имеются глубокие вдавления пальцев. Судя по стратиграфии Пекшевского городища, древнейшие из них появляются в основании среднего слоя (6-й штык), хотя наиболее широкое распространение они получают позже, в IV–III вв. до н.э. Их находки сейчас известны и на ряде других скифоидных городищ Верхнего Подонья, в частности, наиболее крупное скопление обнаружено на II Чертовицком городище (*Медведев А.П.*, 1988. С. 114, рис. 3, 1–2). Укажу, что на Среднем Дону они пока не найдены. Большинство исследователей считают наличие глиняных яйцевидных блоков одним из специфических признаков юхновской культуры (*Воеводский М.В.*, 1949. С. 72; *Алихова А.Е.*, 1962. С. 109). Скорее всего, именно от юхновцев они попали к обитателям городищ Посеймья, а уже через последних на Верхний Дон.

С начальным этапом истории Пекшевского городища связаны находки глиняных детских погремушек (рис. 37, 11–13). Две из них найдены в слое (рис. 37, 11–12), третья на полу ранней постройки № 17 (рис. 37, 13). Первые погремушки яйцевидной формы с несколько оттянутыми концами. Они заметно различаются своими размерами: одна имеет высоту 10 см при максимальном диаметре 4,5 см, вторая соответственно 3,5 и 2 см. Третья погремушка отличается еще меньшими размерами и имеет биконическую форму (рис. 37, 13). Внутри погремушек находятся мелкие камешки или глиняные шарики, издающие при встряхивании характерный глухой звук. До раскопок Пекшевского городища глиняные погремушки в лесостепном Подонье не встречались. Но они являются довольно частой находкой на городищах Посеймья, как юхновских, так и скифоидных (Алихова А.Е., 1962. С. 102; Пузикова А.И., 1981. С. 87, рис. 43, 42). Известны они на верхнеокских городищах (Никольская Т.И., 1959. С. 22–27, рис. 2, 11; 7, 5) и на Северском Донце, в частности, в составе известного жертвенного комплекса на городище Караван (Шрамко Б.А., 1962, С. 200, рис. 77, 11). Глиняные погремушки найдены и на дьяковских памятниках, но в слоях гораздо более поздних, нежели на Пекшевском городище (Розенфельд И.Г., 1970. С. 56–60).

В среднем слое Пекшевского городища появляются так называемые рогатые кирпичи, скорее всего, являвшиеся глиняными очажными подставками (рис. 37, 16). В обломках их найдено 88 экз. Подставки изготовлены из рыхлой глины, возможно с примесью органики, и слабо обожжены. Они имеют вид широкой, постепенно утолщающейся книзу трапеции с отверстием в центре, скорее всего, для вертела, их плоское основание для устойчивости утолщено и напоминает подошву, верхняя часть скруглена, реже имеет неглубокую желобчатую выемку. Большинство “рогатых” кирпичей, в том числе их скопления, стратиграфически надежно связаны со средним скифоидным слоем городища, причем около 70% – с его основанием. “Рогатые” кирпичи известны на юхновских (Воеводский М.В., 1949. С. 71, рис. 17, 15), дьяковских (Дубынин А.Ф., 1974, табл. XXVI, 1), а также на окских городищах (Трубинова Н.В., 1953. С. 86). Встречаются они и в слоях скифоидных городищ, в том числе в Посеймье (Пузикова А.И., 1981. С. 87). На Среднем Дону известна лишь одна подобная находка. На Кировском городище половинка “рогатого” кирпича обнаружена вместе с обломками глиняного жертвенника (Пузикова А.И., 1969. С. 78, рис. 3, 17).

Не вдаваясь сейчас в детали вопроса о происхождении этой категории изделий, укажу, что, скорее всего, на Верхний Дон они попали из района

Посеймья вместе со всем архаичным скифоидным комплексом. Их северное (дьяковское) происхождение маловероятно, несмотря на то что на одном “рогатом” кирпиче с Пекшевского городища сохранились отпечатки ткани. По наблюдениям И.Г. Розенфельд, “рогатые” кирпичи появляются на городищах дьякова типа не раньше конца III в. до н.э. (Розенфельд И.Г., 1974. С. 104), что значительно позже времени отложения среднего слоя Пекшевского городища.

Начиная с нижних штыков среднего слоя, на Пекшевском городище встречались глиняные пряслица и грузики. В этом слое их найдено около 130 штук. По форме и орнаментации пряслица чрезвычайно разнообразны. Большинство из них находят точные соответствия в изделиях аналогичного назначения из слоев скифоидных городищ бассейнов Северского Донца, Ворсклы и Сейма. Из других орудий труда назову находки в среднем слое и одной из ранних построек железных серпов (рис. 37, 20). Это наиболее ранние свидетельства распространения в Подонье хозяйственно-культурного типа лесостепных земледельческих племен.

4. Жилища. Как известно, жилище является важнейшей составной частью любого этнокультурного комплекса. На Пекшевском городище исследована 31 постройка, из которых 25 можно определенно отнести к жилым (рис. 38). Важнейшим критерием для их выделения считается наличие отопительного устройства в виде открытых очагов на полу построек или в непосредственной близости от них, дополнительным – повышенная концентрация хозяйственных ям и находок. Постройки Пекшевского городища подразделяются на два основных типа.

Тип 1 – наземные постройки столбовой конструкции округлой или эллипсовидной в плане формы (рис. 39, а; 40, а). Их открыто всего 6. Минимальные размеры построек 3,5 × 4,8 м, максимальные 6 × 9 м. Средняя площадь – около 36 м². Отопительные устройства – открытые очаги числом от одного до трех в зависимости от размеров жилища.

Тип 2 – наземные или слабо углубленные постройки также столбовой конструкции, но прямоугольной формы (рис. 41). Их исследовано 17. Минимальные размеры 2,6 × 3,1 м, максимальные 4,05 × 6,9 м. Соотношение их ширины и длины не выходит за пределы 1:1,5–2. Средняя площадь прямоугольных построек около 20 м². Отопительные устройства – один-три открытых очага на полу жилища или непосредственно рядом с ним. В некоторых постройках этого типа обнаружены скопления обожженной глиняной обмазки с отпечатками прутьев от плетневых стен на столбовом каркасе.

Оба основных типа построек обнаруживают многочисленные аналогии среди жилищ населения

Украинской лесостепи. Отмечу, что наземные жилища округлой формы появляются в Среднем Поднепровье еще в предскифское время, но получают наиболее широкое распространение в эпоху архаики. Близкие по форме и размерам жилые постройки обнаружены в нижнем горизонте Басовского городища (*Иллінська В.А.*, 1965. С. 37, рис. 7). Такую конструкцию и планировку имели некоторые округлые жилища Трахтемировского, Пастырского и Хотовского городищ в правобережье Днепра (*Ковпаненко Г.Т.* и др. 1989. С. 15–17, 23; *Яковенко Э.В.*, 1968. С. 177–180; *Моруженко А.А.*, 1968. С. 180–181), на городищах у с. Караван и у хут. Городище, на селищах у сел Шелковая и Островерховка на Северском Донце (*Шрамко Б.А.*, 1962. С. 183–185; *Либеров П.Д.*, 1962. С. 67), а также на городище Марица в Посеймье (*Пузикова А.И.*, 1981. С. 15). По моим наблюдениям, большинство округлых построек открыто на лесостепных поселениях VI–V вв. до н.э.

Наземные жилища 2-го типа как удлиненно-прямоугольной, так и подквадратной формы получают широкое распространение в Днепровской лесостепи и Днепро-Донском междуречье также с раннескифского времени (*Моруженко А.А.*, 1968. С. 170). На скифоидных городищах Посеймья это господствующий тип жилища (*Пузикова А.И.*, 1981. С. 14–22). В Среднем Подонье прямоугольные жилища открыты на Волошинском I городище и городище Титчиха (*Пузикова А.И.*, 1969. С. 47). Ряд легких наземных построек подквадратной формы в последние годы исследован экспедицией Воронежского пединститута на городище Мостище. Две постройки удлиненно-прямоугольной формы с каменными основаниями стен обнаружены недавно на городище Конь-Колодезь (*Корепанов К.И.*, 1992. С. 161–162). В Подонье все постройки 2-го типа происходят с городищ конца V–IV вв. до н.э.

Планиграфический и стратиграфический анализ распределения построек Пекшевского городища по двум основным типам показал, что все жилища 1-го типа располагались по периметру городищенской площадки недалеко от ее края (рис. 38). Большинство из них оказались перекрыты культурными отложениями среднего слоя. Обнаруженные в них находки – архаическая керамика с проколами, костяные изделия, в том числе, в зверином стиле, булавки позволяют датировать их тем же временем, что и средний слой, т.е. VI–V вв. до н.э. Постройки 2-го типа концентрировались в центральной части городищенской площадки и были заполнены отложениями IV–III вв. до н.э.

Таким образом, вся совокупность имеющихся данных свидетельствует, что мы имеем дело с двумя одновременными типами жилищ. Более ранними являются округлые столбовые наземные постройки, более поздними прямоугольные столбовые с плетне-

выми, обмазанными глиной стенами. Прослеживается явная тенденция к более плотной застройке центральной части городища к концу скифской эпохи.

Открытая на Пекшевском городище планировка поселения раннескифского времени весьма показательна сама по себе. Подобное расположение жилищ по краям городищенской площадки или по кругу с оставлением незастроенной центральной части весьма характерно для лесостепных памятников VII–VI вв. до н.э. (*Шрамко Б.А.*, 1962. С. 184; *Ковпаненко Г.Т.* и др., 1989. С. 15). В Посеймье близкую планировку имели городища Марица и Переверзево I, где жилища располагались вдоль краев городищенской площадки, а центр ее оставался практически не застроенным (*Пузикова А.И.*, 1981. С. 15, рис. 11; *Пузикова А.И.*, 1997. С. 24, рис. 5).

Кроме двух основных типов жилищ, на площади Пекшевского городища открыта еще одна слабо углубленная постройка № 2 особого типа (рис. 42, 1). Она имела в плане трапециевидную форму размерами 1,4 × 1,6 × 2,5 × 3,1 м. В одном из ее углов находилась хозяйственная яма, в другом характерная ниша-выступ. По этому признаку данная постройка обнаруживает близость основному типу жилищ милоградской культуры (*Мельниковская О.А.*, 1967. С. 37). Как известно, специфической деталью их устройства являются такие же ниши или выступы, расположенные у стенок или по углам (рис. 42, 3–4). Специалисты усматривают в них существенную культурную особенность милоградских племен, нигде больше не отмеченную (*Третьяков П.Н.*, 1966. С. 179). Это не единственный случай обнаружения построек с нишами в Донской лесостепи. Жилище близкой конструкции было исследовано на Волошинском I городище (*Пузикова А.И.*, 1969. С. 47, рис. 4, 2). В его юго-западном углу находилась ниша округлой формы (рис. 42, 2). Открытие на Дону жилищ, характерных для милоградской культуры Верхнего Поднепровья, указывает не только на культурные, но, возможно, и на определенные этнические связи между населением этих двух регионов.

5. *Хозяйственные постройки.* На Пекшевском городище изучены 8 построек и 55 ям хозяйственного назначения. Не останавливаясь подробно на характеристике всех хозяйственных сооружений, отмечу наиболее интересные для нашей темы – и в первую очередь комплекс построек № 24, 25, 26 (рис. 43, а). Все они наземные, столбовой конструкции, но различаются по форме: № 24 подковообразная, № 25 округлая, № 26 подтреугольная. Из-за бедности находок назначение этих сооружений определить не удалось. Тем не менее обращаю внимание на остатки постройки № 24, от которой сохранилось углубленное в материк основание в виде широкой подковообразной канавы размерами 2,4 × 3,3 м. Ширина канавы от 0,4 до 0,8 м, глубина 0,15–0,36 м. Канавы имела разрыв в восточной части. Она была забита сильно гумуссированным заполне-

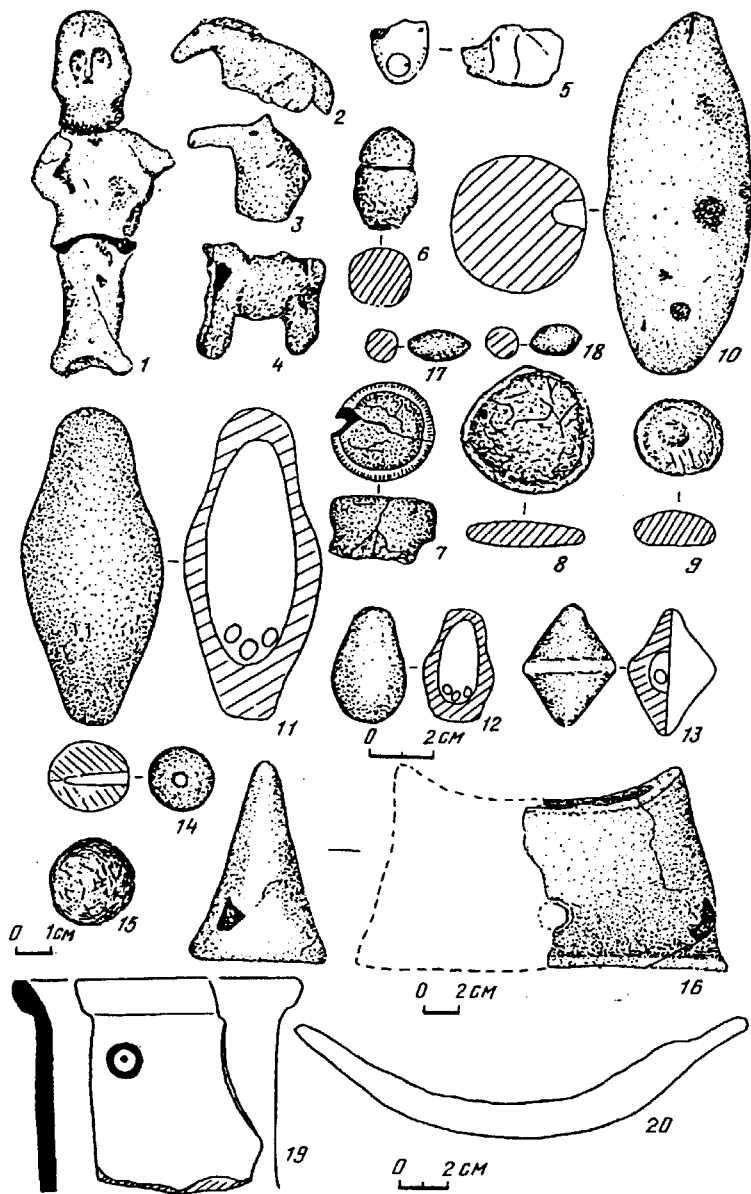

Рис. 37. Находки из среднего слоя Пекшевского городища: 1-17 – глина, 18 – железо

нием с включениями большого количества углей и золы. У ее юго-восточного конца зафиксирован прокол кирпично-красного цвета размерами $0,3 \times 0,6$ м. На две канавы выявлены четыре пары небольших столбовых ямок: две пары в западной части и еще по две у ее восточных окончаний. Северо-восточный конец канавы завершала хозяйственная яма.

Это сооружение может быть и не заслуживало бы такого внимания, если бы не удалось обнаружить очень близкой ему аналогии в Посеймье. В 1981 г. А.И. Пузикова исследовала точно такой же объект на I Переверзевском городище (Пузикова А.И., 1997. С. 21). Его назначение также оста-

лось не выясненным. Да это и не столь уж важно. Более существенным представляется сам факт обнаружения одинаковых построек на двух городищах: одной в Посеймье, другой в Подонье. Скорее всего, мы имеем дело со свидетельством переноса еще одного элемента скифоидного сейминского комплекса на Верхний Дон.

Среди хозяйственных сооружений преобладают обычные цилиндрические ямы. Из этой серии своими размерами и конструкцией выделяются ямы № 33 и 35 (рис. 43,б). Они расположены в центре незастроенной части городищенской площадки рядом одна с другой. На уровне материка ямы

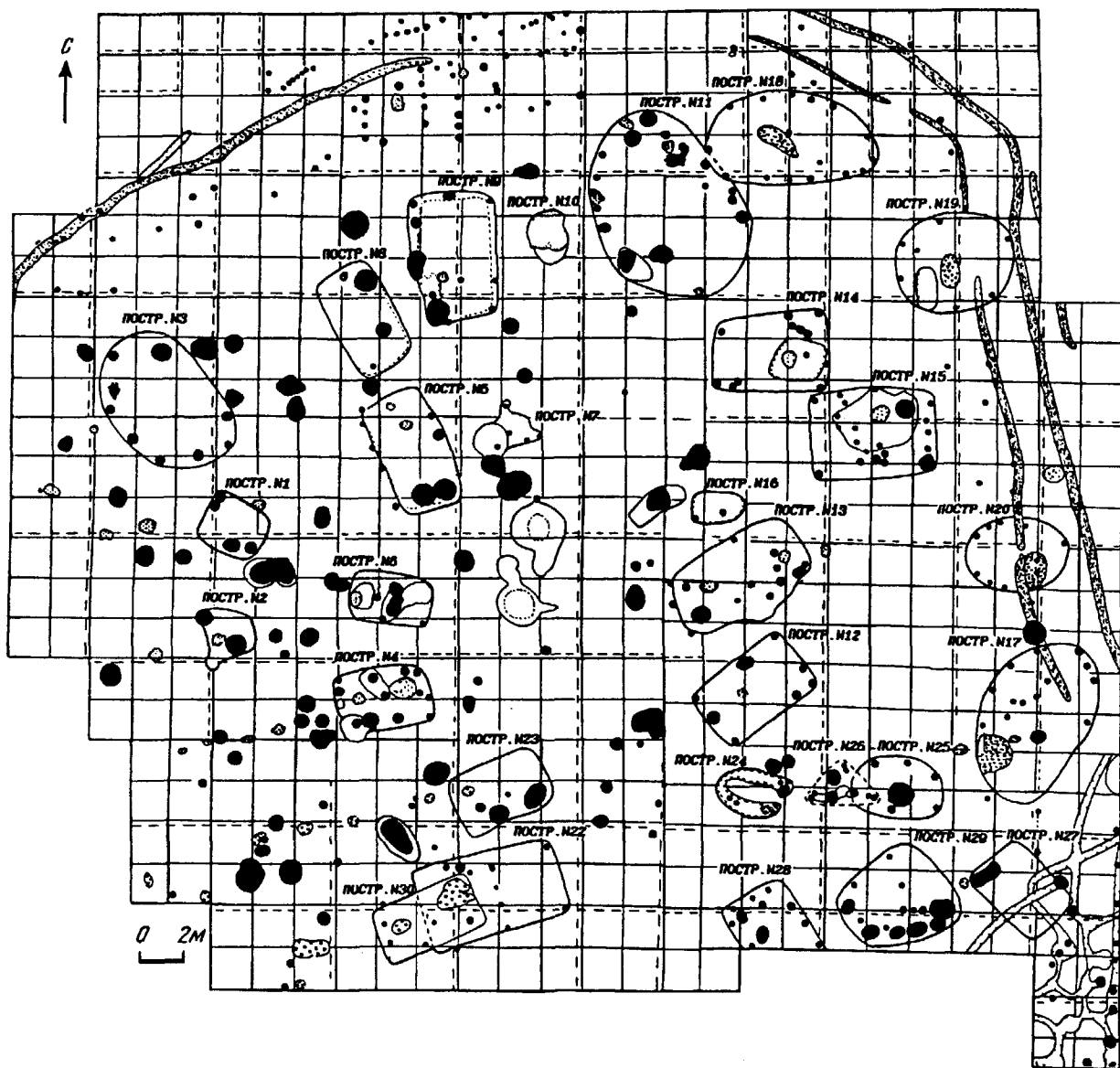

Рис. 38. План центральной части Пекшевского городища

имели правильную округлую форму диаметром более 2 м, несколько нарушенную лишь углублениями для спуска. В разрезе форма ям напоминала песочные часы: до глубины 0,6–0,7 м они сужались, а ниже резко расширялись ко дну диаметром 1,6–2 м. Вероятно, они использовались для хранения зерна, о чем как будто бы свидетельствует хорошо сохранившаяся в яме № 33 глубокая вентиляционная канавка. Центральное местоположение и очень большие размеры ям указывают на то, что, скорее всего, это были общественные хранилища зернового или семенного фонда всего населения городища. Зерновые ямы близкой формы и размеров открыты на ряде лесостепных

городищ Днепро-Донского междуречья (Пузикова А.И., 1981. С. 31–32, рис. 11; Шрамко Б.А., 1987. С. 75, рис. 29, 7; 32, 8). Таким образом, не только жилые, но и хозяйственные сооружения Пекшевского городища, включая редкие типы, обнаруживают прототипы в более западных лесостепных районах.

6. Система укреплений. На Пекшевском городище не только исследованы внешняя и внутренняя линии обороны, состоящие из валов и рвов, но и укрепления по всему периметру основной городищенской площадки (рис. 38, 44,а). По материалу и виду конструкций их следует отнести к дерево-земляным, характерным для большинства лесостеп-

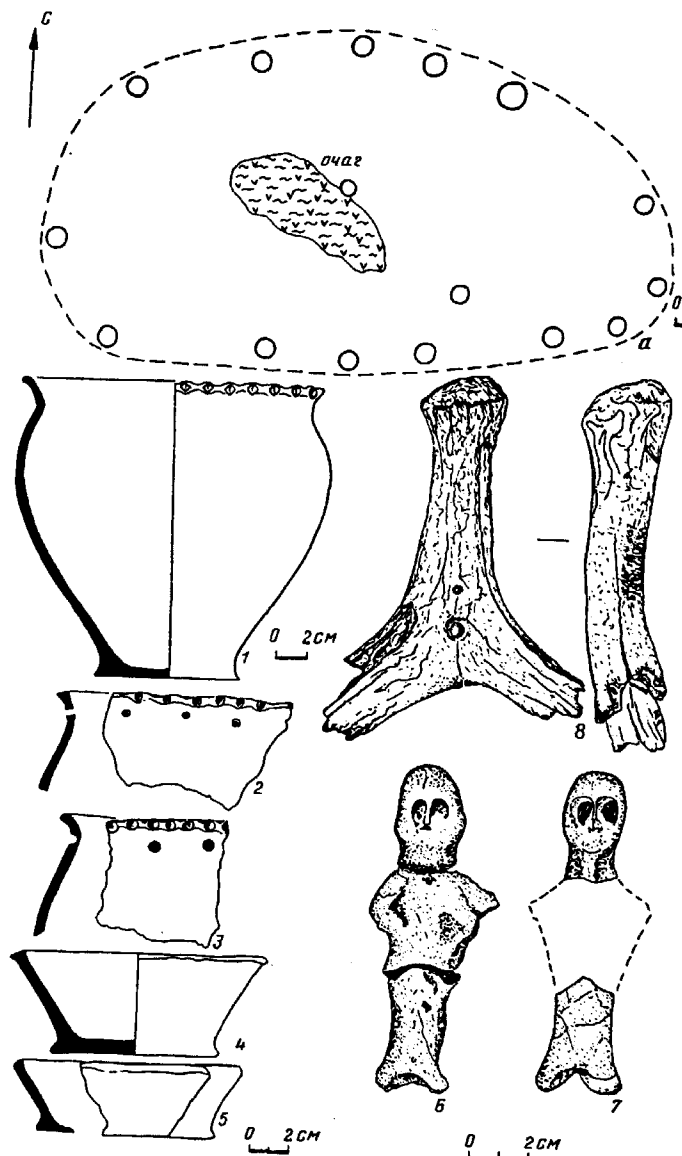

Рис. 39. Постройка № 18 Пекшевского городища: а – план, 1–8 – находки с пола

ных городищ Восточной Европы. Под внешним валом и вдоль склонов мысовой площадки открыты две, местами три параллельные канавки шириной 0,25–0,5 м, глубиной в материке 0,2–0,4 м. Они служили основаниями двум (трем) деревянным стенам, состоявшим из вертикально вкопанных столбов. Пространство между ними было засыпано слоистой золистой супесью серого цвета, содержащей керамику и другие находки раннескифского времени. Остатки этих дерево-земляных укреплений многократно фиксировались в профилях бровок у склонов в виде невысокого оплывшего вала высотой до 1 м. В результате края городищенской площадки оказались несколько приподнятыми над ее центром. Эта конструктивная особенность ха-

актерна для многих городищ лесостепной скифоидной и юхновской культур.

Первоначально изнутри к оборонительной стене примыкали пристройки из вертикально вкопанных столбов, от которых сохранились многочисленные столбовые ямки (рис. 44, в). Они были разделены поперечными стенами на ряд жилых отсеков, в которых обнаружены отопительные устройства в виде открытых очагов. По существу, древнейшие сооружения Пекшевского городища имели вид так называемых “жилых стен” типа Кузиной Горы в Посеймье (Алихова А.Е., 1962. С. 93, рис. 1–3).

В процессе раскопок неоднократно установлено, что дерево-земляные укрепления на склонах

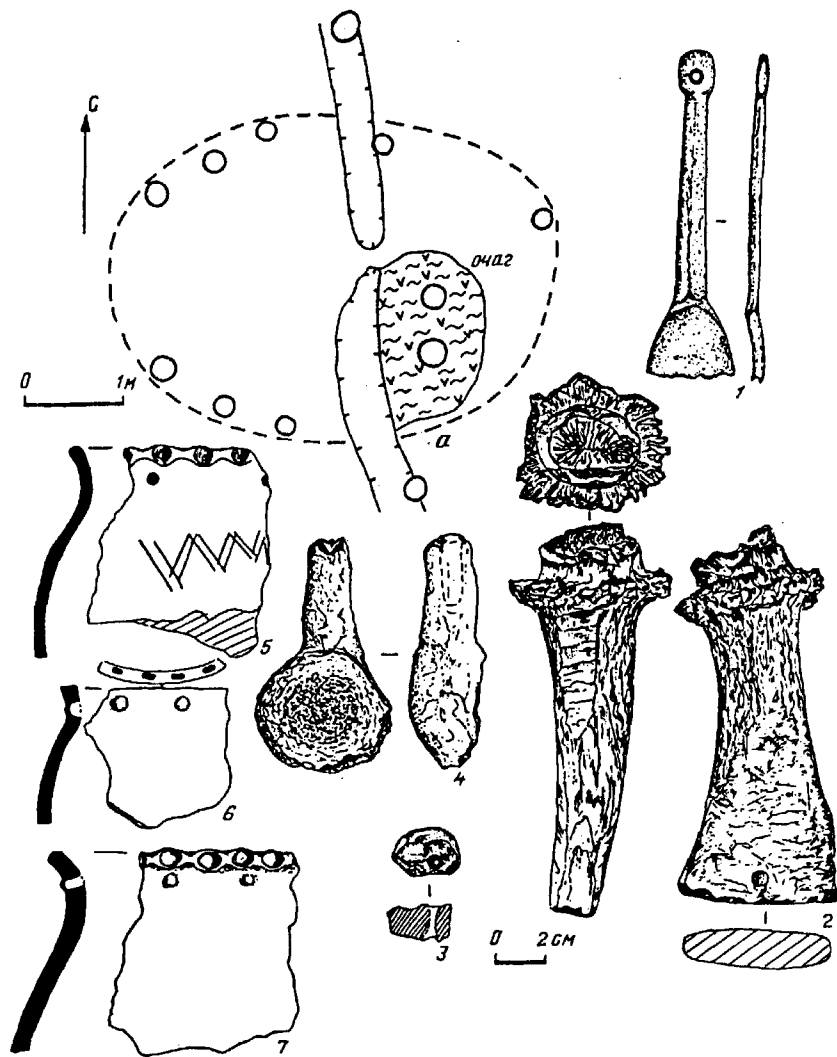

Рис. 40. Постройка № 20 Пекшевского городища: а – план, 1–7 – находки с пола

мыса были сооружены после пожара, уничтожившего древнейшее поселение раннегородецкой культуры с текстильной керамикой. На это определенно указывают случаи прорезания канавками углистой прослойки древнейшего пожара и лежащего под ней нижнего слоя (рис. 8,б). Скорее всего, с этими событиями связаны находки черепов и разрозненных человеческих костяков, встреченные на склонах мыса, между канавками и даже в их заполнении. Но, видимо, древнейшие укрепления были возведены не сразу после гибели раннегородецкого поселения, а спустя какое-то время, причем хронологический промежуток между этими событиями был вполне достаточным для того, чтобы у краев городищенской площадки накопился довольно значительный культурный слой с материалами раннескифского облика. Более того на месте буду-

щей оборонительной линии какое-то время функционировали отдельные жилища 1-го типа, например постройка 20, датируемая по находке костяной ложки 1-й половиной VI в. до н.э. Позже ее пол был прорезан канавкой от внутренней деревянной стены, а затем перекрыт оплывшим дерево-земляным укреплением.

Время сооружения укреплений Пекшевского городища позволяют определить находки в основании внешнего вала, где также расчищены три параллельные канавки и дополнительная внутренняя линия из столбовых ям (рис. 44,б). Кроме ранней лепной керамики с проколами, здесь встречен фрагмент античной амфоры светло-коричневой глины, орнаментированной волнообразной полосой красной краски. По определению С.Ю. Монахова, она была изготовлена в одном

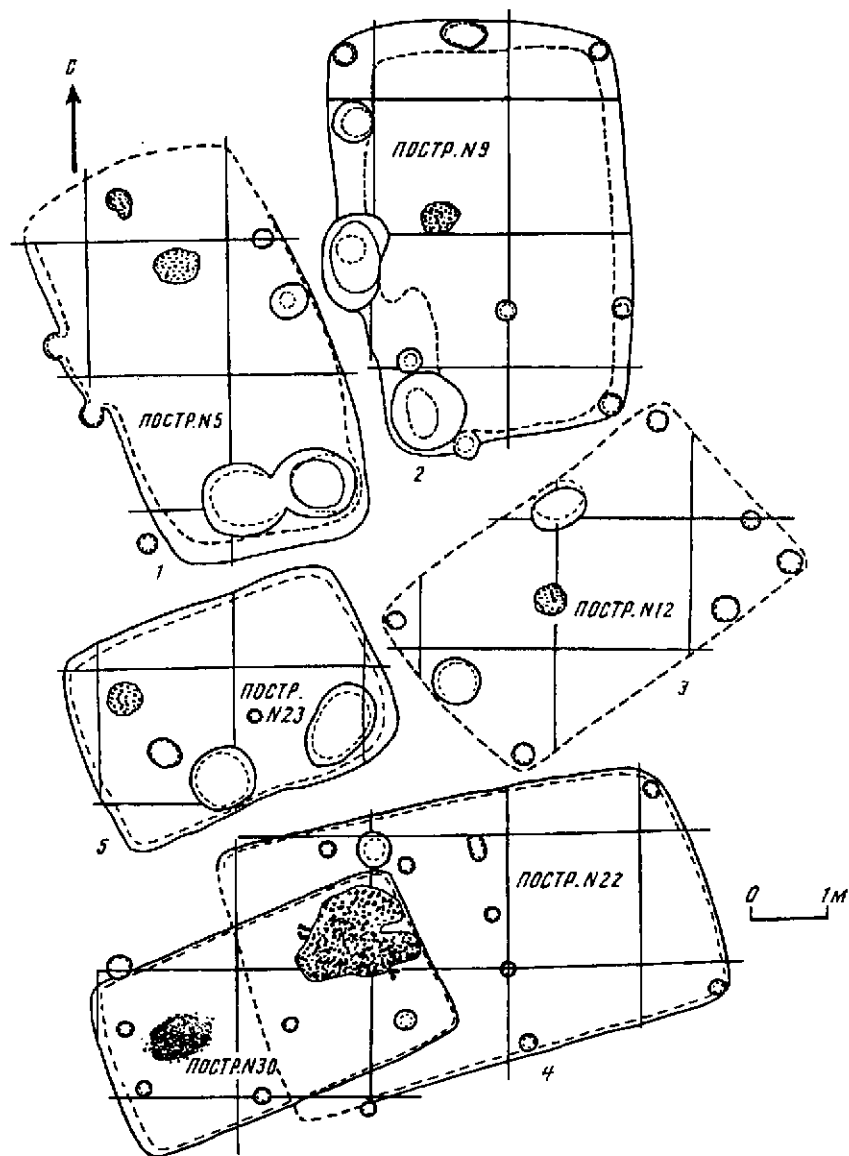

Рис. 41. Постройки 2 типа Пекшевского городища

из ионийских центров не позже второй половины VI в. до н.э. Верх другой ионийской амфоры, украшенной по горлу кругом с точкой, нанесенными такой же красной краской, найден в 5-м штыке культурного слоя (рис. 37, 17). Она также датируется в пределах второй половины VI в. до н.э. Однако, судя по всему, городище возникло значительно раньше, так как к началу поступления сюда античного импорта здесь уже успел накопиться полуметровый культурный слой с материалами архаического облика.

Открытая на Пекшевском городище система укреплений, первоначальную основу которой составляли две параллельные деревянные стены,

характерна для многих лесостепных городищ Днепро-Донского междуречья раннескифского времени. Представляется, что именно с возведения таких деревянных стен начиналась история большинства скифоидных городищ. В бассейне Северского Донца подобные укрепления имели городища Люботин и Большая Гомольша (Моруженко А.А., 1985. С. 169). Основу древнейших укреплений Восточного и Западного Бельских городищ также составляли стены из вертикально вкопанных столбов, от которых остались неширокие канавки вдоль внешних краев городищ (Шрамко Б.А., 1987. С. 25–29, рис. 4, 7). В Посеймье, кроме названной выше Кузиной Горы, остатки двух-

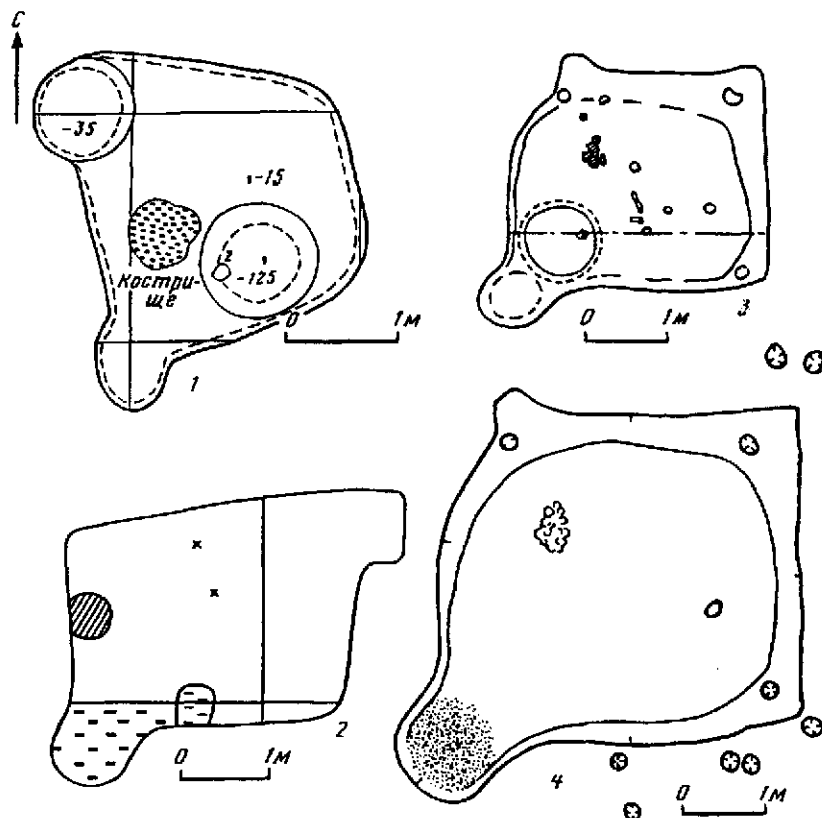

Рис. 42. Постройки с нишами: 1 – Пекшевское городище, постр. № 2, 2 – Волошинское I городище, постр. № 2, 3–4 – постройки милоградской культуры

трех параллельных канавок от стен вдоль склонов исследованы на городищах Марица, Нартово, Переверзево I, Глебово (Пузикова А.И., 1981. С. 12; Пузикова А.И., 1997. С. 12–19). Подобные укрепления известны и на самых ранних среднедонских городищах, в частности на Большом Сторожевом (Пузикова А.И., 1969. С. 46). В последние годы точно такие же канавки открыты на ряде скифоидных городищ Подворонезья: Животинном, I Чертовицком и др.

Итак, комплексный анализ материалов Пекшевского и других ранних донских лесостепных городищ убедительно свидетельствует о преимущественно западных (относительно Подонья) истоках культуры их обитателей. По массовому керамическому материалу и вещевому инвентарю, украшениям и культовым изделиям, домостроительству и оборонительным сооружениям они явно тяготеют к более ранним памятникам Днепровского лесостепного левобережья, но особенно Посеймья. Именно эти более западные лесостепные элементы составили основное ядро этнокультурного комплекса среднедонских племен скифского времени. Их появление в Подонье следует связывать с расселением скифоидного

земледельческо-скотоводческого населения. Судя по имеющимся на сегодняшний день данным, к освоению Донского региона они приступили не ранее начала VI в. до н.э. Массовое же его заселение приходится на V и особенно на IV в. до н.э., к которому относится абсолютное большинство среднедонских городищ и поселений.

Проникновение в Подонье лесостепных земледельцев и скотоводов происходило в результате воздействия различных факторов, из которых определенно сейчас можно указать два: хозяйственный и военно-политический. Их миграция на Средний Дон, скорее всего, осуществлялась путем постепенного мирного освоения новых территорий, возможно, по причине относительного перенаселения лесостепного Поднепровья, где в раннескифское время обитала основная масса скифоидного населения, сконцентрированного главным образом в крупных, а то и просто гигантских городищах типа Бельского или Трахтемировского. Освоению восточных районов способствовало как улучшение природно-климатической обстановки к середине I тыс. до н.э., так и отсутствие здесь сколько-нибудь значительного массива местного оседлого населения.

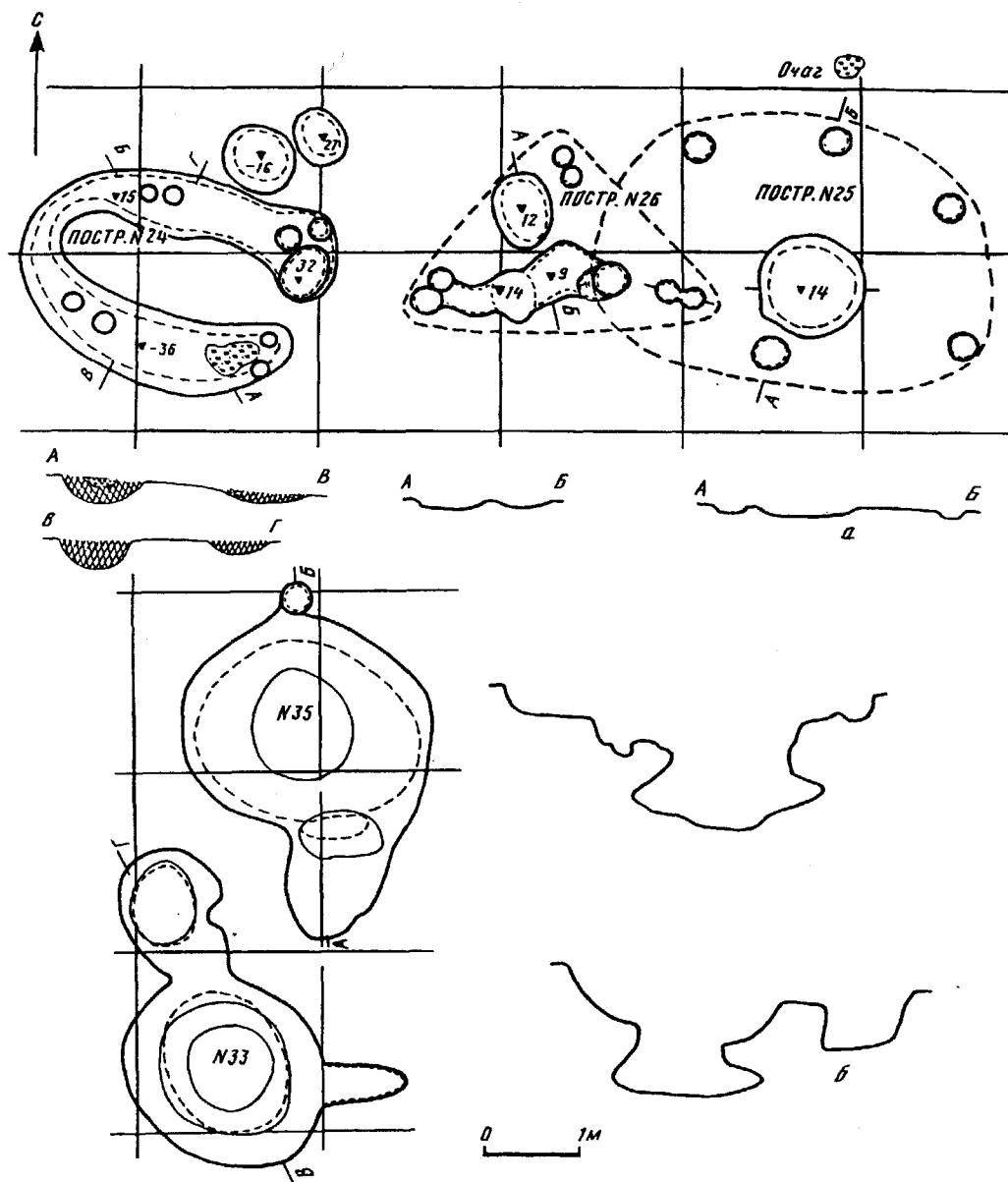

Рис. 43. Хозяйственные сооружения Пекшевского городища: а – комплекс хозяйственных построек перед внутренним валом, б – зерновые ямы № 33 и № 35

На Верхнем Дону, по крайней мере на начальном этапе, расселение этих племен сопровождалось военными столкновениями с раннегородецким населением. Представляется, что в отличие от постепенного мирного хозяйственного освоения среднедонского района переселение скифоидных племен на Верхний Дон в значительной мере было вынужденным. Судя по археологическим материалам, основную массу переселенцев здесь составили выходцы из Посеймья, вынужденные покинуть свои насиженные места под воздействием усиливавшегося к V в. до

н.э. давления восточнобалтских юхновских племен (Алихова А.Е., 1962. С. 115–116). Установлено, что местное скифоидное население не было уничтожено (Пузикова А.И., 1981. С. 101). Скорее всего, часть его мигрировала на восток, где впоследствии составила основное этническое ядро верхнедонского скифоидного населения, культура которого наиболее полно представлена в материалах Пекшевского городища. В отличие от более южных среднедонских районов, соединенных с бассейном Северского Донца почти непрерывной цепью городищ и поселений, между ос-

а

б

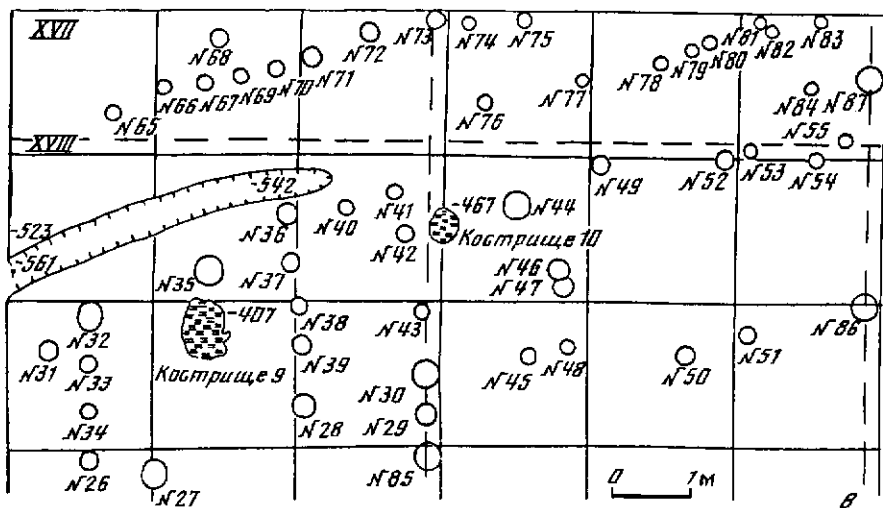

Рис. 44. Остатки укреплений Пекшевского городища: а – канавки от деревянных стен у восточного склона; б – канавки и столбовые ямки от деревянных конструкций под внешним валом; в – план части "жилой стены" у северного склона

новными ареалами сейминских и верхнедонских скифоидных городищ на протяжении примерно 200 км отсутствуют какие-либо следы оседлости. В то же время именно на этой промежуточной территории была найдена серия скифских акинаков, может быть, свидетельствующих о враждебных отношениях обитателей этих двух регионов (*Пузико-ва А.И.*, 1984. С. 212).

Так в свете новейших раскопок представляются истоки культуры рядового населения городищ лесостепного Подонья скифского времени. Исследования последних лет выявляют глубокие различия между ней и субкультурой военно-аристократической верхушки, погребенной в воронежских курганах. Их феномен требует специального изучения.

СРЕДНЕДОНСКИЕ КУРГАНЫ В СИСТЕМЕ ПАМЯТНИКОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ЛЕСОСТЕПИ И СТЕПИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Впервые погребальные памятники скифского времени Среднего Подонья привлекли внимание исследователей еще в самом начале XX в., сразу же после раскопок знаменитых Мاستюгинских и Частых Курганов под Воронежем (ОАК, 1908. С. 96; ОАК, 1909. С. 110; *Макаренко Н.Е.*, 1911. С. 48–76; *Ростовцев М.И.*, 1914. С. 3–13; *Спицын А.А.*, 1918. С. 132–133). Именно в результате их исследования М.И. Ростовцеву удалось выделить из общей массы скифских древностей Юга России воронежскую группу курганов (*Ростовцев М.И.*, 1925. С. 534–538). С этого времени их материалы прочно вошли в фонд отечественной скифологии.

Принципиально новый этап в изучении курганных древностей скифского времени на Среднем Дону связан с целенаправленной деятельностью Лесостепной Скифской экспедиции ИА АН СССР. В 50–60-е годы под руководством П.Д. Либерова были доисследованы Частые и Мاستюгинские Курганы, А.И. Пузиковой изучены могильники у сел Русская Тростянка и Дуровка – всего около 100 погребений. Именно благодаря исследованиям этой экспедиции большинство среднедонских курганов раскопано по современной методике с обязательной фиксацией на планах надмогильных и погребальных сооружений, сопровождающий их инвентарь изучен строго по комплексам. Все это выгодно отличает среднедонские памятники от многих синхронных курганных могильников восточноевропейской лесостепи, в частности Днепровского Право- и Левобережья, где основная масса интереснейших курганов была раскопана грабителями и любителями еще в XIX–начале XX в. без какой-либо документации, где часто даже состав вещевого комплекса далеко не бесспорен (*Степи*, 1989. С. 74).

Все это создает объективные трудности при сравнительном анализе материалов лесостепных донских и приднепровских курганов скифского времени, особенно с использованием современных статистико-математических методов. Безусловно, затрудняет подобные исследования и очень высокая степень разграбления и разрушения курганов скифского времени, в том числе и среднедонских, где непогробоженные грабителями комплексы ис-

числяются единицами. В результате во многих случаях археологи лишены возможности учесть и проанализировать такие информативные показатели, как поза и ориентировка погребенных, их половозрастной состав, так необходимые для широких историко-археологических исследований. Не способствует продуктивному анализу неполнота состава погребального инвентаря большинства среднедонских курганов, наиболее ценная часть которого была унесена грабителями.

И все же, хорошо осознавая эти объективные трудности, вряд ли можно сомневаться в том, что материалы среднедонских могильников содержат ценную информацию, представляющую исключительно важный, подчас единственный источник для изучения сложных этнокультурных и социальных процессов, протекавших в Донской лесостепи в VI–IV вв. до н.э. Несмотря на ряд публикаций и обстоятельные главы в диссертациях П.Д. Либерова, А.И. Пузиковой, В.Д. Березуцкого, посвященные всесторонней характеристике этих памятников, их познавательные возможности еще далеко не исчерпаны, как, естественно, не исчерпывает их и предлагаемое ниже исследование. Оно выполнено с учетом всех доступных мне материалов по 1995 г. включительно.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ И ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Его изучение производилось традиционными археологическими методами на основе составления корреляционных таблиц по каждому памятнику. С учетом опыта работ предшественников выделялись основные этнически весомые и социально значимые признаки. Уже на этой стадии исследования источника удалось не только уточнить старые, но и выявить некоторые ранее неизвестные черты обрядности и культуры среднедонских курганных могильников. Затем проведено их сопоставление с синхронными лесостепными и степными памятниками скифского времени. При этом я стремился к комплексному анализу изучаемых археологических объектов и стоящих за ними исторических яв-

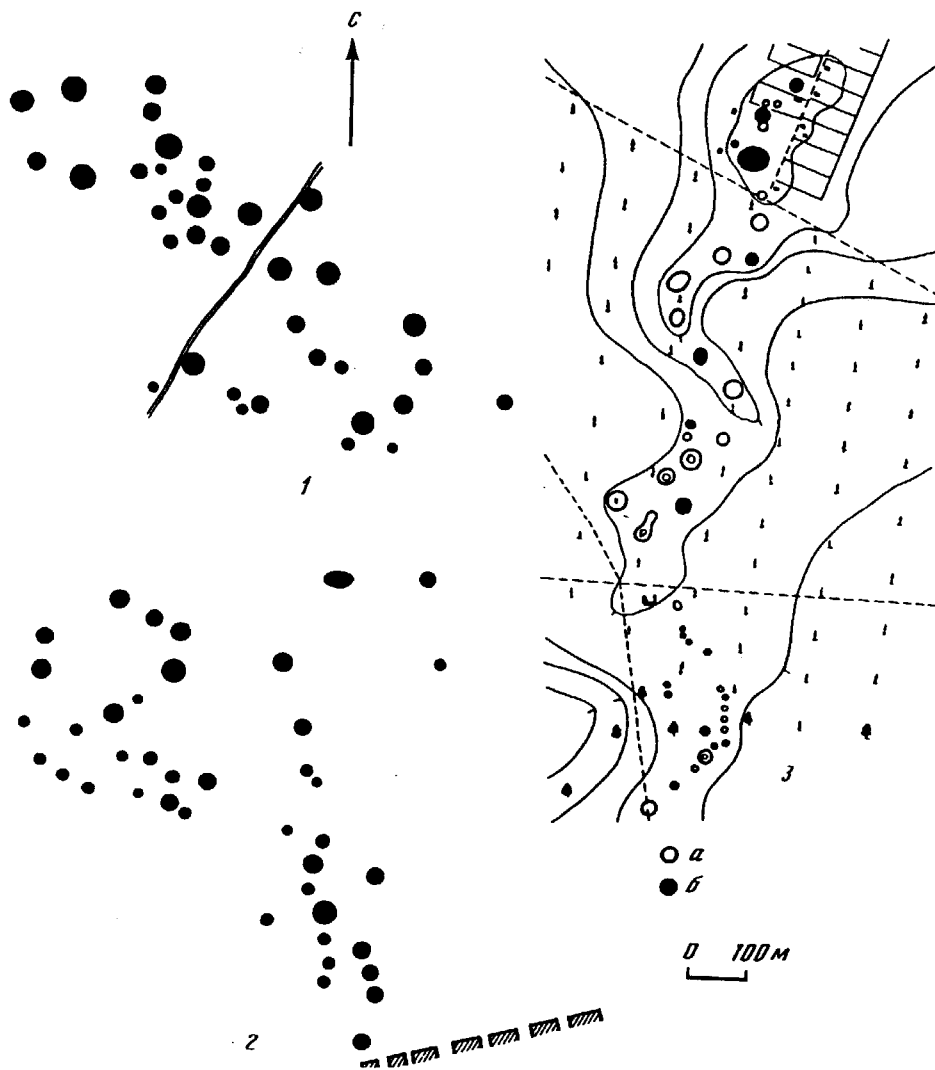

Рис. 45. Курганные могильники лесостепного Подонья скифского времени: а – нераскопанные насыпи, б – раскопанные курганы
1 – Мастюгино, 2 – Частые Курганы, 3 – Староживотинное

лений, так как глубоко убежден, что лишь такой подход способен дать результат, отличный как от описательного, так и от умозрительного.

Сейчас на всей территории лесостепного Подонья раскопано не менее 7 больших курганных могильников скифского времени (рис. 18). 5 из них находятся в Правобережье Среднего Дона (Мастюгино, Русская Тростянка, Дуровка, Ближнее Стояново, Терновое I), один на Верхнем Дону (Частые Курганы) и еще один на р. Воронеж (Староживотинное)¹. В них исследовано свыше 140 погребений

¹ Хотя два последних памятника по современному географическому районированию несколько выходят за пределы Среднего Подонья, тем не менее я считал возможным сохранить за ними старое название “среднедонские” (“воронежские”) могильники”.

конца VI–начала III вв. до н.э. Топографически они располагались по высоким берегам рек на наиболее возвышенных участках водораздельных плато, прорезанных глубокими балками. Визуально курганные некрополи скифского времени легко отличимы от курганов эпохи бронзы, обычно состоящих из 3–10 насыпей. В отличие от последних они насчитывают гораздо больше курганов – от 25 (Дуровка) до 50 (Мастюгино, Староживотинное), к тому же, как правило, расположенных более компактно (рис. 45). Большинство среднедонских могильников скифского времени сформировалось вокруг одного или нескольких более ранних курганов, насыпанных еще в эпоху бронзы. Захоронений предшествующего времени не было лишь в курганной группе у с. Дуровка.

Пространственный макроанализ памятников скифского времени Среднего Дона позволил установить некоторые закономерности взаиморасположения курганных некрополей и близлежащих городищ. Оказалось, что все известные курганные могильники находились на значительном удалении (от 2,5 до 8 км) от ближайшего городища (рис. 21; 22). Но что еще более существенно, они всегда располагались на противоположных берегах рек или суходолов. Такую топографию дают Частые Курганы и расположенное на противоположном берегу Дона Семилукское городище, в окрестностях которого имелось несколько бродов; Мاستюгинский могильник и городище Гора Белая I на р. Девица, разделенные мощным логом; курганный могильник и городище у с. Русская Тростянка, разделенные пересохшей ныне речкой; Кировское городище и могильник у с. Дуровка, между которыми также проходит глубокий древний суходол. Эту закономерность подтвердило изучение еще одного курганного могильника скифского времени у с. Староживотинное на р. Воронеж, отделенного Мокрым Логом от Животинного городища VI–IV вв. до н.э. Явная территориальная обособленность курганных некрополей от соседних городищ требует своего объяснения, которое будет предложено ниже после завершения комплексного анализа этих памятников.

К настоящему времени среднедонские курганы имеют земляные насыпи небольших (высотой до 1 м, диаметром 10–20 м) и средних (высотой до 1,5–2 м, диаметром до 50 м) размеров. Даже наиболее крупные и богатые курганы не превышали в высоту 3 м. Как известно, курганный обряд погребения по самой своей природе характерен для степных кочевых культур. Высокая насыпь над могилой наиболее целесообразна к использованию в степи с ее плоскими, открытыми ландшафтами. Ее хорошо заметная издали полусферическая форма была не просто надмогильным сооружением, но и материальным воплощением сложных космогонических представлений его создателей (Раевский Д.С. 1985. С. 32; Ольховский В.С., Шилов Ю.А., 1995. С. 108). Однако, если вопрос принадлежности курганов как формы погребальных сооружений в конечном итоге должен решаться в пользу степняков (Виноградов В.Б., Петренко В.А., 1983. С. 102), то это отнюдь не означает, что на Средний Дон он был принесен непосредственно из степи. Сам по себе факт курганного захоронения не может рассматриваться как свидетельство степной, скифской или савроматской принадлежности погребенного.

В большинстве насыпей встречены остатки поминальных тризн в виде кострищ, костей животных, разбитой лепной посуды и амфорного боя. Почти в половине курганов на уровне древнего го-

ризонта прослежен могильный выкид, явно специально уложенный вокруг могилы в виде небольшого кольцевого вала высотой 0,3–1 м при ширине 5–7 м (рис. 46, 1). Чаще всего этот глиняный вал замкнут, но иногда он имеет разрыв с юго-запада, северо-востока или востока, причем не всегда там, где располагался вход в могилу. Такие валы служили не только сугубо утилитарным целям, но выполняли и определенные культовые функции, в которых в той или иной степени проявлялись социальные и этнокультурные традиции коллективов, хоронивших своих сородичей в курганах. Одна из них – отделить “мир мертвых” от “мира живых”. “Я воздвигаю это кольцо для защиты от живущих, чтобы никто другой из них не смог достигнуть этого предела” (Ригведа, X, 18, 4). Вопросы семантики подобных подкурганных сооружений уже изучались в нашей литературе (Литвинский Б.А., 1972. С. 136–139).

П.Д. Либеров рассматривал такие кольцевые валы вокруг могил как своеобразную черту погребального обряда населения Среднего Дона (Либеров П.Д., 1969. С. 18). Однако этот обычай был широко распространен в скифское время и далеко за пределами изучаемого региона. Б.Н. Граков обнаружил несколько подобных валов в Никопольских курганах (Граков Б.Н., 1962. С. 83). Аналогичные кольцевые валы из материкового выкида хорошо известны в подкурганных погребениях Днепровского лесостепного Право- и Левобережья (Моруженко А.А., 1989. С. 27). Сейчас они рассматриваются исследователями в качестве одного из существенных элементов погребального обряда скифов, распространявшегося по мере проникновения последних на другие территории (Петренко В.Г., 1986. С. 42–43; Ольховский В.С., 1991. С. 76; Скорый С.А., 1990. С. 84). Встречаются они и в курганах кочевников Поволжья и Южного Приуралья. Так что заключение П.Д. Либерова об их уникальности, скорее всего, следует признать ошибочным (Ковпаненко Г.Т., Скорый С.А., 1988. С. 75–76). Какие-либо местные корни обычая сооружать вокруг могилы кольцевой вал в лесостепном Подонье не прослеживаются.

подавляющее большинство погребений в курганах скифского времени Среднего Дона являлись основными и единственными (94%). Для них впускные могилы не характерны, хотя и известны: три в насыпях эпохи бронзы (Русская Тростянка, к. 2; Бл. Стояново, к. 4; Ст. Животинное, к. 6), пять – в насыпях скифского времени (Мастюгино: к. 23/2, п. 2 и 33/5, п. 2; Бл. Стояново, к. 9, п. 2 и к. 11, п. 2; Терновое I, к. 3, п. 1). Абсолютное преобладание основных погребений, к тому же сконцентрированных в довольно больших могильниках, явно свидетельствует о достаточно прочном военно-политическом положении оставившего их населения в

Среднедонской лесостепи. Наоборот, в Левобережье Среднего Дона открыты главным образом лишь немногочисленные впускные захоронения, что уже само по себе, видимо, отражает принципиально иную хозяйственно-культурную и военнополитическую обстановку. На эту особенность погребальных памятников Донского Левобережья неоднократно обращал внимание П.Д. Либеров (Либеров П.Д., 1965. С. 11, 33).

В среднедонских курганах П.Д. Либеровым выделено пять типов погребальных сооружений (Либеров П.Д., 1965. С. 11). Я принимаю за основу его типологию с некоторыми уточнениями, оговоренными ниже.

I тип – погребения в насыпи и на древнем горизонте – 11 погребений (8%)². У большинства из них тип могил и их размеры четко не фиксировались. Но судя по хорошо сохранившимся захоронениям, они имели удлиненно-прямоугольную форму и отличались небольшими размерами площадью в среднем 1,5–2,5 м² и редко 6–8 м² (рис. 46, б).

II – простые грунтовые могилы – 39 погребений (29%). Сложные столбовые конструкции в них отсутствовали. Преобладали ямы небольших и средних размеров, очень редко встречались крупные до 22,5 м² (рис. 46, 7). У большинства форма прямоугольная с соотношением сторон 2 : 3. Над многими сохранились остатки деревянных перекрытий в виде наката, иногда двойного. Изредка в могилах этого типа фиксировались следы деревянного настила на полу.

III тип – каркасно-столбовые склепы – 68 погребений (50%)³. Главную их особенность составляет наличие следов вертикальных столбов, поддерживающих перекрытие и закрепляющих деревянную обшивку стенок (рис. 46, 2а, 4–5; 47, 1а). Их число варьирует от 1 до 20, но чаще всего в могилах встречается 5 (4 по углам и 1 в центре) или 8–9 (8 по углам и вдоль стенок и 1 в центре) столбов. Последний вариант склепов на 8–9 столбах прослежен почти в половине погребальных сооружений этого типа. Большинство столбовых склепов перекрыто деревянными накатами в один–два ряда (Мастюгино, к. 29/21; Дуровка, к. 9), 2 имели мону-

² В отличие от П.Д. Либерова в этот тип я не включил впускные в насыпи или возведенные на горизонте сложные погребальные сооружения с деревянными конструкциями. По основным признакам их правильнее отнести к типам II и III. Выборка погребальных сооружений I типа существенно уменьшилась и за счет исключения из нее ряда впускных погребений, относящихся к предскифскому времени.

³ В этот тип вошли и так называемые “срубы” (Мастюгино, к. 1; Русская Тростянка, к. 3 и к. 7), где для облицовки стенок использовались не доски и плахи, а горизонтально уложенные бревна. Основу их крепления составляли все те же вертикально вкопанные столбы вдоль стен, как и в остальных каркасно-столбовых склепах. Собственно срубных гробниц на Среднем Дону пока не известно.

ментальные шатровые перекрытия, опирающиеся на центральный опорный столб (рис. 46, 1–2). От обшивки стен иногда сохранялись остатки горизонтально уложенных или вертикально поставленных плах, досок, брусков, а чаще неглубокие канавки вдоль стен, в которые вставлялись эти плахи или доски облицовки (рис. 46, 2а, 4). У многих склепов на полу фиксировались остатки или отпечатки деревянных настилов, сплошных или только под погребенными. Погребальные камеры III типа имели прямоугольную, а иногда почти правильную квадратную форму. Из всех типов могил они выделялись наиболее внушительными размерами. Их площадь варьировала в пределах от 7 до 49 м², но почти половина их превышала 20 м². Самый большой и сложный по устройству склеп на 17 столбах со сторонами 7 × 7 м оказался в кургане 29/21 Мастюгинского могильника (рис. 47, 1а).

Тип IV – каркасно-столбовые склепы с дромосами – 17 погребений (13%). По размерам и устройству самой погребальной камеры они ни чем существенно не отличались от III типа, за исключением наличия с одной из сторон специального входа-дромоса (рис. 48, 1–4). У большинства могил они невелики – шириной 0,8–1 м, длиной 2–3 м. Но встречаются и более крупные дромосы, такие, как в к. 1 Дуровки длиной 5,5 м и шириной 2,2 м (рис. 48, 1а) или в к. 5 Терновое I длиной около 7 м. В 1995 г. еще одна могила с дромосом длиной 4,3 м была открыта мною в самом северном Староживотинном могильнике (рис. 48, 2). Большинство сооружений этого типа имели обычные перекрытия в виде наката в один–два ряда из положенных крест-накрест бревен. Но в 3 курганах Мастюгинского могильника (№ 16/36; 19/37; 32/32) прослежены особо мощные накаты в три ряда. В к. 1 Дуровки перекрытием служил огромный шатер, состоящий из радиально уложенных бревен (рис. 48, 1). На дне дромосных могил чаще сохранялись деревянные настилы, чем в других погребальных сооружениях. Полы некоторых дромосов постепенно понижались ко дну могилы, другие при спуске в нее имели 2–3 ступеньки. В 3 курганах Мастюгинского могильника (18/38; 19/37; 23/3) дромосы имели по углам столбы, несущие перекрытие (рис. 48, 3–4).

Главное функциональное назначение дромоса – возможность проникать в могилу для последовательного захоронения в одном погребальном помещении членов одной семьи или родового коллектива (Смирнов К.Ф., 1978. С. 62). Именно по этой причине среднедонские курганы с дромосами обычно содержали парные или коллективные захоронения.

Если распространение в Донской лесостепи в VI–IV вв. до н.э. четырех описанных выше типов погребальных сооружений сомнений не вызывает, то этого никак нельзя сказать о выделенном

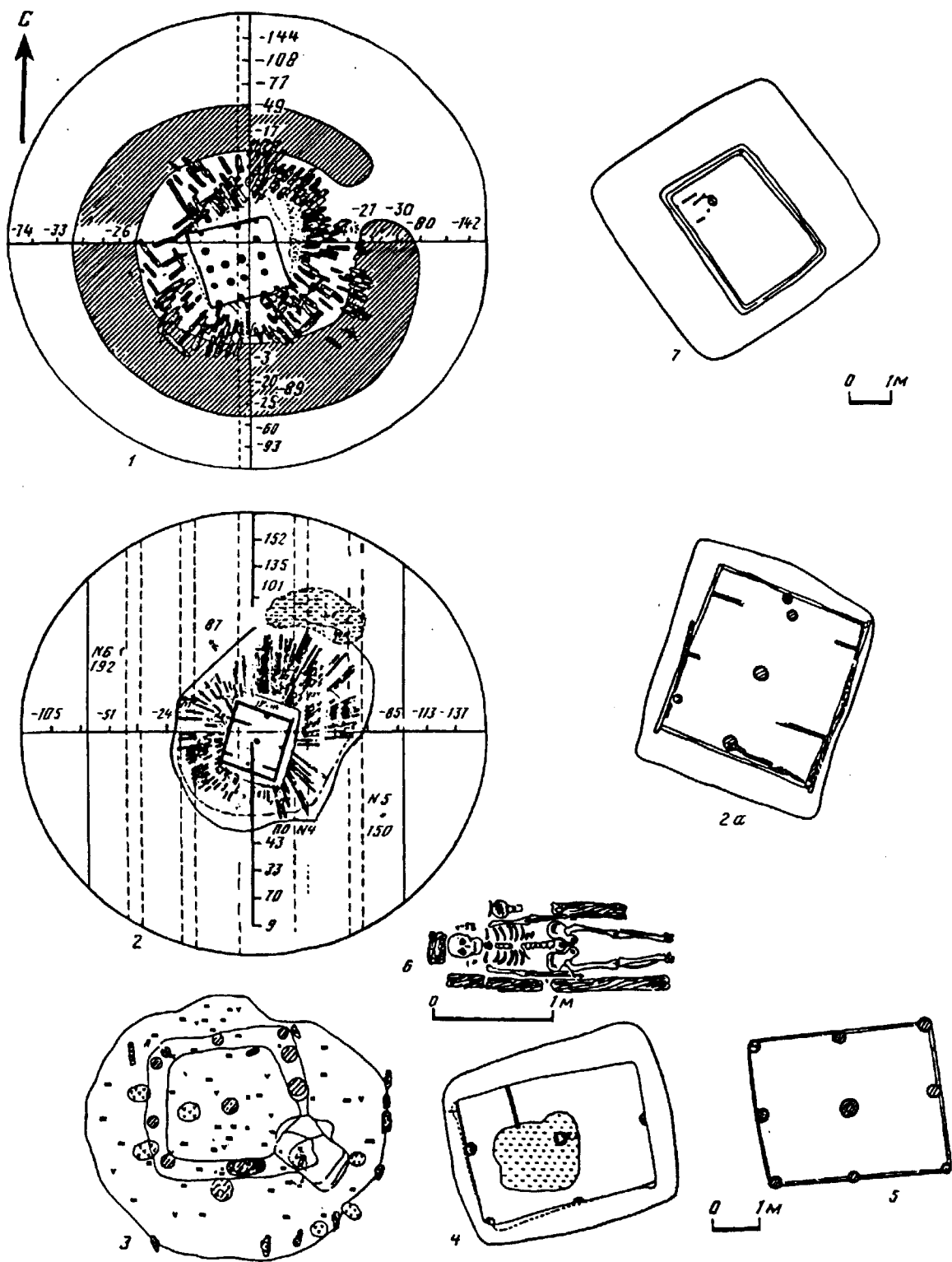

Рис. 46. Погребальные сооружения среднедонских могильников
 1 – Мاستюгино, к. 29/21; 2, 2а – Дуровка, к. 9; 3 – Мастюгино, к. 2/23; 4 – Русская Тростянка, к. 10; 5 – Русская Тростянка, к. 17;
 6 – Ближнее Стояново, к. 9, п. 1; 7 – Староживотинное, к. 22

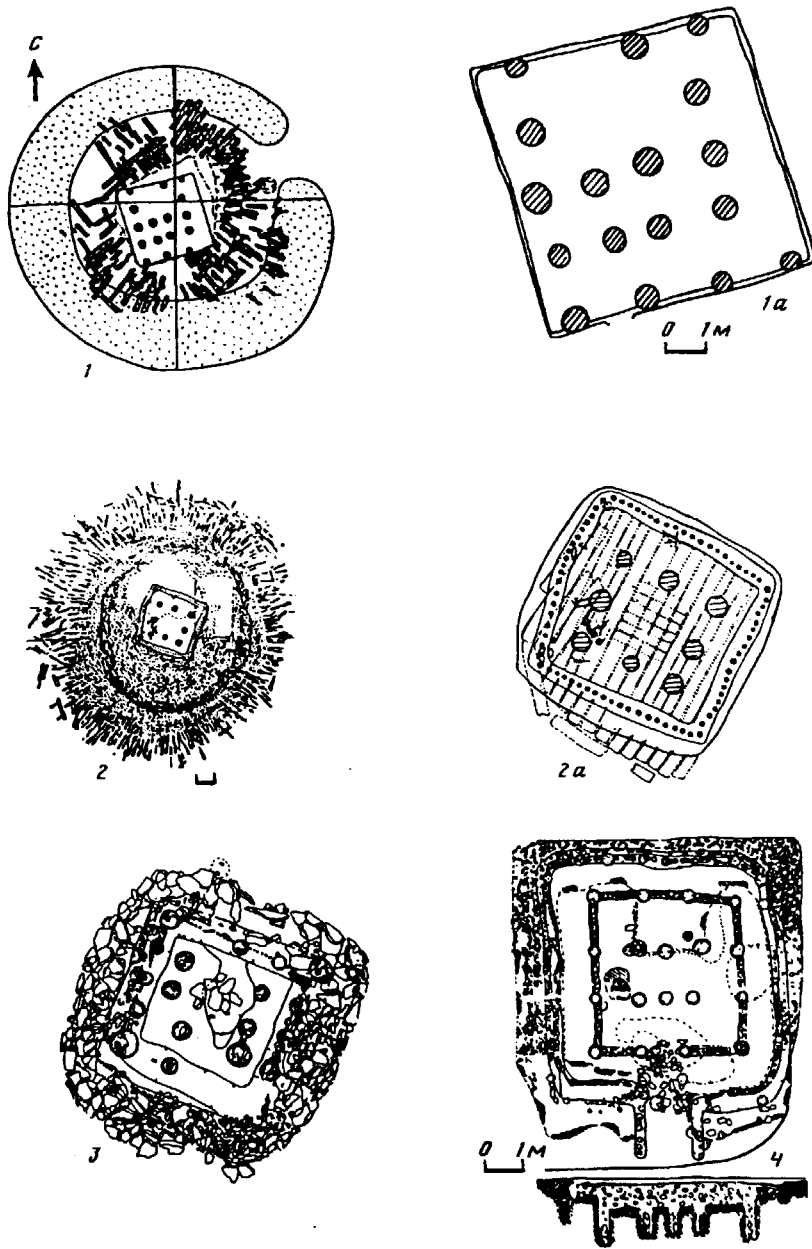

Рис. 47. Столбовые склепы Среднего Подонья и их аналогии 1, 1а – Мастюгино, к. 29/21; 2, 2а – Червона Могила (Фляровка), к. 1, п. 1; 3 – Долиняны, к. 2; 4 – Перебыковцы, к. 2

П.Д. Либеровым V типе – катакомбах (Либеров П.Д., 1965. С. 11). К ним он отнес всего два захоронения (Мастюгино, к. 23/2 и Русская Тростянка II, к. 1). Однако оба они оказались безыскусными и не содержали каких-либо надежных признаков для отнесения их к катакомбам скифского типа. Открытие в одном из курганов Дуровского могильника раннесарматской катакомбы сделало еще более проблематичной атрибуцию этих сооружений как скифских (Пузикова А.И., 1987. С. 96).

Итак, наиболее характерными типами среднедонских погребальных сооружений являлись столбовые деревянные гробницы иногда с дромосом, в которых было совершено большинство захоронений. Не вызывает сомнений тот факт, что они получили распространение с самого начала функционирования Воронежских могильников, т.е. с рубежа VI–V вв. до н.э. (Либеров П.Д., 1965. С. 15). Во всяком случае, с этого времени столбовые гробницы как тип погребального сооружения выступают

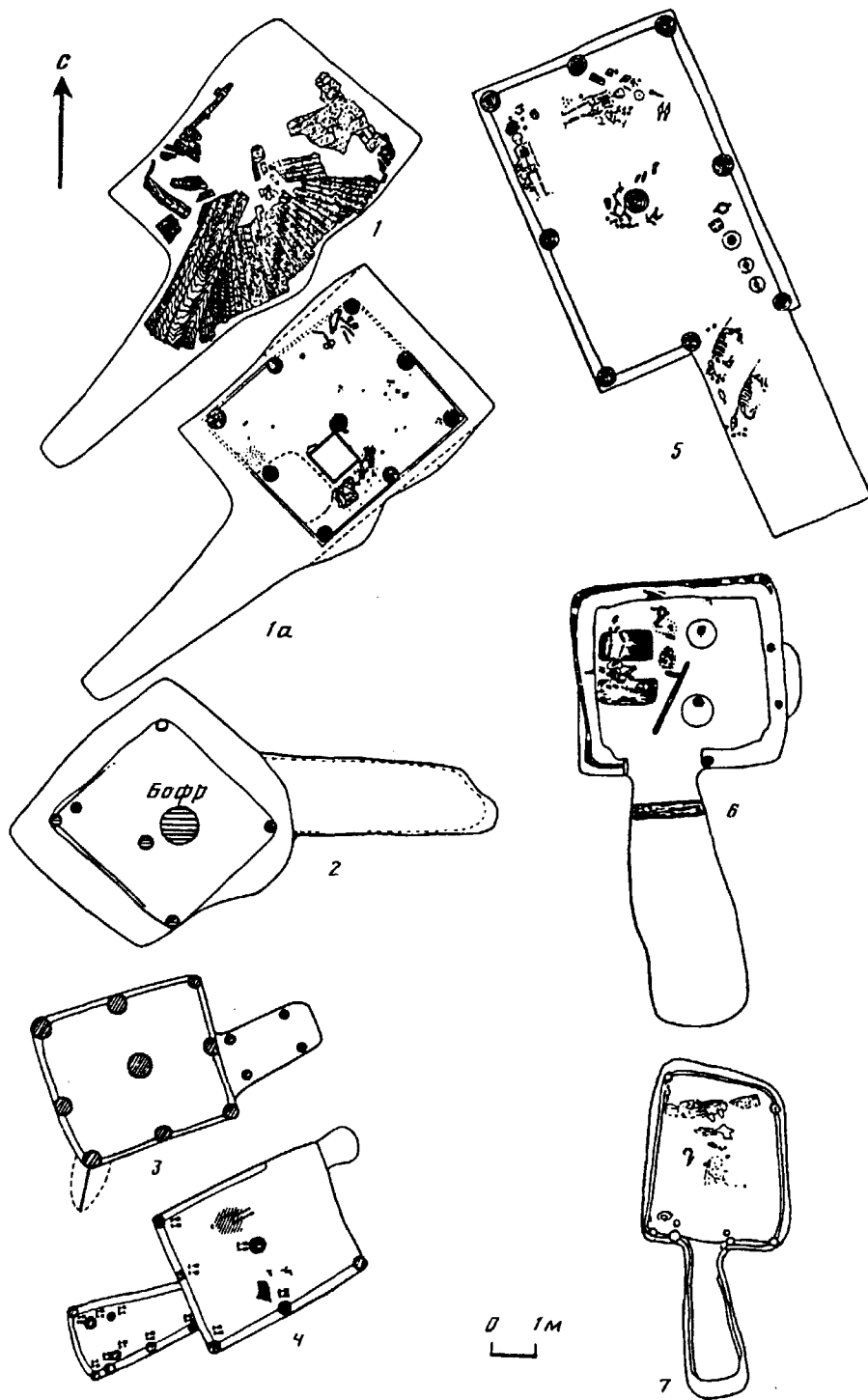

Рис. 48. Столбовые склепы с дромосами Среднего и Верхнего Дона и их аналогии
 1, 1а – Дуровка, к. 1; 2 – Староживотинное, к. 22; 3 – Мастюгино, к. 19/37; 4 – Мастюгино, к. 18/38; 5 – Журовка, к. 400; 6 – Репяховатая Могила; 7 – Яснозорье, к. 6. п. 1

на Среднем Дону уже в полностью сформировавшемся виде. Об этом свидетельствует деревянная гробница на 5 столбах к. 8. Частых с парой жертвенных бронзовых ножей, железной, плакированной золотом застежкой, близкой застежке из погребения VI в. до н.э. у с. Огородное (Мурзин В.Ю., 1984. С. 20, рис. 8), и набором бронзовых наконечников стрел, среди которых преобладали "базисные" 5-го типа (Мелюкова А.И., 1964. С. 21). Несколькими более позднего времени принадлежал мастюгинский курган 29/21 с огромным склепом на 17 столбах, датируемый набором инвентаря и античного импорта ранним V в. до н.э.

Оба эти типа погребальных сооружений не обнаруживают местных корней. Вопреки мнению П.Д. Либерова, деревянные склепы скифского времени ни генетически, ни конструктивно, ни тем более хронологически никак не связаны с захоронениями срубной культуры, которые не известны в Подонье позже конца II тыс. до н.э. Также не выдерживает критики его попытка вывести дромосные могилы из катакомб эпохи средней бронзы (Либеров П.Д., 1971. С. 51–52), самые поздние из которых в настоящее время датируются временем до середины II тыс. до н.э.

Сейчас достаточно надежно установлено, что курганы с деревянными гробницами были довольно широко распространены у различных ираноязычных кочевых народов Евразии с начала I тыс. до н.э. (Тереножкин А.И., 1971. С. 18–19; Скорий С.А., 1990. С. 81; Ольховский В.С., 1991. С. 40–43). Они являлись одним из основных типов раннескифских погребальных сооружений (Мурзин В.Ю., 1984. С. 50–52). Обширные могилы с деревянными конструкциями известны у кочевников, заселявших степи к востоку от Дона, но не в савроматском Волго-Донском междуречье, а в Южном Приуралье (Смирнов К.Ф., 1984. С. 27). Однако даже среди них очень редко встречаются настоящие столбовые гробницы. Гораздо чаще они сооружались в более восточных районах (Кадырбаев М.К., 1984. С. 89) и Южном Приаралье, где могилы нередко имели дромосы (Вишневецкая О.А., 1973. С. 60–61).

Признавая сам факт, что обычаем хоронить покойников в обширных деревянных склепах сложился в раннекочевнической среде, следует указать, что типологически наибольшую близость среднедонские столбовые гробницы все же обнаруживают не степным скифским или савроматским, а лесостепным погребальным сооружениям Среднего Поднепровья. На это сходство впервые обратил внимание М.И. Ростовцев (Ростовцев М.И., 1925. С. 534), его признавали Б.Н. Граков и А.И. Мелюкова (Граков Б.Н., Мелюкова А.И., 1954. С. 89), а также отчасти и К.Ф. Смирнов, позже склонявшийся к мысли о савроматском происхождении этого типа погребальных сооружений на

Среднем Дону (Смирнов К.Ф., 1964. С. 262–264; Смирнов К.Ф., 1984. С. 27).

Весьма существенно, что в лесостепном Правобережье Днепра погребальные сооружения в виде различных вариантов деревянных столбовых гробниц получают довольно широкое распространение еще с VII в. до н.э. и бытуют на протяжении всей скифской эпохи (Ильинская В.А., 1975. С. 85; Ковпаненко Г.Т. и др., 1989. С. 33, 37). По планировке весьма близки большим мастюгинским столбовым гробницам дерево-земляные склепы в кургане у с. Фляровка в Днепровском Правобережье (рис. 47, 2, 2а) и в курганах VI в. до н.э. Западной Подолии, особенно у с. Долиняны и Перебыковцы (Смирнова Г.И., 1977, рис. 1; Смирнова Г.И., 1978, рис. 1). Последние отличаются от среднедонских лишь широкое применение камня при возведении надмогильных конструкций (рис. 47, 3–4).

Сейчас большинство ученых склоняются к мысли о не местном характере деревянных столбовых гробниц на Среднем Днепре и в Западной Подолии (Тереножкин А.И., 1971. С. 18–20; Смирнова Г.И., 1978. С. 127). Их широкое распространение в Украинской лесостепи связывают с проникновением сюда скифского кочевого этнического компонента (Ильинская В.А., 1968. С. 144; Скорий С.А., 1987. С. 36–47; Мурзин В.Ю., 1990. С. 63). По-видимому, здесь на привнесенную ираноязычными кочевниками основу наложилась местная традиция, связанная с развитым деревянным домостроительством, придавшая первой определенную локальную специфику (Ольховский В.С., 1978. С. 88; Скорий С.А., 1990. С. 80).

Еще больше признаков сходства наблюдается между IV типом среднедонских погребальных сооружений и известными в лесостепном Поднепровье с раннескифского времени деревянными склепами со столбами и дромосами. Последние появляются в курганах Поросья и Тясмина не позже VII в. до н.э. и сохраняются до конца IV в. до н.э. (Ильинская В.А., 1975. С. 85–86; Ковпаненко Г.Т., 1981. С. 66–68). В среднескифское время они составляли здесь 37% могил со столбовыми склепами, в позднескифское 18,5% (Ковпаненко Г.Т. и др., 1989. С. 33, 43).

Длинные дромосы, близкие савроматским и приаральским сакским, на Среднем Дону встречаются реже (Дуровка, к. 1; Ст. Животинное, к. 22; Терновое I, к. 5). Однако однозначно признать непосредственно степное происхождение последних я все же не решился бы, так как дромосы больших размеров известны и в лесостепном Поднепровье, причем в более раннее время. Например, в кургане Глеваха длина входного коридора в склеп была более 6 м, в кургане № 35 у с. Бобрица – около 6 м (Ковпаненко Г.Т. и др., 1989. С. 33).

Недавно обширные столбовые дромосные гробницы стали известны и в Днепровском лесостепном

степном Левобережье. Прямоугольные деревянные столбовые склепы больших размеров открыты в могильнике у с. Гладковщина (*Григорьев В.П.*, 1987. С. 53–55). Они содержали яркий инвентарь, во многом близкий Посульским курганам VI в. до н.э. В самом Посулье дромосная деревянная гробница раскопана в I Мгарском кургане (*Кулатова И.Н., Супруненко А.Б.*, 1996, рис. 6). Деревянные погребальные сооружения с длинными дромосами исследованы в курганах у с. Васильевка в междуречье Псла и Ворсклы (*Кулатова И.Н. и др.*, 1993). И там они датируются VI–V вв. до н.э., т.е. несколько более ранним временем, нежели среднедонские.

Весьма существенно и то, что на Среднем Дону все большие дромосы вели в столбовые гробницы, весьма специфичного именно для лесостепи устройства, не имеющего сколько-нибудь близких аналогов у савроматов. Говоря о последних, не следует забывать, что дромосные могилы более характерны для кочевников Южного Приуралья, нежели собственно савроматов степного междуречья Волги и Дона. К тому же по сравнению с дромосными могилами в курганах скифского времени восточноевропейской лесостепи их доля в савроматской культуре ничтожно мала – всего 0,6% (Статистическая обработка, 1994. С. 130).

Исследователи среднедонских курганов давно обратили внимание на некоторые особенности оборудования погребальных сооружений. Это наличие на полу могил разного рода органических подстилок, глиняных подмазок, материковых уступов, а также своеобразных глиняных “столов” – прямоугольных площадок, окруженных по краям канавками (*Либеров П.Д.*, 1965. С. 13). Такая погребальная площадка открыта в 1995 г. в Староживотинном могильнике (рис. 46, 7). Аналогии им, правда довольно отдаленные, можно найти в отдельных “савроматских” курганах Зауралья (*Кадырбаев М.К.*, 1984. С. 88) и у саков Южного Приуралья, где эти площадки чаще сооружались не в могилах, а на уровне древнего горизонта (*Толстов С.П., Итина М.А.*, 1966. С. 151–175; *Вишневская О.А.*, 1973. С. 61). Известны подобные “ложа” и в Северном Причерноморье, где их распространение прослеживается еще с предскифского периода (*Ольховский В.С.*, 1978. С. 92–93, рис. 4, 4–5). Возможно, в этой особенности оборудования дна могил действительно отразилось влияние погребальной обрядности степных кочевников. Но, судя по очень небольшому числу погребений на “столах” (всего 3 случая), это новшество не получило сколько-нибудь широкого распространения на Среднем Дону. Тоже следует сказать и о применении меловой подсыпки (2 случая) и реалгара (1 случай), как известно, характерных для савроматских погребений (*Смирнов К.Ф.*, 1964. С. 94–95).

В могилах III и IV типов захоронения нередко

совершались не на земляном полу, а на специальном деревянном помосте. Стремление надежно изолировать труп от земли путем погребения на специальном настиле свойственно различным народам степной и лесостепной Евразии. Скорее всего, своими корнями оно уходит к древним религиозным представлениям ираноязычных племен, не допускавших осквернения чистых стихий, особенно земли, прикосновением мертвого тела (*Литвинский Б.А.*, 1972. С. 136; *Бойс М.*, 1987. С. 57). Погребения на настиле из продольных и поперечных жердей довольно часто совершались саками Приуралья (*Вишневская О.А.*, 1972. С. 63). Номады Поволжья и Южного Приуралья использовали для этих целей войлок, траву, камыш, кору, реже дерево, из которого были сколочены решетчатые рамы, служившие погребальным ложем (*Смирнов К.Ф.*, 1964. С. 85). На Среднем Дону встречается весьма своеобразный тип деревянного настила, уложенного на продольные или чаще поперечные опоры. От них на дне могилы иногда оставались характерные канавки (рис. 46, 2а). Лучшее всего эти детали оборудования внутримогильных сооружений сохранились в курганах группы Частых (к. 34), в Русской Тростянке (к. 13) и Дуровке (к. 2 и к. 9).

Традиция погребения на подобном настиле, видимо, зарождается в курганных могильниках Днепровского лесостепного Правобережья и Ворсклы в самом начале архаической эпохи (*Ильинская В.А.*, 1975. С. 49, 86; *Ковпаненко Г.Т.*, 1981. С. 65). Именно здесь обнаруживаются истоки обычая устраивать деревянный настил не на земле, а на поперечных подкладах-лежнях, ранее всего зафиксированный в кургане Глеваха на Киевщине (*Ильинская В.А., Тереножкин А.И.*, 1983. С. 278). Близкое устройство он имел в курганах, исследованных В.А. Городцовым в окрестностях Бельского городища (*Городцов В.А.*, 1911. С. 95), что полностью подтвердили раскопки Б.А. Шрамко в могильнике Скоробор. Здесь погребальные настилы почти всегда опирались на брусья, уложенные в специальные поперечные канавки (*Шрамко Б.А.*, 1987. С. 145). Недавно прекрасно сохранившийся деревянный настил был открыт в могильнике у с. Васильевки в междуречье Псла и Ворсклы (*Кулатова И.Н.*, 1987. С. 7). Он лежал на двух отесанных, квадратных в сечении плахах, для которых в материке были вырыты поперечные канавки. В лесостепном Подонье эта традиция оборудования могил распространяется с V в. до н.э. Но в отличие от других регионов, здесь она надолго переживает скифскую эпоху и неожиданно вновь возрождается в верхнедонских могильниках II–III вв. н.э. (*Медведев А.П.*, 1990. С. 158, 197).

Как известно, одной из специфических особенностей среднедонских курганов V–IV вв. до н.э. считается наличие в полу могил специальных жертвен-

ных ям – бобров (*Либеров П.Д.*, 1965. С. 13). Этим греческим словом В.А. Городцов предложил называть цилиндрические углубления на дне могильных ям, отличающиеся большими размерами, нежели обычные столбовые ямки (*Городцов В.А.*, 1947. С. 18–19). Изредка в них клали мясо жертвенных животных, иногда вместе с железным ножом. В двух случаях оставили сосуды для питья (Частые, к. 3 В.А. Городцова – греческая эйнохоя; Бл. Стояново, к. 8 – лепной кувшин), в одном случае – “ритуальный” сосудик, наполненный белым веществом (Частые, к. 11 П.Д. Либерова) и еще в одном – небольшой бобр прослежен в 11 среднедонских курганах. Наиболее характерны они для погребений группы Частых. В 1995 г. еще два бобра выявлены в Староживотинном могильнике (рис. 48, 2).

Последующие раскопки не подтвердили мнение П.Д. Либерова о зарождении традиции сооружать бобры еще в эпоху средней бронзы (*Либеров П.Д.*, 1971а. С. 109). Во всяком случае, ни в одном из нескольких сот раскопанных в 70–90-е годы среднедонских курганов II тыс. до н.э. они обнаружены не были. Видимо, их действительно нужно признать локальной особенностью среднедонских погребальных сооружений скифского времени, которая проявляется здесь не ранее V в. до н.э.

Представляется, что ее истоки, скорее всего, также могут быть связаны с особенностями оборудования скифских погребальных сооружений. В них иногда фиксировались круглые ямки преимущественно небольших размеров. К моменту раскопок большинство из них уже пустовали, но, судя по остаткам окислов и другим следам, их использовали для помещения бронзовых котлов, изделий из драгоценных металлов, жертвенной пищи и прочего инвентаря. Некоторые ямки играли сугубо культовую роль: использовались для возжигания огня, помещения горячих углей, а возлияний (*Ольховский В.С.*, *Шилов Ю.А.*, 1995. С. 111). И в этом они, несомненно, были близки среднедонским бобрам.

Для среднедонских курганов характерно сосуществование двух способов захоронения – труположения и трупосожжения. Первый являлся господствующим, второй отмечен лишь в 12 курганах (около 10%). Сожжения полностью отсутствовали в Частых Курганах, но занимали заметное место в Мастюгине и Русской Тростянке (*Либеров П.Д.*, 1961. С. 189; *Башилов В.А.*, 1963). Они обнаружены как в насыпях (5 случаев), так и в грунтовых могилах (7 случаев). В большинстве курганов были совершены неполные трупосожжения на месте, от которых обычно сохраняются пятна сильно прокаленного грунта с отпечатками сгоревших деревянных конструкций, включения углей, золы и обожженных кости человека. Иногда в насыпи фиксируются остатки погребального сооружения типа столбового склепа (рис. 46, 3), в одном

случае даже с шатровым перекрытием (*Либеров П.Д.*, 1961. С. 158). Раскопки одного из таких курганов в 1990 г. во II Мастюгинском могильнике позволили мне в общих чертах реконструировать сожженное погребальное сооружение из вертикальных столбов и плетня с глиняной обмазкой, построенное на специально возведенной насыпи. По завершению похорон деревянные погребальные сооружения вместе с покойником поджигались, а затем, еще до полного остывания костра, засыпались землей будущей насыпи.

Кроме явных трупосожжений на месте, на Среднем Дону выделяется серия курганов со следами разведения огня у края могилы, на ее перекрытии, в деревянной гробнице, иногда со свидетельствами поджигания ее деревянных стен, но без сожжения покойника и сопровождающего инвентаря. Только в кургане 3/15 Мастюгинского могильника, видимо, было открыто полное трупосожжение с последующим сыпанием праха покойного в специально выкопанную яму.

Исследователи испытывали затруднения в объяснении причин некоторого распространения обряда кремации на Среднем Дону в скифское время. П.Д. Либеров склонялся к мысли, что он зарождается еще в эпоху бронзы (*Либеров П.Д.*, 1971. С. 460). К.Ф. Смирнов видел в нем одно из проявлений влияния савроматской обрядности на погребальные традиции среднедонского населения (*Смирнов К.Ф.*, 1964. С. 264). Возражая ему, А.И. Пузикова писала, что трупосожжения были органической частью погребального обряда племен Среднего Дона и являлись следствием родовых и внутриведомственных различий (*Пузикова А.И.*, 1971. С. 101). Видимо, это действительно так. Но объяснить, почему одних умерших хоронили в земле, а других частично кремировали, в настоящее время невозможно. Однако это уже другой, в общем-то достаточно частный для нашей темы вопрос, который не освобождает исследователей от поиска истоков этого обычая. Скорее всего, он также уходит корнями в погребальные традиции той части населения лесостепного Днепровского правобережья, которая хоронила соплеменников в курганах. Здесь, по крайней мере уже с эпохи архаики, наблюдался явно выраженный биритуализм захоронений, причем доля сожжений в VII–VI вв. составляет 36%, постепенно снижаясь до 20% к VI–V вв. и уменьшаясь до 7% в IV–III вв. до н.э. (*Ковпаненко Г.Т.* и др., 1989. С. 39, 47). Так же, как и на Среднем Дону, там преобладали неполные трупосожжения на месте в насыпях и грунтовых могилах. Широкое распространение получил обычай поджигания деревянной гробницы.

Существует мнение, что трупосожжения на месте не характерны для курганов Днепровского лесостепного Левобережья. По подсчетам В.А. Ильинской, лишь 2% посульских курганов можно отнести к не-

полным трупосожжениям (*Ильинская В.А.*, 1968. С. 85). Но это в целом для всей скифской эпохи. Однако если проанализировать курганы Посулья только V–IV вв. до н.э. то в них доля сожжений составит 13,2%, что очень близко среднедонскому показателю.

Обращает на себя внимание близость основных типов погребальных сооружений на Среднем Дону и на Среднем Днепре, в которых обычно совершались сожжения. Попутно замечу, что среднедонские трупосожжения весьма существенно отличались от савроматских, на сходстве с которыми неоднократно настаивал К.Ф. Смирнов и его последователи (*Смирнов К.Ф.*, 1984. С. 27). Здесь уместно напомнить, что “савроматские” трупосожжения известны лишь в восточных районах Южного Приуралья (не более 7%) и практически не встречаются в соседнем степном Волго-Донском междуречье (Статистическая обработка, 1994. С. 130).

Положение погребенных удалось определить в 51 случае (39,2% захоронений). Из них большинство (49) были погребены вытянуто, на спине, с прямыми ногами и руками вдоль туловища. Лишь в двух случаях погребенным была придана “поза всадника”, причем в кургане 32/32 Мاستюгинского могильника это был человек, погребенный в дромосе. Положение “скорченно на боку” в среднедонских курганах VI–IV вв. до н.э. не встречено ни разу. Вытянутая на спине поза полностью соответствует нормам погребальной обрядности, установившимся почти у всех народов степной и лесостепной зоны Восточной Европы в самом начале раннего железного века (*Граков Б.Н.*, 1971. С. 64).

Обычно погребенных клали параллельно длинным стенкам могилы, чаще головой в одну сторону, хотя известны среднедонские парные захоронения с противоположной ориентировкой (Мастюгино, к. 25/9). Еще более сложное положение наблюдалось в сохранившихся коллективных погребениях. Так в к. 5 того же могильника, раскопанном в 1908 г., костяки сопровождающих лиц лежали перпендикулярно двум основным (*Макаренко Н.Е.*, 1911. С. 58–59, рис. 64).

Ориентировка умерших является одним из важнейших показателей, связанных с представлениями о загробном мире и их посмертной судьбе (*Бессонова С.С.*, 1990. С. 27). В среднедонских курганах она достоверно установлена лишь в 53 случаях (40,8%). Здесь первое место занимают погребения с юго-западной ориентировкой – 19, затем с северо-восточной – 12, на третьем месте с южной – 11 (рис. 49,а). Однако если учесть отклонения от преобладающей ориентировки к югу и западу, то все вместе они составят 31 погребение (58,5%). С учетом отклонений весьма существенной оказывается и доля ориентировки в северо-восточный сектор – 18 погребений (34%). Обращает на себя внимание очень незначительное число строго широтных ориентировок го-

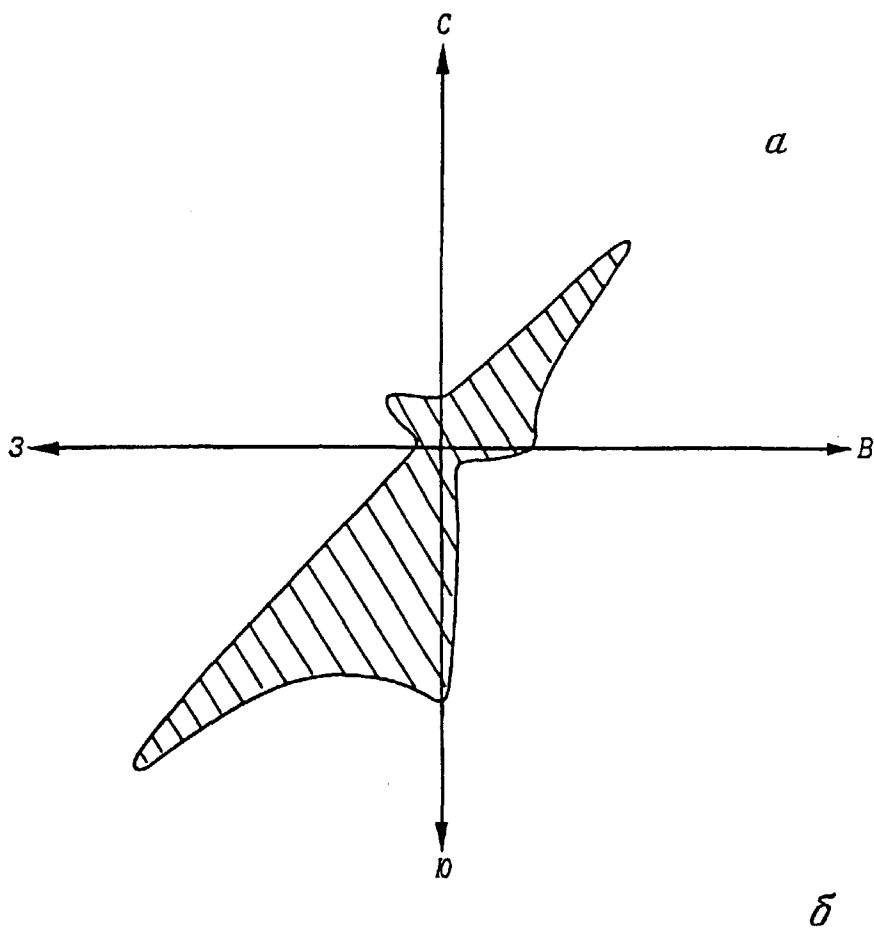
ловой на запад и еще реже на восток, как известно, доминирующих в скифское время у кочевого населения степей Восточной Европы.

Представляется, что характерный для среднедонских курганов спектр ориентаций погребенных может объяснить гипотеза, построенная на основе использования матрицы-определителя сезонных ориентировок (*Генинг В.В., Генинг В.Ф.*, 1985. С. 140, табл. III). Если принять во внимание, что наибольшая смертность у населения степной и лесостепной зон приходилась на наиболее трудное и холодное время года, то преобладающая на широких воронежских курганах (51–52° с.ш.) юго-западная ориентировка при условии традиционной ориентации по заходу солнца окажется сезонным зимним отклонением от господствующей в Скифо-Савроматском мире западной (рис. 49,б, левая часть)⁴. То же самое следует сказать и о группе среднедонских погребений с северо-восточной ориентацией, которые могли появиться при исходной традиции восточной ориентировки только в зимнее время. В таком случае почти полное отсутствие в среднедонских курганных могильниках строго западных, весенне-осенних (всего 1) и северо-западных, летних (всего 3) ориентировок и соответственно строго восточных (4) и юго-восточных (1) трудно истолковать иначе, как свидетельство регулярных откочевок весной, летом и осенью групп среднедонского населения, хоронивших сородичей в курганных некрополях⁵. Правомочность выбора именно этой гипотезы находит подтверждение и в более поздних сарматских могильниках Донской лесостепи с иными исходными ориентировками, но где также доминировали зимние отклонения.

В курганах Среднего Дона совершались одиночные, парные и коллективные погребения. Численно преобладали первые, доля двух последних в среднем по региону составляет около 25%, достигая 40% в Мاستюгине (*Либеров П.Д.*, 1965. С. 15). В действительности их было, видимо, гораздо больше, так как многие погребальные сооружения особенно III и IV типов многократно превышали площадь, необходимую для одного погребенного. Высокая степень разграбления могил затрудняет определение точного числа погребенных в большинстве из раскопанных курганов. Однако достоверно установлено, что в некоторых из могил находились по три скелета (Мастюгино, к. 16/36, к. 32/32, к. 46/26, Бл. Стояново, к. 8), а в большом столбовом склепе к. 5 Мастюгинского

⁴ Ориентация покойного головой на закат солнца находит соответствия в иранских погребальных традициях (*Хлопин И.Н.*, 1983. С. 127).

⁵ На возможность совершения погребений в зимнее время впервые обратила внимание А.И. Пузикова, обнаружив свидетельства оттаивания мерзлого грунта под насыпью кургана 10 у с. Дуровка (*Пузикова А.И.*, 1969а. С. 82). Погребенный в нем воин имел юго-западную ориентировку.

б

	по заходу солнца				по восходу солнца					
	лето	осень	зима	весна	всего ориентировок		лето	осень	зима	весна
свер	СВ	С 2	СВ	С	2	0	СЗ	С	СВ	С
восток	ЮВ 1	В 4	СВ 12	В	17	0	СВ	В	ЮВ	В
юг	ЮЗ	Ю	ЮВ	Ю 11	11	31	ЮВ 1	Ю	ЮЗ 19	Ю 11
запад	СЗ 3	З 1	ЮЗ 19	З	23	0	ЮЗ	З	СЗ	З
всего	4	7	31	11	53	31	1	0	19	11

Рис. 49. Ориентировка погребенных в среднедонских курганах скифского времени: а – график распределения ориентировок по странам света; б – матрица определения сезонных ориентировок

могильника лежали четыре костяка (Макаренко Н.Е., 1911. С. 58–59, рис. 64).

Судя по антропологическим определениям и характерному инвентарю, в среднедонских курганных некрополях преобладают мужские погребения (51). Количество основных женских и детских захоронений очень невелико (Березуцкий В.Д., 1995. С. 9)⁶. В коллективных и парных разнополюх погребениях, где остатки погребен-

ных и инвентаря сохранились *in situ*, доминирующее положение занимали мужчины-воины. Мужской, подчеркнуто воинский и всаднический характер большинства погребений открывает новые перспективы для использования их в качестве важнейшего источника по социальной и этно-

⁶ Атрибуция трех курганов могильника Терновое I как погребений "амазонок" (Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1995. С. 101) далеко не бесспорна из-за полного разрушения костяков, что делает невозможным определение основных и сопровождающих захоро-

нений, не говоря уж об установлении принадлежности им уцелевшего инвентаря. В могилах столь больших размеров на Среднем Дону, как правило, совершались не одиночные, а парные или коллективные захоронения, на что указывает и наличие дромосов для повторных подзахоронений. М.В. Козловская не обнаружила сколько-нибудь выраженных антропологических признаков амазонок-всадниц ни на одном из женских костяков могильника Терновое I (Козловская М.В., 1996. С. 146).

культурной истории лесостепного Подонья в скифское время. Особой информативностью обладают комплексы сопровождающего погребального инвентаря.

СОПРОВОЖДАЮЩИЙ ИНВЕНТАРЬ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ПОГРЕБЕННЫХ

Для хорошо сохранившихся мужских погребений почти всегда обязательен характерный набор наступательного и защитного вооружения. В его состав входили мечи, копья, дротики, колчаньи наборы со стрелами, железные чешуйчатые панцири, боевые пояса, изредка поножи.

Железные мечи найдены в 14 курганных погребениях (11,6% погребений), в том числе в двух по два экземпляра (Дуровка, к. 9 и к. 15). Их клали как слева, так и справа от погребенных. Преобладают мечи средних размеров длиной от 55 до 70 см, но примерно треть экземпляров длинные — от 80 до 95 см (рис. 50). У всех клинки имеют форму вытянутого к острию треугольника. Почти половина мечей из курганных погребений имеет уплощено-овальное навершие и ложнотреугольное перекрестие (рис. 50, 1–4). Несмотря на индивидуальные особенности декора рукоятей, их следует отнести к 3-му типу мечей классификации А.И. Мелюковой (Мелюкова А.И., 1964. С. 51, табл. 18, 3, 6, 9). Такие мечи наиболее характерны для Скифии IV в. до н.э. и очень редко встречаются за ее пределами. Один из мечей этого типа имел ажурную рукоять и такое же навершие (рис. 50, 5), близкое мечу из Хвощевой лесной дачи. Скорее всего, местным дериватом мечей 3-го типа является экземпляр из к. 17 Русской Тростянки с рукоятью, обложенной берестой, деревянным подпрямоугольным навершием и деревянным же ложнобабочковидным перекрестием (рис. 50, 6).

По конструкции рукояти меч из к. 7 того же могильника близок наиболее ранним прохоровским мечам с прямым навершием и изломанным под углом перекрестием (рис. 50, 7), что признавали все исследователи. Оригинален длинный меч из к. 38 Староживотинного могильника, хорошо датированный по найденной вместе с ним гераклейской клейменной амфоре второй-третьей четвертью IV в. до н.э. (рис. 50, 8). Он имеет обычное для скифских акинаков волутообразное навершие и совершенно нехарактерное для этого времени прямое перекрестие. находка этого меча еще раз подтвердила предположение П.Д. Либера о существовании на Среднем Дону в скифское время местного центра оружейного производства (Либера П.Д., 1969. С. 20). Наконец, недавние раскопки показали, что в среднедонских курганах ближе к

концу IV в. до н.э., появляются мечи синдо-меотского типа, классические образцы которых найдены А.И. Пузыковой в кургане 15 Дуровского могильника (рис. 50, 9).

Интересно, что ни в одном из курганов Донского Правобережья пока не найдены кинжалы. П.Д. Либера пытался объяснить этот факт хронологическими причинами, предположив, что кинжалы могли появиться здесь несколько раньше мечей (Либера П.Д., 1965. С. 16). Однако кинжалы широко представлены в пограничных районах случайными находками главным образом в Левобережье (рис. 51, 12–19), причем среди них есть довольно многочисленная серия кинжалов конца V–IV вв. до н.э. с навершием в виде пары когтей хищной птицы, т.е. того же времени, что и основная масса мечей из курганов. Большинство из них принадлежало типам, более характерным для савроматов и особенно кочевников Приуралья (Горбунов В.С., Исмаилов Р.Б., 1976. С. 240–242, рис. 1, 9–11). Бросающееся в глаза типологическое отличие мечей из среднедонских курганов и большинства случайных находок из Левобережья, возможно, отражает весьма существенные особенности в оружии их владельцев. Они могли быть обусловлены не только их различным социальным статусом, но и разнокультурными традициями в его декоративном оформлении.

Копья (не менее 29 экз.) встречены в 24 среднедонских погребениях (20%). В некоторых из них находилось по два экземпляра. Среднедонские наконечники копий принадлежали весьма распространенным скифским типам. В более ранних погребениях еще встречались экземпляры со следами продольного ребра вдоль пера (рис. 52, 1), близкие 3-му варианту 2-го типа классификации А.И. Мелюковой (Мелюкова А.И., 1964. С. 37–38). В основной же массе погребений V–IV вв. до н.э. обнаружены наконечники с характерным остролистым пером уже без продольного ребра (рис. 52, 2–6). Возможно, местную особенность составляет обладание наконечников копий с длинными втулками, равными или даже превышающими по длине перо.

Дротики вместе с железными подтоками (60 экз.) входили в состав инвентаря как минимум 34 курганных погребений (28,3%). Судя по наконечникам, все они принадлежали одному типу с узким жаловидным пером и очень длинной тонкой втулкой (рис. 52, 7–12). Этот тип преобладал в скифских погребениях V–IV вв. до н.э. (Мелюкова А.И., 1964. С. 45). Более ранние наконечники дротиков с короткой втулкой известны на Среднем Дону лишь по случайным находкам (рис. 59, 8). Большинство среднедонских дротиков имели характерные рюмкообразные подтоки, редко встречающиеся в других регионах (рис. 52, 13). Исследовате-

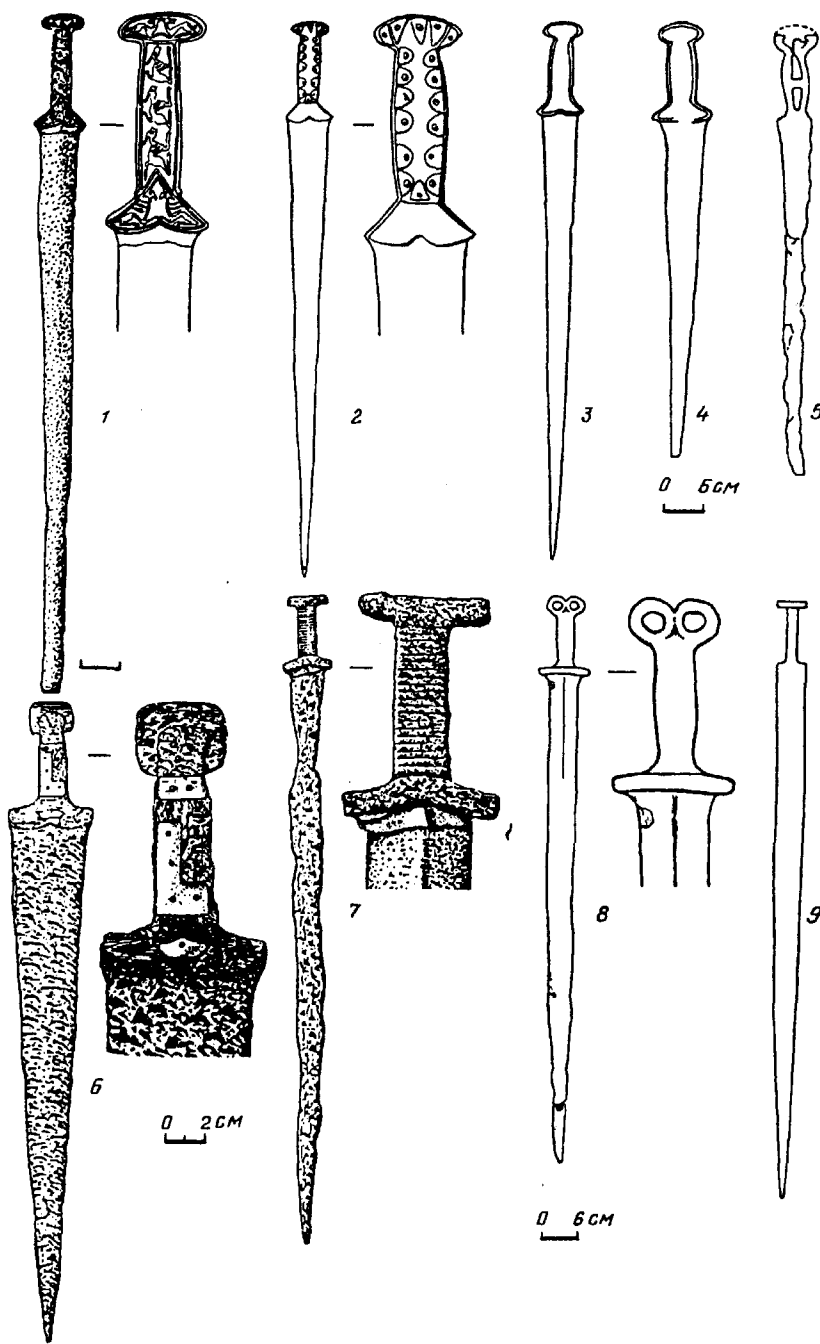

Рис. 50. Мечи из погребений среднедонских курганов скифского времени

1 - Частые Курганы, к. 3; 2-3 - Дуровка, к. 9; 4 - Дуровка, к. 10; 5 - Ближнее Стояново, к. 8, п. 1; 6 - Русская Тростянка, к. 17; 7 - Русская Тростянка, к. 7; 8 - Староживотинное, к. 38; 9 - Дуровка, к. 15

ли видят в этой детали еще одну особенность вооружения населения Среднего Дона в скифское время (Мелюкова А.И., 1964. С. 45). Дротики, как и копья, обычно лежали вдоль стен могильных ям. Их длина достигала 2,3-2,5 м (Пузикова А.И., 1969. С. 94).

Широкое использование метательных желез-

ных дротиков, видимо, действительно являлось одной из специфических особенностей вооружения населения Среднего Дона в скифское время (Либеров, 1965. С. 16). Более чем в половине погребений дротики встречались по два и более экземпляров, максимально до 9. Возможно, очень большое количество находок дротиков на Среднем Дону сви-

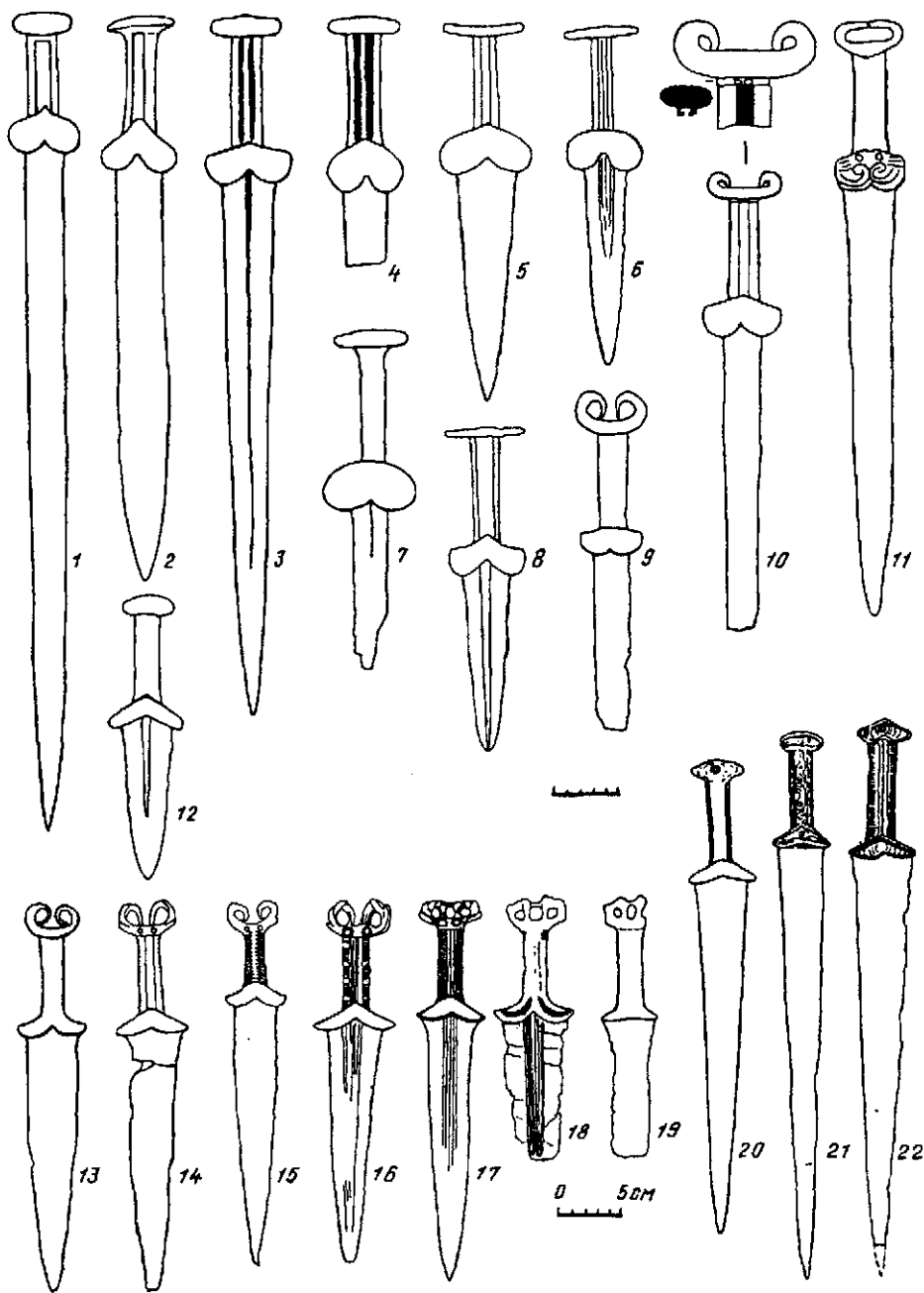

Рис. 51. Случайные находки акинаков с территории лесостепного Подонья

1 - Инясево; 2, 8 - Тамбов; 3 - Туголуково; 4 - Юго-восток Тамбовской области; 5 - Павловск; 6 - Черниговка; 7 - Дубравный; 9 - Гороховка; 10 - Борисоглебск; 11 - Тынково; 12 - Капитанщино; 13-14 - Анна; 15 - Афанасьевка; 16 - Пиликовка; 17 - Садовка; 19 - Хлебное; 20 - Чичерино; 21 - Ключ; 22 - Конь-Колодезь

детельствует о возросшей потребности в этом виде оружия для борьбы с щитоносной пехотой (Мелюкова А.И., 1964, С. 45).

И все же наиболее распространенным видом наступательного вооружения среднедонского населения был лук и стрелы. На Среднем Дону остатки луков скифского времени пока не обнаружены.

Зато колчаные наборы или чаще их жалкие остатки встречены в 68 погребениях (56,6%). Они включали как бронзовые втульчатые наконечники стрел наиболее распространенных скифских типов конца VI-IV в. до н.э. 464 экз. (рис. 52, 14-30), так и местные железные втульчатые V-IV вв. до н.э. Последние представлены двумя основными типа-

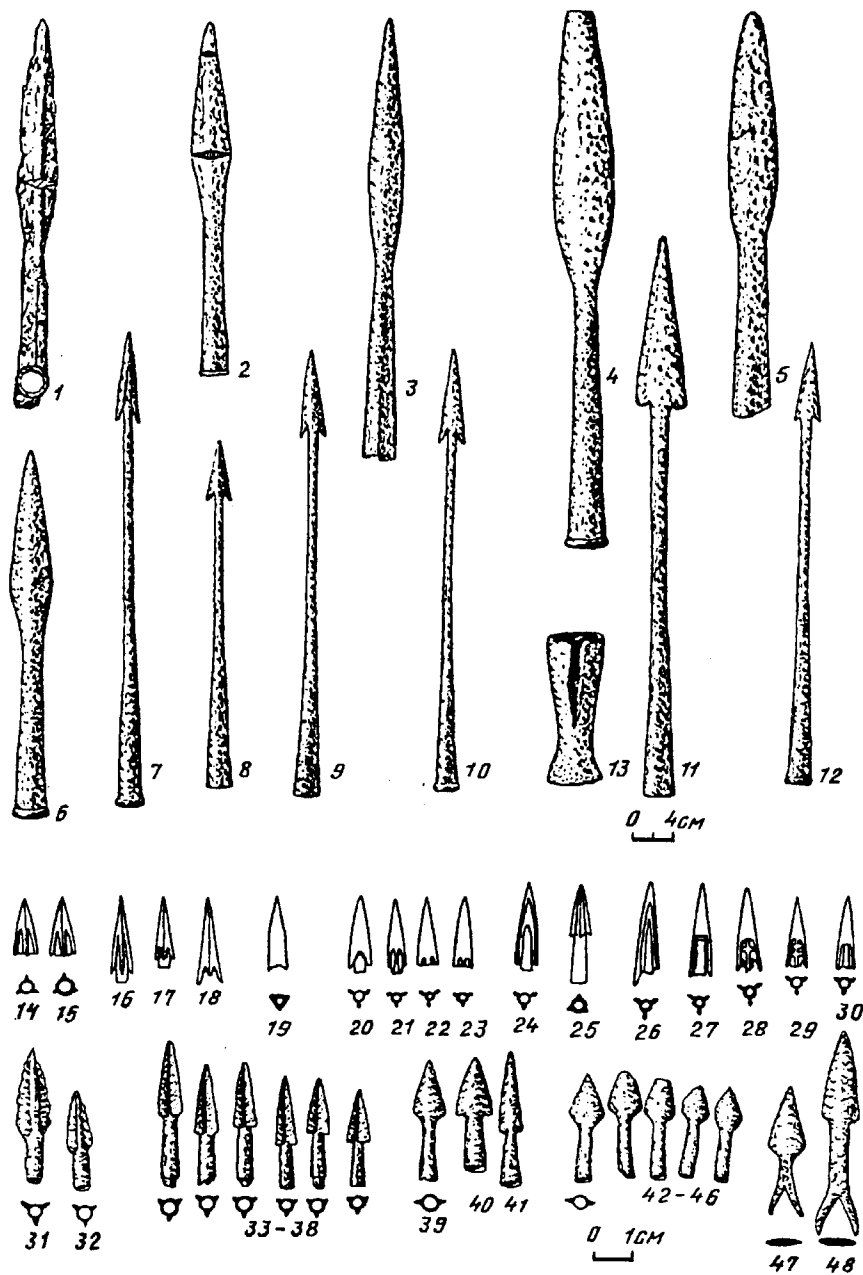

Рис. 52. Наконечники копий, дротиков и стрел из курганов скифского времени лесостепного Подонья
 1, 39-41, 47-58 - Мастогино, к. 2 1908 г.; 2 - Мастогино, к. 3; 3 - Частые Курганы, к. 11/2; 4, 11-12 - Частые Курганы, к. 12 ВУАК; 5 - Частые Курганы, к. 31/3; 6-8, 33-38 - Русская Тростянка, к. 17; 9-10, 20-23 - Русская Тростянка, к. 13; 13-19 - Мастогино, к. 29/21; 14-18 - Частые Курганы, к. 8 ВУАК; 24 - Русская Тростянка, к. 14; 25 - Частые Курганы, к. 11 ВУАК; 26-30 - Мастогино, к. 16/30; 31-32 - Частые Курганы, к. 1 ВУАК; 42-46 - Мастогино, к. 4/20

ми: трехлопастными - 1758 экз. (рис. 52, 31-38) и плоскими - 453 экз. (рис. 52, 39-46). Иногда в курганах встречались плоские наконечники с черешком, расщепленным в виде "ласточкина хвоста" (рис. 52, 47-48). Крайне редко в состав колчаных наборов входили костяные наконечники стрел (Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1995, рис. 7, 10-14).

В погребениях содержалось от нескольких штук до несколько сот экземпляров стрел, причем и бронзовые и железные наконечники часто входили в состав одних и тех же колчаных наборов. Абсолютное преобладание железных втульчатых наконечников стрел (80,3%) составляет еще одну локальную особенность вооружения населения Сред-

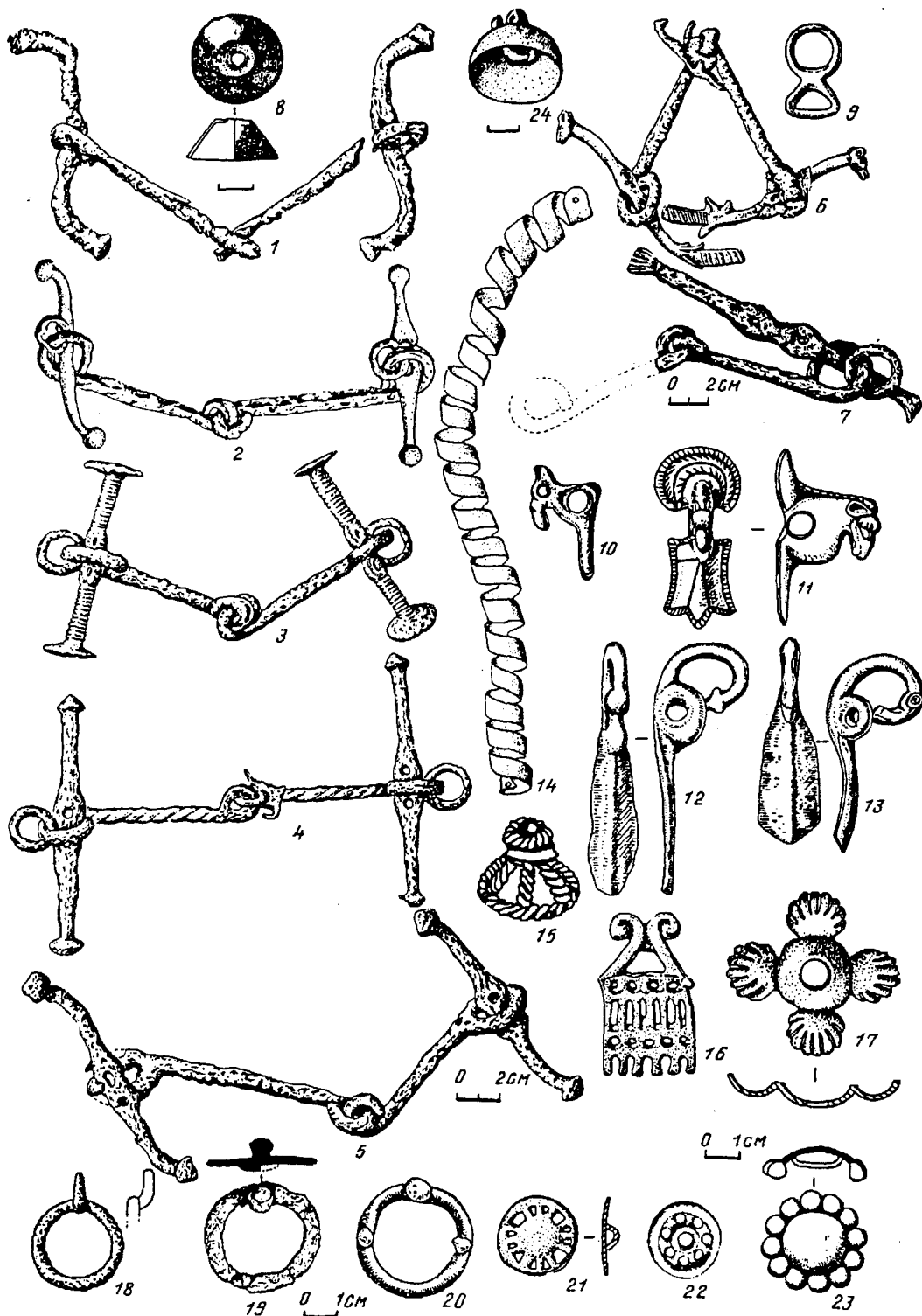

Рис. 53. Снаряжение коня из курганов скифского времени лесостепного Подонья

1, 8 – Частые Курганы, к. 7; 2, 22 – Мастюгино, к. 7; 3, 6, 9 – Русская Тростянка, к. 13; 4, 11, 17 – Частые Курганы, к. 11/2; 5, 13, 24 – Частые Курганы, к. 1; 7 – Русская Тростянка, к. 7; 10, 18 – Русская Тростянка, к. 18; 12 – Дуровка, к. 1; 14 – Мастюгино, к. 2; 15 – Дурова, к. 15; 16 – Русская Тростянка, к. 14; 18 – Русская Тростянка, к. 18; 19 – Русская Тростянка, к. 9; 20 – Частые Курганы, к. 38/16; 21 – Русская Тростянка, к. 17; 23 – Частые Курганы, к. 10

него Дона V–IV вв. до н.э. (Либеров П.Д., 1965. С. 16), хотя в это время последние известны на Нижнем Дону, Кубани и у савроматов Поволжья, но в гораздо меньшем количестве. Плоские же железные наконечники, безусловно, представляют местный тип.

Остатки панцирей и отдельные панцирные пластины найдены в 25 погребениях (20,8%). Но по некоторым памятникам этот показатель еще внушительнее. Так, в Частых Курганах на 33 погребения скифского времени приходится не менее 11 захоронений с панцирями, т.е. каждое третье. По этому показателю курганы Среднего Дона занимают одно из самых высоких мест в Скифском мире. Следует отметить, что панцири появляются уже в наиболее ранних погребениях воронежских могильников конца VI–начала V в. до н.э. (Частые, к. 7 и к. 8 ВУАК; Мастюгино, к. 29/21).

Изучение среднедонских панцирей убедило П.Д. Либерова, что они имеют полную типологическую связь со скифскими (Либеров П.Д., 1971. С. 28). Некоторые из них отличались особо роскошным декором. Так, например, у доспеха из кургана 11/16 Мастюгинского могильника каждая панцирная чешуйка была плакирована золотом. Прочие виды защитного доспеха представлены значительно реже. Напомню лишь два случая находок бронзовых греческих кнемид в Мастюгинских курганах, причем одна пара была позолоченной (Макаренко Н.Е., 1911. С. 52–56). Установлено, что панцири, как и вообще защитное вооружение, встречались далеко не во всех, а преимущественно лишь в аристократических скифских погребениях (Мелюкова А.И., 1964. С. 69; Черненко Е.Н., 1968. С. 166–167; Хазанов А.М., 1975. С. 186).

В целом предметы вооружения были найдены более чем в 90 из 120 среднедонских курганных комплексов, т.е. не менее чем в 75% погребений. Это очень высокий показатель, сопоставимый, пожалуй, только лишь с более ранними дружинными курганами Посулья, где из 77 погребений VI в. до н.э. 66 (85,7%) принадлежали мужчинам-воинам (Ильинская В.А., 1968. С. 84). Скорее всего, обилие предметов вооружения отражает определенную политическую и социальную обстановку, сложившуюся в изучаемом регионе в скифское время. Складывается впечатление, что в жизни среднедонского населения, погребавшего своих соплеменников в курганах, война играла ничуть не меньшую роль, чем у воинственных степных кочевников, будь то скифы или савроматы.

Для среднедонских курганов не характерны захоронения верховых коней, хотя в старой литературе такие находки и упоминаются (Замят-

нин С.Н., 1946. С. 23). Здесь коней заменяли символическим положением узды по характерному для архаического культа принципу pars pro toto. Остатки снаряжения боевого коня встречаются не менее 52 раз (43,3%). Среди них 34 экз. железных удилов с псалиями и без них (рис. 53, 1–7), налобники (рис. 53, 10–13), наносники, нащечники (рис. 54, 22–23), различные бляхи (рис. 54, 1–6, 15) и подвески (рис. 53, 16–17, 22; 54, 9–14, 19), ворварки (рис. 53, 8), колокольчики (рис. 53, 24) и прочие украшения уздечки, а также подпружные пряжки (рис. 53, 9, 18–20). Наличие специальной статьи А.И. Пузиковой по уздечным наборам воронежских курганов освобождает меня от подробного описания и классификации этой категории инвентаря (Пузикова А.И., 1980. С. 38–52). Она убедительно доказала сходство декоративных деталей местной узды с конским снаряжением Днепровского лесостепного Право- и Левобережья. В то же время ею отмечено появление местных среднедонских форм уздечных наборов с конца V–IV в. В некоторых погребениях встречалось не по одному экземпляру, а по две–три и даже по четыре пары удили. В экипировку конных воинов входили и нагайки, богато украшенные золотыми спиральными лентами (рис. 53, 14) и золотым навершием (рис. 53, 15). Как известно, положение в могилу конской упряжи и нагаек является надежным свидетельством принадлежности погребенного к всадничеству.

Среднедонские курганы отличает довольно высокий процент погребений с изделиями звериного стиля – этого почти универсального искусства кочевников Евразии скифского времени. Они встречаются не менее чем в 50 захоронениях (41,6%) и насчитывают свыше 300 предметов (рис. 54). Среди них изделий из золота 222 экз. (74%), бронзы – 60 (20%), серебра – 10 (3,3%), железа – 8 (2,7%) и кости – 6 экз. (2%). Обращает на себя внимание незначительное число изделий из кости что, скорее всего, объясняется относительно поздним временем большинства среднедонских комплексов, когда кость и рог уже почти не употреблялись для этих целей. Не вызывает сомнений принадлежность основной массы изделий местного звериного стиля к продукции профессионально-ремесленного искусства.

По частоте встречаемости образы животных распределяются в следующем порядке: грифон и львогрифон – 181 экз. (60,3%), кабан – 34 (11,3%), хищная птица – 24 (8%), олень – 23 (7,7%), медведь – 10 (3%), волк – 11 (2,7%), лошадь – 6 (2%), собака – 6 (2%), лось – 2 (0,7%), баран – 2 (0,7%), фантастические животные – 7 экз. (2,3%). Они принадлежали к изделиям скифского звериного стиля, в большинстве случаев с уже вполне сформировав-

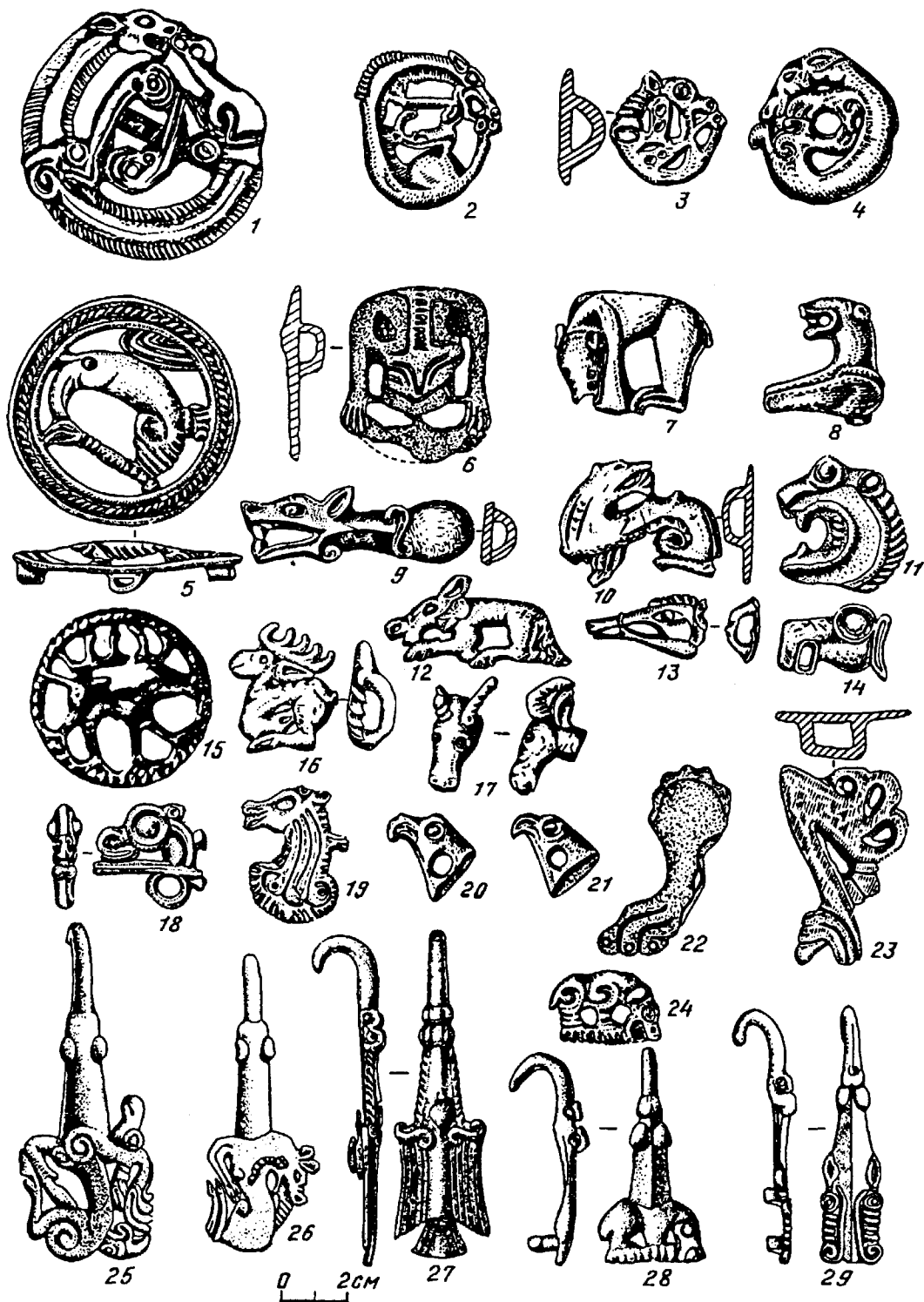

Рис. 54. Изделия в зверином стиле из курганов скифского времени лесостепного Подонья

1 – Староживотинное (грабительские раскопки); 6 – Староживотинное, к. 22; 22 – Староживотинное, к. 6; 2, 7, 8 – Частье Курганы, к. 8; 4, 5, 16 – Частье Курганы, к. 1. ВУАК; 11, 13 – Частье Курганы, к. 7; 12 – Частье Курганы, к. 11/2; 14 – Частье Курганы, к. 10 1955 г.; 10, 17, 28 – Частье Курганы, к. 11 ВУАК; 20 – Частье Курганы, к. 38; 25 – Частье Курганы, к. 12; 29 – Частье Курганы, к. 10 ВУАК; 23 – Мастюгино, к. 2/23; 26 – Мастюгино (сборы А.А. Спицына), 27 – Мастюгино, к. 47/30; 3 – Русская Тростянка, к. 10; 18 – Русская Тростянка, к. 14; 9, 19, 24 – Дуровка, к. 9; 15 – Дуровка, к. 14.

шимися локальными особенностями (Либеров П.Д., 1976. С. 140–141).

А.И. Шкурко убедительно удалось доказать производный характер наиболее ранних изделий звериного стиля из курганов Среднего Дона от образцов VI–V вв. до н.э. Днепровского лесостепного Левобережья. Его обособление начинает проявляться не ранее конца V в. до н.э. А в IV в. до н.э. здесь складывается оригинальное, несомненно местное, искусство, тогда как в Среднем Поднепровье происходит явный упадок собственного художественного творчества (Шкурко А.И., 1976. С. 99).

Исследователи давно обратили внимание на теснейшую связь находок скифского звериного стиля с погребениями воинов, в основном воинской аристократии (Rostovzeff M., 1929. P. 67; Граков Б.Н., 1954. С. 170; Хазанов А.М., Шкурко А.И., 1976. С. 41–42). Это заключение в полной мере можно распространить и на Средний Дон, где наблюдается высокая степень встречаемости находок звериного стиля с предметами наступательного и оборонительного вооружения, а также конской упряжи. Безусловно, это один из видов престижного искусства, произведения которого созданы для демонстрации, ориентированы на зрителя.

Общую категорию изделий в зверином стиле составляют *поясные крючки* (рис. 54, 25–29). Они изготавливались из различных материалов: бронзы (9 экз.), железа (9), железа в золотой оковке (2), железа в бронзовой оковке (1), кости (1), рога (1 экз.). Почти все они имеют характерное декоративное оформление: на широком конце имеется зооморфное изображение, узкий, загнутый в крючок стержень обычно украшен стилизованной головкой хищной птицы или представляет собой загнутый конец хвоста или же иногда заднюю часть туловища зверя (Гуляев В.И., 1969. С. 116). Ни один регион не дал такого обилия поясных крючков, как Средний Дон, к тому же обладающих рядом местных особенностей. Поэтому вслед за П.Д. Либеровым следует признать в них еще один, весьма своеобразный элемент культуры населения, хоронившего соплеменников в среднедонских курганах. На поселениях они пока не найдены.

О высоком социальном статусе погребенных в среднедонских курганах свидетельствуют и довольно частые – более чем в 70 погребениях (60%) – находки *изделий из драгоценных металлов*. Среди них абсолютно преобладают золотые нашивные бляшки на одежду или погребальные пологи, сохранившиеся в 40 погребениях (30%), единичные находки мелких золотых бляшек и целые их комплексы, насчитывающие сотни экземпляров (до 600 в к. 1 у с. Дуровка и до 800 в к. 11 Частых из раскопок ВУАК). Большинство из них обнаруживают прямые аналогии в погребениях

скифской знати, в том числе в курганах ранга “царских” (Пузикова А.И., 1966. С. 87–89). В отдельных, наиболее выдающихся захоронениях находились такие ценные и явно высокопрестижные вещи, как золотая бляха с чеканным антропоморфным изображением из 1-го Дуровского кургана (рис. 57, б).

В то же время *орудия труда*, не считая обычных железных ножей (рис. 55, 1–4), входили в состав инвентаря среднедонских курганов крайне редко – не более 6 случаев (Мастюгино, к. 2 А.А. Спицына; Частые, к. 7 ВУАК; к. 34 П.Д. Либерова и к. 28 Ю.П. Матвеева). Весьма показателен набор железных изделий из к. 7 группы Частых: топор, тесло, мотыжка, железное острие (рис. 55, 6–9), т.е. инструменты, скорее всего, связанные с процессом создания дерево-земляного погребального сооружения. Видимо, для тех же целей использовался железный кельт из к. 5 группы Частых 1927 г. (рис. 55, 10) и железное орудие в виде совка из к. 2 Мастюгинского могильника (рис. 55, 13). К тому же из трех найденных в курганах железных топоров, два обладают слишком узкими и слегка прогнутыми лезвиями (рис. 55, 11–12). Они могли служить и в качестве боевых (*Ильинская В.А.*, 1968. С. 92). Обращает на себя внимание и почти полное отсутствие в среднедонских курганах находок глиняных пряслиц, обычных для скифских женских погребений.

Явно нехозяйственное назначение имели два длинных бронзовых ножа специфической формы из кургана 8 группы Частых (рис. 55, 5). Не вызывает сомнений их принадлежность к группе так называемых жертвенных ножей, обычно встречаемых парами в сакских (*Яблонский Л.Т.*, 1996. С. 33, табл. 17, 67–68), скифских (*Яценко И.В.*, 1959. С. 48), лесостепных Право- (*Петренко В.Г.*, 1967. С. 27; *Смирнова Г.И.*, 1993. С. 112, рис. 7, 5) и Левобережных (*Ильинская В.А.*, 1968. С. 98–99) курганах. Большинство парных бронзовых ножей найдены в архаических погребениях и очень редко заходят в V в. до н.э.

Для воссоздания социокультурного облика среднедонского населения весьма важно то, что в курганах полностью отсутствуют специализированные орудия земледельческого труда. Здесь не найдено никаких свидетельств употребления растительной пищи, нет следов каких-либо земледельческих культов, хорошо известных по курганам Днепровского Правобережья и Повороскля (*Шрамко Б.А.*, 1987. С. 145–149).

Зато примерно в трети курганных погребений обнаружены *остатки мясной заупокойной пищи*. В качестве жертвенного животного использовали лошадь – 34 раза (48,6%), затем крупный рогатый скот – 18 раз (25,7%), чуть меньше мелкий рогатый скот – 16 раз (22,8%), очень ред-

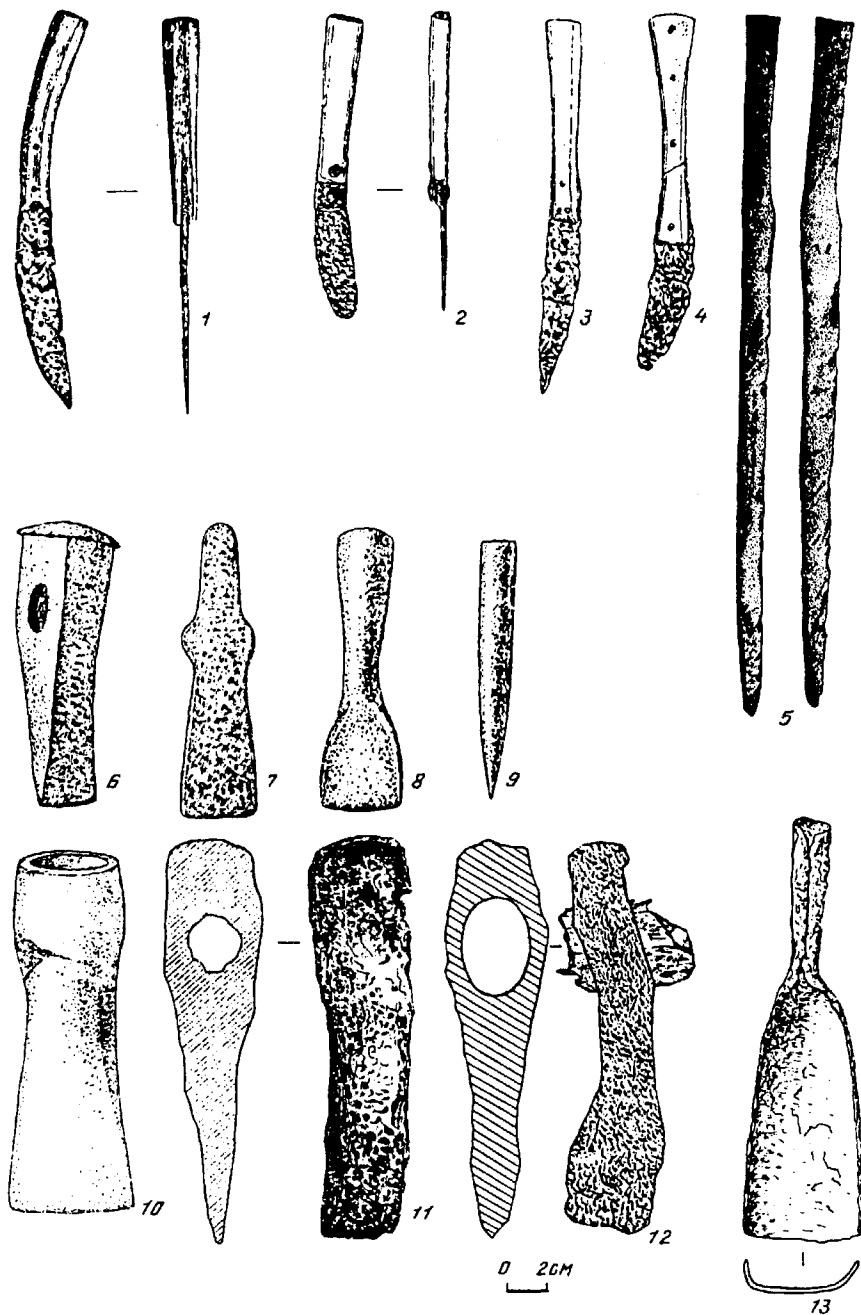

Рис. 55. Ножи, топоры, кельты и другие орудия труда из курганов скифского времени лесостепного Подонья

1 – Мастогино, к. 27/4; 2 – Мастогино, к. 46/29; 3 – Мастогино, к. 3; 4 – Мастогино, к. 5; 13 – Мастогино, к. 2 1908 г.; 5 – Частые Курганы, к. 8; 6–9 – Частые Курганы, к. 7; 10 – Частые Курганы, к. 5 1927 г.; 11 – Частые Курганы, к. 34; 12 – Частые Курганы, к. 28 1981 г.

ко свиней – 2 раза (2,8%) и также редко диких животных (Либеров П.Д., 1965. С. 14, табл. III). Видовой состав животных, используемых для тризны и в качестве напутственной пищи погребенным, косвенно свидетельствует если не о подвижном образе жизни этого населения, то по крайней мере о сохранении им некоторых номадических тра-

диций, в частности предпочтение для этих целей конины. Для сравнения в табл. 8 приведены данные по основным видам жертвенных животных у скифов и савроматов. Из нее видно, что по этому показателю скотоводы Среднего Дона стояли гораздо ближе к причерноморским скифам нежели савроматам, у которых в стаде преобладали ов-

Таблица 8. Состав мясной заупокойной пищи в среднедонских, скифских, савроматских и лесостепных правобережных курганах V–IV вв. до н.э.

Вид	Средний Дон	Скифы	Савроматы	Днепровское правобережье
лошадь	48,6%	41,7%	22,9%	19,5%
кр.р. скот	25,7%	23,8%	3,3%	31%
м.р. скот	22,8%	32%	45,9%	35,4%
свиньи	2,8%	–	–	0,9%
собаки	2,8%	единичные	единичные	4,4%
птицы	–	единичные	0,6%	0,9%
дикие	2,8%	–	–	8%

Статистические данные по остеологическому материалу взяты по Среднему Дону из Свода П.Д. Либерава, 1965; по скифам – из монографии Н.А. Гавилюк, 1989; по савроматам – из монографии "Статистическая обработка...", 1994; по Днепровскому лесостепному Правобережью – из Свода В.Г. Петренко, 1967.

цы – надежный индикатор более выраженного кочевого хозяйства.

На Среднем Дону покойнику обычно оставляли в могиле отдельные части туши животных: бок лошади или коровы, иногда тушку барана, причем в отличие от савроматов чаще вместе с головой и очень редко обезглавленную. В мясо почти всегда втыкали железный нож (свыше 50 случаев). Эта традиция была широко распространена у различных кочевых народов юга Восточной Европы на протяжении всего раннего железного века, начиная от ранних скифов и кончая поздними сарматами.

В ряде среднедонских погребений мясная пища определенно помещалась в литой бронзовый котел скифского типа (рис. 56, 1–4). Котлы, их фрагменты или выброшенные из них грабителями кости животных со следами бронзовых окислов зафиксированы не менее чем в 24 погребениях (18%). Эта чисто кочевническая традиция – варить мясо в котле, подробно описанная "отцом истории" (Herod., IV, 61), из всех лесостепных регионов наиболее ярко проявилась на Среднем Дону.

Типологический анализ скифских бронзовых котлов позволил объединить в один (третий) тип котлы Среднего Поднепровья, Посулья и Среднего Дона (Боковенко Н.А. 1990. С. 171), что, видимо, подтверждает их генетическую близость. Как и скифские, большинство среднедонских котлов имели вертикальные ручки с тремя выступами. Но в отличие от скифских почти у всех среднедонских экземпляров под ручками располагались рельефные "усики" в виде волют – важная декоративная деталь, больше практически нигде не известная. Она свидетельствует не только о локальном своеобразии среднедонских котлов, но и о их местном производстве (Пузикова А.И., 1966. С. 90).

Единичными находками представлены в среднедонских курганах бронзовые котлы с одним выступом на ручке и рельефным "веревочным" орнаментом по середине тулова, скорее всего имеющие савроматские истоки (Смирнов К.Ф., 1964. С. 132, рис. 41, 4а; 70А, 4; Максименко В.Е., 1983, рис. 54, 8). По-видимому, далеко не случайно, что последние найдены только в курганах у с. Дуровки, где наиболее ярко проявилось культурное влияние кочевого мира Нижнего Подонья. Но любопытно, что на одном из котлов с веревочным орнаментом имеются и "усы" – признак его местного производства (рис. 56, 5).

Хорошо известно, что как у ранних, так и у поздних кочевников котлы использовались не только по их прямому утилитарному назначению – для варки мяса, но и несли важную смысловую нагрузку. По весьма аргументированному мнению С.А. Плетневой, у номадов котлы были символами, единства, сплоченности коллектива, окружавшего вождя (Плетнева С.А., 1982. С. 22–23). На такое их назначение указывает рассказ Геродота о скифском царе Арианте, приказавшем отлить гигантский котел вместимостью в 600 амфор из наконечников стрел, принесенных каждым из подданных ему скифов (Herod., IV, 81).

Среди погребального инвентаря наиболее богатых среднедонских курганов особое место занимала столовая серебряная посуда – круглодонные кубки для питья и ритоны (рис. 57, 1–2, 5). О культовом значении последних у скифов, как и в иранском мире в целом, имеются многочисленные иконографические и археологические материалы (Раевский Д.С., 1977. С. 30–36; Рябова В.А., 1986. С. 147–149; Бессонова С.С., 1990. С. 30). Присутствие таких сосудов в могилах указывало на особый прижизненный статус владельцев. Поэтому, возможно, не случайно оба серебряных ритона, счи-

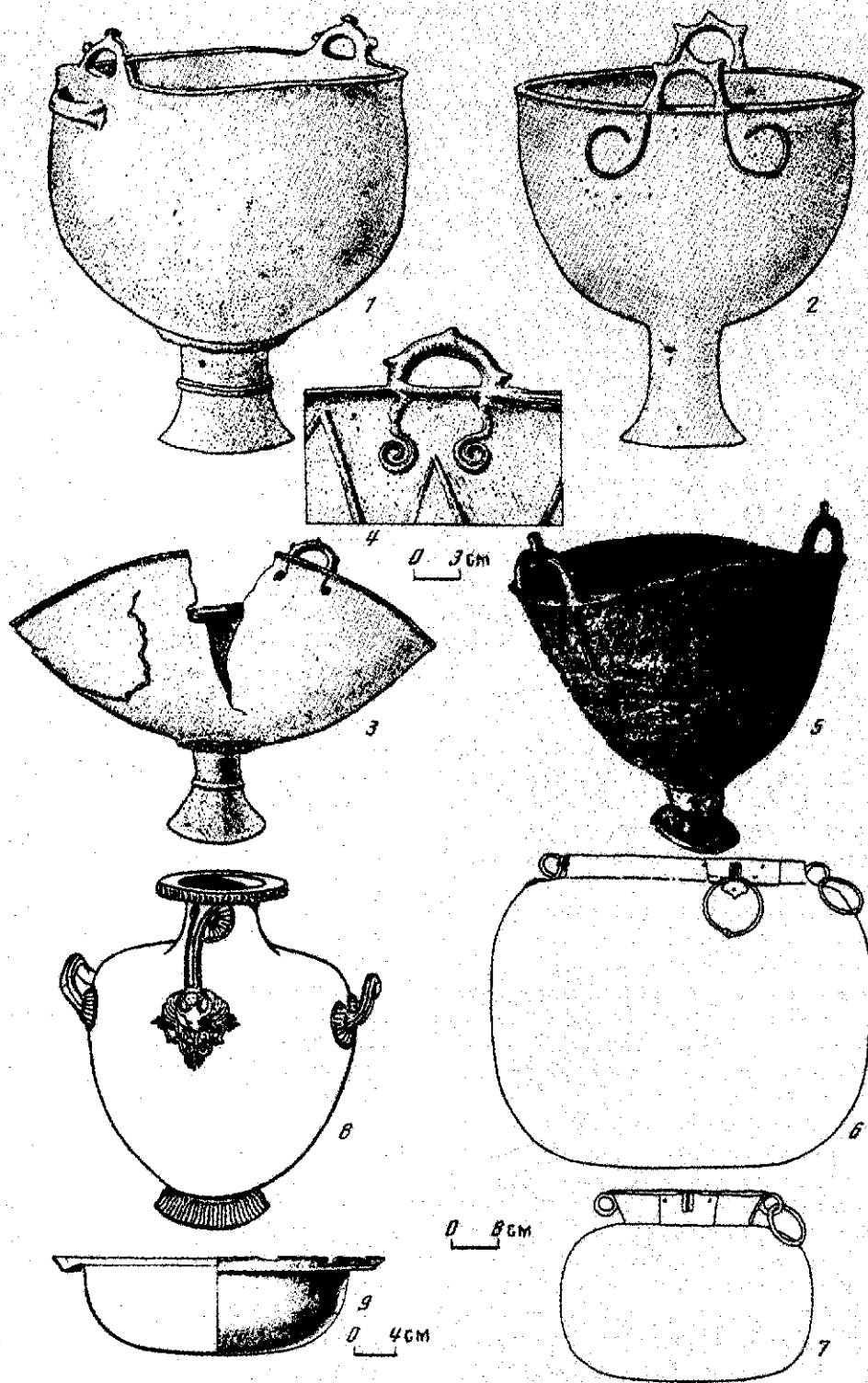

Рис. 56. Бронзовые котлы и импортная металлическая посуда из курганов скифского времени лесостепного Подонья
 1 - Мастогино, к. 4; 2 - Частые Курганы, к. 3 1927 г.; 3 - Частые Курганы, к. 11/2 1954 г.; 4 - Дуровка, к. 4; 5 - Дуровка, к. 10;
 6-7 - Аверино; 8 - Мастогино, к. 29/21; 9 - Русская Тростянка, к. 1

Рис. 57. Престижные изделия из серебра и золота из среднедонских курганов скифского времени
 1 – Частые Курганы, к. 3; 2 – Дуровка, к. 14; 3 – Частые Курганы, к. 11; 4 – Частые Курганы, к. 2; 5–6 – Дуровка, к. 1

тавшие у скифов одним из символов верховной власти, найдены в наиболее грандиозных погребальных сооружениях с шатровыми конструкциями (к. 29/21 Мастюгина и к. 1 Дуровки).

Скорее всего, для тех же целей, что и скифы, на Среднем Дону употребляли и *деревянные сосуды* (рис. 57, 3–4). Ни один из них целиком не сохранился, но золотые и серебряные обкладки их встречены не менее чем в 15 курганах (12,5%). Большинство из них находят близкие соответствия в памятниках Степной и Лесостепной Скифии V–начала IV вв. до н.э. (Манцевич А.П., 1966. С. 23–38). Особо следует отметить деревянную чашу из кургана 11 группы Частых, украшенную золотой фигурой сидящей хищной птицы и золотой накладкой с изображением оленя (рис. 57, 3). Хотя эта находка уникальна, она не оставляет сомнений в популярности в среде среднедонской аристократии образов, близких иранскому Фарну. Его воплощением иногда выступала хищная птица, близкая авестийской Варган (Смирнов К.Ф., 1964. С. 246). По мнению Б.А. Литвинского, в сакском, савроматском и скифском искусстве образ хищной птицы был связан с представлениями о божествах военной победы, могущества, обилия (Литвинский Б.А., 1972. С. 94). Возможно и иное толкование этого интересного сосуда, золотые украшения которого составляли своего рода космограмму, выраженную образами зооморфного изобразительного кода: “хищная птица” (верх, небо) – “копытное животное” (низ, земля). Такие изображения служили в искусстве скифов средствами выражения различных уровней космологической структуры (Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1992. С. 133).

В *керамическом комплексе* среднедонских курганов заметно некоторое преобладание привозной круговой посуды (33 экз.) над местной лепной (27 экз.). В их погребальный обряд прочно вошла амфора с вином (рис. 58, 11–14). Ее ставили в могилу в изголовье или у ног погребенного. Греческие амфоры найдены в погребениях 26 среднедонских курганов (22%). Кроме того, амфорный бой часто встречался в насыпях в составе тризн, в ритуал которых также входил скифский обычай употребления вина. Среди амфор половину составляли гераклейские (рис. 58, 14), отдельными экземплярами представлены фасосские, в том числе типа Нимфейского склада (рис. 58, 11), и псевдофасосские, синопские, неизвестных средиземноморских центров (рис. 58, 12), типа Солохи и типа Менды. Четыре гераклейские амфоры были клейменные (астиномы: Эвридам, Писистрат, Агатон).

Помимо амфор, в качестве емкостей для питья изредка использовались античные керамические круговые кувшины, аттические чашки (рис. 58, 15),

а также бронзовые сосуды, в том числе гидрия (рис. 56, 8).

Довольно широко употреблялись местные аккуратно вылепленные от руки и тщательно подлощенные кувшины, но особенно большие “вазы”: без ручек (рис. 58, 1), одноручные (рис. 58, 2, 3) и даже двуручные (рис. 58, 4). По числу находок (14 сосудов в 12 погребениях) последние уступали лишь амфорам. Безусловно, именно они придали специфическую окраску среднедонскому курганному керамическому комплексу. Встречаются они и на городищах, но далеко не так часто, как в курганах. Не исключено, что этот тип керамики восходит к местным предскифским “вазам”, на чем настаивал П.Д. Либеров (Либеров П.Д., 1969. С. 18). В V–IV вв. до н.э. у большинства из них появляется по одной ручке. А в к. 3 Частых В.А. Городцова найдена “ваза” с двумя ручками, возможно подражающая античной амфоре. Широкое использование в курганных погребениях различных кувшинообразных высокогорлых сосудов, видимо, косвенно отражает важную роль жидкой, в первую очередь молочной, пищи в рационе питания этого населения.

Горшкообразные сосудики найдены всего в двух погребениях (Колбино, к. 1; Бл. Стояново, к. 9, п. 2). В отличие от обычных городищенских горшков они имеют плоско срезанный и не орнаментированный венчик, а также хорошо залощенную поверхность, т.е. признаки, свойственные кувшинам и “вазам”.

Специфической категорией керамического инвентаря среднедонских курганов являются так называемые “ритуальные” сосудики (Либеров П.Д., 1965. С. 19). Они найдены в 9 погребениях (7,5%). Сосудики имеют вид небольших толстостенных чашечек на поддоне с характерными парными сквозными проколами на уплощенном венчике (рис. 58, 6–10). Скорее всего, это местный вариант светильников, применявшихся как в быту (их находки известны и на городищах), так и в погребальном ритуале для освещения последнего “жилища” усопшего. На такое назначение указывают следы закопченности на их внутренней поверхности и парные сквозные отверстия на венчике для подвешивания. В тоже время в одном случае зафиксировано употребление такого сосудика как вместилища белого вещества (Частные, к. 11 П.Д. Либерова). Не исключено использование некоторых из них и в качестве курительниц, тем более что последние получают довольно широкое распространение у скифов с IV в. до н.э. Правда, по форме они существенно отличались от среднедонских, но также, как и те, часто имели парные отверстия на венчике (Дашевская О.Д., 1980. С. 31–39, рис. 1, 1–2; 4, 1).

В этом плане интерес представляет “ритуальный” сосудик из п. 2 к. 3 могильника I у с. Терновое (рис. 58, 16). По существу, он ничем не отличается

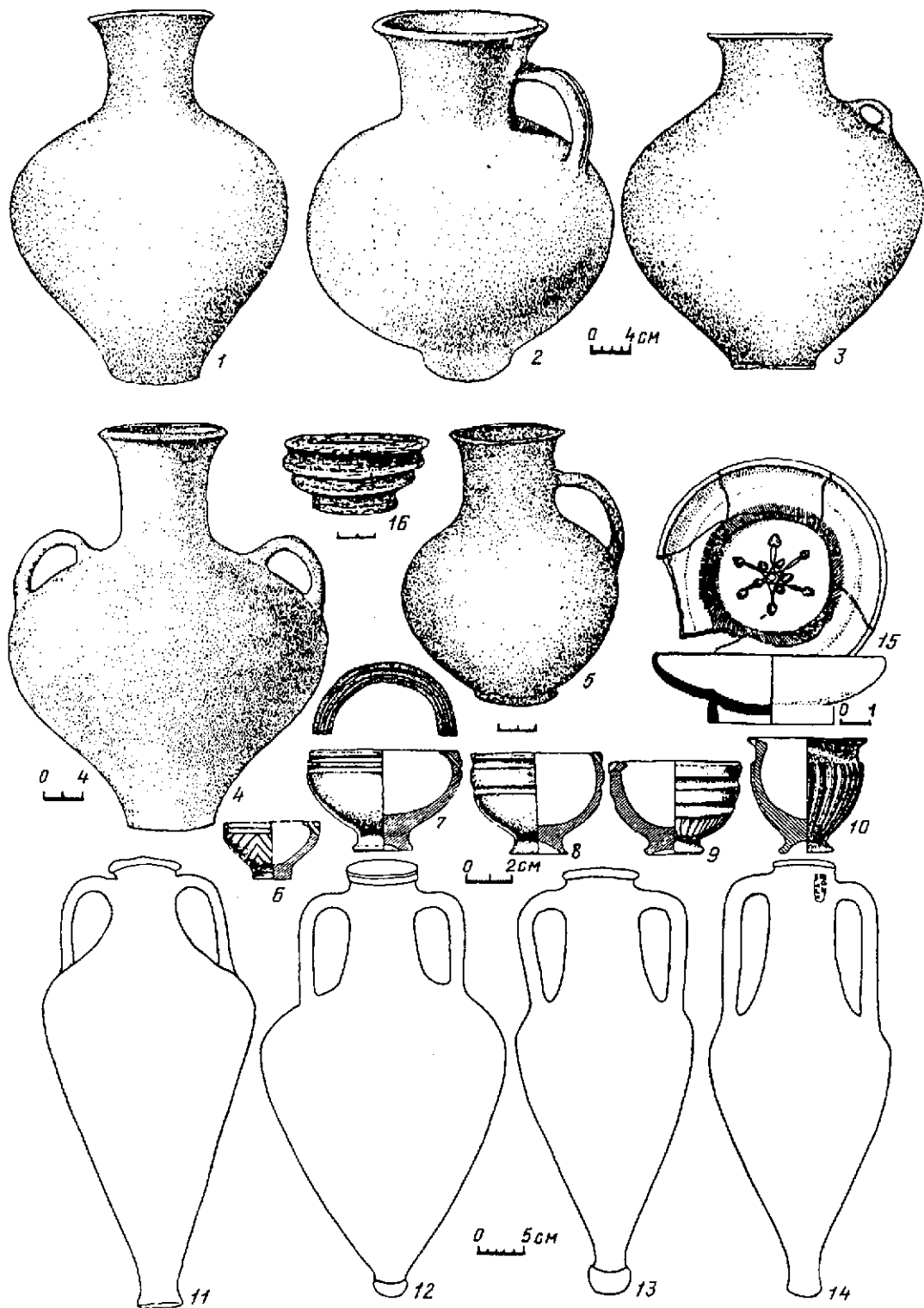

Рис. 58. Керамика из погребений среднедонских курганов скифского времени

1 – Дуровка, к. 9; 2 – Русская Тростянка, к. 1; 3 – Ближнее Стояново, к. 9, п. 2; 4 – Частые Курганы, к. 3 1927 г.; 5 – Русская Тростянка, к. 14; 6 – Мاستюгино, к. 18/38; 7–8 – Частые Курганы, к. 11/2; 9 – Частые Курганы, к. 13 ВУАК; 10 – Русская Тростянка, к. 12; 11 – Частые Курганы, к. 38/16; 12 – Дуровка, к. 1; 13 – Дуровка, к. 4; 14 – Мاستюгино, к. 16/36; 15 – Частые Курганы, к. 11; 16 – Терновое I, к. 3, п. 2

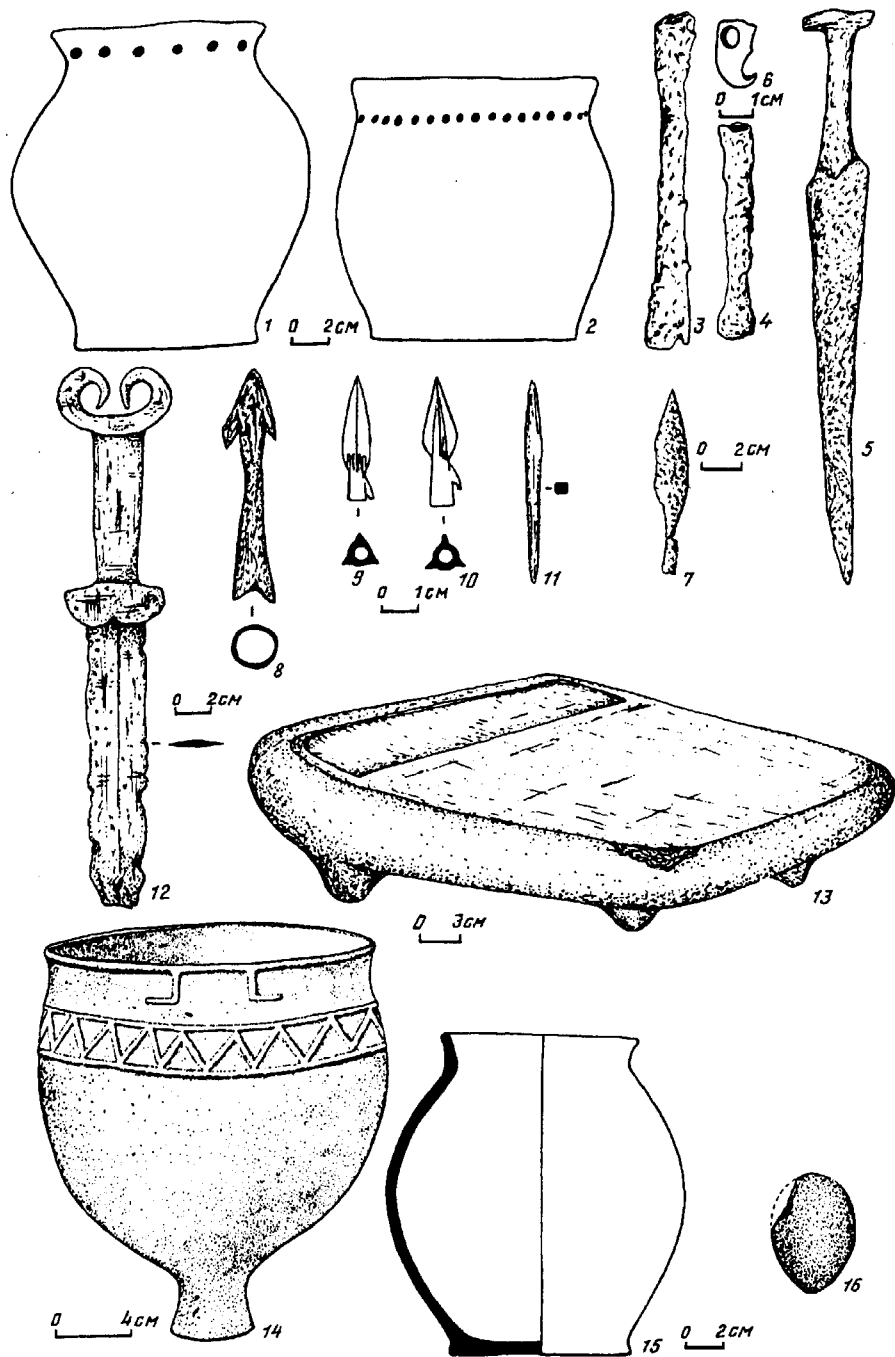

Рис. 59. Погребальные комплексы и отдельные находки из курганов скифского времени Донского Левобережья
 1 – Владимировка, к. 12; 2 – Владимировка, к. 8; 3–5, 7 – Владимировка, к. 5; 6 – Владимировка, к. 2; 8–12 – Гороховка; 13 – Павловск; 14 – Мазурки; 15–16 – Лосево, к. 1

от так называемых ребристых курильниц I–II вв. н.э., хорошо известных по позднескифским и сарматским погребениям, в том числе лесостепного Подонья (Медведев А.П., 1990, рис. 24, 4). Он надежно датируется синопской амфорой третьей четвертью IV в. до н.э. (Гуляев В.И., Савченко Е.И.,

1995. С. 100, рис. 9, 4). На сегодняшний день это наиболее ранняя находка ребристых курильниц. Скорее всего, последние генетически восходят к таким “ритуальным” сосудикам.

В последнее время выявляется еще одна интересная деталь погребальной обрядности среднедон-

ских курганов, до сих пор не привлекавшая должного внимания исследователей. В их погребениях практически отсутствовала местная посуда наиболее распространенных городищенских типов⁷. В отличие от других лесостепных районов Восточной Европы, где местная керамика являлась важнейшей составляющей погребального инвентаря, на Среднем Дону ни горшки, ни миски по каким-то причинам не ставились в могилы, даже в самые бедные.

Отказ от употребления в погребальном ритуале среднедонских курганов самых распространенных типов лепной керамики, характерных для обитателей синхронных городищ, требует самого пристального внимания. Подобное, явно намеренное, "избегание" трудно объяснить, если исходить из утвердившегося четверть века назад взгляда на принадлежность курганов и городищ одному и тому же населению – местным племенам среднедонской культуры (Либеров П.Д., 1971. С. 45). Но уже тогда этот подход наталкивается на ряд непреодолимых трудностей. Так, обратив внимание на очень высокую частоту встречаемости в среднедонских курганах железных чешуйчатых панцирей, П.Д. Либеров вынужден был усомниться в надежности этого общепризнанного социального критерия (Либеров П.Д., 1971. С. 28). И действительно, таких социально значимых захоронений в среднедонских курганах оказалось слишком уж много, если последние рассматривать как обычные некрополи всего среднедонского населения.

К ИСТОЛКОВАНИЮ ФЕНОМЕНА СРЕДНЕДОНСКИХ КУРГАНОВ

Комплексный анализ курганов Среднего Дона по частоте встречаемости престижных типов погребальных сооружений (деревянных столбовых гробниц, иногда с дромосами и шатровыми перекрытиями), наступательного и оборонительного вооружения, социально значимых категорий инвентаря, парадных вещей и античного импорта однозначно показал, что среди них свыше 75% содержали погребения, которые по применяемым в скифологии критериям следует признать не рядовыми, а принадлежащими военно-аристократической

⁷ Да и в насыпях развал горшка найден лишь однажды – в к. 1 у с. Дуровка, хотя отдельные фрагменты лепной керамики неоднократно встречались, в одном случае даже в заполнении могилы, где найдены венчики от 9 горшков, типичных для городищ (Либеров П.Д., Пузикова А.И., 1964. С. 41–42, табл. XXX, 1–9). Однако нет полной уверенности, что их находки связаны с погребальным ритуалом курганов. В Дуровке фрагменты местной лепной посуды встречены лишь в курганах восточной группы, расположенных по соседству с поселением скифского времени. Скорее всего, при возведении насыпей из культурного слоя последнего попали не только обломки местной посуды, но и какие-то неопределенные кости и даже каменные обработанные изделия, характерные для поселений (Пузикова А.И. Отчет 1985. С. 23).

верхушке (Медведев А.П., 1992б. С. 72). В целом это заключение нашло подтверждение в выполненном по несколько иной методике исследовании В.Д. Березуцкого (Березуцкий В.Д., 1995. С. 53).

В отличие от Степной Скифии анализ среднедонских курганных некрополей не позволил выделить в них не только "бедной, преобладающей численно массы населения" (Либеров П.Д., 1971. С. 45), но и сколь-нибудь значительной группы рядовых погребений. Между тем, по подсчетам В.Ф. Генинга, у скифов IV в. до н.э. "трудовой народ" составлял основную массу населения (95%), по Е.П. Бунятян, несколько меньше, но все же свыше 60%, плюс еще 7% бедноты, находившейся на положении полурабов (Генинг В.Ф., 1984. С. 124–152; Бунятян Е.П., 1985. С. 32–44). На Среднем Дону к таковым даже нельзя отнести оставшиеся 25% курганных комплексов, включавшие сильно разрушенные и разграбленные труположения и сожжения, социальный ранг которых почти невозможно определить из-за исключительно плохой сохранности погребальных сооружений и инвентаря. Видимо, нужно признать, что изучаемые памятники не отражали всего спектра социальных статусов, существовавших у среднедонского населения в скифское время. По ним можно в какой-то мере судить лишь о положении высших слоев общества, для которых, видимо, только и был характерен курганный обряд погребения.

Об этом свидетельствуют и другие данные, в частности количественное соотношение анализируемых погребальных и бытовых памятников скифского времени⁸. Относительное небольшое число среднедонских курганных некрополей в сравнении с количеством (около 60) и площадью городищ, а также сопутствующих им стационарных поселений указывает на то, что в скифское время под курганными насыпями могли погребаться далеко не все представители местного населения, а лишь какая-то, явно меньшая, его часть.

В самом первом приближении можно попытаться оценить численность неоседлого населения, оставившего в Донской лесостепи курганные могильники, хотя следует признать, что надежных эмпирических данных для этого еще меньше, чем при количественной оценке осед-

⁸ В других локальных вариантах лесостепной скифоидной культуры также наблюдается далеко не "нормальное" соотношение курганных могильников и городищ. Первые преобладают в Посулье (Ильинская В.А., 1968), тогда как в Посеймье на не менее чем 50 городищ не известно ни одного курганного могильника скифского времени. Если считать курганный обряд основным способом захоронения в лесостепи, то, несмотря на свои очень большие размеры, явно не соответствует огромному Бельскому городищу даже могильник Скоробор, накопивший за четыре столетия существования около 1000 насыпей, тогда как населением городища могло достигать 40–50 тыс. человек (Шрамко Б.А., 1984).

лых обитателей городищ. К настоящему времени в курганных могильниках исследовано около 140 погребений. С учетом не раскопанных курганов в могильниках Правобережья (Мастюгино II, Россошь II, Терновое I, Бл. Стояново, Русская Тростянка, Чижовка, Ст. Животинное) их общая численность составит не менее 250. Среди исследованных погребений 95% совершены в конце V–IV вв. до н.э. т.е. примерно за одно столетие. Но этой поправкой можно пренебречь, так как примерно 6% курганов, кроме основного, дополнительно содержали еще и впускное захоронение. Средняя продолжительность жизни среднедонских номадов не установлена, но у их современников – степных кочевников скифо-сарматского времени – она составляла около 40 лет (Кондукторова Т.С., 1972. С. 24; Мартынов А.И., Алексеев В.П., 1986. С. 61–62).

Для решения поставленной задачи используем уже апробированную формулу, предложенную С.С. Сорокиным (Сорокин С.С., 1975. С. 20).

$$n = \frac{Sv}{t} = \frac{250 \times 40}{100} = 100,$$

где: n – размер коллектива, оставившего могильник, S – количество погребенных, v – средняя продолжительность жизни, t – продолжительность времени совершения погребений.

В данном случае 100 человек – это не численность всего неоседлого населения, а скорее лишь число мужчин-воинов, но не всех, а только погребенных в известных среднедонских могильниках, к тому же в холодное время, которое здесь составляет не менее трети года. Поэтому для вычисления вероятной общей численности номадов-мужчин полученную цифру надо утроить, а для определения численности всех их родственников, включая женщин и детей, еще увеличить не менее, чем в пять раз. В итоге получим 1500 человек.

Можно использовать и несколько иную методику расчетов, заимствованную археологами у демографов (Генинг В.Ф., 1970. С. 116). Но для этого необходимо знать так называемый табличный коэффициент смертности (m^*) у среднедонских номадов. Однако антропологические определения для его вычисления отсутствуют. Поэтому я беру его предельные показатели от 0,025 (Железчиков Б.Ф., 1983. С. 57) до 0,04 (Краснов Ю.А., 1980. С. 123).

$$n = \frac{S}{t} : m^*.$$

$$1) \frac{250}{100} : 0,04 = 62,5;$$

$$2) \frac{250}{100} : 0,025 = 100.$$

После проведения описанных выше операций умножения на 3 (время целого года) и еще на 5 (для определения численности всей популяции номадов с женщинами и детьми) в итоге получатся 937,5–1500 человек. Последняя цифра точно совпала с полученной по формуле С.С. Сорокина.

Безусловно, в реальной жизни группы неоседлого населения были гораздо многочисленнее, так как вряд ли удалось учесть все их могильники, в том числе за счет включения в их состав простых пастухов, слуг и зависимых людей, входивших в окружение господина, но далеко не всегда погребавшихся на его родовом кладбище под курганами. Однако, как представляется, даже при этих поправках в IV в. до н.э. все же их было на порядок меньше, чем оседлого населения городищ, минимальная численность которого определена выше в пределах 18000–22000 человек.

Судя по сложным, иногда просто монументальным погребальным сооружениям, следам пышного погребального ритуала, составу и богатству сопровождающего инвентаря, в среднедонских курганах хоронили почти исключительно военно-аристократическую верхушку. Основные археологические показатели ее социального статуса в сравнении с близкими по времени памятниками степной и лесостепной зон Восточной Европы приведены в табл. 9. Она позволяет не только существенно уточнить место курганных некрополей внутри изучаемого культурно-исторического образования Среднего Дона, но и в системе погребальных памятников Скифо-Савроматского мира в целом.

По частоте встречаемости находок вооружения и снаряжения коня воронежские курганы оказались наиболее сопоставимыми с погребальными памятниками Днепровского лесостепного Левобережья VI в. до н.э., затем Днепровского лесостепного Правобережья конца VI–V вв. до н.э. и, наконец, Степной Скифии V в. до н.э. Весьма существенно, что по уровню “милитаризации” оставившие их среднедонские номады стояли намного выше кочевников-“савроматов” и даже северопричерноморских скифов IV в. до н.э., в особенности по находкам защитного доспеха и конской упряжи. По частоте встречаемости престижных вещей (античные амфоры, бронзовые котлы, изделия в зверином стиле, золотые и серебряные сосуды, а также деревянные сосуды с накладками из драгоценных металлов) курганы Среднего Дона превосходили Посулье, за исключением только такого показателя, как звериный стиль (соответственно 42% и 50%) и Степную Скифию V в. до н.э., уступая ей лишь по амфорам (соответственно 22% и 39%). По этим критериям они оказались весьма близки курганам Днепровского Правобережья конца VI–V вв.

Таблица 9. Некоторые археологические показатели социального статуса коллективов, оставивших курганные могильники Среднего Подонья, Посулья, лесостепного Правобережья Днепра, Степной Скифии, Нижнего Дона (Елизаветовский могильник) и савроматов (% от общего числа погребений)

Категория	Средний Дон к. VI-IV вв. до н.э.	Посулье VI в. до н.э.	Правобережное Поднепровье		Степная Скифия		Нижний Дон V-IV вв. до н.э.	Савроматы VI-IV вв. до н.э.
			к. VI-V вв. до н.э.	IV в. до н.э.	V в. до н.э.	IV в. до н.э.		
мечи и кинжалы	12	22,5	13,4	7,8	30,8	7,3	19	21,8
копья	20	} 83,3	27,8	30	} 27,5	} 19	} 34	} 4,1
дротики	28		2,1	5,7				
стрелы	57	80	50,5	38	65	40,5	42	47,9
панцири	21	16,6	20	13	24,2	4	6	0,4
конская сбруя	43	67,5	27,1	9,1	10	5,5	6	6,8
бр. котлы	18	15	1	2,2	5,8	3,5	3	0,2
амфоры	22	15	23,7	18,7	39	17,2	60	?
дерев. чаши с металл. накладками	13	1,7	18,5	1,3	8,3	1,4	-	1,4
звериный стиль	42	50	?	?	30	8-9	3	?
драгоценный металл	60	?	?	?	?	?	?	?

Статистические данные взяты из следующих работ: по лесостепному днепровскому Левобережью из монографии *Ильинской В.А.*, 1968; по Правобережью Днепра из монографии *Ковчаненко Г.Т.* и др., 1989; для Степной Скифии из монографии *Ольховского В.С.*, 1991; для Нижнего Дона из тезисов *Копылова В.П.*, 1989. С. 55-58; для савроматской культуры из монографии "Статистическая обработка...", 1994.

до н.э., но по сравнению с последними в них найдено намного больше бронзовых котлов (соответственно 18 и 1%). В среднедонских могильниках эти показатели были существенно выше, чем в Северопричерноморской Скифии и на Нижнем Дону (в последних регионах в силу известных причин было больше амфор) и особенно у "савроматов", где все названные выше характеристики оказались на порядок ниже.

В связи с этим обращает на себя внимание одна интересная хронологическая деталь. Большинство (95%) курганов Среднего Дона датируются концом V-началом III вв. до н.э. Однако по частоте встречаемости указанных категорий инвентаря (но не по их типам!) многие из них обнаруживают наибольшую близость не синхронным степным скифским курганам, а более ранним погребальным памятникам восточноевропейской Степи и Лесостепи. По этим показателям наблюдается явная архаизация общества и культуры среднедонского населения, точнее, той его части, которая погребала соплеменников в курганах. Видимо, она проявилась и в сохранении здесь деревянных столбовых гробниц в качестве господствующего типа погребальных сооружений, как известно, более характерного для скифской архаики. На Среднем Дону их больше всего встречено в курганах IV в. до н.э.

Некоторая архаизация просматривается и в местном зверином стиле, расцвет которого также приходится на IV в. до н.э., т.е. значительно позже остальных областей Скифского мира. Особенно отчетливо она проявляется в некоторых его образцах, в частности в резной кости, где налицо своего рода консервация архаических художественных традиций вплоть до конца IV в. до н.э. Явное "запаздывание" наблюдается и в довольно широком распространении на Среднем Дону деревянных сосудов с золотыми и серебряными накладками. Почти 70% их находок связаны с комплексами IV в. до н.э., тогда как в Скифии они наиболее характерны для курганов V в. до н.э. (*Ольховский В.С.*, 1991. С. 72). То же самое, вероятно, следует сказать и о находке большого блюда из песчаника в ровике кургана 5 у с. Терновое, определенно датируемое IV в. до н.э. (*Гуляев В.И., Савченко Е.И.*, 1995. С. 93, рис. 5, 23). Его типологическая близость раннескифским каменным блюдам-жертвенникам сомнений не вызывает.

Возможно, приведенные выше наблюдения свидетельствуют о сохранении и даже развитии на Среднем Дону в конце скифской эпохи целого ряда элементов культуры и особенностей социальной организации, известных ранее в среднеднепровском регионе и Степной Скифии

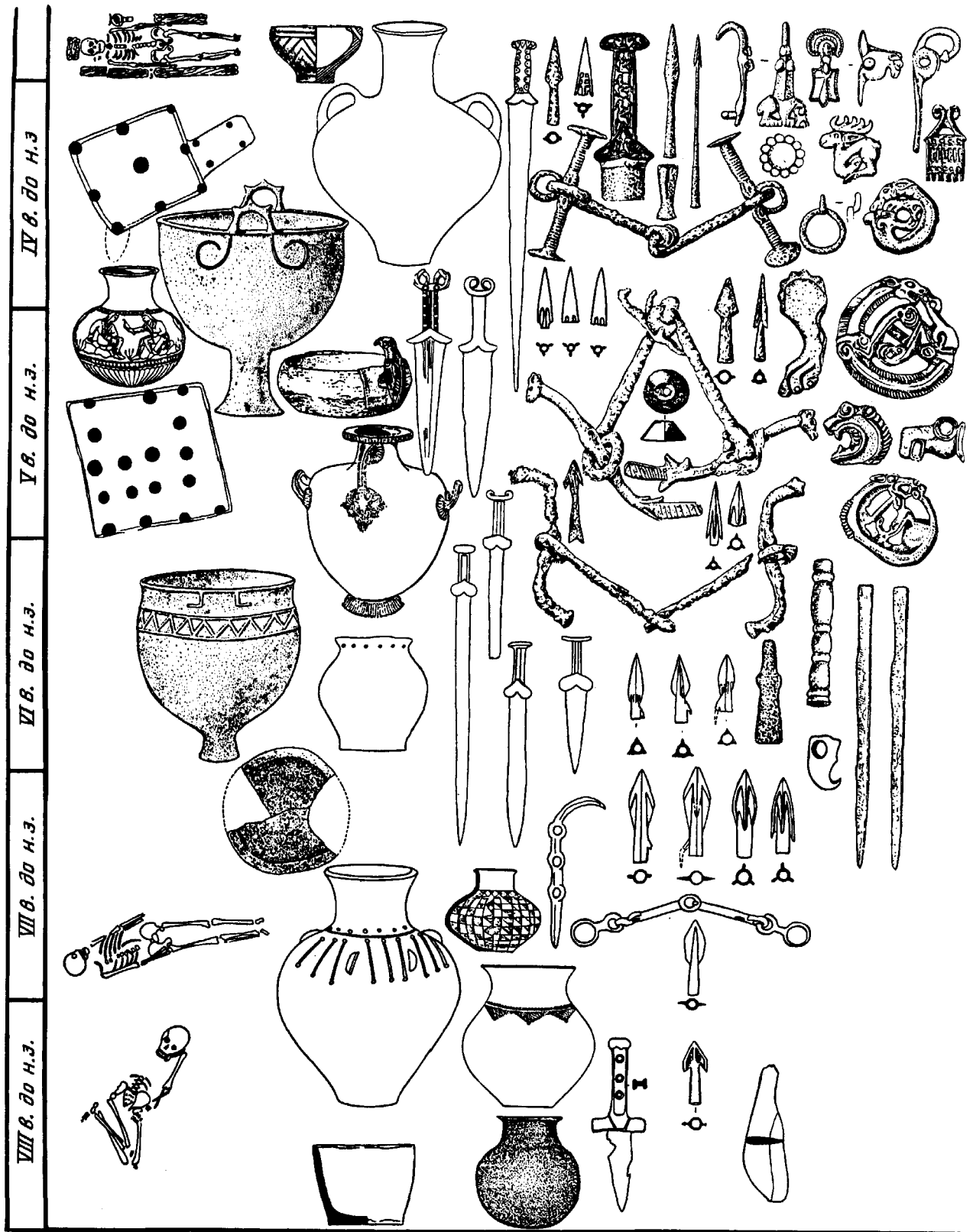

Рис. 60. Основные этапы развития культуры кочевников лесостепного Подонья в предскифское и скифское время

VI–V вв. до н.э. Как известно, в то время там преобладали мужские дружинные погребения, что позволило охарактеризовать скифов V в. до н.э. как “народ-войско” (Черненко Е.Н., 1992. С. 102). По-видимому, эта консервация имела свои причины, не в последнюю очередь обусловленные этносоциальной ситуацией в среднедонском регионе, о чем речь пойдет ниже.

В тоже время в развитии материальной культуры, несмотря на ее определенную локальную специфику и “запаздывание” отдельных элементов, не наблюдается сколь-нибудь заметной обособленности от остального Скифского мира. Судя по основным категориям инвентаря среднедонских курганов, в VI–IV вв. до н.э. она развивалась в том же направлении и ритме, что и в Скифии (рис. 60).

Как известно, возрастание в погребальном порядке роли материальных свидетельств, отражающих социальный статус умерших, свойственно ранжированным обществам (Смирнов Ю.А., 1994. С. 22). Судя по всему, именно такой высоко ранжированный тип общества сложился на Среднем Дону в скифское время. При этом еще раз следует подчеркнуть, что среднедонские курганы явно не отражали всего сложного социального спектра местного общества, так как курганный обряд захоронения, видимо, был свойствен лишь его социальной верхушке.

Подобно лучше известной скифской знати господствующая верхушка среднедонского общества вряд ли представляла сколь-нибудь единый и тем более однородный слой. Среди нее были и настоящие аристократы, такие, например, как погребенные в к. 29/21 Мاستюгинского могильника или в к. 1 у с. Дуровки, – возможно, те самые “цари” или их потомки, которые участвовали в военном совете скифов в самый напряженный момент войны с Дарием (Herod., IV, 102, 119). Были среди них и простые воины-дружинники, такие, как погребенный в к. 38 Староживотинного могильника, которому, кроме оружия, оставили лишь амфору.

Однако все попытки найти надежные качественные критерии дифференциации первых и вторых путем корреляции признаков различной социальной значимости с переменными (размеры могил) в большинстве случаев не дали однозначных результатов прежде всего из-за невозможности установления подлинной причины их отсутствия – то ли в силу действительно более низкого статуса погребенных, то ли в результате неполноты погребального комплекса, когда этот “признак” был просто унесен грабителями. Тем не менее на ряде графиков выявилась явная зависимость между частотой встречаемости определенных категорий инвентаря, типами погребальных сооружений и их размерами (рис. 61). В итоге последние распределились на три группы:

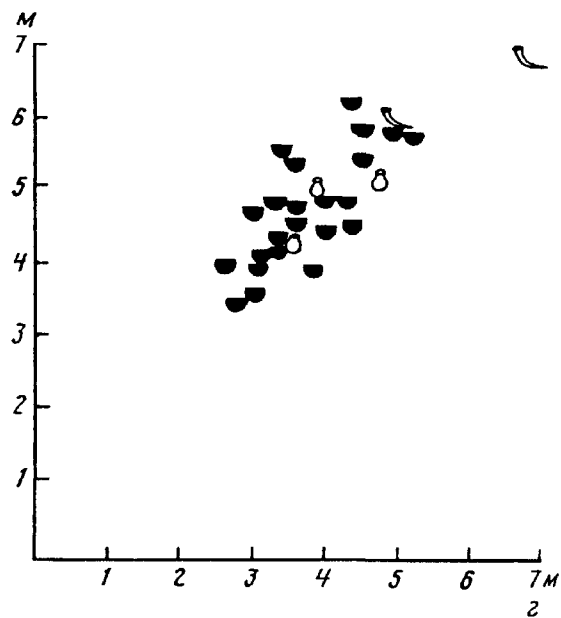
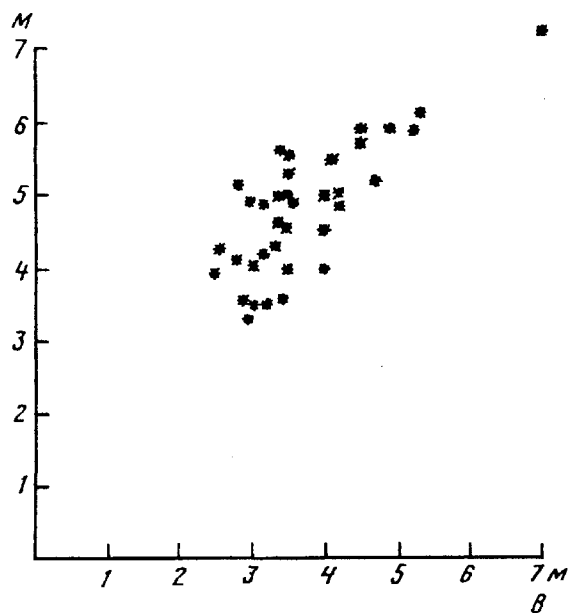
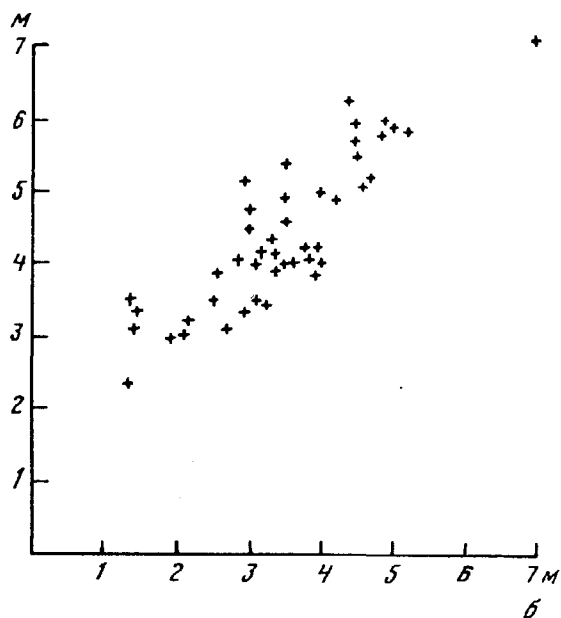
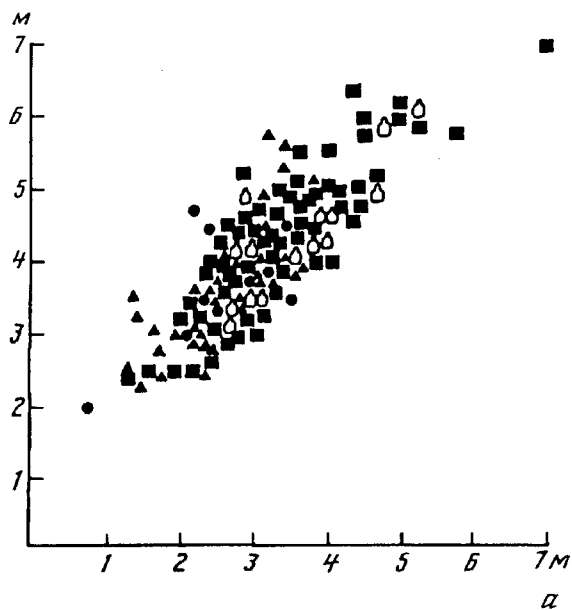
1-я группа – 28 погребений (25%) малых размеров площадью от 1,5 до 8 м². Из оружия в них чаще представлены только наконечники стрел, реже дротиков и копий, встречаются остатки конской упряжи, но нет мечей и защитного доспеха. Весьма показательно, что в могилах этой размерной группы ни разу не найдены бронзовые котлы, “ритуальные” сосудики, деревянная посуда с металлическими накладками, золотые нашивные бляшки, хотя украшения из золота редкостью не являлись (7 случаев). Первая группа включала главным образом погребальные сооружения I и II типов.

2-я группа – 68 погребений (61%) средних размеров площадью от 9 до 22,5 м². В отличие от первой в ней присутствовали все социально значимые категории инвентаря и виды вооружения. В эту группу входили почти все погребальные сооружения III и IV типов и лишь отдельные II типа.

3-я группа – 15 погребений (14%), совершенных в наиболее грандиозных погребальных сооружениях размерами 22,5–49 м². Почти на всех графиках она отделялась от могил второй группы разрывом в пределах 22,5–28,75 м². Могилы этой группы содержали все социально значимые признаки второй группы, плюс престижные серебряные ритоны и кубки, указывающие на особый статус их владельцев. Их хоронили в погребальных сооружениях только III и IV типов.

Из выявленных зависимостей обращает на себя внимание одна, как представляется, весьма перспективная – золотые нашивные бляшки проявили вполне определенную тенденцию попадания в могилы средних (от 9 м² и выше) и больших (22,5–49 м²) размеров преимущественно III и IV типов (рис. 61, в). В более или менее полно сохранившихся комплексах они обнаружили повышенную встречаемость с особо престижными вещами: серебряными ритонами и кубками, деревянными сосудами с металлическими накладками, котлами, изделиями звериного стиля (табл. 10; 11). На мой взгляд, все это позволяет рассматривать данную категорию находок в качестве достаточно надежного диагностического признака аристократических погребений. По-видимому, как и в Скифии, на Среднем Дону высокий социальный статус знати подчеркивался богатым декором верхней одежды, расшитой золотыми бляшками. Именно такие одеяния имели аристократы, изображенные на Воронежском сосуде (рис. 57, 1).

Если неграбленных аристократических курганов на Среднем Дону пока не открыто, то хорошо сохранившиеся воинские погребения известны. Для них, видимо, был характерен полный или почти полный набор вооружения (мечи,

● 1 ▲ 2 ■ 3 ◊ 4 + 5 * 6 ◐ 7 ◊ 8 ☞ 9

Рис. 61. Графики зависимости размеров, типов погребальных сооружений и престижного инвентаря в среднедонских курганах скифского времени
 1 – I тип, 2 – II тип, 3 – III тип, 4 – IV тип, 5 – изделия в зверином стиле, 6 – золотые нашивные бляшки, 7 – бронзовые котлы, 8 – серебряные кубки, 9 – серебряные ритоны

Таблица 10. Взаимовстречаемость социально значимых категорий инвентаря, типов и размеров погребальных сооружений среднедонских курганов

Признак	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
1	23	1	2	1	2	6	2	5	8	14	4	10	10	7	10	1	7	14	4	1	23	2
2	1	12	2	2	0	2	2	1	2	7	4	7	5	6	10	1	3	6	2	2	7	3
3	2	2	9	2	0	2	3	2	2	4	2	4	3	6	8	0	2	5	2	1	5	3
4	1	2	2	13	3	5	3	6	7	13	5	7	10	12	13	0	2	9	2	0	8	5
5	2	0	0	3	5	3	1	2	4	4	3	5	5	4	4	0	0	4	1	0	2	3
6	6	2	2	5	3	22	3	8	10	16	7	8	14	14	18	0	7	14	2	0	17	5
7	2	2	3	3	1	3	12	5	6	9	3	9	7	3	8	0	1	9	2	0	9	2
8	5	1	2	6	2	8	5	23	14	19	8	12	17	8	16	0	7	12	3	5	14	3
9	8	2	2	7	4	10	6	14	34	27	12	23	20	10	21	0	4	21	5	4	21	8
10	14	7	4	13	4	16	9	19	27	65	17	28	38	24	45	1	14	40	10	11	41	12
11	4	4	2	5	3	7	3	8	12	17	24	15	17	8	19	0	6	15	2	2	14	6
12	10	7	4	7	5	8	9	12	23	28	15	51	27	14	32	2	13	32	4	7	35	9
13	10	5	3	10	5	14	7	17	20	38	17	27	49	24	39	2	10	29	8	8	26	13
14	7	6	6	12	4	14	3	8	10	24	8	14	24	37	37	1	9	21	9	0	26	11
15	10	10	8	13	4	18	8	16	21	45	19	32	39	37	71	7	16	40	12	11	45	12
16	1	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0	2	2	1	7	11	0	0	0	4	0	0
17	7	3	2	2	0	7	1	7	4	14	6	13	10	9	16	0	31	0	0	13	20	0
18	14	6	5	9	4	14	9	12	21	40	15	32	29	21	40	0	0	61	0	9	39	12
19	4	2	2	2	1	2	2	3	5	10	2	4	8	9	12	0	0	0	16	2	9	3
20	1	2	1	0	0	0	0	5	4	11	2	7	8	0	11	4	13	9	2	28	0	0
21	23	7	5	8	2	17	9	14	21	41	14	35	26	26	45	0	20	39	9	0	68	0
22	2	3	3	5	3	5	2	3	8	12	6	9	13	11	12	0	0	12	3	0	0	15

По главной диагонали указано общее число погребений с данным признаком. Признаки: 1 – амфоры; 2 – лепные кувшины; 3 – "ритуальные" сосудики; 4 – деревянные сосуды; 5 – серебряные сосуды; 6 – бронзовые котлы; 7 – мечи; 8 – копья; 9 – дротики; 10 – стрелы; 11 – доспех; 12 – снаряжение коня; 13 – звериный стиль; 14 – золотые бляшки; 15 – изделия из золота и серебра; 16 – погребальные сооружения I типа; 17 – погребальные сооружения II типа; 18 – погребальные сооружения III типа; 19 – погребальные сооружения IV типа; 20 – могилы 1-й размерной группы; 21 – могилы 2-й размерной группы; 22 – могилы 3-й размерной группы.

копья, дротики, стрелы, иногда пластинчатый доспех), встречались в них и амфоры, изделия в зверином стиле, изредка котлы и даже украшения из золота, но не золотые нашивные бляшки. Однако все же большинство среднедонских курганных погребений нельзя надежно дифференцировать на воинские и аристократические. Да это и не столь существенно для данного исследования. На мой взгляд, главная социальная особенность среднедонских могильников заключалась не в наличии высоко или низко ранжированных погребений, а в явном количественном преобладании среди них лиц, принадлежавших к наиболее многочисленному и хорошо вооруженному "среднему слою" (свыше 60%)⁹. Это нагляд-

но демонстрирует граф (рис. 62), составленный на основе анализа таблицы взаимовстречаемости социально значимых категорий инвентаря, типов и размеров погребальных сооружений.

Если по материалам среднедонских курганов отчетливо выявляется довольно высокий социальный статус большинства погребенных, то этого нельзя сказать об оседлом населении городищ. К сожалению, сейчас нет возможности провести сравнительный социальный анализ среднедонских курганных некрополей и синхронных могильников рядового оседлого населения из-за отсутствия таковых на изучаемой территории. Но целый ряд существенных признаков (жилища небольших размеров, наличие большой общинно-ритуальной постройки на Волошинском I городище и общественных хранилищ зерна на Пекшевском городище, в целом весьма невысокий уровень материальной культуры и благосостояния) указывает на то, что основная масса оседлого населения фактически продолжала существовать в условиях позднепервобытно-общинного строя практически с еще во многом сохранившейся эга-

⁹ В последнее время на основе формально-статистического анализа В.Д. Березуцкий попытался выделить в среднедонских курганах пять моделей (групп) погребений различного социального ранга, которые, правда, не всегда выглядят достаточно дискретными (Березуцкий В.Д., 1995. С. 39–47, табл. 5). Но и у него в модели II, III, IV и V вошло большинство среднедонских курганов, включающих признаки как воинских, так и аристократических погребений.

Таблица 11. Коэффициенты взаимосвязи социально значимых категорий инвентаря, типов и размеров погребальных сооружений среднедонских курганов

Признак	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
1	0	2	0	3	7	1	5	8	13	3	9	9	6	6	0	7	14	4	0	34	1
2		4	3	0	2	3	0	1	6	6	8	4	8	12	1	2	5	2	1	6	5
3			3	0	2	8	2	1	3	2	3	2	11	10	0	1	5	3	0	4	7
4				14	9	6	12	11	20	8	7	16	30	18	0	1	10	2	0	7	13
5					8	2	3	9	5	8	10	10	9	5	0	0	5	1	0	1	12
6						3	13	13	18	9	6	18	24	21	0	7	15	1	0	19	8
7							9	9	10	3	13	8	2	8	0	0	11	2	0	10	2
8								25	24	12	12	26	8	16	0	7	10	2	4	13	3
9									33	18	31	24	8	18	0	2	21	5	2	19	13
10										19	24	45	24	44	0	10	40	10	7	38	15
11											18	25	7	21	0	5	15	1	1	12	10
12												29	10	28	1	11	33	2	3	35	11
13													32	44	1	7	28	8	5	20	23
14														52	0	7	20	14	0	27	22
15															6	12	37	13	6	42	14
16																0	0	0	5	0	0
17																	0	0	19	19	0
18																		0	5	37	16
19																			1	7	4
20																				0	0
21																					0

Признаки те же, что и на таблице 10.

Для расчетов коэффициентов взаимосвязи использована формула:

$$C = \frac{a^2}{L_n L_m},$$

где a – количество объектов с признаками n и m , L_n – общее число объектов с признаком n , L_m – общее число объектов с признаком m .

литарной внутренней структурой. Во всяком случае, ни на одном из широко исследованных среднедонских городищ до сих пор не известны более монументальные сооружения с материальными остатками, позволяющими видеть в них постоянные резиденции местных вождей. Не выявлено каких-либо признаков имущественного неравенства и внутриобщинной эксплуатации. И в этом смысле бытовые памятники представляют полный контраст расположенным поблизости курганам некрополям.

Системный анализ всей совокупности археологических памятников скифского времени Среднего Подонья свидетельствует о том, что они, скорее всего, отражают так называемый военно-аристократический путь политогенеза (Массон В.М., 1994. С. 1). Наиболее ярким его показателем являются обширные гробницы знати и воинов с большим количеством оружия и престижных вещей. В то же время в Донской лесостепи пока не известны курганы так называемых “суперлидеров”, сопоставимые по масштабам и богатству инвентаря со скифскими “царскими”.

Как известно, противопоставление численно незначительной элитарной прослойки основной массе общинников свойственно большинству развитых вождеств (Першиц А.И., 1986. С. 34–36; Крадин Н.Н., 1995. С. 39). По материалам среднедонских могильников налицо три основные, археологические фиксируемые признака этой переходной формы социально-политической организации от традиционных общинно-родовых структур к раннеклассовому обществу и государству: 1) развитая социальная стратификация; 2) создание специальных погребальных комплексов для знати; 3) монументальность погребальных сооружений, пышность обряда, разнообразие и богатство инвентаря, в котором важное место занимали социально престижные вещи.

Среднедонские курганные могильники можно было бы рассматривать как проявления зарождающегося культа местной знати или ее героев, хорошо известного у разных народов на последней ступени позднерывобитного строя и формирования раннеклассового общества. Именно для этого переходного времени характерна сакрали-

зация воинского сословия в целом (*Бессонова С.С.*, 1990. С. 36). Но такому толкованию несколько препятствуют некоторые весьма существенные особенности изучаемых могильников. Каждая из них в отдельности мало что дает для понимания феномена воронежских курганов. Однако взятые вместе они образуют весьма жесткий семантический пучок, который существенно сужает возможные варианты их историко-культурной интерпретации. Еще раз назову наиболее важные из них: небольшое число курганных могильников относительно городищ и поселений оседлого населения, выраженный “кочевнический” облик сопровождающего инвентаря, практически полный отказ от использования в курганных погребениях самых распространенных типов городищенской керамики при наличии преимущественно сосудов для питья, как импортных античных, так и местных, но особо тщательно изготовленных, преобладание “зимней” ориентировки погребенных головой в юго-западный или противоположный сектор, наконец, явная топографическая обособленность курганных некрополей от городищ¹⁰.

Последнее обстоятельство представляется далеко не случайным. На мой взгляд, его изучение может дать ключ к пониманию этносоциальной ситуации, сложившейся на Среднем Дону в скифское время. Как уже указывалось, все курганные могильники находились здесь на значительном удалении от ближайших городищ и, что для нас наиболее существенно, всегда на противоположных берегах рек или суходолов. Явно намеренная их территориальная обособленность, возможно, объясняется некоторым отчуждением постоянных обитателей городищ от среднедонской военно-аристократической верхушки. Это заставляет допустить мысль о принадлежности их различным, хотя тесно взаимосвязанным группам лесостепного населения.

Комплексный анализ среднедонских курганных могильников скифского времени позволяет сделать ряд заключений, проливающих некоторый свет на природу этого культурно-исторического феномена.

1. Курганные могильники, скорее всего, являлись некрополями не всего среднедонского населения, а лишь его части – военно-аристократической верхушки.

2. Сравнительный анализ материалов городищ и курганных некрополей свидетельствует о сосуществовании на Среднем Дону с конца VI по IV в. до н.э. в рамках единого этнополитического организма двух различных социо-, а возможно, и этно-

культурных комплексов: массовой культуры рядового населения городищ и элитарной субкультуры военно-аристократической верхушки, погребаемой в курганах. Первые представлял ХКТ лесостепных земледельцев и скотоводов, скорее всего, находившихся в определенной зависимости от последних. Знать же вела образ жизни, близкий степным ираноязычнымномадам. Она ориентировалась на престижные в Лесостепи скифские образцы. Поэтому свойственная ей субкультура была насыщена престижными ценностями не только местного, но и античного производства.

3. Выявляется ряд существенных признаков, как будто бы указывающих на то, что различия между двумя группами среднедонского населения были не только социальными, но, возможно, изначально и этническими: топографическая обособленность курганных могильников от ближайших городищ, отказ знати и воинов от употребления наиболее распространенных типов местной посуды, а скорее всего, и местной пищи, разительные различия в их материальной и духовной культуре (звериный стиль и высокохудожественные изделия с атропоморфными сюжетами в курганах и грубая глиняная антропо-и зооморфная пластика на городищах). История знает множество примеров возникновения разноэтничных позднетестарных и раннеполитических структур с последующей трансформацией межэтнических противоречий в сословно-классовые. Особенно часто они наблюдались у номадов, завоевавших и эксплуатировавших земледельцев с последующим почти неизбежным установлением так называемой суперстратификации (*История*, 1988. С. 213–214; *Крадин Н.Н.*, 1995. С. 20–21). Подобные образования известны и у скифов, начиная с эпохи архайки (*Хазанов А.М.*, 1975. С. 92; *Раевский Д.С.*, 1977. С. 154; *Виноградов Ю.А.*, *Марченко К.К.*, 1991. С. 148).

4. Основное ядро этнокультурного комплекса среднедонских могильников (ведущие типы погребальных сооружений, особенности их внутримогильных конструкций и обряда, почти весь ранний вещевой инвентарь, древнейшие образцы местного звериного стиля) появилось в лесостепном Подонье в уже сложившемся виде не позже конца VI–V вв. до н.э. Складывается впечатление, что оно было принесено сюда из более западных лесостепных районов. Именно в курганных могильниках Днепровского Право- и Левобережья обнаруживаются не только истоки его отдельных элементов, но и целые взаимосвязанные блоки, сформировавшиеся там еще в VII–VI вв. до н.э. в результате проникновения в Украинскую лесостепь иранцев-номадов, покоривших часть местного населения и создавшего скотоводческо-земледельческое объеди-

¹⁰ По устному сообщению Ю.В. Болтрика, подобная картина наблюдается в Посулье, где огромные курганные могильники отделены от Басовского городища мощными балками.

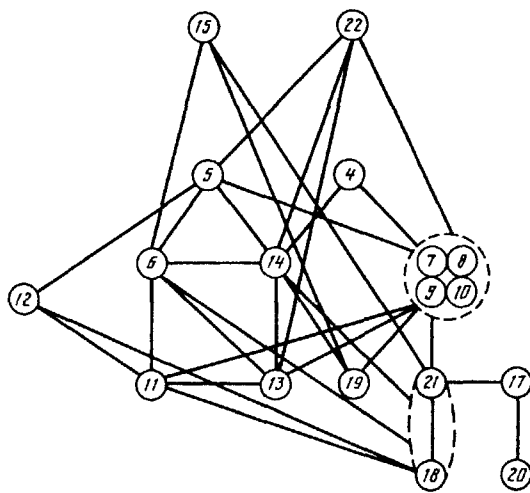

Рис. 62. Граф взаимовстречаемости социально значимых категорий инвентаря, типов и размеров погребальных сооружений в среднедонских курганах скифского времени (указаны только сильные связи)

Признаки: 1 – амфоры; 2 – лепные кувшины; 3 – “ритуальные” сосудики; 4 – деревянные сосуды; 5 – серебряные сосуды; 6 – бронзовые котлы; 7 – мечи; 8 – копья; 9 – дротики; 10 – стрелы; 11 – доспех; 12 – снаряжение коня; 13 – звериный стиль; 14 – золотые бляшки; 15 – изделия из золота и серебра; 16 – погребальные сооружения I типа; 17 – погребальные сооружения II типа; 18 – погребальные сооружения III типа; 19 – погребальные сооружения IV типа; 20 – могилы 1-й размерной группы; 21 – могилы 2-й размерной группы; 22 – могилы 3-й размерной группы

нение под эгидой военно-кочевой знати (Скорый С.А., 1990. С. 92).

5. Этой гипотезе в целом не противоречит и антропологический материал, правда, очень многочисленный. В свое время Г.Ф. Дебец отмечал близость черепов из курганов Среднего Дона скифским черепам не только Нижнего, но и Среднего Поднепровья (Дебец Г.Ф., 1969. С. 39). Его вывод подтвердило недавнее исследование Т.В. Томашевич, новой коллекции черепов из могильника Ближнее Стояново. По ее заключению, некоторые из них также близки “среднепровской серии”.

6. Переселение на Средний Дон части приднепровского населения, сохранившего традиции курганных погребений, видимо, как то было связано с событиями рубежа VI–V вв. до н.э., коренным образом изменившими этнополитическую ситуацию в Причерноморье. Кажется далеко не случайным практически полное совпадение по времени первых курганных захоронений в Частых и Мастюгинских Курганах и начала затухания военно-аристократических некрополей Днепровского Левобережья (Медведев А.П., 1992б. С. 71–73). Не исключено, что уход части старой знати далеко на восток был обусловлен ее неже-

ланием признать владычество новых хозяев Степи – “скифов царских” (Виноградов Ю.А., Марченко К.К., 1991. С. 149–150; Алексеев А.Ю., 1992. С. 103–113). Переселению на Дон благоприятствовали и позитивные природно-климатические изменения середины I тыс. до н.э., о которых речь шла выше. Наконец, немаловажную роль, видимо, сыграло и наличие здесь привычного для мигрировавшей полукочевой элиты земледельческо-скотоводческого населения городищ, которое уже успело обжиться на “новой родине”.

7. Вплоть до конца скифской эпохи военно-аристократическая верхушка Среднего Дона во многом придерживалась старой погребальной обрядности раннескифского времени, в частности сохранила обычай погребения в деревянных столбовых склепах – как с дромосами, так и без них, биритуализм захоронений при преобладании ингумации, традицию поджигать деревянный склеп или его перекрытие и т.п., причем на Среднем Дону ее расцвет приходится на IV в. до н.э., когда в Украинской лесостепи этот старый тип погребальных сооружений и связанная с ним обрядность начинает затухать и приходит в упадок, а в Степной Скифии к этому времени всецело возобладали катакомбные захоронения.

Все сказанное выше позволяет допустить, что с конца VI до начала III в. до н.э. на Среднем Дону наряду с численно преобладающим рядовым земледельческо-скотоводческим населением городищ проживали отдельные группы (роды) потомков иранцев-номадов, проникших в лесостепь еще в VII–VI вв. до н.э., культурно, а скорее всего, и этнически как-то связанные с “ранними” (Погрехова М.Н., Раевский Д.С., 1992. С. 223) или “старыми” (Скорый С.А., 1992. С. 89) скифами. Вероятнее всего, их верхушка составила здесь своего рода властвующую элиту, процветавшую, судя по обилию античного импорта и дорогих изделий, за счет эксплуатации основной массы населения городищ.

С V в. до н.э. в среде среднедонской военно-аристократической верхушки, уже явно оторвавшейся от исходной территории в лесостепном Поднепровье, интенсивно идут процессы культурной дифференциации. Появляются локальные особенности в погребальном обряде (“бофры”), развиваются местные формы керамики (“ритуальные” сосудики, “вазы”) и бронзовых котлов “с усами”, складывается своеобразный комплекс вооружения, в котором наряду с преобладающими общескифскими типами все более существенное место занимают местные образцы оружия (некоторые типы акинаков, железные плоские наконечники стрел, очень широко употребляются дротики с рюмкообразными подтока-

ми), оформляется среднедонской вариант скифского звериного стиля.

Культурному обособлению этой части населения способствовали различные факторы, из которых определенно можно назвать следующие: ослабление связей с лесостепным Поднепровьем, особенно после захвата территории Посеймья балтоязычными юхновскими племенами, появление местных производственных центров, усилившееся влияние савроматского Юго-Востока, но в первую очередь Причерноморской Скифии, переживавшей именно в это время наивысший культурный подъем, активное функционирование торговых путей из Ольвии в Приуралье и с Елизаветовского городища вверх по Дону, проходящих через среднедонскую территорию. Наконец, вероятно, среди действенных формообразующих факторов не последнюю роль играли процессы социального и культурного обособления воинов и знати от основной массы рядового оседлого населения городищ.

В то же время в рамках сложившегося единого этносоциального организма это обособление естественно не могло быть абсолютным. Сравнительный этнографический материал по типологически близким обществам демонстрирует картину разнообразных связей между господствующей элитой и рядовым зависимым населением (*Khazanov A.*, 1984). Скорее всего, здесь они осуществлялись в холодное время года, когда кочующая знать вместе со своими стадами возвращалась на зимники, расположенные в окрестностях среднедонских городищ. Возможно, свидетельствами ее периодического пребывания на местных укрепленных поселениях является амфорный бой, обломки тщательно изготовленных “ваз”, редкие находки изделий в зверином стиле и более дорогих украшений. Во всяком случае, они значительно чаще встречаются на городищах, по соседству с которыми располагался курганный могильник, нежели на городищах, где такого не было.

Мы не знаем, а может быть, и никогда не узнаем, как осуществлялась эксплуатация военно-аристократической верхушкой местного населения. Вероятнее всего, она могла включать сбор регулярной дани продуктами земледелия, ремесла, металлургии, различные формы “кормления”, “дары”, неэквивалентную торговлю, как это практиковали скифы (*Хазанов А.М.*, 1975. С. 158–164). Скорее всего, оседлое население было обязано выполнять и прямые трудовые повинности, в частности по сооружению монументальных курганных усыпальниц знати, но особенно по заготовке сена, столь необходимого лесостепнымномадам в зимнее время. Многочисленный античный импорт и высокохудожественные изделия из драгоценных металлов, довольно часто встречае-

мые в среднедонских курганах, по существу представляли овеществленную часть прибавочного продукта, изымаемого у местного оседлого населения и превращаемого в атрибут господствующего слоя¹¹.

Скорее всего, эта эксплуатация имела корпоративный характер – каждый знатный род владел определенной подвластной ему территорией (одним из микрорайонов) с населением в несколько сот, а то и тысяч подданных. В социальном плане такое локальное образование, вероятно, соответствовало отдельному вождеству. По своей природе каждое из них представляло собой вынужденное социально-экономическое единство двух различных хозяйственных укладов: степного полукочевого, правда, уже весьма существенно трансформировавшегося в условиях лесостепи, и лесостепного оседло земледельческого, также несомненно деформированного в результате его включения в это вынужденное единство.

Специально отмечу, что такой социальной пропасти и культурного различия между военно-аристократической элитой и рядовым населением в лесостепном Подонье не наблюдалась ни до, ни после скифской эпохи, пожалуй, вплоть до позднего средневековья.

В то же время было бы вряд ли исторически справедливо видеть в среднедонских номадах лишь паразитическую верхушку местного общества. Судя по всему, именно она несла основное бремя по защите этой территории от внешних врагов. По мнению Д.С. Раевского, начиная с архаической эпохи, отряды воинов-номадов внедрялись в иноэтничные оседло земледельческие общества в качестве скифского воинского контингента, составлявшего специализированный социальный слой (*Раевский Д.С.*, 1995. С. 93–95). Сколь актуальна эта задача была на Дону, показывают многочисленные находки акинаков – материальные следы былых сражений. Несомненна их роль по охране торговых путей, проходивших через этот регион.

Такой сейчас представляется социальная природа этнокультурного образования, сформировавшегося на Среднем Дону и прилегающих районах Подворонезья в скифское время. Пред-

¹¹ Известно, что, помимо чисто потребительских качеств, назначение импортов состояло еще и в демонстрации высокого социального статуса их владельцев, причем особо престижными считались именно те ценности, которые в силу редкости материала или специфики технологии не могли быть произведены на данной территории. Поэтому для скифов и их соседей именно торговля с Античным миром служила эффективным средством трансформации части прибавочного продукта в престижно значимые ценности. Само наличие такой возможности являлось одним из основных условий для утверждения классовой системы взаимоотношений (*Павленко Ю.В.*, 1989, с. 213–224).

ложенная выше гипотеза не претендует на окончательное решение проблемы среднедонских могильников.

Учитывая сложную природу археологических источников, редко поддающихся безальтернативному толкованию в силу самого характера содер-

жащейся в них информации, ее нужно рассматривать лишь как одну из возможных интерпретаций накопленного материала. Но, как представляется, она все же позволяет глубже понять феномен воронежских курганов, нежели традиционный подход моих предшественников.

ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ДОНА В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ

Проведенное выше исследование позволило в общих чертах представить сложившуюся в скифское время в лесостепном Подонье этнокультурную ситуацию в той форме, как она реконструируется по данным археологии. Теперь можно попытаться скорректировать ее по другим, независимым от археологии источникам, прежде всего по данным античной традиции. И здесь мы сразу сталкиваемся с весьма сложной междисциплинарной проблемой сопоставления данных письменных и археологических источников – проблемой старой, но в последнее время приобретшей новое звучание, в первую очередь в силу все более глубокого осознания исследователями принципиальных различий отражения в этих источниках исторической информации.

Применительно к интересующей нас тематике – древней этнокультурной истории народов, не имеющих собственной письменной традиции, – она наиболее полно поставлена в работах Л.С. Клейна (*Клейн Л.С.*, 1988. С. 13–23), М.Н. Погребовой и Д.С. Раевского (*Погребова М.Н., Раевский Д.С.*, 1992. С. 26–72), А.Н. Анфертьева (*Анфертьев А.Н.*, 1993. С. 62–69) и других исследователей. При всех имеющихся расхождениях в их взглядах и подходах они сформулировали ряд обязательных требований и условий, выполнение которых необходимо для продуктивного сопоставления (“синтеза”) материалов различных источников.

1. Строгий учет конкретной специфики каждого из привлекаемых видов источников, во многом определяющей объем и качество содержащейся в них информации о древних народах.

2. Междисциплинарному синтезу должен предшествовать внутриотраслевой синтез источников и основанных на нем реконструкций (*Клейн Л.С.*, 1988. С. 19). Иначе говоря, сопоставлению подлежат не просто полученные археологические данные и сведения, взятые из письменных источников, но обязательно конечные результаты независимого анализа первых и вторых (*Анфертьев А.Н.*, 1993. С. 65). Прямое заимствование археологами этнической номенклатуры или отдельных сообщений письменной традиции о древнем этносе без его всесторонней внешней и внутренней критики недо-

пустимо (*Погребова М.Н., Раевский Д.С.*, 1992. С. 11, 40).

3. Поиск в разных группах источников информации об одних и тех же событиях или явлениях этнокультурной истории (“изоморфных точек”), передаваемой специфическим для каждого из них способом с последующим взаимным переводом сообщений, идентичных по содержанию, но различных по своей кодовой природе (*Клейн Л.С.*, 1988. С. 18, 22; *Погребова М.Н., Раевский Д.С.*, 1992. С. 26).

4. Предложенная новая интерпретация (гипотеза, концепция) получает право на существование, если она объединяет в единой, достаточно непротиворечивой системе максимально большое количество фактов, полученных в результате независимого анализа различных источников. В итоге при строгом выполнении этих требований вырабатывается не только новая, более перспективная гипотеза (концепция), но иногда генерируется новое знание, которое невозможно было бы получить при изучении привлекаемых источников раздельно.

5. Для успешной разработки древней этнической истории необходимо максимально расширить поле научного обозрения (*Клейн Л.С.*, 1988. С. 22–23). Расширить в первую очередь потому, что проблемы этнической истории невозможно решать, не выходя за узкие рамки того или иного региона, хотя бы в силу того, что “этнос – категория сопоставительная” (*Бромлей Ю.В.*, 1983. С. 49). Поэтому этническая принадлежность определенной, исторически сложившейся группы людей находит выражение прежде всего через ее отличия (в этнониме, языке, материальной и духовной культуре) от других групп (*Погребова М.Н., Раевский Д.С.*, 1992. С. 26). А последние можно заменить только при большом угле исторического зрения, позволяющем охватить одним взглядом не только главный объект изучения, но и соседние этнические образования (их остатки, археологические культуры и т.л.).

Конечно, все изложенное выше – лишь идеальная схема, к тому же предельно упрощенная, которую очень трудно выдержать в конкретном исследовании, тем более что часто в результате между-

циплинарного синтеза получается не одно, а несколько возможных решений. Ошибка многих исследователей состояла в неоправданном сужении выбора, обычно до одного из нескольких равно возможных вариантов (Клейн Л.С., 1988. С. 20). Сам же выбор во многом был обусловлен отношением археолога к письменному источнику, глубины понимания им природы последнего, специфики содержащейся в нем информации и т.п.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ СКИФИИ У ГЕРОДОТА

Обратимся к оценке античной традиции, содержащей этногеографические данные по интересующему кругу вопросов. Как известно, именно к ней восходит этническая атрибуция многих древних народов юга Восточной Европы, в той или иной мере попадавших в поле зрения греческих и римских авторов. При всей скудости и противоречивости только их сведения могут придать нашим археологическим реконструкциям более или менее достоверную этническую окраску, а значит, и некую историческую конкретность. Но сами по себе этнографические сведения обычно не лежат на поверхности нарративного источника. Они могут быть извлечены из его недр также лишь в результате специального исследования (Поплинский Ю.К., 1980. С. 129).

Основным и по существу единственным оригинальным письменным источником по этнической истории интересующего нас региона является "Скифский логос" Геродота. Его изучение имеет в нашей стране давнюю, почти трехсотлетнюю традицию (Доватур А.И. и др., 1982. С. 14–79; Нейхард А.А., 1982. С. 3–162). Сейчас ни у кого из исследователей не вызывает сомнений исключительно сложный и противоречивый характер этого источника, так как при его написании Геродот соединил в нем более раннюю ионийскую традицию, и картину расселения в Скифии современных ему племен, и обширный фольклорный материал, полученный от скифов (Лелеков Л.А., Раевский Д.С., 1979. С. 70–76; Виноградов Ю.Г. и др., 1990. С. 21). Я не буду рассматривать все вопросы этой ключевой для древней истории юга Восточной Европы источниковедческой проблемы, а коснусь лишь тех ее аспектов, которые имеют непосредственное отношение к истории Среднего и Верхнего Подонья. Среди них в первую очередь должны быть проанализированы те данные, которые могут быть использованы в качестве своего рода реперов при этнической идентификации населения этого региона.

Начать исследование целесообразно с вопроса о р. Танаис. Дело заключается в том, что в трудах

античных авторов реки заменяли современную систему географических координат (Ельницкий Л.А., 1977). Именно по течению рек давалось описание мест обитания того или иного народа. У того же Геродота почти все племена Скифии топографически "привязаны" к конкретным рекам. Вот почему неизменным условием надежной научной реконструкции этнической карты Скифии является правильная идентификация античных гидронимов с современными наименованиями восточноевропейских рек. В полной мере это относится и к р. Танаис, так как по вопросу ее идентификации у исследователей нет единой точки зрения.

Я не ставлю перед собой задачу рассмотреть все известные гипотезы о р. Танаис. Так, здесь не анализируются данные античной традиции о Танаисе Гекатея и Азиатском Танаисе как не имеющие прямого отношения к теме (Куклина И.В., 1985. С. 143–161). Многие из них просто не выдержали испытания временем (Доватур А.И. и др., 1982. С. 292). Сейчас в науке осталось два основных варианта отождествления Танаиса Геродота:

1. Танаис соответствует современному Дону;
2. Танаис – это современный Донец вместе с нижним течением Дона.

Первую точку зрения можно считать традиционной. Она восходит к трудам по античной картографии и географии эпохи Возрождения. До недавнего времени она господствовала в нашей науке (Граков Б.Н., 1971. С. 15, карта на с. 14; Смирнов А.П., 1966. с. 75; Шрамко Б.А., 1962. с. 144; Тереножкин А.И., 1961, карта на с. 225; Либеров П.Д., 1969. С. 14; Смирнов К.Ф., 1984. С. 11, карта на с. 10; Археология Украинской ССР, 1986. С. 47).

Точка зрения о соответствии Танаиса не Дону, а Северскому Донцу также не нова. Видимо, впервые она встречается в труде французского ученого М. Пейсонеля (Peyssonel M., 1765. P. 128). В нашу страну эта идея попала благодаря работе немецкого историка Ф.Л. Линднера (Lindner F.L., 1841. S. 66). Известно, что последний крайне вольно обращался с текстом "Истории" Геродота, позволяя себе переставлять целые фразы (Нейхард А.А., 1982. С. 33). Именно таким образом ему удалось "доказать" соответствие Танаиса Северскому Донцу. Это заключение немецкого ученого широко использовал Н.И. Надеждин, первый из отечественных исследователей высказавшийся в пользу рассматриваемой гипотезы (Надеждин Н.И., 1844. С. 35). Впоследствии ту же идею встречаем в статье украинского археолога В. Щербаковского (Ščerbakivskyi V., 1930). Из скифологов до недавнего времени лишь М.И. Артамонов придерживался мнения о тождестве Танаиса и Северского Донца (Артамонов М.И., 1949. С. 161).

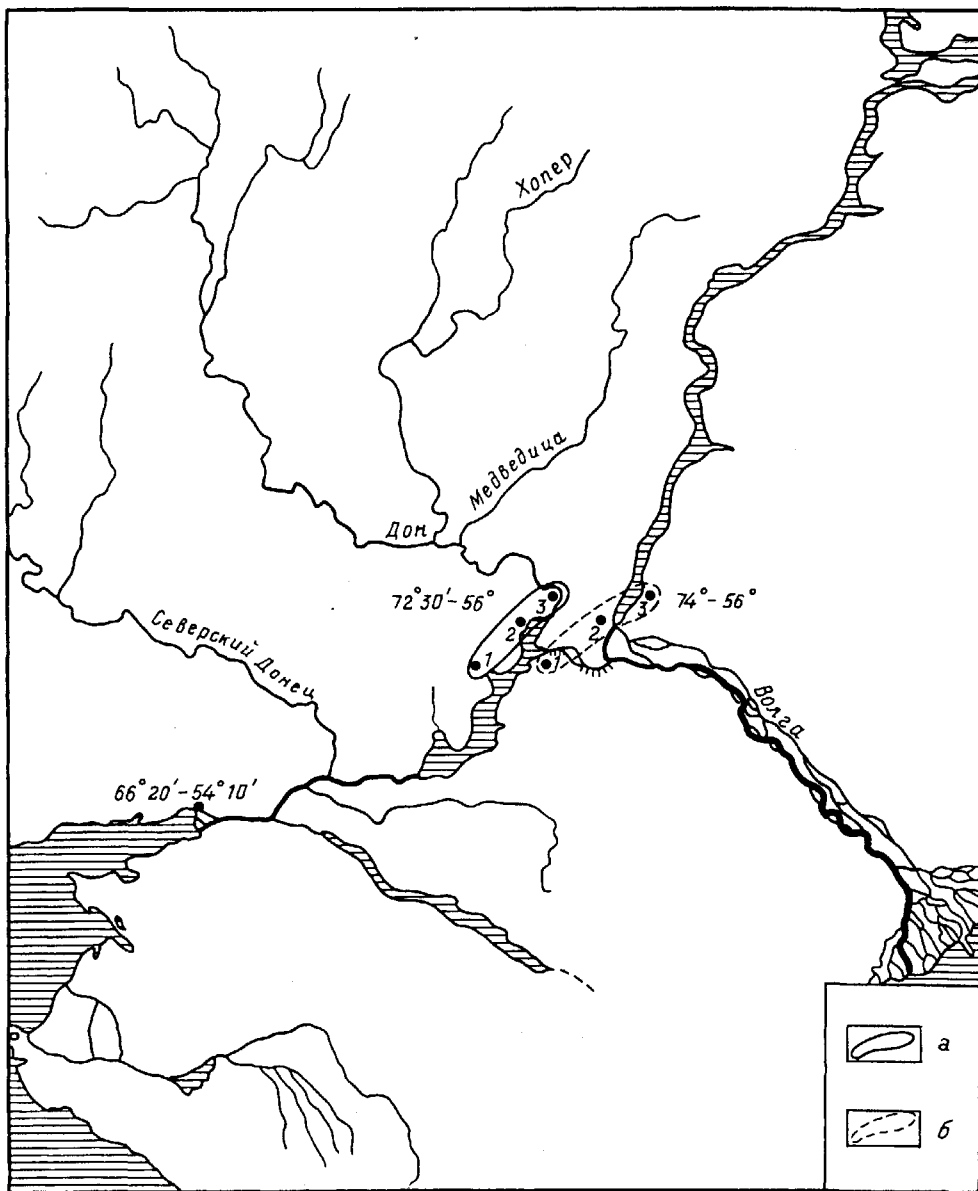

Рис. 63. Локализация поворотов рек Танаис и Ра по Клавдию Птолемею: а – поворот Танаиса, б – поворот Ра
 1 – в эратосфеновских стадиях, 2 – в обычных стадиях, 3 – в царских стадиях

Однако после выхода в свет книги Б.А. Рыбакова возросло число сторонников отождествления Танаиса с Северским Донцом и низовьями Дона (Рыбаков Б.А., 1979). Ее приняли некоторые антиковеды (Яйленко В.П., 1983. С. 54), скифологи (Шрамко Б.А., 1987. С. 6; Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н., 1988. С. 224; Мачинский Д.А., 1993. С. 13), сарматологи (Максименко В.Е., 1993. С. 13) и лингвисты (Стрижак О.С., 1988. С. 102). Но, насколько известно, никто из них не проводил проверки степени ее обоснования на источниковом уровне.

В качестве ключевого аргумента Б.А. Рыбаков использовал координаты истоков р. Танаис, указанные в “Географическом руководстве” Клавдия Птолемея (Ptolem., III,5,4). Ученый обратил внимание на то, что они более соответствуют истокам Северского Донца, нежели Дона (Рыбаков Б.А., 1979. С. 27–28). Проверка показала, что действительно при переносе на современную карту истоки Танаиса Птолемея оказались гораздо ближе к верховьям Северского Донца, нежели Дона. Но вряд ли одно это может неопровержимо свидетельствовать в пользу рассмат-

риваемой гипотезы. Дело заключается в том, что античные авторы знали более или менее достоверно лишь низовья восточноевропейских рек (*Strabo*, II,5,43; XI,22,2).

Однако в том же источнике можно найти гораздо более надежные данные для решения поставленной задачи (рис. 63). Это указанные Птолемеем координаты поворота реки Танаис – $72^{\circ}30'$ в.д. и 56° с.ш. (*Ptolem.*, III,5,4). Выполненные по ним расчеты от западного устья Танаиса однозначно показали, что, сообщая о повороте этой реки, александрийский ученый имел в виду Донскую излучину, но никак не устье Северского Донца (*Медведев А.П.*, 1989а. С. 151–152).

Это заключение находит дополнительное подтверждение в сообщении Птолемея о повороте р. Ра (Волги) в том месте, где она сближается с Танаисом (V,8,13). Его координаты – 74° в.д., 56° с.ш. – бесспорно указывают на то, что здесь речь идет об излучине Волги в районе Волгограда. Так как повороты Танаиса и Ра по Птолемию находятся на одной и той же широте, то легко вычислить линейное расстояние между ними, переводя разницу в градусах по долготе в меры длины. Полученные результаты весьма точно соответствуют расстоянию между излучинами Дона и Волги в месте их максимального сближения. В тоже время они находятся в разительном противоречии с гипотезой, отождествляющей Танаис с Северским Донцом и нижним течением Дона, так как расстояние между устьем Донца и излучиной Волги у Волгограда в 4–5 раз превышает расстояние между поворотами Танаиса и Ра у Птолемея (*Медведев А.П.*, 1989а. С. 154). Итак, географические данные александрийского ученого скорее свидетельствуют, что он принимал за Танаис все-таки Дон, а не Северский Донец¹.

Если мы обратимся к более ранним сведениям Геродота об этой реке, то и там не встретим сколько-нибудь серьезных препятствий для отождествления Танаиса и Дона (*Медведев А.П.*, 1993а. С. 127–137). Он дважды упоминает приток Танаиса, который в одном случае называет Гиргис (IV,57), в другом – Сиргис (IV,123). Б.А. Рыбаков,

¹ Вопреки мнению Б.А. Рыбакова, не смешивали эти реки и в эпоху Средневековья, что убедительно доказал недавно А.А. Тудоровский (*Тудоровский А.А.*, 1980. С. 462). Добавлю, что современные гидрографические данные о Доне и Северском Донце в месте его впадения исключают возможность путаницы главного русла с его притоком (*Самохин А.Ф.*, 1948. С. 45). Именно на это обстоятельство более ста лет назад обратил внимание студент Ришельевского лицея Г. Думшин, писавший буквально следующее: “Скифы, рассказывая Геродоту про Танаис и Гиргис, не могли ошибиться в их значении и смешать главную реку с побочной, не могли потому, что Дон при впадении в него Донца гораздо шире своего притока...” (*Думшин Г.*, 1852. С. 71).

исходя из своего понимания Танаиса, отказался от обычного его отождествления с Северским Донцом. Он предложил отнести название Сиргис к Среднему Дону или его правому притоку р. Чир, потому что этот гидроним у Геродота упомянут после Танаиса (*Рыбаков Б.А.*, 1979. С. 54).

Однако обращение к источнику в этом вовсе не убеждает. “Отец истории” сообщает лишь следующее: “В этот Танаис впадает другая река, название которой Гиргис” (IV, 57). Но непосредственно следующая за этим фраза: “Вот какие примечательные реки имеются у скифов” (IV, 58) к достаточному основанием позволяет отнести к последним не только Танаис, но и Гиргис. Ведь он может быть одной из примечательных рек у скифов лишь в том случае, если сам является “скифским” (правым) притоком Танаиса, ибо для Геродота, если перейти эту реку, “то там уже не скифская земля, но вначале область савроматов” (IV, 21).

Другое упоминание об этом притоке содержится в рассказе о скифском походе Дария, когда войско персов уже продвинулось за Танаис, прошло земли савроматов и будинов, а затем остановилось в “пустыне”. Геродот сообщает: “Выше этой пустыни живут тиссагеты, а из их [земли] берут начало четыре большие реки, протекающие через [землю] меотов; они впадают в озеро, именуемое Меотидой, им даны следующие названия: Лик, Оар, Танаис и Сиргис” (IV,123). Не углубляясь сейчас в сложную проблему идентификации двух первых рек, отмечу, что весь их перечень здесь дан с востока на запад, так как по повествованию Геродота в своем движении скифы и персы сначала переправились через Танаис, а затем, пройдя земли савроматов и будинов, стали лагерем у р. Оар (IV,124). Именно отсюда, с крайнего северо-востока “Скифского квадрата” историк бросает взгляд на театр военных действий и дает только что цитированный перечень рек. Но и в этом случае Сиргис, упомянутый после Танаиса, может быть идентифицирован только с Северским Донцом.

Итак, осуществленная выше проверка данных Геродота и Птолемея о р. Танаис скорее подтверждает правомерность его традиционной идентификации с Доном, нежели с Северским Донцом и нижним течением Дона. Поэтому можно использовать эту реку в этногеографических исследованиях в качестве надежного географического репера при локализации тех или иных древних народов.

Ученые давно обратили внимание на то, что в основе Геродотовой диатезы племен, обитающих по Танаису–Дону (а точнее, за Танаисом) лежала древняя перизгеса – описание торгового пути из Гавани борисфенитов к приуральским аргиппеям и исседонам (*Граков Б.Н.*, 1947. С. 23–38; *Хен-*

ниг Р., 1961. С. 96–100). На это указывает и сам Геродот, завершая описание этого пути: “Вот до этих плешивых (аргиппеев. – А.М.), о земле и о племенах, живущих перед ними, есть ясные сведения, так как до них добирается и кое-кто из скифов, у которых нетрудно разузнать, а также и у эллинов, как из гавани Борисфена, так и из других понтийских гаваней. А скифы, которые к ним прибывают, договариваются с помощью семи переводчиков, на семи языках” (IV,24). Именно наличие надежного источника вроде перизгесы или устных рассказов греков, ходивших этим путем, позволило пытливому взгляду Геродота проникнуть глубоко внутрь практически неизвестного его современниками материка².

В целом изучение этногеографических описаний окраинных областей ойкумены в “Истории” Геродота демонстрирует одну любопытную закономерность (Медведев А.П., 1997. С. 26). Он располагает более подробной и оригинальной информацией о тех народах, через земли которых проходили торговые пути. Это заметно и на материалах “Скифского логоса”. Например, по течению р. Гипанис, служившей важнейшей торговой артерией западной части Скифии, Геродот знает четыре народа: каллипидов, ализонов, аротеров и невров (IV,17). По интересующему нас торговому пути, связанному с р. Танаис, также упоминается не менее четырех этносов: савроматы, будины, тиссагеты и иирки (IV,21–22), причем последние определено локализируются уже в лесной зоне. Кроме того, после поворота этого пути на восток от Танаиса в сторону Приуралья путешественнику известен еще ряд народов. Но к северу от Скифии, в междуречье Борисфена и Танаиса взгляд Геродота не проникал дальше ближайших соседей скифов меланхленов, обитавших гораздо ближе к Ольвии, нежели отдаленные затанаисские племена (IV, 20).

Таким образом, сам характер основного источника сведений Геродота о народах, живущих за Танаисом, существенно повышает доверие к содержащейся в нем этногеографической информации. Для “танаисского” участка этого торгового пути имеется возможность проверить степень достоверности сообщений “отца истории” об обитателях здесь народов по независимым данным археологии. В частности, в его пользу свидетельствует наличие в Подонье трех сильно различающихся археологических культур середины I тыс. до н.э. (савроматской, среднедонской и городецкой), территориально точно соот-

² Некоторые исследователи допускают возможность столь далеких путешествий самих ольвийских греков и находят в их рассказах признаки автопсии даже в описании аргиппеев (Скржинская М.В., 1991. С. 100).

ветствующих трем основным этносам (савроматам, будинам и тиссагетам), согласно рассказу Геродота, обитавших по нижнему, среднему и верхнему течению этой реки (IV, 21–22). Замечу, что столь редкое в науке совпадение данных различных по своей природе источников само по себе служит еще одним важным аргументом, существенно подкрепляющим отождествление Танаиса и Дона.

Иную природу обнаруживают сведения Геродота о далеких соседях скифов, обитавших по северной стороне “Скифского квадрата”, среди которых, скорее всего, упоминаются и народы лесостепного Подонья. В последнее время Д.С. Расвскому удалось убедительно доказать в основном фольклорную, эпическую природу значительной части “Скифского логоса”, восходящую к собственно скифским представлениям об обитаемом мире и его географии (Раевский Д.С., 1985. С. 69–70). Это относится и к сведениям об упоминаемых в эпизодах Скифо-Персидской войны далеких нескифских племенах. Однако при всей фольклорной природе географии “Скифского квадрата” обращает на себя внимание исключительно устойчивая последовательность в перечислении Геродотом названий племен, обитавших по его сторонам (IV, 100, 102–110, 119, 123–125). Существенно то, что он всегда строго выдерживает их порядок даже при обратном перечислении с востока на запад, как, например, в связи с описанием хода военных действий во время Скифо-Персидской войны (IV, 123–125). Поэтому со времен Н.И. Надеждина, видимо, первого из ученых, обратившего внимание на эту закономерность (Надеждин Н.И., 1844. С. 84–86), она служит своего рода лакмусовой бумажкой при проверке правильности размещения исследователями этносов по северной окраине “Скифского квадрата”.

Таким образом, при разработке вопросов этнической географии лесостепного Подонья в скифское время есть возможность использовать два, в определенной степени независимых блока упорядоченной этногеографической информации Геродота о периферийных племенах:

1. Перечень народов по Танаису с юга на север и далее на северо-восток, восходящий к античной торговой перизгесе;
2. Перечень народов вдоль северной стороны “Скифского квадрата”, видимо, представляющий устойчивую эпическую формулу самих скифов.

Для дальнейшего исследования важно то, что оба они пересекаются в северо-восточном углу “Скифского квадрата”, что существенно сужает диапазон поиска тех этнонимов, под которыми Геродот мог знать современное ему население по среднему течению Танаиса.

ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ СРЕДНЕДОНСКИХ ПЛЕМЕН В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Стараясь максимально придерживаться изложенных в начале этого параграфа методических принципов и только что обозначенных географических реперов, проанализируем существующие в науке точки зрения на этническую принадлежность среднедонских племен скифского времени. Изучение исторической и археологической литературы позволило выявить достаточно широкий спектр мнений по этому вопросу.

Скифы на Среднем Дону ("воронежские скифы")

С самого начала изучения Мастюгинских и Частых Курганов они рассматривались отечественными учеными в одном ряду с выдающимися памятниками скифской культуры, естественно, в том ее понимании, которое сложилось в России в начале XX в. Впервые такую оценку им дал М.И. Ростовцев (*Ростовцев М.И.*, 1914. С. 80). Правда, напомню, что под скифской культурой он понимал не культуру, свойственную скифам как народу, а лишь культуру верхних, господствующих слоев — "царей и высшей феодальной аристократии". Но при этом именно М.И. Ростовцев впервые отметил особую близость Воронежской группы Киевским и Полтавским курганам (*Ростовцев М.И.*, 1925. С. 538).

Почти одновременно с М.И. Ростовцевым свою оценку воронежским курганам дал другой выдающийся отечественный археолог А.А. Спицын. Он включил их в сводку курганов скифов-пахарей (*Спицын А.А.*, 1918. С. 132–133). Именно в этой его работе впервые появляется термин "воронежские скифы". Но следует заметить, что А.А. Спицын упомянул их всего один раз, к тому же походя, без какого-либо археологического и исторического обоснования (*Спицын А.А.*, 1918. С. 123). По существу его "воронежские скифы" — чисто условное, искусственное название, производное от понятия "скифская культура", к которой тогда относили и воронежские курганы. Тем не менее ему была суждена долгая жизнь.

В силу известных причин советские археологи 30–40-х годов почти не затрагивали этнокультурной проблематики. Лишь в тезисах кандидатской диссертации Г.В. Подгаецкого содержится сжатая оценка среднедонских памятников середины I тыс. до н.э. (*Подгаецкий Г.В.*, 1946. С. 137). В соответствии со сложившейся традицией воронежские курганы он считал скифскими. Исследователь рассма-

тривал их как инородное явление, связанное с появлением мощной скифской волны, захлестнувшей Среднедонскую лесостепь в конце IV–начале III в. до н.э. Однако в отличие от М.И. Ростовцева и А.А. Спицына Г.В. Подгаецкому уже были известны синхронные поселения оседлого населения. По его мнению, их вещевой инвентарь, с одной стороны, сохранял черты преемственности местной срубной культуры эпохи бронзы, а с другой стороны, нес новые формы, имеющие много общего с инвентарем дьяковских, хвалынских и даже ананьинских ("костеносных") городищ. Такая, кажущаяся сейчас несколько странной, культурная оценка среднедонских поселений скифского времени не в последнюю очередь была обусловлена тем, что в 30-е годы на некоторых из них нашли фрагменты сетчатой и "рогожной" керамики, культурная принадлежность которой тогда была уже хорошо известна. От конкретной этнической оценки этого населения Г.В. Подгаецкий воздержался.

В середине XX в. скифам Среднего Дона специально посвятил кандидатскую диссертацию А.Ф. Шоков. Вскоре им же была опубликована научно-популярная книжка "Скифы на Среднем Дону" (*Шоков А.Ф.*, 1952). Но ни в диссертации, ни в книге читатель не найдет какого-либо обоснования именно скифской принадлежности среднедонских памятников. Она выступает уже как своего рода данность.

Со второй половины 50-х и до середины 90-х годов о скифах на Среднем Дону никто из исследователей даже не упоминал. Скорее всего, вытеснение из науки этого некогда популярного названия было результатом плодотворной полевой и научной деятельности П.Д. Либерова, сумевшего более аргументированно доказать иную этническую принадлежность среднедонских памятников. Об этом речь пойдет ниже. Но весьма неожиданно в 1995 г. выходят сразу две публикации, в которых вновь "оживает" старое название. В популярном предисловии А.И. Пузиковой к альбому "Скифы Среднего Дона" вряд ли можно было бы ожидать какой-либо развернутой аргументации отнесения среднедонских памятников к скифам (*Пузикова А.И.*, 1995). Однако непонятно ее отсутствие в статье В.И. Гуляева и Е.И. Савченко (*Гуляев В.И., Савченко Е.И.*, 1995).

Авторы публикации не только называют раскопанный ими могильник у с. Терновое скифским, но и утверждают, что на Среднем Дону в V–IV вв. до н.э. проживало скифское население, "именно скифы", а не какие-нибудь будины, меланхлены, невры или андрофаги, упомянутые Геродотом в качестве их северных соседей. Основанием для такого заключения послужила "поразительная близость среднедонских археологических комплексов со скифскими памятниками Левобережной лесостепи".

степной Украины... конца V–VI вв. до н.э.” (Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1995. С. 100). Но, как уже указывалось, это явление ранее отмечали практически все скифологи, начиная с М.И. Ростовцева и А.А. Спицына. Я также нисколько не сомневаюсь в высокой степени сходства курганов Среднего Дона и Днепровского лесостепного Левобережья (Медведев А.П., 1992б. С. 71–73). Но признать их погребениями именно скифов V–IV вв. до н.э. мешают минимум два серьезнейших обстоятельства.

Во-первых, ни на Среднем Дону, ни в Среднем Поднепровье пребывание скифов ни разу прямо не засвидетельствовано античной традицией, в то время как на этих территориях Геродот все же знает только невров, андрофагов, меланхленов, гелонов и будинов. Во-вторых, среднедонские и левобережные среднеднепровские курганы при всем несомненном сходстве инвентаря во многом принципиально отличаются от степных скифских памятников, особенно конца V–IV вв. до н.э. Достаточно напомнить общеизвестный факт: основным типом погребальных сооружений собственно скифов в это время были катакомбы, тогда как в лесостепи захоронения по-прежнему совершали в грунтовых ямах, столбовых склепах, дромосных гробницах.

Вообще, если строго последовательно придерживаться этнонимии Геродота и достаточно хорошо изученных археологами культурных индикаторов причерноморских скифов конца V–IV вв. до н.э. (а других скифов для этого времени мы просто не знаем), то не остается никаких серьезных научных оснований распространять их владения вплоть до Воронежа. По моим наблюдениям, скифы периодически “появлялись” на Среднем Дону в работах тех ученых, которые или не различали два разных значения этого этникона в античной традиции и соответственно в современной науке, или же по разным причинам недостаточно учитывали специфику местных памятников. Блеск инвентаря воронежских курганов часто настолько притуплял зрение археологов, что они становились невосприимчивыми к подчас неброским, а то и еле заметным проявлениям действительной этнокультурной специфики оставившего их населения. Письменные свидетельства и данные археологии указывают на то, что сложившаяся здесь этнокультурная ситуация была гораздо более сложной и уж во всяком случае не такой однозначной, чтобы всю ее можно было без насилия над источниками непротиворечиво описать с помощью старой гипотезы “Скифы на Среднем Дону”.

“Скифы отложившиеся” и меланхлены на Среднем Дону

Вопрос возможной локализации на Среднем Дону не скифов вообще, а одной из их групп – так называемых “скифов отложившихся” по ряду при-

чин следует рассмотреть особо. При описании народов, проживавших к востоку и северо-востоку от Скифии, за р. Танаис Геродот первыми называет кочевников задонских степей – савроматов, к северу от них – живущих в лесистой местности будинов, а еще дальше на северо-восток, уже явно в лесной зоне охотников – тиссагетов и иирков, о которых подробно говорилось в третьей главе. “Выше иирков, если отклониться к востоку, живут другие скифы, отложившиеся (ἀποστάτες) от царских скифов и по этой причине прибывшие в эту страну” (IV, 22). Таким весьма кратким сообщением ограничивается вся информация об этом далеком скифском народе.

Следуя тексту Геродота, большинство ученых искали “скифов отложившихся” вне пределов Скифии на далеком северо-востоке, где-то между Средней Волгой и Уральскими горами (Доватур А.И. и др., 1982. С. 248; Нейхард А.А., 1982. С. 139)³. Однако Б.А. Рыбаков попытался обосновать совсем иную локализацию этого этноса (Рыбаков Б.А., 1979. С. 116–122). После весьма радикального пересмотра этногеографии Скифии он предложил отождествлять со “скифами отложившимися” (в его книге “особыми”) группу, оставшуюся воронежские курганы. Скорее всего, к этому его побудил все тот же выраженный “скифский” облик этих памятников, содержащих яркие комплексы инвентаря, очень близкие классическим скифским курганам. В аргументации Б.А. Рыбакова немаловажную роль сыграл серебряный кубок из Частых Курганов с изображением скифов, которое незадолго до этого удачно было дешифровано Д.С. Раевским как своего рода иллюстрация основного скифского этногонического мифа (Раевский Д.С., 1970. С. 92). К тому же в системе рассуждений Б.А. Рыбакова воронежская локализация “особых скифов” как будто бы снимала ряд существенных затруднений в предложенной им новой схеме расселения племен по северной периферии “Скифского квадрата”.

И тем не менее это неожиданное и, казалось бы, весьма эффективное решение проблемы “апостатов” практически не получило поддержки среди специалистов⁴. Детальный анализ аргументации Б.А. Рыбакова недавно проделан М.Н. Погребовой и Д.С. Раевским, которые в конце концов вынуждены были все же от нее отказаться

³ Наиболее обоснованной представляется локализация “скифов отложившихся” в Среднем Заволжье, где сосредоточены ананьинские могильники, в инвентаре которых присутствует раннескифский комплекс (Погрелова М.Н., Раевский Д.С., 1989. С. 40–65).

⁴ Насколько известно, к отождествлению “скифов отложившихся” с населением, оставшим воронежскую группу, в последнее время склоняется А.Ю. Алексеев (Алексеев А.Ю., 1992. С. 98, 118).

(Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1989. С. 44–47). Из-за очевидной уязвимости основных доводов, на которых базируется идентификация “скифов отложившихся” в Правобережье Среднего Дона, не могу принять ее и я, хотя, на первый взгляд, она как будто бы получает дополнительное археологическое подкрепление в реконструированной выше “предыстории” среднедонских курганов.

Дело в том, что при обосновании воронежской локализации “скифов-апостатов” Б.А. Рыбаков отступил от провозглашенного им самим исследовательского принципа – руководствоваться системой взглядов Геродота, а не какими-то случайными признаками, вырванными из контекста и сильно обработанными бесконтрольным воображением (Рыбаков Б.А., 1979. С. 12). Но если строго следовать оригиналу – перечню народов в рассказе “отца истории”, – то “скифы отложившиеся” никак не могут быть локализованы в среднем течении Танаиса. Поэтому Б.А. Рыбаков произвольно, без какой-либо филологической или исторической аргументации изъясил сообщение о “скифах-апостатах” из текста перизгесы и поместил его в другое место, ограничившись оговоркой, что оно явно должно было находиться не в конце 22-го, а в конце 21-го параграфа (Рыбаков Б.А., 1979. С. 116). В результате такой “хирургической” операции над текстом источника “скифы отложившиеся” и наложились на область воронежской группы.

Явно противоречит данным письменных и археологических источников дополнительный аргумент Б.А. Рыбакова – размещение в Левобережье Среднего Дона Геродотовых меланхленов. Ученый отождествил их с племенами среднедонской культуры П.Д. Либера (Рыбаков Б.А., 1979. С. 118–122)⁵. Однако такая их локализация осуществлена не без насилия как над текстом Геродота, так и над археологическим материалом: путем простой замены “скифов отложившихся” на “скифов царских”, севернее которых, согласно “отцу истории”, жили меланхлены (IV, 20). Но на карте Б.А. Рыбакова они оказались не севернее, а восточнее “скифов отложившихся”, на что уже обращалось внимание (Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1989. С. 45). В результате сразу же нарушилась устойчивая последовательность племен, ограничивавших Скифию с севера и северо-востока (между будинами и савроматами вклинились теперь “скифы отложившиеся” и меланхлены). К тому же в Левобережье Среднего Дона в

⁵ Правда, вопреки исследованиям П.Д. Либера и без какой-либо аргументации Б.А. Рыбаков исключил из территории среднедонской культуры все Правобережье, где сосредоточено большинство ее памятников.

настоящее время археологически не фиксируются какие-либо следы не только оседлого, но и кочевого населения. При такой локализации меланхлены оказываются практически целиком в зоне археологической пустоты.

В целом анализ этногеографии Скифии по Б.А. Рыбакову, реконструированной с рядом нарушений современных принципов сравнительного анализа письменных и археологических источников, не позволяет принять его локализацию “скифов отложившихся” и меланхленов на Среднем Дону.

Савроматы и сирматы на Среднем Дону

В работах К.Ф. Смирнова вначале осторожно, а затем более уверенно проводилась мысль о проникновении савроматов в лесостепные районы Среднего Дона (Смирнов К.Ф., 1964. С. 262–263). В последней книге он допускал, что савроматы могли сливаться здесь с местным среднедонским населением или жить с ним по соседству (Смирнов К.Ф., 1984. С. 26–27). Основанием для такого заключения К.Ф. Смирнову послужили некоторые археологические материалы среднедонских курганов, в которых он усматривал признаки савроматской культуры и даже следы присутствия савроматов. Однако большинство из них (дромонные могилы, шатровые перекрытия, различные проявления культа огня, бронзовые подвески-колесики с четырьмя отверстиями и т.п.) сейчас никак не могут рассматриваться в качестве специфических признаков только культуры савроматов (Мошкова М.Г., 1984. С. 7). Не менее широко они представлены в археологических памятниках за пределами Савроматского мира, в том числе в Скифии и Украинской лесостепи. Вряд ли подкрепляет мнение К.Ф. Смирнова его ссылка на сходство сосудов Мастюгинского могильника с савроматской керамикой (Смирнов К.Ф., 1984. С. 27 рис. 7, 10–11), так как они относятся к предскифскому времени.

Точку зрения К.Ф. Смирнова о проникновении савроматов на Средний Дон сейчас активно поддерживает В.Е. Максименко. Если раньше он допускал возможность отождествления только населения степной зоны Среднего Дона с ираноязычными сирматами (Максименко В.Е., 1983. С. 128), то в одном из его последних выступлений речь идет уже о принадлежности савроматам воронежских могильников и даже о формировании на основе среднедонской культуры этнополитического объединения ранних сарматов (сирматов)⁶. На мой взгляд,

⁶ Максименко В.Е. Сирматы: античная традиция и археологические данные // Доклад, прочитанный на I Смирновских чтениях 27.XI.1995 г.

ни текст "Истории" Геродота, ни сообщения более поздних авторов (Псевдо-Гиппократ, Псевдо-Скилака и Эвдокса), ни тем более данные археологии не дают каких-либо оснований для подобных заключений. Степень этнографической близости среднедонских и нижнедонских памятников здесь явно завышена. Как уже отмечалось, присутствие отдельных, весьма немногочисленных элементов культуры нижнедонских кочевников фиксируется в Дуровке и других южных могильниках Среднедонского Правобережья, да и то преимущественно лишь к финалу скифской эпохи. Скорее всего, они могли появиться здесь в результате начавшегося ближе к концу IV в. до н.э. процесса политической дестабилизации и культурной дезинтеграции Скифского мира и тесно связанного с ним этнополитического образования на Среднем Дону.

Тиссагеты и иирки на Среднем Дону

В 1983 г. в известной статье об идентификации рек и народов Геродотовой Скифии В.П. Яйленко предложил свою этническую интерпретацию населения Среднего Подонья в скифское время (*Яйленко В.П.*, 1983. С. 64, карта на С. 57). В Правобережье с "культурой воронежских курганов" он отождествил Геродотовых тиссагетов, а в Левобережье – их соседей иирков. На мой взгляд, подобная идентификация противоречит не только тексту Геродота (вновь нарушается устойчивый перечень этносов по северной и северо-восточной периферии Скифии), не только археологическим памятникам Среднего Подонья, которые никак не соответствуют современным представлениям о культурах лесных охотников, но и палеогеографии изучаемого региона. Достаточно обратить внимание на то, что племя лесных охотников иирков помещено в Среднедонском Левобережье с его остепненными ландшафтами. Насколько известно, такая локализация тиссагетов и иирков какой-либо поддержки в науке не получила.

Будины и гелоны на Среднем Дону

Большинство ученых так или иначе связывали и связывают сейчас среднедонское население скифского времени с геродотовыми будинами и переселившимися в их землю гелонами (*Herod.* IV, 21–22, 108–109). Наличие добротных историографических обзоров, содержащих различные оценки всех возможных вариантов их локализации и этнической принадлежности (*Либеров П.Д.*, 1969. С. 5–26; *Рыбаков Б.А.*, 1979. С. 10–17; *Нейхард А.А.*, 1982. С. 120–131), а также почти исчерпывающего по своей полноте комментария (*Доватур А.И.* и др., 1982. С. 352–354) во многом облег-

чает мою задачу и позволяет сосредоточить основное внимание на современном состоянии гелонобудинской проблемы. Если раньше все поиски ее решения опирались исключительно на толкование античной письменной традиции, то современный этап характеризуется попытками комплексного исследования данных различных источников, среди которых неуклонно возрастает удельный вес источников археологических.

Несомненный научный прогресс, в котором все заметнее отрезвляющий вклад археологических исследований, к концу XX в. заставил многократно сузить район поиска "земли будинов". Как ранее, сейчас уже никто не ищет ее далеко к западу от Днестра, вплоть до Центральной Европы (*Eichwald Ed.*, 1834. S. 8; *Шафарик П.И.*, 1848. С. 308) и Прибалтики (*Мароньский С.*, 1913. С. 139). Не осталось явных сторонников локализации будинов в Поволжье и далее на восток, вплоть до Уральских гор (*Tomaschek W.*, 1898. S. 990). Не получили поддержки и ученые, склонявшиеся к кавказской ориентации будинов и гелонов, опиравшиеся преимущественно на сведения более поздней античной традиции и игнорировавшие данные современной археологии (*Ельницкий Л.А.*, 1977. С. 128–134; *Куклина И.В.*, 1985. С. 139–142). В результате основной район поиска "земли будинов" сократился до лесостепного Днепро-Донского междуречья с прилегающими к нему областями Днепровского Правобережья и Донского Левобережья.

Но и эта территория оказалась столь обширной, что при известной неопределенности и противоречивости сведений "отца истории", а также неоднозначности толкования данных археологии исследователи так и не смогли прийти к сколь-нибудь близким взглядам о "земле будинов". Сейчас в науке существуют различные мнения по этому вопросу. Но, как представляется, их все же можно свести к двум основным подходам, которые условно обозначим как "широкий" (все Днепро-Донское междуречье) и "узкий" (соответственно лишь какая-то его часть). Они наметились еще в прошлом веке, но окончательно оформились лишь во второй половине XX в., когда ученые стали шире привлекать в этногеографических исследованиях данные археологии.

Первый подход был предложен и наиболее полно разработан Б.Н. Граковым (*Граков Б.Н.*, 1971. С. 131–151, 160–161). В результате комплексного анализа всех этногеографических сведений

⁷ В научной литературе ее иногда именуют "Будинией" (*Мароньский С.*, 1913. С. 158; *Либеров П.Д.*, 1969. С. 6; *Стрижак О.С.*, 1991. С. 17). Однако ни Геродот, ни другие античные авторы такого ойконима не знают. Геродот лишь дважды упоминает "землю будинов" Βουδίνων χώρα (IV, 109, 123). Этого названия и следует придерживаться в дальнейшем.

Геродота о будинах и их ближайшем племенном окружении он пришел к хорошо обоснованному выводу: "будины занимали очень обширные пространства от воронежских до полтавских лесостепей". Исследователь уверенно указал и археологический эквивалент "земле будинов" — обширную область Днепро-Донского междуречья, занятую довольно однородной лесостепной скифообразной культурой. По мнению Б.Н. Гракова, среднее воронежское Подонье с его скифообразными памятниками являлось лишь восточной территорией многочисленного народа будинов.

В дальнейшем точку зрения Б.Н. Гракова, иногда с небольшими уточнениями, приняли многие скифологи (*Шрамко Б.А.*, 1975. С. 120; *Моруженко А.А.*, 1989. С. 37; *Погребова М.Н.*, *Раевский Д.С.*, 1989. С. 47). На сегодняшний день ее следует признать наиболее обоснованной. Правда, и она не сняла всех противоречий и даже породила новые. Пожалуй, наиболее серьезное из них состоит в том, что если строго следовать изложенному выше "широкому" пониманию "земли будинов", то к северу от Скифии в Днепро-Донской лесостепи не остается места для размещения других племен, согласно Геродоту, обитавших по северной стороне "Скифского квадрата". В частности, появляются затруднения в археологической идентификации меланхленов.

Другой подход более узкой локализации "земли будинов" представлен в науке тремя сильно различающимися между собой и в разной степени обоснованными гипотезами: на Среднем Днепре, в Посеймье и на Среднем Дону.

Среднеднепровская гипотеза была впервые изложена М.И. Артамоновым в конце 40-х годов и получила дальнейшее развитие в его последующих работах (*Артамонов М.И.*, 1949. С. 129–171; *Артамонов М.И.*, 1973. С. 3–17). По его мнению, "землю будинов" следует искать рядом с Невридой, откуда, по рассказу Геродота, невры вынуждены были переселиться к будинам (*Артамонов М.И.*, 1949. С. 159–162, карта на с. 170). Поэтому и "земля" последних не могла находиться нигде, кроме как в Среднем Поднепровье. Археологически она соответствовала области распространения погребений среднеднепровского типа как на правом, так и на левом берегу Днепра, причем в этой же области вместе с будинами М.И. Артамонов размещает не только родственных скифам гелонов, но андрофагов и меланхленов, полагая, что последние не выделялись какими-либо особыми этнографическими признаками.

Если сопоставить точки зрения Б.Н. Гракова и М.И. Артамонова по степени аргументированности, то складывается впечатление, что вторая опирается все же далеко не на всю совокупность данных письменных и археологических источников, а

на отдельные сообщения Геродота и, пожалуй, не в меньшей мере, на некоторые устоявшиеся положения и умозаключения, восходящие к работам историков-славистов XIX–начала XX в. Для подкрепления среднеднепровской локализации будинов и гелонов М.И. Артамонов использовал далеко не бесспорные отождествления р. Танаис и Северского Донца, Бельского городища и Геродотова Гелона. В итоге все это и позволило ему сильно сместить большинство упомянутых Геродотом северных и северо-восточных соседей скифов к западу в район Поднепровья. В результате вся территория Среднего Подонья в скифское время оказалась свободной от какого-либо населения. На карте М.И. Артамонова ее занимает белое пятно (*Артамонов М.И.*, 1949, карта на с. 170). В тоже время у этого исследователя мы не найдем ответа на естественно возникающий вопрос: почему Геродот при описании племен, живших по обоим берегам Борисфена–Днепра, ни разу не упомянул хорошо известный ему "великий и многочисленный народ будинов"?

В настоящее время среди историков и археологов нет прямых последователей точки зрения М.И. Артамонова, хотя отдельные лингвисты пытаются ее дополнительно аргументировать данными топонимии (*Стрижак О.С.*, 1988. С. 96–132)⁸.

По многие ее положения в 70-е годы использовал Б.А. Рыбаков при разработке новой этногеографии Скифии (*Рыбаков Б.А.*, 1979. С. 152–166, карта на с. 191). Он сформулировал десять обязательных условий для успешного решения проблемы будинов и гелонов и все их выполнил. В результате на его карте будины оказались локализованы в бассейне Сейма и Десны, где в середине I тыс. до н.э. обитали племена южновской археологической культуры. Южнее последних на смежной, но (все же вопреки Геродоту) отдельной территории Б.А. Рыбаковым были размещены гелоны, в которых он видел ираноязычное скифоидное население Левобережья Днепра и Северского Донца.

Нетрудно заметить, что такая локализация будинов во многом противоречит сведениям Ге-

⁸ По существу вся лингвистическая аргументация А.С. Стрижака сводится к поиску топонимических следов будинов (названия с основами Буд. – Бод.) и гелонов (основы на Гел. – Жел. вплоть до Жулян под Киевом) без какого-либо учета времени и истории их появления. Считаю уместным напомнить оценку подобных изысканий, сделанную более 100 лет назад А.В. Экземплярским: "Видеть в названиях многих белорусских селений Будами остаток от имени Будинов по меньшей мере странно, так как известно, что это название едва ли восходит далее XVII в., когда помещики, занимавшиеся выделкой поташа или смолы, ставили для рабочих поселки, буды, остатки которых, превратившись в селения, удержали каждое для себя, первоначально общее название, как частное" (*Экземплярский А.В.*, 1891. С. 350–351).

родота, в частности, все той же последовательности размещения племен по северной стороне “Скифского квадрата”. Плохо согласуется она и со всей совокупностью археологических данных. При такой их интерпретации город Гелон (по Б.А. Рыбакову, вслед за В. Щербаковским и М.И. Артамоновым это – Бельское городище) оказывается в нескольких сотнях километров южнее крайних пределов территории юхновцев – “будинов”, к тому же ни в нем, ни в его окрестностях не известны материалы, сколько-нибудь близкие юхновским. С характеристикой будинов как кочевников никак не увязывается оседлый облик юхновцев, проживавших на стационарных городищах с культурным слоем мощностью до 2–4 м. Явно не согласуются с указаниями Геродота и слишком небольшие размеры территории, занимаемой в V в. до н.э. юхновскими племенами, чтобы там мог разместиться весь “великий и многочисленный народ будинов” (*Herod.*, IV, 108).

Есть еще один факт, не учтенный Б.А. Рыбаковым, но делающий его локализацию будинов более чем проблематичной. Дело заключается в том, что в VI–V вв. до н.э., т.е. до времени Геродота, в Посеймье проживали не балты-юхновцы, а скифоидные племена, по культуре близкие обитателям городищ Посулья, Северского Донца и лесостепного Подонья. Собственно юхновские племена заселили бассейн Сейма позже – лишь к IV в. до н.э. (*Пузикова А.И.*, 1981. С. 100).

Большинство исследователей этногеографии Скифии не приняли локализацию будинов, предложенную Б.А. Рыбаковым, прежде всего из-за большого числа противоречий, которые она породила, а также из-за многочисленных откровенных натяжек, с помощью которых будины оказались в Посеймье и Подесенье (*Найхард А.А.*, 1982. С. 123–129; *Тереножкин А.И.*, 1987. С. 3–12; *Степи*, 1989. С. 47–48; *Погребова М.Н.*, *Раевский Д.С.*, 1989. С. 44–47).

Третий, среднедонской вариант “узкой” локализации “земли будинов” был разработан в 60-е годы П.Д. Либеровым (*Либеров П.Д.*, 1969; *Либеров П.Д.*, 1971а). Исследователь привел ряд доказательств обитания будинов исключительно на Среднем Дону. На мой взгляд, такая локализация наиболее точно соответствовала географическим представлениям Геродота о местоположении этого народа: где-то в северо-восточном углу “Скифского квадрата”, между меланхленами и савроматами, а за Танисом – между жившими выше них, в верховьях этой реки, лесными охотниками-тиссагетами и кочевавшими в ее низовьях савроматами. Правда, при таком узком понимании “земли будинов” возникали затруднения с истолкованием из-

вестного пассажа Геродота о переселении неуров к будинам, явно восходящего к иному кругу источников, нежели общегеографические его представления о Скифии.

Для обоснования среднедонского местоположения будинов П.Д. Либеров широко использовал археологические данные, происходящие преимущественно с изучаемой им территории. Он первый обратил внимание на хозяйственно-бытовые различия памятников скифского времени Среднедонского Левобережья и Правобережья, увязав первые с кочевниками-будинами, а вторые – с оседлым смешанным гелоно-будинским населением. Нужно признать, что если поле научного исследования ограничить только территорией Среднего Подонья, то точка зрения П.Д. Либерова отличается несомненной внутренней логикой и кажется убедительной, что уже отмечалось в литературе (*Смирнов А.П.*, 1966. С. 98–100; *Найхард А.А.*, 1982. С. 124–125).

Гораздо менее убедительными сейчас представляются археологические основания “земли будинов”, по мнению П.Д. Либерова, целиком совпадающей со среднедонской культурой. Я уже отмечал, что размеры ее территории, достаточно определенно маркируемой распространением скифоидных городищ и курганных могильников, оказались сильно приувеличенными. В действительности по этому показателю она мало соответствует всей области будинов, на многочисленность которых Геродот специально обратил внимание (*Herod.*, IV, 108). Попутно отмечу, что явно не выдерживает критики неудачная попытка П.Д. Либерова связать с геродотовым Гелоном комплекс Волошинских городищ, которые никак не отвечают той характеристике, которую этому городу дал греческий историк.

Как сейчас стало совершенно очевидным, не имеет под собой достаточно надежных археологических оснований утверждение П.Д. Либерова о местных истоках среднедонской культуры, а значит, и об автохтонизме среднедонских будинов. При ее выделении исследователем был существенно завышен ранг среднедонских памятников и степень их своеобразия по сравнению с другими локальными группами лесостепной скифоидной культуры. При всей несомненной местной специфике они имели намного больше черт с другими локальными группами лесостепного Днепро-Донского междуречья. Сравнительный анализ среднедонских курганных могильников и городищ с другими синхронными памятниками достаточно однозначно указывает на в целом производный характер первых от более ранних этнокультурных образований Среднеднепровского Левобережья.

ИТОГИ АНАЛИЗА ДАННЫХ АРХЕОЛОГИИ И АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ О НАСЕЛЕНИИ СРЕДНЕГО ДОНА В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ

Подведем итоги критическому обзору существующих в науке точек зрения на этническую принадлежность среднедонского населения VI–IV вв. до н.э. Сопоставление сведений Геродота и археологических данных не оставляет сомнения в том, что в скифское время на Среднем Дону обитали будины. Но данные археологии убедительно свидетельствуют и о том, о чем практически молчат письменные источники – “земля будинов” отнюдь не ограничивалась только Средним Подоньем. Она простиралась далеко на запад вплоть до Днепра. Об этом четверть века назад впервые заявил Б.Н. Граков, не имевший в своем распоряжении тех археологических материалов, которыми располагают современные исследователи. Его точка зрения о локализации будинов от Левобережья Среднего Поднепровья до лесостепного воронежского течения Дона как никакая другая вполне логично согласует и сведения Геродота, восходящие к разным источникам, и совокупность современных данных об археологических памятниках скифского времени Днепро-Донского междуречья. В современной науке ей нет достойной альтернативы, хотя в каких-то деталях она безусловно, нуждается в уточнениях и дополнительной аргументации.

Как представляется, проведенный выше анализ основного нарративного источника позволяет ответить на вопрос, почему Геродот знает будинов лишь на Танаисе и не упоминает в диатезе племен по Левобережью Борисфена (*Herod.*, IV, 18). Скорее всего, все сведения о будинах и переселившихся в их землю гелонах “отец истории” получил из рассмотренной выше перизгесы или рассказов купцов, ходивших по торговому пути из Ольвии в Приуралье. А этот путь пересекал лишь восточную область “земли будинов” за Танаисом. Видимо, по этой причине о населении ее западной, приднепровской части у Геродота просто не было прямой этногеографической информации. По существу она ограничивалась лишь скугими сообщениями скифов о названиях их непосредственных соседей, живших по северной стороне “Скифского квадрата”. Поэтому западную половину “земли будинов” можно представить только по данным археологии. Вопреки мнению Б.А. Шрамко и других авторов, никакого “второго надела” будинов Геродот там не знает (*Шрамко Б.А.*, 1975. С. 119; *Тереножкин А.И.*, *Мозолевский Б.Н.*, 1988. С. 226), на что уже обращалось внимание (*Ильинская В.А.*, 1977. С. 89). Этот “второй надел” всякий раз появлялся в трудах тех уче-

ных, которые пользовались русским переводом Геродота, не сверяя текст по подлиннику. В упомянутом же месте “Скифского логоса” (IV, 21) действительно говорится о том, что будины владеют “вторым наделом” земель за Танаисом. Но по смыслу совершенно однозначно, что для Геродота “вторым” (δευτέρῃ) он является лишь относительно “первого надела” нижнедонских савроматов (πρώτῃ τῶν λατῶν Σαυροματέων).

В современной науке наметились некоторые подходы для выделения в “земле будинов” археологических памятников собственно будинов и переселенцев-гелонов. Геродот характеризует их как два разных этноса, весьма отличных друг от друга по типу хозяйства, культуре и языку, да, видимо, и внешне (IV, 108–109). Для него будины – номады, по отношению к ним он употребляет глагол обитания *νοτομαί* с основными значениями “бродить”, “пастись”, “жить неоседло” (*Гиндин Л.А.*, 1984. С. 36–41). Если буквально воспринимать геродотову характеристику будинов, то по этому признаку она полностью исключает принадлежность этому народу основной массы скифоидных памятников Днепро-Донской лесостепи – городищ с выраженным культурным слем. Но в то же время совершенно очевидно, что только на этих городищах (а их здесь известно уже более двухсот) мог проживать тот “многочисленный и великий народ будинов”, как характеризует его Геродот.

На мой взгляд, верный путь выхода из этой непростой коллизии был предложен четверть века назад Б.Н. Граковым (*Граков Б.Н.*, 1971. С. 163), которого недавно поддержал Б.А. Шрамко (*Шрамко Б.А.*, 1987. С. 181). Скорее всего, чужой этноним “будины” (*boudinoi*) эллинами воспринимался как производный от двух слов их родного языка: “*bous*” – “бык” и “*dineo*” – “кружиться”, “скитаться”. Очень важно, что первым на это обратил внимание не современный исследователь, а живой носитель эллинской речи – лексикограф VI в. н.э. Стефан Византийский (*Латышев В.В.*, 1948. С. 317). В его “Этнике” отмечается, что “будины – скифское племя, называемое так потому, что кочуют (*διερέειν*) на телегах, влекаемых быками (*βοῦς*)”. По-видимому, из этой ошибочной этимологии и родилась та их хозяйственная характеристика, которую мы находим у Геродота⁹. Между тем каких-либо конкретных сведений о кочевом образе жизни будинов он не сообщает. Подобный

⁹ По мнению такого выдающегося лингвиста, как Э.А. Грантовский, геродотовы *βοῦβινοί*, скорее всего, могут быть этимологизированы из иранского и подкреплены параллелями из иранской же этнонимии (*Грантовский Э.А.*, 1970. С. 181). Достаточно вспомнить название одного из шести мидийских племен – *βοῦβιοί* (*Herod.*, I, 101).

“метод” добывания информации из этнонима “отец истории” практиковал очень часто. Здесь достаточно напомнить предельно скупые описания андрофагов и меланхленов, практически не содержащие никаких иных сведений, помимо тех, которые уже заложены в самих этих псевдоэтнонимах (IV, 106–107). Недавно В.И. Абаев выявил еще один яркий образчик адаптации Геродотом (или его информаторами) скифского этнонима *gauwarga* – “почитающие скот” к нормам греческого языка (Абаев В.И., 1981. С. 75–76). В результате одно из скифских скотоводческих племен Степного Поднепровья превратилось в геогои – буквально “земледельцев”, локализация которых служила камнем преткновения не одному поколению ученых.

Не исключено, что и этнокультурная характеристика гелонов как весьма цивилизованных земледельцев также в конечном итоге восходит у Геродота к народной этимологии, основанной на простом созвучии слов “эллины” (Ελλήνες) и “геллоны” (Γέλλοι), на что ученые обратили внимание довольно давно (Шафарик П.И., 1848. С. 318). Это старое предположение подкрепляет сообщение “отца истории” о двуязычии гелонов: “говорят они на языке отчасти скифском, отчасти эллинском”, а также рассказом о их происхождении (IV, 108). По Геродоту, гелоны – это “эллины, которые покинули гавани и поселились у будинов”. При таком подходе к источнику становятся во многом понятными и другие культурно-бытовые характеристики этого необычного для Скифии народа: не только их земледелие, но и садоводство, городской образ жизни, храмы, статуи, алтари и даже регулярные празднества в честь Диониса. Напомню, что для грека все это – неперемненные атрибуты нормального, “цивилизованного” образа жизни. Искать им прямые археологические соответствия в скифоидных лесостепных культурах – дело малоперспективное (Медведев А.П., 1994. С. 4–5).

Только что рассмотренный пассаж Геродота о гелонах разительно противоречит изложенной им второй (“эллинской”) легенде о происхождении скифов (IV, 9–10). Согласно этой легенде, гелоны являются потомками мифического прародителя Гелона. Проиграв состязание младшему брату, Гелон и его старший брат Агафирс вынуждены были покинуть будущую Скифию, которая досталась младшему Скифу. Эта легенда не только утверждала идею изначально близкого родства скифов и гелонов (откуда и их частичное скифоязычие), но, возможно, в такой форме отражала память о каком-то переломном событии в жизни ираноязычных кочевников, в результате которого собственно скифы утвердили свою власть в Северном Причерноморье,

а гелоны оказались за его пределами – в лесостепи.

Такое толкование “эллинской” версии скифской этногонической легенды хорошо согласуется с современными реконструкциями истории “ранних скифов” после их возвращения из Передней Азии (Тереножкин А.И., Мозоловский Б.Н., 1988. С. 210–211; Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1992. С. 219–223). Для данной темы весьма важен вывод исследователей о том, что окончательное обособление “скифов Геродота” из массы так называемых “ранних скифов”, среди которых могли быть и предки гелонов, произошло не позже рубежа VI–V вв. до н.э., т.е. в то самое время, когда на Среднем Дону появились первые воронежские курганы. Этническое родство скифов с гелонами в последнее время признают многие исследователи (Артамонов М.И., 1974. С. 93; Рыбаков Б.А., 1979. С. 154, 163; Шрамко Б.А., 1987. С. 158–159; Тереножкин А.И., Мозоловский Б.Н., 1988. С. 210–211). Гипотеза о принадлежности воронежских курганов ираноязычным гелонам – потомкам одной из групп расселившихся в восточноевропейской лесостепи “ранних” или “старших скифов” – во многом объясняет своеобразие этнокультурного облика этого населения, в том числе его близость, но не идентичность классическим скифам Причерноморья. В этих памятниках органически сочетались раннескифские традиции (погребальные сооружения) с многочисленными проявлениями собственно скифской материальной культуры V–IV вв. до н.э. при довольно скромном удельном все специфических местных изделий.

Принадлежность среднедонских некрополей геродотовым гелонам дополнительно подтверждает и находка в кургане 3 группы Частых знаменитого серебряного сосуда. Как убедительно доказал Д.С. Раевский, одна из запечатленных на нем сцен основной скифской этногонической легенды – уход проигравшего состязание героя-эпонима Гелона (Раевский Д.С., 1977. С. 30–34). Маловероятно, чтобы столь редкое изделие случайно оказалось в одном из курганов именно той области, где “отец истории” разместил гелонов. Эта находка дает основание утверждать, что местная военно-аристократическая элита была не только знакома с основным скифским генеалогическим преданием, но и осознавала свою причастность к нему, в первую очередь потому, что в предании фигурировал ее мифологический прародитель – Гелон.

В целом анализ образов и семантики произведений искусства, происходящих из среднедонских курганов, не оставляет сомнений в близости мировоззрения их владельцев ираноязычным скифам. Во всяком случае, язык искусства ски-

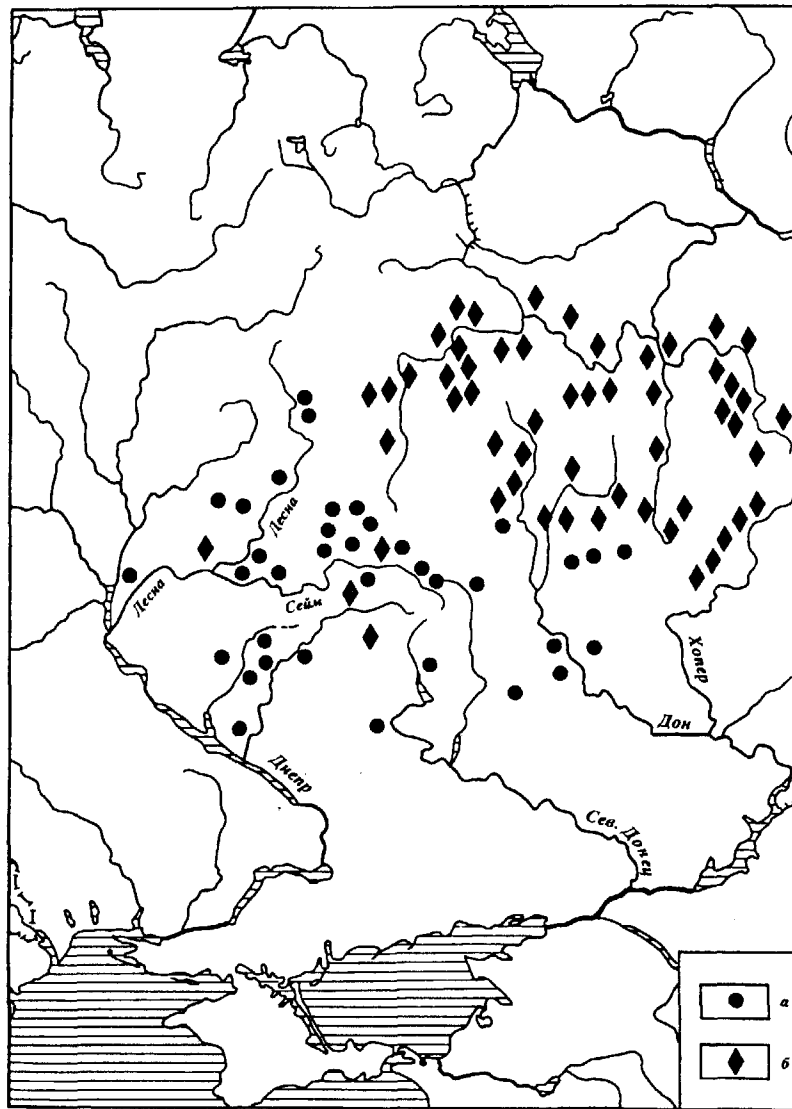

Рис. 64. Иранская и финно-угорская гидронимия лесостепного междуречья Днепра и Дона: а – иранские гидронимы, б – финно-угорские гидронимы

фов-иранцев был понятен среднедонским гелонам. И дело здесь не только в том, что в основе того и другого лежали сходные зооморфные образы. Гораздо важнее то, что с их помощью в Скифии и на Среднем Дону выражались одни и те же идеи, насколько об этом можно судить по Воронежскому серебряному сосуду или деревянной чаше с золотой фигурой хищной птицы вверху и золотой накладкой с изображением оленя на ее тулове.

Возможно, пребывание в Подонье ирано-язычных гелонов оставило определенный след в местной топонимии. Здесь сохранилось около десятка иранских гидронимов, таких, как Потудань (наиболее ранняя засвидетельствованная

форма к XVI в. Потудон), Хворостань (в XVII в. Форосан), Усмань (в XVII в. Усман), Хава (в XVII в. Гава), Снова, Маза, Усердец и др. (Соболевский А.И., 1926, С. 10–11; Соболевский А.И., 1927, С. 12; Загоровский В.П., 1973, С. 107–108, 123). Их картографирование позволило очертить ареал, достаточно близко совпадающий с основной территорией среднедонской культуры скифского времени (рис. 64). Попутно отмечу, что и другие локальные группы лесостепной скифоидной культуры Днепро-Донского междуречья также вполне совмещаются со скоплениями иранской гидронимии. Видимо, это совпадение далеко не случайно. Оно подкрепляет точку зрения тех исследователей, которые относили

эти названия к скифскому времени (*Седов В.В.*, 1965. С. 52–62; *Иллінська В.А.*, 1966. С. 58–91), но не к эпохе бронзы (*Членова Н.Л.*, 1984. С. 259–268)¹⁰.

Среди сохранившихся иранских гидронимов Среднего Подонья особый интерес представляет название реки Хворостань. Вероятнее всего, оно восходит к древнеиранскому *Hu-vara-stana* – “хорошо укрепленное место”, “огражденное стенами и валами пространство” (*Боголюбов М.Н.*, 1962. с. 370; *Грантовский Э.А.*, 1970. С. 203). Такое название местности в Левобережье Среднего Дона вполне могло быть обусловлено особенностями хозяйственной жизни скифоидного населения в этом районе, где известны лишь городища – укрытия и загоны для скота. Возможно, со скотоводческим бытом этого же населения связан и другой левобережный гидроним – р. Хава (Гава) и ее одноименные притоки, производные от древнеиранского **gau* – “скот”, значащий что-то вроде “место, область для скота”. Бытование в скифском языке этой основы засвидетельствовано в этнониме *gauwarga-georgoi*.

Поэтому сейчас нет никаких оснований считать скифоидное население лесостепного Подонья финно-угорским по языку и этносу, на чем настаивал П.Д. Либеров. В системе его доказательств далеко не последнюю роль играла финно-угорская топонимия Среднего Дона, якобы оставленная местными племенами эпохи поздней бронзы и раннего железного века (*Либеров П.Д.*, 1971а. С. 109–115; рис. 3). Но если внимательно изучить составленную им карту, то не остается сомнений в том, что область среднедонской культуры находилась вне пределов основной территории финно-угорской топонимии, сосредоточенной к северо-востоку от нее в Западном Поволжье и Нижнем Поочье. Из

¹⁰ Предпринятое недавно Н.Л. Членовой тотальное сопоставление древней иранской гидронимии Степной Евразии с ареалами срубной и других культур эпохи бронзы вряд ли можно признать удачным, по крайней мере, для Днепро-Донского региона. Дело заключается в том, что основной и наиболее плотный сгусток иранизмов находится в Правобережье Сейма, верховьях Оки и среднем течении Десны (*Топоров В.Н.*, *Трубачев О.Н.*, 1962. С. 222–232, карта 2). Но на этой территории памятники срубной культуры уже не известны. В Днепро-Донском междуречье ее северная граница проходила гораздо южнее, по водоразделу Сейма и Псла (*Берестнев С.И.*, 1983. С. 37–38). Отмечу, что при изучении коллекций с памятников Курского Посеймья мне ни разу не встретились фрагменты срубной посуды, составляющие в соседних регионах более 50% сборов. К северу от Сейма не исследовано ни одного срубного погребения. Зато совпадение сейминского варианта скифоидной культуры с ареалом иранской гидронимии полное, вплоть до распространения скифоидных городищ в верховьях Оки. Именно в скифскую эпоху там сложилась этническая ситуация, создавшая благоприятные условия для балто-иранского контакта в результате длительного сосуществования на смежных территориях юхновских и скифоидных племен.

весьма обширного списка топонимов, приведенных П.Д. Либеровым, в границах изучаемого ареала остается 5–6 названий, причем, как выяснилось, все они имеют более надежную тюркскую этимологию (р. Кшень от тюрк. “кша” – лагерь, кош; пос. Кисляй – от тюрк. “кислеу” – источник) или обязаны своим происхождением позднейшим антропонимам, как, например, с. Пекшево – не от фин. “пекша” – липа, а от фамилии помещика: в Дозорной книге начала XVII в. это селение называлось “деревня Пекишева” (*Материалы*, 1891. Т. 2. С. 85).

Топонимическая аргументация П.Д. Либерова оказалась не состоятельной еще и по той причине, что он картографировал главным образом поздние ойконимы, а не гидронимы, которые, как известно, более надежно сохраняют историческую память о языке древнего населения края (*Топоров В.Н.*, *Трубачев О.Н.*, 1962. С. 3). Большинство же использованных им названий принадлежат населенным пунктам, возникшим в ходе русской колонизации Задонщины в конце XVII–XVIII в. Достоверные финно-угорские гидронимы известны только в бассейне Верхнего Дона, заселенном в скифское время преимущественно городецкими племенами – геродотовыми тиссагетами. Их принадлежность к одной из групп волжских финнов сомнений не вызывает.

В отличие от полностью (или частично) ираноязычных гелонов и финноязычных тиссагетов язык и этническая принадлежность геродотовых будинов продолжают оставаться неизвестными. Все имеющиеся гипотезы о славянской, балтской, финно-угорской, германской, кельтской и какой-либо еще принадлежности будинов представляются малообоснованными (или совсем необоснованными) наличным материалом. Возможно, что “большой и многочисленный народ будинов” принадлежал к какому-то особому этносу, исчезнувшему или ассимилированному в ходе последующих бурных событий рубежа скифской и сарматской эпох. Не следует забывать, что индоевропейские народы, существование которых позволяет предположить сравнительное языкознание, представляли лишь часть, притом возможно, небольшую из числа тех, которые действительно существовали в древности. Так ли дело обстоит с геродотовыми будинами, покажут дальнейшие исследования.

В заключение несколько слов о проблеме переселения невров в землю будинов (*Herod.*, IV, 105). На археологическом материале ее решение обычно сводится к поискам следов правобережных культур на территории Днепропетровского Левобережья. Б.Н. Граков предложил считать таковыми памятники скифского времени Поворскля, по своему происхождению, бесспорно, связанные с

культурой населения Киевско-Черкасского района (*Граков Б.Н.*, 1971, с. 151–152). В последнее время это отождествление поддержали и другие исследователи (*Шрамко Б.А.*, 1987, с. 158–161; *Тереножкин А.И.*, *Мозолевский Б.Н.*, 1988, с. 225–226; *Мелюкова А.И.*, 1991, с. 6). Но при такой идентификации город Гелон, локализуемый названными исследователями на месте Бельского городища, оказывается не в “земле будинов”, а в земле невров, ибо с Правобережья это население переселилось на Ворсклу не позднее VIII–VII вв. до н.э.

Появляются и другие затруднения, в частности с последовательностью племен, упомянутых Геродотом по северной периферии Скифии.

О.Н. Мельниковой предложена иная локализация геродотовых невров на территории милоградской культуры (*Мельниковская О.Н.*, 1967, с. 167–171). Ее полностью принял Б.А. Рыбаков, обративший внимание на то, что милоградские городища распространяются и в Левобережье Верхнего Поднепровья вплоть до р. Сож. В этом он увидел археологическое свидетельство переселения милоградцев-невров к юхновцам-будинам (*Рыбаков Б.А.*, 1979, с. 147). Гипотезу о милоградцах-неврах сейчас в той или иной степени разделяют и другие исследователи (*Рассадин С.Е.*, 1989, с. 128; *Еременко В.Е.*, 1989, с. 90–129).

Каждая из рассмотренных гипотез имеет свои сильные и слабые стороны. На мой взгляд, милоградская гипотеза все же больше соответствует представлениям Геродота о местоположении невров среди других периферийных племен “Скифского квадрата”. В связи с этим определенный интерес представляют находки украшений верхнеднепровских типов в среднем слое Пекшевского городища. Может быть, на них и не следовало бы акцентировать внимание, если бы на этом и других памятниках лесостепного Подонья не были открыты весьма своеобразные жилища с нишами, единственные близкие аналогии которым известны только в милоградской культуре (рис. 42). Возможно, это не случайное совпадение, а определенное свидетельство далеких переселений каких-то верхнедонских групп на территорию Подонья. Исследователей всегда смущала удаленность последнего от области Невриды. Но примеры далеких миграций племен даже в лесной зоне хорошо известны с эпохи бронзы (фатьяновцы) и раннего железного века (расселение восточных балтов вплоть до Волго-Клязьминского междуречья). Последнюю точку в решении этого вопроса должны поставить археологические исследования верхнедонских городищ с хорошо сохранившимся культурным слоем раннескифского времени.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

О ФИНАЛЕ СРЕДНЕДОНСКОЙ КУЛЬТУРЫ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

Вплоть до недавнего времени исследователи связывали гибель Скифии с опустошительным вторжением сарматов (*Ростовцев М.И.*, 1918. С. 33–34; *Граков Б.Н.*, 1954. С. 28; *Мачинский Д.А.*, 1971. С. 30–34; *Максименко В.Е.*, 1983. С. 128–129). В наиболее полном виде эта концепция разработана в последней книге К.Ф. Смирнова (*Смирнов К.Ф.*, 1984). Придерживался ее и я в объяснении смены археологических культур в лесостепном Подонье в последней трети I тыс. до н.э. (*Медведев А.П.*, 1990. С. 182). Однако в результате существенного уточнения датировок наиболее поздних скифских курганов (*Брашинский И.Б.*, 1965. С. 89–109; *Алексеев А.Ю.*, 1992. С. 157–164), с одной стороны, и хронологии самых ранних сарматских погребений Северного Причерноморья (*Полин С.В.*, *Симоненко А.В.*, 1990. С. 52–62) – с другой, между первыми и вторыми выявился хиатус протяженностью в 1,5 века. По мнению С.В. Полина и А.В. Симоненко, в степи не известны скифские погребения позже начала III в. и сарматские ранее середины II в. до н.э.¹ Этим исследователям удалось не только нащупать болевые точки проблемы, но и показать слабость традиционной источниковой базы, на которой строилась концепция сарматского завоевания Скифии.

Причины запустения Скифии украинские археологи сейчас пытаются найти в негативных природно-климатических изменениях III в. до н.э. (*Полин С.В.*, 1984. С. 24–34) или в экологическом кризисе (пастбищная дигрессия), вызванном чрезмерным развитием кочевого скотоводства у скифов (*Гаврилюк Н.А.*, 1989. С. 24). Однако вряд ли последние столь же радикально могли проявиться и в более благоприятной для жизни лесостепной зоне, что сделало невозможным дальнейшее существование традиционных ХКТ лесостепных земледель-

цев и скотоводов. Даже при самой экстремальной климатической ситуации ее ландшафты по продуктивности в худшем случае приблизились бы к степным, что все же позволило как-то выжить хотя бы одному из местных хозяйственных укладов – скотоводству. Между тем к началу III в. до н.э. в лесостепи не только затухает жизнь на скифоидных городищах, но и повсеместно обрывается традиция совершать курганные захоронения. Эти явления едва ли можно удовлетворительно объяснить только лишь воздействием природного или экологического факторов.

Как представляется, весьма важные материалы к разгадке тайны гибели Лесостепной Скифии могут дать памятники типа Семилукского городища на Верхнем Дону (рис. 65). С 1984 по 1993 г. оно исследовалось археологической экспедицией Воронежского университета (*Пряхин А.Д.*, *Разуваев Ю.Д.*, 1993; *Пряхин А.Д.*, *Разуваев Ю.Д.*, 1993а). Это обычное небольшое укрепленное поселение среднедонской культуры V–IV вв. до н.э. В конце скифской эпохи оно прекратило существование в результате какого-то чрезвычайного события. Фактически городище превратилось в один большой могильник, содержащий останки не менее 70 человек (45 целых и 25 разрушенных костяков). Захоронения встречались по всей центральной части городищенской площадки попеременно с остатками жилых и хозяйственных сооружений.

Погребальный ритуал на Семилукском городище сводился к минимуму. Захоронения совершались в котлованах заброшенных жилищ и хозяйственных ямах, большинство из них были коллективные (рис. 66). Их отличает неустойчивость поз и ориентировок. Большая часть погребенных лежала в той или иной степени скорченно, на правом или левом боку, есть погребения лежа на спине и даже ничком. Еще большее многообразие наблюдается в положениях рук и ног, которые занимают практически все мыслимые позиции. У ряда костяков поза объясняется тем, что сразу после смерти им не было придано какое-либо определенное положение. Довольно много находок отдельных частей скелетов, открыты захоронения человеческих черепов (от 1 до 12). Лишь примерно у трети погребенных прослеживаются признаки обрядности в виде положения кистей рук у головы или перед лицом.

Спектр ориентировок погребенных довольно

¹ Не исключено, что отсутствие в Степном Причерноморье как скифских, так и сарматских захоронений, определенно датированных III в. до н.э., объясняется несовершенством скифо-сарматской хронологии, особенно для переходных эпох (*Шукин М.Б.*, 1994. С. 86). Как известно, она опирается на датировки по античным импортам. В этом случае любая нестабильность в степи неизбежно вызывала нарушение устойчивых торговых связей, приток импорта на время прекращался, в результате исчезали надежные основания для узких датировок. Видимо, такая ситуация сложилась в Северном Причерноморье в III в. до н.э.

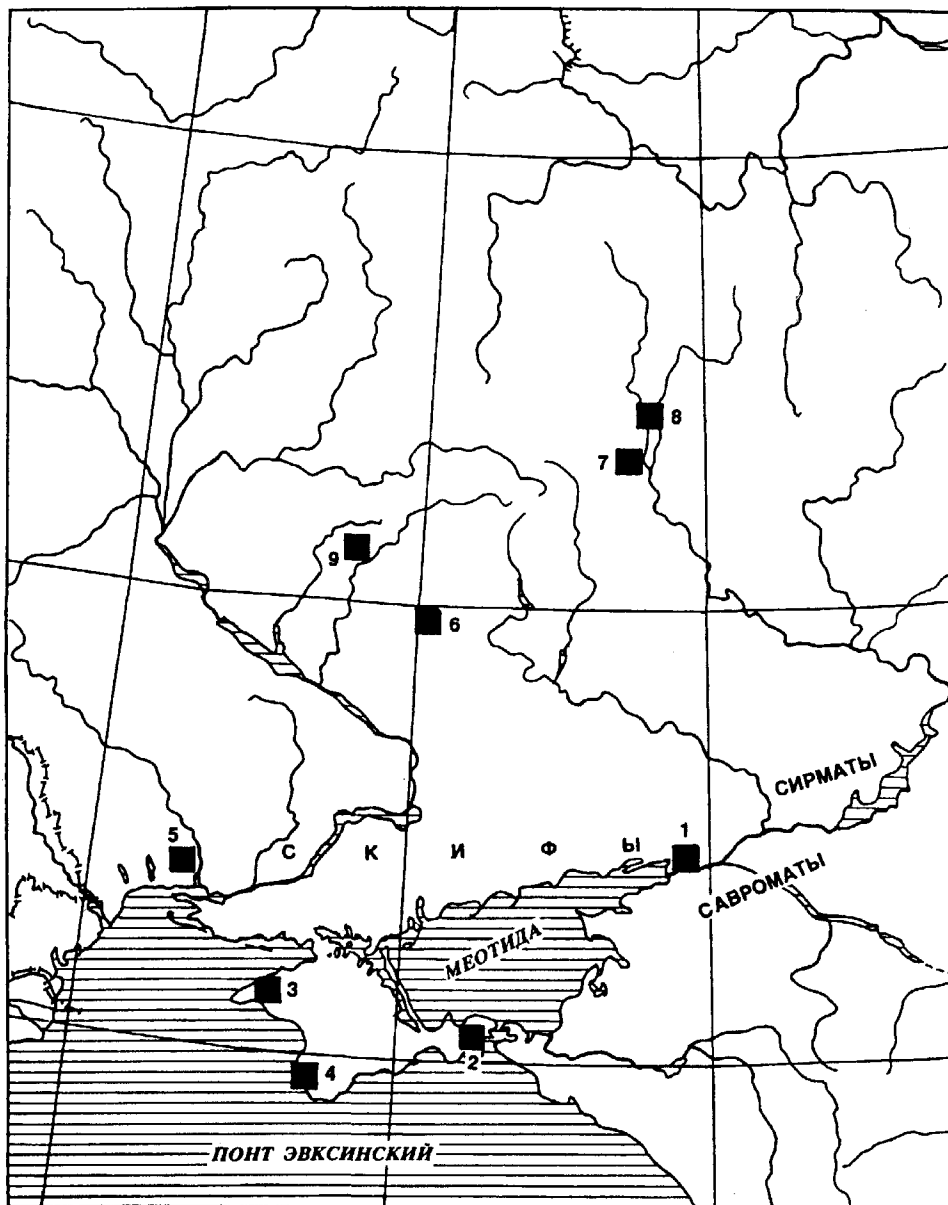

Рис. 65. Карта поселений Юга Восточной Европы со следами разгрома и гибели людей на рубеже IV–III вв. до н.э.
 1 – Елизаветовское городище; 2 – поселения Европейского Боспора; 3 – поселения Северо-Западного Крыма; 4 – ближайшая округа Херсонеса; 5 – хора Ольвии; 6 – Коломакское городище; 7 – Семилукское городище; 8 – Пекшевское городище, 9 – Кнышевское городище

равномерно охватывает все 360°, что, скорее всего, свидетельствует о случайном их распределении. Складывается впечатление, что многие захоронения совершались явно в спешке и сводились к опусканию, а то и просто к сбрасыванию покойников в котлованы жилищ и ям. В этом убеждают многочисленные случаи перекрытия костяками друг друга, иногда лежащими крест-накрест. На неординарность семилукских

захоронений указывает и отсутствие каких-либо следов перекрытий².

² На первый взгляд, исключение представляет погребение 7, совершенное в постройке, перекрытое заполнением с остатками нескольких очагов (Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д., 1993. С. 86–89). Однако по положению погребенных оно ничем существенно не отличается от прочих захоронений. В этом отношении особенно показателен скелет подростка, сброшенного в яму. Он лежал ничком, его голова и грудь свесились в яму, где уже находились останки мужчины (рис. 66, 4).

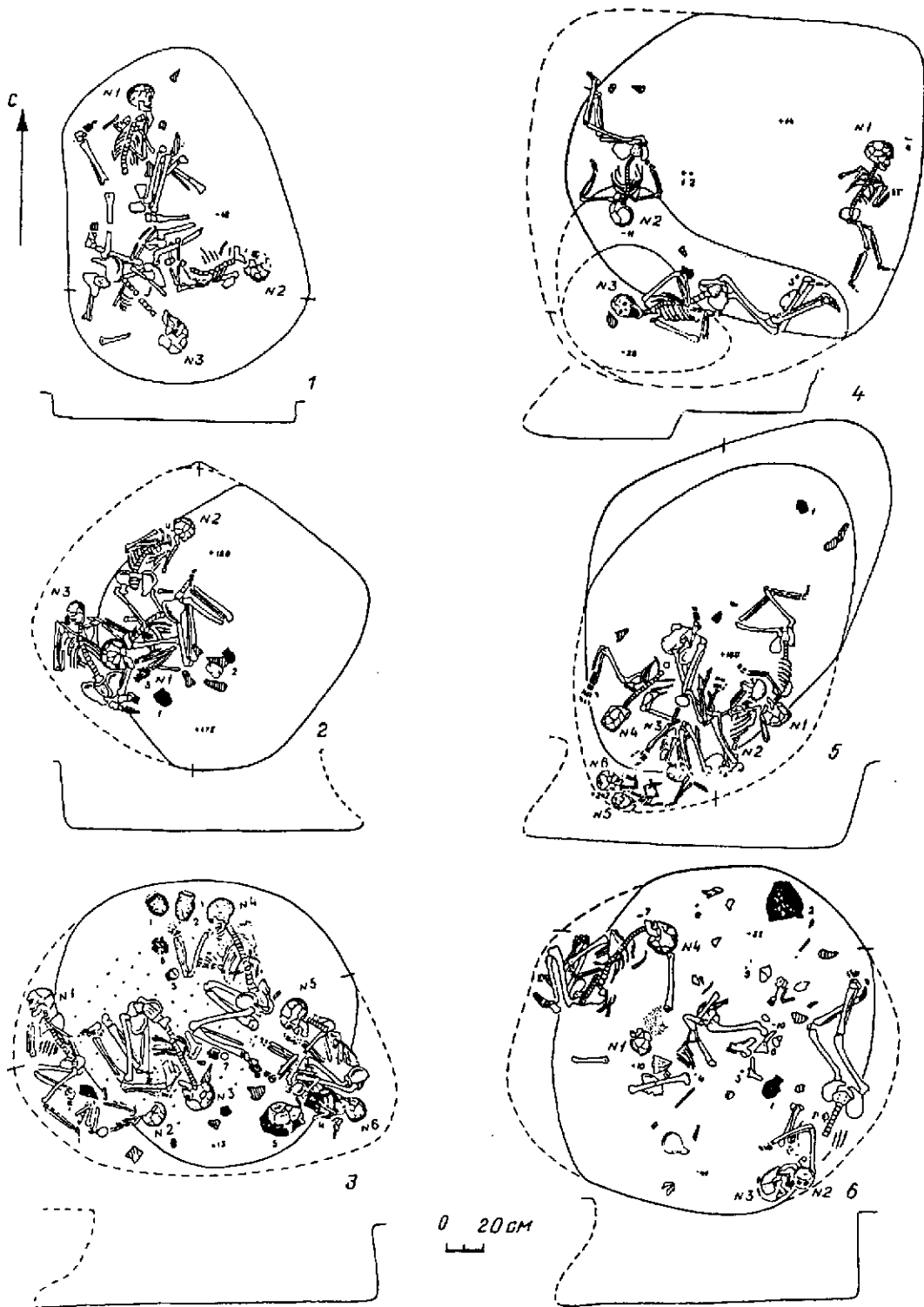

Рис. 66. Массовые захоронения людей на Семилукском городище: 1 – погр. 1; 2 – погр. 3; 3 – погр. 6; 4 – погр. 7; 5 – погр. 9; 6 – погр. 10

После помещения умерших в ямы совершались достаточно простые ритуалы. В большинстве могил они ограничивались оставлением сосудов с пищей или питьем обычных городищенских типов. Как правило, их трудно увязать с конкретными костяками, хотя в отдельных случаях горшки находились у головы или перед лицом погребенных (рис. 66, 3). В то же время не исключено, что часть посуды, особенно обнаруженной в раздавленном виде под костяками, могла оказаться там еще до помещения погребенных как остатки обычной домашней утвари. То же самое следует сказать и о других находках (глиняные пряслица, орудия труда из железа, кости, камня), принадлежность которых конкретным погребенным практически не просматривается. Как керамика, так и все найденные в погребениях орудия труда идентичны находкам из культурного слоя Семилукского городища.

Семилукские захоронения отличает исключительная бедность находок украшений. Достаточно указать, что не менее чем на 70 погребенных приходится всего два бронзовых височных колечка, маленькая бронзовая серьга с бусинкой, пара пастовых бус, костяная пронизь и два астрагала. Полностью отсутствуют какие-либо детали одежды. Ко времени совершения захоронений на погребенных ее, скорее всего, уже не было. Складывается впечатление, что их хоронили без одеяний и личных украшений, а те немногие, что найдены, уцелели случайно.

Вместе с захоронениями найдены наконечники стрел: два бронзовых трехлопастных втульчатых и два втульчатых железных – плоский и трехлопастной. Однако из них только бронзовый наконечник из погребения 10 лежал среди скопления человеческих костей. По его местоположению невозможно категорично утверждать, что он находился в теле погребенного, но и исключать этого также никак нельзя. Вообще присутствие в массовых захоронениях отдельных наконечников стрел, а не колчаных наборов, пусть и самых скромных, скорее, свидетельствует против включения их в состав обычного сопровождающего инвентаря.

Не вызывает сомнений, что семилукские погребения принадлежали местному рядовому населению – последним обитателям городища. Но это не обычный грунтовый могильник. Он явно не отражает весь период жизни поселения, а связан лишь с его финалом. Появление массовых захоронений на жилой площади городища свидетельствует о каком-то чрезвычайном событии, нарушившем его нормальную жизнь и повлекшем за собой гибель большинства его обитателей³. Судя по отдельным находкам в

³ Это не исключает возвращения на городище спустя какое-то время после трагического события части уцелевших жителей, собравших и в спешке похоронивших останки погибших по явно "сокращенному" ритуалу. Однако, видимо, людские потери были столь велики, что нормальная жизнь здесь так и не возобновилась.

слое фрагментов античной круговой керамики, в том числе ножки амфоры из южнопонтийских центров первой половины III в. до н.э. (определение С.Ю. Монахова), это событие вряд ли могло произойти ранее рубежа IV–III в. до н.э. (*Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д.*, 1995. С. 67).

Первоначально Семилукский могильник был атрибутирован как особый погребальный комплекс, свойственный рядовому населению Донской лесостепи. Искать его истоки предлагалось в более северных районах, занятых финно-угорскими племенами (*Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д.*, 1989. С. 60–61). Однако с синхронными могильниками последних он не имел практически ничего общего. В последних публикациях оценка памятника существенно изменилась. С одной стороны, соавторы предложили рассматривать этот памятник как проявление достаточно устойчивой погребальной традиции, существовавшей у населения восточноевропейской лесостепи и имеющей широкие аналогии в Скифском мире (*Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д.*, 1993а. С. 20). С другой стороны, в той же публикации они правильно подчеркивали внезапность и неестественность смерти людей, предопределившей место и специфический обряд погребения, с чем нельзя не согласиться. Но это не столько подтверждает, сколько опровергает их предшествующий тезис, так как в данном случае логичнее говорить не о сохранении устойчивой погребальной традиции, а скорее о ее нарушении, тем более что по всем показателям семилукские захоронения резко отличаются от хорошо известных грунтовых могильников Украинской лесостепи (*Бокий Н.М.*, 1987. С. 23–24; *Кубишев А.И.* и др., 1995. С. 104–111).

Малоубедительно выглядит и самая последняя гипотеза об эпидемии как возможной причине внезапной гибели если не всех, то значительной части людей, обитавших на Семилукском городище (*Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д.*, 1993. С. 91). Она не только ничем конкретно не подкрепляется, но находится в явном противоречии с опубликованным материалом.

Представляется, что ключ к разгадке причины массовой гибели обитателей этого городища может дать анализ антропологического материала лиц, по существу одновременно погребенных в его жилищах и хозяйственных ямах. Из более чем 70 умерших большинство составляли дети до 10 лет (58%) и люди преклонного возраста (30%). Очень невелико число пожилых и взрослых моложе 30 лет, особенно мужчин (*Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д.*, 1993а. С. 19). При таком соотношении групп погребенных мы явно имеем дело не с результатами эпидемии, которая, как известно, косит людей, не разбирая пола и возраста, а с какой-то иной выборкой. За ее пределами оказалась большая часть мужчин боеспособного возраста, в момент трагедии, вероятно, находившихся вне пределов городища. Также, види-

мо, далеко не случайно в погребениях слишком мало оказалось девушек и женщин в возрасте до 30 лет, которых обычно вводили в полон.

В пользу такой интерпретации свидетельствуют и другие данные. Обращает на себя внимание довольно многочисленная серия находок предметов вооружения вне погребальных комплексов, причем не только наконечников стрел, но и наконечников копий, подтоков дротиков среднедонских типов, а также боевого топора. На Семилуцком городище оружия найдено больше, чем на всех остальных скифоидных поселениях Подонья. Не лишне напомнить, что в последние годы на городище обнаружены остатки сгоревших деревянных укреплений (*Прахин А.Д., Разуваев Ю.Д., 1995. С. 46*). В таком случае причину массовой гибели его обитателей следует искать скорее не в области медицины, а в истории – среди бурных и трагических событий ружеба IV–III вв. до н.э., когда пала не только Великая Скифия, но и все тесно связанные с ней этнополитические образования. И если попытаться рассмотреть этот памятник в более широком археологическом контексте, выйдя за узкие рамки верхнедонского региона, то он не будет выглядеть таким уж уникальным, как это представлялось на первых порах.

Сейчас можно назвать еще один памятник, где открыта почти аналогичная картина массовой гибели людей в конце скифской эпохи. Это Коломацкое городище на Ворскле, исследуемое В.Е. Радзиевской с 1975 г. (*Радзиевская В.Е., 1992. С. 177–179*). В ходе раскопок надежно установлено, что на рубеже IV–III вв. до н.э. это городище подверглось страшному разгрому. Археологи открыли трагическую картину гибели не менее чем 50 его обитателей. Они лежали в позах, в которых их застала смерть, так как большинство погибших уцелевшие жители даже не успели похоронить. Неоднократно находили убитых в сгоревших жилых постройках (*Радзиевская В.Е., 1978. С. 377–378; Радзиевская, 1979. С. 293*). В их костяках застряли бронзовые и железные наконечники стрел, много наконечников собрано и в самом культурном слое. В.Е. Радзиевская связала гибель Коломацкого городища с нападением сарматов (*Радзиевская В.Е., 1992. С. 178*).

Недавно следы разрушений выявлены в верховьях Псла на Кнышевском городище. Судя по найденной в слое пожара монете Филиппа II Македонского, его гибель могла произойти лишь после третьей четверти IV в. до н.э. (*Гавриш П.Я., 1995. С. 136*). Не исключено, что и на Пекшевском городище на р. Воронеж второй пожар связан с близкими по характеру событиями, трагические последствия которых открыты на Семилуцком и Коломацком городищах. Здесь во 2-м штыке верхнего слоя IV–III вв. до н.э. по всему периметру жилой пло-

щадки исследованы сгоревшие в огне сильнее пожара деревянные укрепления, правда, без останков защитников. Последнее легко объяснимо: в отличие от более южных поселений на Пекшевском городище жизнь вскоре возобновилась, причем на той же этнокультурной основе, что и до пожара (*Медведев А.П., 1990. С. 174*).

На мой взгляд, приведенные выше материалы никак не укладываются в рамки новых гипотез естественного затухания Скифии в результате только природных или экологических катаклизмов. По своему характеру они должны рассматриваться скорее в одном ряду с поселениями Северо-Восточного Приазовья, Восточного и Северо-Западного Крыма, других районов Причерноморья, где в последнее время открыты многочисленные свидетельства погромов и гибели людей в начале III в. до н.э. (*Шеглов А.Н., 1985. С. 192; Житников В.Г., Яковенко Э.В., 1987. С. 186; Марченко К.К. и др., 1988. С. 71; Масленников А.А., 1993. С. 60–61*). По существу, лесостепные городища замыкают с севера череду разрушенных поселений по всей “периферии” Скифии – там, где была прочная оседлость. На лесостепных поселениях в силу известных причин практически не встречаются такие массовые “хроноиндикаторы”, как монеты и аморфные клейма, позволившие датировать гибель многих античных поселений временем между 275 и 265 гг. до н.э. (*Горончаровский В.А., 1987. С. 11; Федосеев Н.Ф., 1990. С. 157–160; Масленников А.А., 1993. С. 60–61*). Однако материалы Семилуцкого и Коломацкого городищ не оставляют сомнений, что после их разрушения в лесостепи обрываются традиции развития скифоидной культуры, по крайней мере в Днепро-Донском междуречье. Ее отдельные элементы пережиточно сохраняются лишь в глухих северных районах, в частности на Верхнем Дону (*Медведев А.П., 1990. С. 197–201*).

Встает закономерный вопрос о виновниках трагических событий на лесостепных городищах конца скифской эпохи. Следует признать, что в лесостепи, как, впрочем, и на других разоренных поселениях скифской “периферии” завоеватели не оставили никаких прямых свидетельств для установления их этнокультурной принадлежности. Однако в отличие от Степной Скифии, где их следы до сих пор обнаружить не удалось, видимо, в первую очередь в силу мобильного характера скифского общества и его культуры, на Среднем Дону они сейчас как будто бы начинают выявляться. Прежде всего нужно обратить внимание на то, что в костяках на Коломацком городище и в погребениях Семилуцкого могильника встречены втульчатые наконечники стрел самых поздних “скифских” типов, причем как бронзовые, так и железные. Эта весьма существенная культурно-хронологическая деталь указывает на то, что виновниками их гибели

ли могли быть не сарматы, как предполагала В.Е. Радзиевская (у ранних сарматов Подонья наконечники были уже железные черешковые), а скорее всего, еще савроматы (сирматы) или какие-либо другие кочевники Подонья–Прикубанья конца скифской эпохи, для которых было характерно сочетание в колчаных наборах бронзовых и железных втульчатых наконечников стрел.

Представляется, что определенные материалы для решения этой проблемы могут дать и погребальные памятники. Сейчас, как и повсюду ни один из среднедонских курганных комплексов нельзя надежно датировать позже рубежа IV–III вв. до н.э. Это заключение относится и к кургану 30/6 Мясногинского могильника, который в Своде П.Д. Либера помещен в III в. до н.э. (Либера П.Д., 1965. С. 30, рис. 2, 1). По найденной в нем гераклеийской амфоре (определение С.Ю. Монахова) он почти на столетие древнее.

Однако для понимания этнополитической ситуации в Донской лесостепи в конце скифской эпохи более существенным может оказаться то обстоятельство, что к концу IV в. до н.э. происходят значительные перемены в составе погребального инвентаря среднедонских курганов. В некоторых из них появляются захоронения, содержащие чуждые среднедонской культуре вещи: два меча синдо-метоского типа в погребении кургана 15 у с. Дуровки (рис. 67, 1), бронзовый литой котел “савроматского” типа с одним выступом на ручках и рельефным веревочным орнаментом на тулове из кургана 20 того же могильника (рис. 67, 2), пара медных кованых котлов из Аверинского кургана: большой котел (рис. 67, 3) типа кубанских Семибратних и Курджипского курганов, Куковой могилы в Болгарии и Вергины в Македонии, а также малый котел (рис. 67, 4) типа котла из раннесарматского погребения Жutowского могильника. В кургане 1 у с. Лосево недавно открыто захоронение с горшком, имеющем характерное для савроматской керамики яйцевидное тулово, и с куском мела (рис. 67, 5–6). О возможном проникновении новой волны кочевников на Средний Дон свидетельствует разрушенное погребение у г. Павловска, в котором обнаружен типичный савроматский каменный жертвенник (рис. 67, 7).

Кубано-нижнедонской облик этих инноваций вряд ли можно объяснить лишь результатами усиления культурных и торговых связей, тем более что они появляются на Среднем Дону в конце скифской эпохи, когда гибнут или забрасываются лесостепные городища. Не исключено, что если не все, то некоторые из них являются отражением начавшейся инвазии на северо-запад каких-то групп кочевников савромато-сирматского круга. Это обстоятельство вновь заставляет обратиться к известному сообщению Диодора о вторжении савроматов в Скифию:

“Эти последние много лет спустя, сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню” (*Diod.*, II, 43, 7). Современные исследователи по-разному оценивают степень его исторической достоверности. Крайне негативная оценка сообщения Диодора недавно прозвучала в книге С.В. Полина, приложившего немало усилий для доказательства его легендарного характера и приуроченности к ранним этапам скифской истории (Полин С.В., 1992. С. 96–97).

Однако из текста Диодора отнюдь не следует, что это событие он относил именно к архаической Скифии. Само упоминание о вторжении савроматов в Скифию имеет форму обычной для греческой исторической литературы вставки, весьма типичной и для “Библиотеки”. Она ясно вычленяется из рассказа о древнейшей истории Скифии словами “много лет спустя”. Да и возвращаясь после отступления к главной теме, Сицилиец опять повествует о скифской истории задолго до этого события, иначе как понять его мысли, что в стране, где поголовно истреблено население, однажды воцаряется междуцарствие (II, 44, 1).

Хорошо известно, что Диодор как историк был исключительно добросовестным компилятором. Его труд не случайно назван “Библиотекой”. Она действительно включала целые, подчас довольно пространные отрывки из сочинений предшественников, расположенные в определенном хронологическом порядке. В отличие от Геродота и других историков Диодор не давал своих комментариев и оценок, а значит, и не привносил представлений своего времени в более ранний источник. Для нашей темы весьма существенно то, что он довольно хорошо разбирался в событиях истории Причерноморья, в частности Боспора конца IV в. до н.э. (Шукин М.Б., 1994. С. 84). Вызывает недоумение упрек С.В. Полина Диодору в отсутствие у того упоминаний о событиях III–II вв. до н.э. (Полин С.В., 1992. С. 97), т.е. времени гибели Скифии и появления на исторической арене Сарматии и сарматов. Общеизвестно, что как раз для эпохи эллинизма книги его “Библиотеки” сохранились крайне фрагментарно. Но Диодор был знаком и использовал сочинения Эфора, Феопомпа, Дурица, боспорского Анонима и других авторов (Schwartz E., 1903. Col. 669, 683–690), которые писали и о интересующих нас северных кочевниках, тем более что ему, вопреки мнению С.В. Полина, естественно, был известен и этноним сарматы (*Diod.*, IV, 45, 4). Да и данные археологии совсем не противоречат картине, нарисованной Диодором, а скорее ее подтверждают, если принять во внимание то, что историк пишет не о завоевании Скифии савроматами, а лишь о ее опустошении.

Как представляется, последнюю точку над *i* в

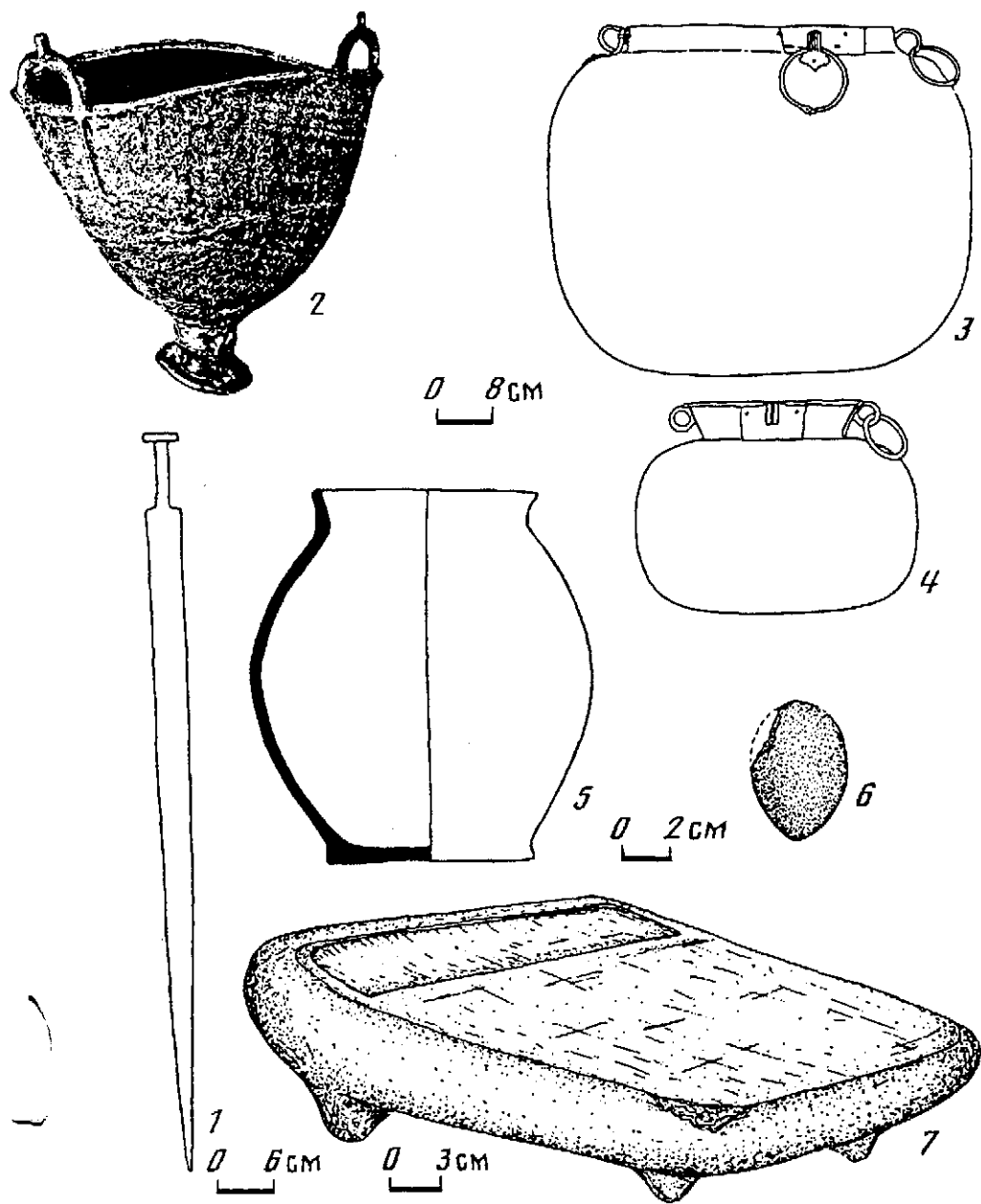

Рис. 67. Находки савромато-сирматского круга на Среднем Дону: 1 – Дуровка, к. 15; 2 – Дуровка, к. 20; 3–4 – Аверино; 5–6 – Лосево, к. 1; 7 – Павловск

споре о исторической реальности вторжения сарматов в Причерноморье поставило новое прочтение Ю.Г. Виноградовым херсонесского декрета о “несении Диониса”, датируемого ок. 280 г. до н.э. (Виноградов Ю.Г., 1997. С. 104–124). Из него явствует, что свободные жители Херсонеса отправились вместе с детьми и женами за стены города для сбора урожая, но столкнулись с серьезной угрозой быть проданными в рабство варварам, ибо в это время совершило свое очередное вторжение полчи-

ще сарматов. Имя последних полностью сохранил мрамор. Важно, что в отличие от текста Диодора, передающего историографическую традицию о весьма отдаленном прошлом, здесь вторжение сарматов запечатлено в государственном декрете как актуальное событие, причем из его текста видно, что нападение 280 г. до н.э. было далеко не первым.

Безусловно, не все названные выше разрушения на поселениях античной хоры и лесостепных городищах непосредственно связаны с то-

тальной экспансией савроматов-сарматов, которой в том виде и масштабах, как описал Диодор, может быть, в действительности и не было. Сарматский фактор нужно рассматривать с учетом территориально-хронологического аспекта и в комплексе с другими возможными причинами гибели Скифии (Бруяко И.В., 1995. С. 235). Однако археологическая “одновременность” и, как теперь становится все более очевидным, повсеместность разорения зоны оседлости на юге Восточной Европы, скорее, свидетельствует против попыток тех исследователей, которые стремятся найти объяснение этому явлению, исходя лишь из специфических местных факторов (будь то деятельность царей Боспора на Нижнем Дону или в Восточном Крыму, экспансия скифов в Северо-Западный Крым или нашествие галатов на Ольвийскую хору), без учета общей ситуации в Причерноморье. Последние не исключаются, но и они сами, скорее всего, все же были локальными следствиями более масштабного и переломного в истории юга Восточной Европы события – гибели и распада Скифии.

Накопленный к настоящему времени археологический материал свидетельствует, что она не затухала медленно в течение всего III в. до н.э. из-за естественного ухудшения природно-климатических условий или экологии, а стремительно пала, скорее всего в результате сильного толчка с востока⁴. Такой ход событий подтверждает и вся последующая история кочевнических раннегосударственных образований на юге Восточной Европы (Плетнева

⁴ Я не исключаю негативного влияния климатического фактора или каких-либо иных, побудивших часть кочевников савроматов (сирматов) к миграции на запад или способствовавших ослаблению экономического потенциала Скифии. О сложном механизме взаимодействия различных природных и исторических факторов в восточноевропейской степи см.: Плетнева С.А., 1982. С. 142–143; Шукин М.Б., 1994. С. 86.

ва С.А., 1982. С. 127–144). По существу мы имеем дело с конкретно-историческим проявлением универсального “закона степей” эпохи кочевого хозяйства, выразившимся в периодическом и неуклонном движении кочевых орд с востока на запад при военном преобладании восточных номадов над западными (Мачинский Д.С., 1989. С. 21).

Бурные события на юге, связанные с низвержением старых владык и утверждением новых хозяев степи, почти всегда болезненно отражались и в лесостепи. Достаточно вспомнить гибель черняховской культуры в результате гуннского нашествия или салтово-маяцкой культуры под ударами печенегов, не говоря уж о страшном монголо-татарском нашествии. К этому ряду явлений сейчас можно добавить и весьма впечатляющие свидетельства жестокого разорения лесостепных скифоидных городищ на рубеже скифской и сарматской эпох.

С этого времени на Среднем Дону происходит ломка и довольно быстрое изживание традиций скифской эпохи. Скорее всего, в бурных событиях этого, во многом “темного” для археологов века погибли (или, будучи вовлеченными в их водоворот, покинули родную землю?) знать и воины – основные носители “скифского культурного комплекса”. Во всяком случае, тогда пресеклись роды, погребавшие своих усопших в курганах типа Частых и Мастюгинских, а значит, распались те “вождества”, на которых держалась потестарная структура среднедонских этносоциальных образований. В результате исчезла социальная среда и окружение, которые питали субкультуру местной знати с ее ярко выраженным “скифским” обликом. Впоследствии, видимо, именно это обстоятельство сыграло важную роль в широком распространении в Донской лесостепи культурных новаций, генетически связанных с другим степным этносом – сарматами. Но это уже тема отдельного исследования.

- Абаев В.И.*, 1981. Геродотовские *skythai-georgoi* // ВЯ. № 2.
- Александровский А.Л.*, 1983. Эволюция почв Восточноевропейской равнины в голоцене. М.
- Александровский А.Л.*, 1988. Эволюция почв Восточной Европы на границе между лесом и степью // Естественная и антропогенная эволюция почв. Пушчино.
- Александровский А.Л., Гольева А.А.*, 1995. Палеоэкология восточноевропейской лесостепи в голоцене по данным междисциплинарного анализа новых археологических памятников // Тез. докл. науч. конф., посвященной М.П. Трунову. Липецк.
- Алексеев А.Ю.*, 1992. Скифская хроника. СПб.
- Алексеев А.Ю.* и др., 1993 *Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасев С.Р.* Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб.
- Алихова А.Е.*, 1959. Некоторые древние городища Мордовской АССР // Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск.
- Алихова А.Е.*, 1962. Древние городища Курского Посеймья // МИА. № 113.
- Анфертьев А.Н.*, 1993. Прологомены к изучению этнической истории // Этнос и исторические процессы. М.
- Артамонов М.И.*, 1949. Этногеография Скифии // Учен. зап. ЛГУ. № 85. Сер. ист. наук. Вып. 13.
- Артамонов М.И.*, 1973. Гелоны, агафирсы и сигинны // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л. Вып. 2.
- Артамонов М.И.*, 1974. Киммерийцы и скифы. Л.
- Археология Украинской ССР.* Киев, 1986. Т. 2.
- Бадер О.Н.*, 1970. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.
- Бараи С.И.*, 1989. История неурожаев и погоды в Европе. Л.
- Башилов В.А.*, 1963. Курганы с трупосождением у с. Мاستюгино // СА. № 2.
- Берг Л.А.*, 1947. Географические зоны Советского Союза. М. Т. 2.
- Березуцкий В.Д.*, 1995. Курганы скифского времени лесостепного Дона (к реконструкции социальных отношений). Воронеж.
- Березуцкий В.Д.*, 1996. Курганы скифского времени у села Ближнее Стояново // Археологические исследования высшей педагогической школы. Воронеж.
- Берестнев С.И.*, 1983. Срубная культура лесостепного Левобережья Украины: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Харьков.
- Берестнев С.И.*, 1994. Поселение Таранцево и вопрос о населении Днепровского лесостепного Левобережья в начале раннего железного века // РА. № 3.
- Беседин В.И.*, 1992. Формовочные массы керамики и изучение этнокультурных процессов в лесостепном Подонье // Теория и методика исследования археологических памятников лесостепной зоны. Липецк.
- Бессонова С.С.*, 1990. Скифские погребальные комплексы как источник для реконструкции идеологических представлений // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев.
- Бирюков И.Е.*, 1990. Находки первых железных изделий на памятниках донской лесостепной срубной культуры // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Луганск.
- Бирюков И.Е.*, 1991. Поселение раннего железного века Чертовицкое VI на р. Воронеж // Елец и его окрестности. Елец.
- Бирюков И.Е.*, 1993. Городище Перехвальское II // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань. Вып. 3.
- Бобринский А.А.*, 1978. Гончарство Восточной Европы. М.
- Боголюбов М.Н.*, 1962. Древнеперсидские этимологии // Древний мир. М.
- Бойс М.*, 1987. Зороастрийцы (верования и обычаи). М.
- Бокий Н.М.*, 1987. Грунтовый могильник у с. Заломы // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. всесоюз. семинара. Кировоград. Ч. 1.
- Боковенко Н.А.*, 1990. Скифские бронзовые котлы Северного Причерноморья // Древние памятники Кубани. Краснодар.
- Борисенков Е.П., Пасецкий В.М.*, 1988. Тысячелетняя летопись необычных явлений природы. М.
- Борухович В.Г.*, 1972. Научное и литературное значение труда Геродота // Геродот. История. Л.
- Бочкарев В.С.*, 1981. Изменчивость и традиционность в металлообрабатывающем производстве // Преемственность и инновации в развитии древних культур. Л.
- Браун Ф.*, 1899. Разыскания в области готто-славянских отношений. СПб.
- Браинский И.Б.*, 1965. Новые материалы к датировке курганов скифской знати Северного Причерноморья // Египет. Рг. IV.
- Бромлей Ю.В.*, 1983. Очерки теории этноса. М.
- Брукс К.*, 1952. Климаты прошлого. М.
- Брухович И.В.*, 1995. Рецензия на кн.: Полин С.В. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992 // РА. № 1.
- Будыко М.И.*, 1980. Климат в прошлом и будущем. Л.
- Буйков Ю.В.*, 1981. Бондарихинская культура: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Бунятян Е.М.*, 1985. Методика социальных реконструкций в археологии. Киев.
- Валукинский Н.В.*, 1948. Материалы к археологической карте г. Воронежа // СА. Вып. X.
- Веклич М.Ф.*, 1990. Основы палеоландшафтоведения. Киев.
- Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Рунч А.П.*, 1980. Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ. Киев.
- Виноградов В.Б., Петренко В.А.*, 1983. Материалы погребальных памятников Среднего Притеречья о роли сарматов в этнокультурной истории Северного Кавказа // Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе.
- Виноградов Ю.А., Марченко К.К.*, 1991. Северное Причерноморье в скифскую эпоху // РА. № 1.
- Виноградов Ю.Г.*, 1997. Херсонесский декрет о "несении Диониса" IOSPE I² 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. № 3.
- Виноградов Ю.Г.* и др., 1990. *Виноградов Ю.Г., Доманский Я.В., Марченко К.К.* Сопоставительный анализ письменных и археологических источников по проблеме ранней истории Северо-Западного Причерноморья // Причерноморье VII-V вв. до н.э. Тбилиси.
- Вихляев В.И.*, 1986. Керамика Новошневского городища в Мордовии // СА. № 1.
- Вишневская О.А.*, 1973. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. М.
- Воеводский М.В.*, 1949. Городища Верхней Десны // КСИИМК. № XXIV.
- Воронина Р.Ф.*, 1982. Сарматский могильник у с. Ново-Никольское // КСИА. № 170.
- Гаврилюк Н.А.*, 1989. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев.
- Гавриш П.Я.*, 1995. Антична монета зі скифського городища лісостепової Скіфії // Археологія. Київ. № 2.
- Галанина Л.К.*, 1980. Курджипский курган. Л.
- Ганина О.Д.*, 1970. Античні бронзи з Піщаного. Київ.
- Генинг В.Ф.*, 1970. История населения Удмуртского Прикамья в пьаноборскую эпоху // ВАУ. Ижевск. Вып. 10.
- Генинг В.Ф.*, 1973. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. № 1.
- Генинг В.Ф.*, 1984. Проблема социальной структуры общества кочевых скифов IV-III вв. до н.э. по археологическим данным // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев.

- Генинг В.В., Генинг В.Ф., 1985. Метод определения древней традиции ориентировок погребенных по сторонам горизонта // Археология и методы исторических реконструкций. Киев.
- Гиндин Л.А., 1984. Членение скифских племен по данным лингво-филологического анализа (Геродот, кн. IV) // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М.
- Горбунов В.С., Исмагилов Р.Б., 1976. Новые находки мечей и кинжалов савромато-сарматского времени в Башкирии // СА. № 3.
- Гордеев Ф.И., 1965. Балтийские и иранские заимствования в марийском языке // Этногенез марийского народа. Йошкар-Ола.
- Городцов В.А., 1911. Археологические исследования в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 г. // Тр. XIV АС. Т. 3. М.
- Городцов В.А., 1947. Раскопки Частых Курганов близ Воронежа в 1927 г. // СА. Вып. IX.
- Горончаровский В.А., 1987. К вопросу о времени существования боспорского эмпория в дельте Дона // Античная цивилизация и варварский мир Подонья—Приазовья. Новочеркасск.
- Гошко Т.Ю., Отроценко В.В., 1986. Погребения киммерийцев в катакомбных и подбойных сооружениях // СА. № 1.
- Граков Б.Н., 1947. Чи мала Ольвия торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну і класичну епохи? // Археологія. Вип. 1.
- Граков Б.Н., 1954. Каменское городище на Днепре // МИА. № 36.
- Граков Б.Н., 1958. Старейшие находки железных вещей в Европейской части СССР // СА. № 4.
- Граков Б.Н., 1961. Бронзовая рукоять меча из-под Муромы // СА. № 4.
- Граков Б.Н., 1962. Скифские погребения на Никопольском курганном поле // МИА. № 115.
- Граков Б.Н., 1971. Скифы. М.
- Граков Б.Н., 1977. Ранний железный век. М.
- Граков Б.Н., Мелюкова А.И., 1954. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // ВССА. М.
- Грантовский Э.А., 1970. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М.
- Гриббин Дж., Лэм Г.Г., 1980. Изменение климата за исторический период // Изменение климата. Л.
- Григорьев В.П., 1987. Новые раннескифские погребения Левобережной Приднепровской террасовой лесостепи // Киммерийцы и скифы. Кировоград. Ч. 1.
- Грищенко М.Н., 1976. Плейстоцен и голоцен бассейна Верхнего Дона. М.
- Громов Г.Г., Новиков Ю.Ф., 1975. Некоторые приемы расчетов хозяйственных ареалов // Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М.
- Гуляев В.И., 1969. Зооморфные крючки скифского периода // МИА. № 151.
- Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1985. Терновое I — новый скифский курганный могильник на Среднем Дону // РА. № 4.
- Гумилев Л.Н., 1967. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии // История СССР. № 1.
- Гурин Ю.Г., 1995. О степени изученности памятников археологии на территории Липецкой области // Тез. докл. науч. конф., посвященной М.П. Трунову. Липецк.
- Дашевская О.Д., 1980. О скифских курильницах // СА. № 1.
- Дворниченко В.В., 1982. Погребения предскифского времени на Нижней Волге // КСИА. № 170.
- Дебец Г.Ф., 1969. Черепа из курганов Среднего Подонья // МИА. № 151.
- Демкин В.А., Лукашев А.В., 1993. Почвенно-ландшафтные условия Северо-Западного Прикаспия во II тыс. до н.э. — I тыс. н.э. // РА. № 4.
- Динесман Л.Г., 1976. Голоценовая история биогеоценозов Русской равнины // История биогеоценозов в СССР. М.
- Доватур А.И. и др., 1982. Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в "Истории" Геродота. М.
- Долина Дона, 1982. Долина Дона: природа и ландшафты. Воронеж.
- Донское Белогорье, 1976. Воронеж.
- Дубынин А.Ф., 1974. Щербинское городище // Дьяковская культура. М.
- Дударев С.А., 1993. К характеристике кинжалов предскифского времени из Закубанья // Вторая Кубанская археологическая конференция. Краснодар.
- Думшин Г., 1852. О реках Скифии по Геродоту // Труды студентов Ришельевского лицея. Одесса.
- Екимов Ю.Г., 1986. Памятники киммерийского времени в лесостепном Подонье // Археологические памятники эпохи бронзы в восточноевропейской лесостепи. Воронеж.
- Екимов Ю.Г., Беседин В.И., 1980. К вопросу о памятниках заключительного этапа эпохи бронзы в лесостепном Подонье // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж.
- Ельницкий Л.А., 1977. Скифия Евразийских степей. Новосибирск.
- Еременко В.Е., 1989. Археологическая карта милоградской культуры // Славяне: этногенез и этническая история. Л.
- Железчиков Б.Ф., 1984. Вероятная численность савромато-сарматов Южного Приуралья и Заволжья в VI в. до н.э.—I в. н.э. // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
- Житников В.Г., Яковенко Э.В., 1987. О культовом комплексе Елизаветовского городища из раскопок 1979 г. // Религиозные представления в первобытном обществе. М.
- Загоровский В.П., 1969. Белгородская черта. Воронеж.
- Загоровский В.П., 1973. Историческая топонимика Воронежского края. Воронеж.
- Замятин С.Н., 1925. Археологические исследования в Острогжском и Россожанском уездах в июне—июле 1925 г. // Изв. Воронеж. краевед. о-ва. Воронеж.
- Замятин С.Н., 1946. Скифский могильник Частые Курганы под Воронежем // СА. Вып. VIII.
- Збруева А.В., 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. № 30.
- Зданович Г.Б. и др., 1984. Зданович Г.Б., Иванов И.В., Хабдулина М.К. Опыт использования в археологии палеопочвенных методов исследования // СА. № 4.
- Золотун В.П., Кухтеева К.М., 1984. История развития почв в голоцене. Пушино.
- Иванчик А.И., 1996. Киммерийцы. М.
- Иевлев М.М., 1991. Палеогеографическая обстановка в районе Нижнего Поднепровья в IV в. до н.э. // Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Э. Чертомлык. Киев.
- Иессен А.А., 1947. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л.
- Иессен А.А., 1953. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР // СА. Вып. XVIII.
- Изменение климата, 1980. Изменение климата. Л.
- Іллінська В.А., 1965. Басівське городище // Археологія. Т. 18. Київ.
- Іллінська В.А., 1966. Про походження та етнічні зв'язки племен скіфської культури Посульсько-Донецького лісостепу // Археологія. Т. 20. Київ.
- Ільинская В.А., 1968. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев.
- Ільинская В.А., 1975. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев.
- Ільинская В.А., 1977. Может ли Бельское городище быть городом Гелоним? // Скифы и сарматы. Киев.
- Ільинская В.А., Тереножкин А.И., 1983. Скифия VII—IV вв. до н.э. Киев.
- История, 1988. История первобытного общества. М.
- История Украинской ССР. Киев. 1981. Т. 1.

- Кадырбаев М.К.*, 1984. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
- Клейн Л.С.*, 1988. Стратегия синтеза в исследованиях по этногенезу // СЭ. № 5.
- Климанов В.А., Серебрянная Т.А.*, 1986. Изменение растительности и климата на Среднерусской возвышенности в голоцене // Изв. АН СССР. Сер. геогр. № 2.
- Ковпаненко Г.Т.*, 1981. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев.
- Ковпаненко Г.Т., Скорый С.А.*, 1988. К изучению погребального обряда скифского времени в Поросье // СА. № 2.
- Ковпаненко Г.Т. и др.*, 1989. *Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А.* Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного Правобережья. Киев.
- Козловская М.В.*, 1996. Антропологическая характеристика скелетных материалов из скифских курганов Среднего Дона // РА. № 4.
- Кондукторова Т.С.*, 1972. Антропология древнего населения Украины. М.
- Копылов В.П.*, 1988. Распространенность категорий инвентаря в комплексах Елизаветовского могильника V–IV вв. до н.э. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1988 г. Азов.
- Корепанов К.И.*, 1992. Методические вопросы изучения жилищ среднедонской культуры скифского времени // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Липецк.
- Крадин Н.Н.*, 1995. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации. М.
- Краснов Ю.А.*, 1971. Раннее земледелие и животноводство лесной полосы Восточной Европы. М.
- Краснов Ю.А.*, 1980. Бездоненский могильник. М.
- Куббель Л.Е.*, 1988. Очерки потестарно-политической этнографии. М.
- Кубишев А.И. и др.*, 1996. Кубишев А.И., Скиба Л.С., Скорый С.А. Поховання скифського часу Пирогівського могильника // Археологія. № 1.
- Кузьмина Е.Е.*, 1994. Откуда пришли индоарии? М.
- Куклина И.В.*, 1985. Этногеография Скифии по античным источникам. Л.
- Кулатова И.Н.*, 1987. Курганы скифского времени у с. Васильевка // Киммерийцы и скифы. Кировоград. Ч. 2.
- Кулатова И.Н. и др.*, 1993. Кулатова И.Н., Луговая Л.Н., Супруненко А.Б. Курганы скифского времени междуручья Ворсклы и Псла. Полтава.
- Кулатова И.Н., Супруненко А.Б.*, 1986. Первый Мгарский курган // Більске городище. Полтава, 1996.
- Культуры, 1986. Культуры эпохи бронзы на территории Украины, 1986. Киев.
- Латышев В.В.*, 1893–1904. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб. Т. I–II.
- Латышев В.В.*, 1948. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ. № 3.
- Левенко В.П.*, 1973. Ново-Никольский могильник сарматского времени на Верхнем Дону // КСИА. № 133.
- Левенко В.П., Миронов В.Г.*, 1976. К вопросу о новом районе городищевой культуры // СА. № 2.
- Лелеков Л.А., Раевский Д.С.*, 1979. Скифский рассказ Геродота – фольклорные элементы и историческая информативность // НАА. № 6.
- Лесков А.М.*, 1971. Предскифский период в степях Северного Причерноморья // МИА. № 177.
- Либеров П.Д.*, 1961. Мاستюгинские курганы // СА. № 3.
- Либеров П.Д.*, 1962. Памятники скифского времени бассейна Северского Донца // МИА. № 113.
- Либеров П.Д.*, 1964. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М.
- Либеров П.Д.*, 1965. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. Вып. Д1–31. М.
- Либеров П.Д.*, 1969. Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных // МИА. № 151.
- Либеров П.Д.*, 1969а. Савроматы ли сирматы? // МИА. № 151.
- Либеров П.Д.*, 1971. Древняя история населения Подонья: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.
- Либеров П.Д.*, 1971а. Этническая принадлежность населения Среднего Дона в скифское время // МИА. № 177.
- Либеров П.Д.*, 1976. Локальные особенности звериного стиля среднедонской культуры и отражение связей с внешним миром // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.
- Либеров П.Д., Пузикова А.И.* Отчет лесостепной скифской экспедиции ИА АН СССР за 1964. Архив ИА РАН. Р-1, № 2860.
- Литвинский Б.А.*, 1972. Древние кочевники “Крыши мира”. М.
- Лопатников М.И.*, 1960. Некоторые вопросы палеогеографии бассейна Среднего Дона // Материалы по геологии и полезным ископаемым центральных районов Европейской части СССР. М.
- Лосев К.С.*, 1985. Климат: вчера сегодня... и завтра? Л.
- Макаренко Н.Е.*, 1911. Археологические исследования 1907–1909 гг. // ИАК. № 43.
- Максименко В.Е.*, 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону.
- Максимов Е.В.*, 1982. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев.
- Манцевич А.П.*, 1966. Деревянные сосуды скифской эпохи // АСГЭ. Вып. 8.
- Манцевич А.П.*, 1976. Находки в Запорожском кургане // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.
- Мароньский С.* Гелоны Геродота – не прусско-литовский народ // Семенович В.Н. Гелоны и мордва. М., 1913.
- Мартынов А.И., Алексеев В.П.*, 1986. История и палеоантропология скифо-сибирского мира. Кемерово.
- Марченко К.К. и др.*, 1988. *Марченко К.К., Житников В.Г., Яковенко Э.В.* Елизаветовское городище – греко-варварское торжище в дельте Дона // СА. № 3.
- Масленников А.А.*, 1993. Скифия и Боспор в III–I вв. до н.э. // Скифия и Боспор. Новочеркасск.
- Массон В.М.*, 1994. Развитие элитарных структур как прогрессивный феномен скифской эпохи // Элитные курганы степей Евразии. СПб.
- Матвеев Ю.П.*, 1982. История населения среднедонской катакомбной культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук М.
- Материалы, 1891. Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронеж. Т. 2.
- Махортых С.В.*, 1993. Ранние кочевники Северного Причерноморья и окружающая среда // Оточуюче сердовище і стародавнє населення України. Київ.
- Мачинский Д.А.*, 1971. О времени первого активного выступления сарматов в Приднепровье по данным письменных источников // АСГЭ. № 13.
- Мачинский Д.А.*, 1989. Боспор Киммерийский и Танаис в истории Скифии и Средиземноморья // Кочевники Евразийских степей и Античный мир. Новочеркасск.
- Мачинский Д.А.*, 1993. Скифия и Боспор. От Аристея до Волошина // Скифия и Боспор. Новочеркасск.
- Медведев А.П.*, 1985. Погребения предскифского времени в лесостепном Подонье // Археологические памятники на Европейской территории СССР. Воронеж.
- Медведев А.П.*, 1988. Городище Чертовицкое II // Исследование памятников археологии Восточной Европы. Воронеж.
- Медведев А.П.*, 1989. К предистории среднедонской культуры скифского времени // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье.
- Медведев А.П.*, 1989а. К вопросу об идентификации р. Та-

наис по данным Птолемея // Историческая география Черноморского Центра России. Воронеж.

Медведев А.П., 1990. Сарматы и лесостепь. Воронеж.

Медведев А.П., 1990а. К изучению структуры микрорайонов памятников скифского времени лесостепного Подонья // Археологическое изучение микрорайонов // Тез. докл. науч. конф. Воронеж.

Медведев А.П., 1991. Будины и тиссагеты на Верхнем Дону // Елец и его окрестности. Елец.

Медведев А.П., 1992. Памятники скифского времени Среднего Дона (опыт пространственного анализа) // Киммерийцы и скифы. Мелитополь.

Медведев А.П., 1992а. К вопросу о соотношении курганных могильников и городищ скифо-сарматского времени в лесостепном Подонье // История и археология Слободской Украины. Харьков.

Медведев А.П., 1992б. Посульские и среднедонские курганы скифского времени // Историко-культурна спадщина Глухівщини. Глухів.

Медведев А.П., 1992в. Земля донских будинов // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Липецк.

Медведев А.П., 1993. Об этнокультурной ситуации на Верхнем Дону в начале раннего железного века // РА. № 4.

Медведев А.П., 1993а. Река Танаис в системе историко-археологических реалий скифского времени // Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск.

Медведев А.П., 1994. О степени достоверности Геродотовых описаний древних городов // Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск.

Медведев А.П., 1996. Подгоренское городище на р. Воронеж // Археологические памятники лесостепного Придонья. Липецк.

Медведев А.П., 1997. Ольвийские торговые пути и степень достоверности этногеографических данных Геродота // Археология. № 4. Киев.

Медведев А.П., 1998. К вопросу о происхождении среднедонской культуры скифского времени // РА. № 2.

Междуречные ландшафты, 1990. Междуречные ландшафты. Среднерусской лесостепи. Воронеж.

Мельниковская О.Н., 1967. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М.

Мелюкова А.И., 1964. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1-4. М.

Мелюкова А.И., 1979. Скифия и фракийский мир. М.

Мелюкова А.И., 1988. Народы Северного Причерноморья накануне и в период Греческой колонизации // Местные этнополитические образования Причерноморья VII-V вв. до н.э. Тбилиси.

Мелюкова А.И., 1991. Новое в изучении актуальных проблем скифологии // КСИА. № 204.

Мильков Ф.Н., 1950. Лесостепь Русской равнины. М.

Мильков Ф.Н., 1977. Природные зоны СССР. М.

Миронов В.Г., 1995. Городецкая культура: состояние проблем и перспективы их изучения // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань.

Мищенко Ф.Г., 1898. Геродотовы вшесды // ФО. XV

Мищенко Ф.Г., 1990. К вопросу о быте геродотовских будинов // Юбилейный сборник в честь В.Ф. Миллера. М.

Монгайт А.Л., 1961. Рязанская земля. М.

Моруженко А.А., 1968. Жилища лесостепной Скифии // Материалы науч. конф. Харьков; Донецк.

Моруженко А.А., 1985. Городища лесостепных племен Днепро-Донского междуречья VII-III вв. до н.э. // СА. № 1.

Моруженко А.А., 1989. Историко-культурная общность лесостепных племен междуречья Днепра и Дона скифского времени // СА. № 4.

Москаленко А.Н., 1956. Раскопки на Архангельском городище 1952-1953 гг. // КСИИМК. Вып. 62.

Москаленко А.Н., 1966. Святилище на р. Воргол // СА. № 2.

Мошкова М.Г., 1984. Предисловие к кн. К.Ф. Смирнова "Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии". М.

Мурзин В.Ю., 1984. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев.

Мурзин В.Ю., 1990. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев.

Надеждин Н., 1844. Геродотова Скифия, объясненная через сличение с местностями. ЗООИД. Вып. I.

Население, 1969. Население Среднего Дона в скифское время // МИА. № 151.

Нейхард А.А., 1982. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л.

Нейштадт М.И., 1954. К истории Усманского бора в последнем отрезке голоцена // Тр. Воронеж. гос. заповедника. Вып. V.

Нейштадт М.И., 1957. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М.

Никольская Т.Н., 1959. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н.э. // МИА. № 72.

ОАК, 1908. ОАК за 1905 г. СПб. 1908.

ОАК, 1909. ОАК за 1906 г. СПб. 1909.

Обломский А.М., 1991. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I-V вв. н.э. Москва; Сумы.

Обломский А.М., 1997. Исследования раннеславянской экспедиции // АО. 1996. М.

Обломский А.М., Бессуднова А.Н., 1995. Ранние славяне в Подонье // Материалы международной конференции. Елец.

Окско-Донское плоскогорье. Воронеж, 1976.

Ольховский В.С., 1978. Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным // СА. № 4.

Ольховский В.С., 1991. Погребения поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII-III вв. до н.э.). М.

Ольховский В.С., Шилов Ю.А., 1995. Скифский погребально-культурный комплекс кургана Цыганка // РА. № 4.

Отроченко В.В., 1994. О погребениях черноморского типа в Нижнем Подонье // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 13. Азов.

Павленко Ю.В., 1989. Раннеклассовые общества (генезис и пути развития). Киев.

Патрушев В.С., 1989. У истоков волжских финнов. Йошкар-Ола.

Перишиц А.М., 1986. Вождество // Социально-экономические отношения и социо-нормативная культура. М.

Петренко В.Г., 1962. Могильник скифского времени у села Гришенцы // МИА. № 113.

Петренко В.Г., 1967. Правобережье Среднего Поднепровья в V-III вв. до н.э. // САИ. Вып. Д1-4. М.

Петренко В.Г., 1978. Украшения Скифии VII-III вв. до н.э. // САИ. Вып. Д4-5. М.

Петренко В.Г., 1986. О погребальном культе у скифских племен Предкавказья VII-VI вв. до н.э. // XIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Орджоникидзе.

Плетнева С.А., 1982. Кочевники Средневековья. М. Подворонье. 1973. Воронеж.

Погрехова М.Н., Раевский Д.С., 1989. К вопросу об "отложившихся скифах" // ВДИ. № 1.

Погрехова М.Н., Раевский Д.С., 1992. Ранние скифы и Древний Восток. М.

Подгаецкий Г.В., 1946. Предскифский период на Среднем Дону // КСИИМК. Вып. XIII.

Полин С.В., 1984. Про "сарматське" завоювання Північно-го Причорномор'я // Археологія. Вып. 75. Киев.

Полин С.В., 1992. От Скифии к Сарматии. Киев.

Полин С.В., Симоненко А.В., 1990. "Раннесарматские" погребения Северного Причерноморья // Исследования по археологии Поднепровья. Днепрпетровск.

- Поплинский Ю.К., 1980. Принципы этнографических описаний в античной научной литературе // Африканский сборник. Вып. XII. Л.
- Пряхин А.Д., 1973. Древнее население Песчанки. Воронеж.
- Пряхин А.Д., 1977. Погребальные абшевские памятники. Воронеж.
- Пряхин А.Д., Разуваев Ю.П., 1988. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. Воронеж.
- Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д., 1989. О ранее неизвестном погребальном обряде населения лесостепного Подонья в скифское время // Скифо-Сибирский мир. Кемерово.
- Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д., 1991. Исследование Паженьского городища // Елец и его окрестности. Воронеж.
- Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д., 1993. Погребения на Семилукском городище позднескифского времени (раскопки 1986 г.) // Археологические памятники раннего железного века Окско-Донского междуречья. Рязань.
- Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д., 1993а. Погребения на Семилукском городище позднескифского времени (раскопки 1987–1990 гг.) // Древние памятники Окского бассейна. Рязань.
- Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д., 1995. Семилукское городище позднескифского времени на р. Дон // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань.
- Пряхин А.Д. и др., 1981. Пряхин А.Д., Синюк А.Т., Матвеев Ю.П. Терешковский клад эпохи поздней бронзы в Среднем Подонье // СА. № 3.
- Пузикова А.И., 1962. Курганный могильник скифского времени у с. Русская Тростянка // СА. № 4.
- Пузикова А.И., 1964. Два кургана из могильника скифского времени у с. Русская Тростянка // КСИА. № 102.
- Пузикова А.И., 1966. Новые курганы скифского времени в Белгородской области // КСИА. № 107.
- Пузикова А.И., 1969. Поселения Среднего Дона // МИА. № 151.
- Пузикова А.И., 1969а. Раскопки могильника скифского времени у с. Дуровка в 1965 г. // МИА. № 151.
- Пузикова А.И., 1971. Культура оседлых племен Правобережья Среднего Дона в скифское время: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Пузикова А.И., 1981. Марицкое городище в Посеймье VI–V вв. до н.э. М.
- Пузики А.И., 1980. Вуздеккові набори в Воронежських курганів // Археологія. № 35.
- Пузикова А.И., 1984. Акинак из с. Ключ Курской области // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
- Пузикова А.И., 1985. Отчет о работе Курской экспедиции в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9353.
- Пузикова А.И., 1987. Работы Курской экспедиции // АО, 1985. М.
- Пузикова А.И., 1988. Работы Курской экспедиции // АО, 1986. М.
- Пузикова А.И., 1995. Скифы Среднего Дона. М.
- Пузикова А.И., 1997. Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь (Посеймье). М.
- Радицкая В.Е., 1978. Раскопки городища у с. Коломак // АО, 1977. М.
- Радицкая В.Н., 1979. Продолжение исследования Коломакского городища // АО, 1978. М.
- Радицкая В.Е., 1992. Основные итоги раскопок Коломакского городища // История и археология Слободской Украины. Харьков.
- Раевский Д.С., 1970. Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеологии царства Атея // СА. № 3.
- Раевский Д.С., 1977. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.
- Раевский Д.С., 1985. Модель мира скифской культуры. М.
- Раевский Д.С., 1995. Ранние скифы: среда обитания и хозяйственно-культурный тип // ВДИ. № 4.
- Разуваев Ю.Д., 1990. Памятники городецкой культуры в Верхнем Подонье // Археологические исследования в Центральном Черноземье в 12 пятилетке. Белгород.
- Разуваев Ю.П., 1993. Городецкие поселения в лесостепи // Проблемы взаимодействия населения лесостепной и лесной зон восточноевропейского региона в эпоху бронзы и раннем железном веке. Тула.
- Разуваев Ю.Д., 1994. Исследование Ишутинского городища на Красивой Мече // Историко-культурное наследие: Памятники археологии Центральной России. Рязань.
- Рассадин С.Е., 1989. Геродотовы негры в позднеантичной традиции // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье.
- Рассадин С.Е., 1991. Украшения подгорцевского типа // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон.
- Рассадин С.Е., 1992. Геродотовы ирики и тиссагеты: к проблеме локализации // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Липецк.
- Розенфельд И.Г., 1970. Керамические погребушки // Древние славяне и их соседи. М.
- Розенфельд И.Г., 1974. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М.
- Ромашко В.А., 1995. Поздний бронзовый век в пограничье лесостепи и степи Левобережной Украины (XII–X вв. до н.э.). Днепропетровск.
- Ростовцев М.И., 1914. Воронежский серебряный сосуд // МАР. Вып. № 34.
- Ростовцев М.И. Эллинизация и иранство на юге России. Пг.
- Ростовцев М.И., 1925. Скифия и Боспор. Л.
- Руденко С.И., 1961. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Материалы по этнографии. Вып. 1. Л.
- Рулева А.С., 1991. Понтийская легенда о Геракле: вымысел и реальность // Духовная культура древних обществ на территории Украины. Киев.
- Рыбаков Б.А., 1979. Этногеография Скифии. М.
- Рябова В.А., 1986. Металлические кубки из скифских курганов // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев.
- Савелов Л.М., 1905. Коротоякский уезд Воронежской губернии в археологическом отношении // Тр. XII АС. М.
- Самохин А.Ф., 1948. Дон и его притоки. Ростов-на-Дону. Сведения, 1896. Сведения 1873 года о городищах и курганах // ЗРАО. Т. VIII. Вып. 1–2. СПб.
- Седов В.В., 1965. Балто-иранский контакт в Днепровском Левобережье // СА. № 4.
- Седов В.В., 1994. Славяне в Древности. М.
- Семенович В.Н., 1913. Гелоны и мордва. Материалы и исследования по исторической географии верховьев Дона и Оки. Вып. 1. М.
- Семенов Ю.И., 1979. О стадийной типологии общины // Проблемы типологии в этнографии. М.
- Серебрянная Т.А., 1982. О динамике лесостепной зоны Русской равнины в голоцене // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. М.
- Серебрянная Т.А., 1992. Динамика границ Центральной лесостепи в голоцене // Вековая динамика биогеоценозов. М.
- Серебрянников Б.А., 1965. История мордовского народа по данным языка // Этногенез мордовского народа. Саранск.
- Сизов В.И., 1988. Скорняковские курганы Воронежской губ. Задонского уезда // Древности. Т. 12.
- Синюк А.Т., 1993. Нижесторожьевская стоянка и некоторые вопросы изучения воронежской культуры // Археология Доно-Волжского бассейна. Воронеж.
- Синюк А.Т., 1996. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж.
- Скифские погребальные памятники, 1986. Скифские погребальные памятники степной зоны Северного Причерноморья. Киев.

- Скорий С.А., 1987. Про скифський етнокультурний компонент у населення Дніпровського лісостепового Правобережжя // Археологія. № 60.
- Скорий С.А., 1990. Курган Пере'пятиха. Київ.
- Скорий С.А., 1992. К истории взаимоотношений населения степи и лесостепи в V–IV вв. до н.э. // Киммерийцы и скифы. Мелитополь.
- Скржинская М.В., 1991. Древнегреческий фольклор и литература Северного Причерноморья. Киев.
- Смирнов А.П., 1940. Новый сарматский могильник в Воронежской области // ВДИ. № 3–4.
- Смирнов А.П., 1952. Очерки древней истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28.
- Смирнов А.П., 1966. Скифы. М.
- Смирнов А.П., Трубникова Н.В., 1965. Городецкая культура // САИ. Вып. Д1–14. М.
- Смирнов К.А., 1974. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М.
- Смирнов К.Ф., 1954. Вопросы изучения сарматских племен в советской археологии // ВССА. М.
- Смирнов К.Ф., 1961. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей // СА. № 1.
- Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. М.
- Смирнов К.Ф., 1978. Дромосные могилы ранних кочевников Южного Приуралья и вопрос о происхождении сарматских катакомб // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.
- Смирнов К.Ф., 1984. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.
- Смирнов Ю.А., 1994. К теории отражения социального статуса умершего в погребальном обряде // Теория и прикладные методы в археологии. Саратов.
- Смирнова Г.И., 1977. Курганный могильник раннескифского времени у с. Долиняны // АСГЭ. Вып. 18.
- Смирнова Г.И., 1978. Новое в изучении археологических памятников Северо-Западной Скифии // Культура Востока (древность и раннее средневековье). Л.
- Смирнова Г.И., 1993. Памятники Среднего Поднестровья в хронологической системе раннескифской культуры // РА. № 2.
- Соболевский А.И., 1926. Некоторые местные названия Воронежской губернии // Изв. Воронеж. краевед. о-ва. № 10–12.
- Соболевский А.И., 1927. Некоторые местные названия Воронежской губернии. // Изв. Воронеж. краевед. о-ва. № 3–5.
- Сорокин С.С., 1975. О хронологических формулах и значении термина "могильник" // Успехи среднеазиатской археологии. Л.
- Спицын А.А., 1896. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении // ЗРАО. Т. VIII. Вып. 1–2. СПб.
- Спицын А.А., 1918. Курганы скифов-пахарей // ИАК. Вып. 65.
- Среднерусское Белогорье. 1985. Воронеж.
- Старцева Т.С., 1994. Некоторые итоги археологического обследования Воронежской области // Историко-культурное наследие: Памятники археологии Центральной России. Рязань.
- Статистическая обработка, 1994. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии (савроматская эпоха). М.
- Степанов П.Д., 1967. Ош Пандо. Саранск.
- Степи, 1989. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Стрижак О.С., 1988. Етніонімія Геродотової Скіфії. Київ.
- Стрижак О.С., 1991. Етніонімія Птолемеєвої Сарматії. Київ.
- Татаринов С.И., 1980. Железоделательный горн бондаринской культуры // СА. № 3.
- Тевяинов А.Н., 1902. Отчет о раскопках в Острогосском уезде в 1900–1901 годах // Труды ВУАК. Вып. 1. Воронеж.
- Тереножкин А.И., 1961. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев.
- Тереножкин А.И., 1971. Скифская культура // МИА. № 177.
- Тереножкин А.И., 1976. Киммерийцы. Киев.
- Тереножкин А.И., 1987. Скифский вопрос // Скифы Степного Причерноморья. Киев.
- Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н., 1988. Мелитопольский курган. Киев.
- Терпиловский Р.В., 1984. Ранние славяне Подесенья. Киев.
- Толстов С.П., Итина М.А., 1966. Саки низовьев Сыр-Дарьи // СА. № 2.
- Топоров В.Н., Трубачев О.Н., 1962. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.
- Третьяков П.Н., 1966. Финноугры, балты и славяне на Днепре и Волге. М; Л.
- Трубникова Н.В., 1953. Племена городецкой культуры // Тр. ГИМ. Вып. XXII.
- Тудоровский А.А., 1980. Дон и Донец в историческом прошлом // Изв. ВГО. Т. 112.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1987. Статистические методы в археологии. М.
- Федорова Р.В., 1976. Природные ландшафты голоцена и их изменение под влиянием деятельности человека // История биогеоценозов СССР в голоцене. М.
- Федосеев Н.Ф., 1990. О времени существования Елизаветовского городища и Танаиса // Античный мир и археология. Вып. 7. Саратов.
- Физико-географическое районирование, 1961. Физико-географическое районирование Центрально-Черноземных областей. Воронеж.
- Фоломеев Б.А., 1975. Тюков городок // СА. № 1.
- Фоломеев Б.А., 1993. Окские городища // Археологические памятники раннего железного века Окско-Донского междуречья. Рязань.
- Хазанов А.М., 1975. Социальная история скифов. М.
- Хазанов А.М., Шкурко А.И., 1976. Социальные и религиозные основы скифского искусства // Скифский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.
- Халдеев В.В., 1987. Сколько было сарматов? // СА. № 3.
- Халиков А.Х., 1977. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. М.
- Хенниг Р., 1961. Неведомые земли. М. Т. 1.
- Хлопин И.Н., 1983. Юго-Западная Туркмения в эпоху бронзы. Л.
- Хмелев К.Ф., 1973. Палеогеография речной долины Воронежа в голоцене // Пряхин А.Д. Древнее население Песчанки. Воронеж.
- Хотинский Н.А., 1982. Голоценовые хроносрезы: дискуссионные проблемы палеогеографии голоцена // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. М.
- Цалкин В.И., 1966. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии // МИА. № 135.
- Цалкин В.И., 1969. Фауна из раскопок городищ скифского времени на Среднем Дону // МИА. № 151.
- Черный И.Л., 1981. Выработка текстиля у племен дьяковской культуры. СА. № 4.
- Черненко Е.В., 1968. Скифский доспех. Киев.
- Черненко Е.В., 1992. Курганы воинов-дружинников Скифии // Киммерийцы и скифы. Мелитополь.
- Черных Е.Н., 1976. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.
- Членова Н.Л., 1984. О времени появления ираноязычного населения в Северном Причерноморье // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М.
- Шарафутдинова И.Н., 1982. Степное Поднепровье эпохи поздней бронзы. Киев.

Шарафутдинова Э.С., Дубовская О.Р., 1987. О двух группах погребений предскифского времени в Северном Причерноморье // Проблемы археологии культур степей Евразии. Кемерово.

Шафарик П., 1848. Славянские древности. М.

Швец Г.И., 1978. Многовековая изменчивость стока Днепра за исторический период. Л.

Шенников А.А., 1987. Червлёный Яр: Исследования по истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв. Л.

Шитчинский А., 1926. Снежный покров в Воронежской губернии. Воронеж.

Шкурко А.И., 1976. О локальных различиях в искусстве лесостепной Скифии // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.

Шмидт А.В., 1934. Очерки по истории Северо-Восточной Европы в эпоху родового общества на территории СССР // Из истории родового общества на территории СССР. Л.

Шнитников А.В., 1957. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария // Зап. Геогр. о-ва СССР. Новая серия. Т. 16. М.

Шоков А.Ф., 1952. Скифы на Среднем Дону. Воронеж.

Шоков А.Ф., 1954. Первые раскопки скифских курганов в бассейне Среднего Дона // Изв. ВГПИ. Т. XV.

Шоков А.Ф., 1958. К сарматским памятникам на Дону // Изв. ВГПИ. Т. 26.

Шоков А.Ф., 1960. Фрагменты сарматского блюда и фалары с берегов Дона // Тр. ВОКМ. Вып. 1.

Шрамко Б.А., 1957. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке // СА. № 1.

Шрамко Б.А., 1962. Древности Северского Донца. Харьков.

Шрамко Б.А., 1971. К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей Степной и Лесостепной Скифии // МИА. № 177.

Шрамко Б.А., 1975. Крепость скифской эпохи у с. Бельск – город Гелон // Скифский мир. Киев.

Шрамко Б.А., 1983. Археология раннего железного века Восточной Европы. Харьков.

Шрамко Б.А., 1983а. Архаическая керамика Восточного укрепления Бельского городища и проблема происхождения его обитателей // АСГЭ. № 23.

Шрамко Б.А., 1984. Фридрих Энгельс и проблема возникновения городов в Скифии // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ Киев.

Шрамко Б.А., 1985. Культовые скульптуры Гелона // Археологические памятники Юго-Восточной Европы. Курск.

Шрамко Б.А., 1987. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев.

Шрамко Б.А. и др., 1977. Шрамко Б.А., Фомин Л.Д., Солнцев Л.А., Начальный этап обработки железа в Восточной Европе // СА. № 1.

Щеглов А.Н., 1985. О греко-варварских взаимоотношениях на периферии эллинистического мира // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси.

Щукин М.Б., 1994. На рубеже эр. СПб.

Экземлярский А.В., 1891. Будины // Словарь Брокгауз и Эфрон. СПб. Т. IV.

Энгельс Ф., 1961. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21.

Яблонский Л.Т., 1996. Саки Южного Приаралья. М.

Яйленко В.П., 1983. К вопросу об идентификации рек и народов Геродотовой Скифии // СЭ. № 1.

Яковенко С.В., 1968. Пастырские городище скифского часу // Археология. Т. 21.

Яценко И.В., 1959. Скифия VII–V вв. до н.э. Тр. ГИМ. Вып. 36.

Binford L., 1971. Archeological Perspectives // Man's Imprint from the Past. Boston.

Clark D.C., 1977. Spatial information in archeology // Spatial archeology. L.

Eichwald Ed., 1834. Darius Gistaspes zieht nach der Gegend von Pinsk. Dorpt.

Herrmann A., 1932. Tanais // PW RE. Hbd. IVa.

Khazanov A.M., 1984. Nomads and the Outside World. Cambridge.

Lindner F.L., 1841. Skythien und die Skythen des Herodot und seine Ausleger, nebst Beschreibung des heutigen Zustandes jener Länder. Stuttgart.

Peyssonel M., 1765. Observations historiques et géographiques sur les peuples barbares qui ont habité les bords du Danube et du Pont-Euxin. Paris.

Rostovtzeff M., 1929. The Animal Style in South Russia and China. Princeton.

Szèrbakivskyi V., 1930. La situation géographique de la ville de Gèlon d'Herodote // Biblioteka Prehistoryczna. Posnan. T. 1.

Schwartz E., 1903. Diodoros von Agyrion // PW RE. Hbd. 9. Stuttgart.

Tomaschek W., 1898. Budinoi // PW RE. Hbd. III.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО – Археологические открытия
АСГЭ – Археологический сборник Госэрмитажа
ВГО – Всесоюзное Географическое общество
ВГПИ – Воронежский государственный пединститут
ВГУ – Воронежский государственный университет
ВДИ – Вестник древней истории
ВОКМ – Воронежский областной краеведческий музей
ВССА – Вопросы скифо-сарматской археологии
ВУАК – Воронежская ученая архивная комиссия
ВЯ – Вопросы языкознания
ГИМ – Государственный исторический музей
ЗОАО – Записки Одесского археологического общества
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО – Записки Российского археологического общества
ИАК – Известия Археологической комиссии
ИИМК – Институт истории материальной культуры

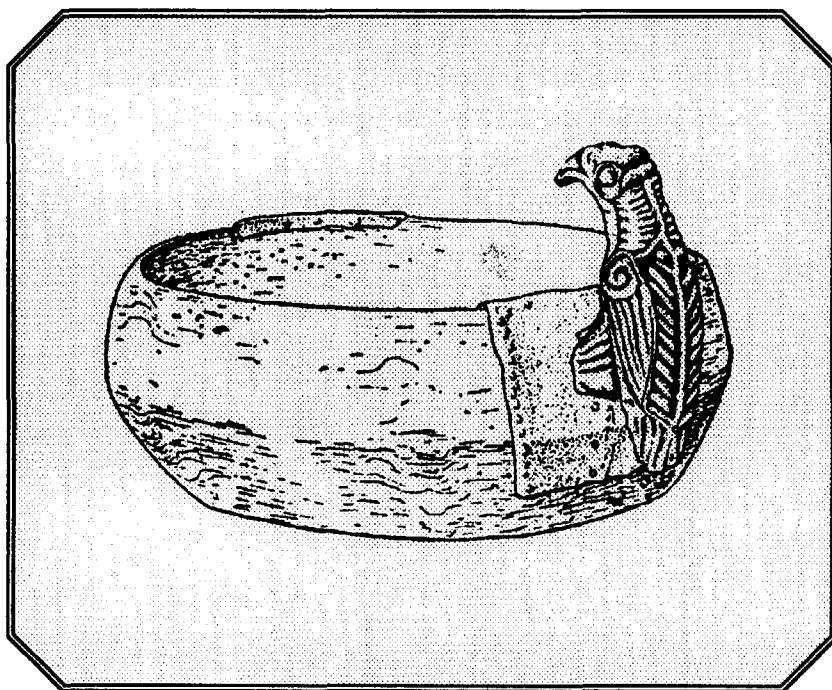
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
ЛГПИ – Липецкий государственный пединститут
ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии
МАР – Материалы по археологии России
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НАА – Народы Азии и Африки
ОАК – Отчет Археологической комиссии
РА – Российская археология
РГБ – Российская государственная библиотека
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СЭ – Советская этнография
ФО – Филологическое обозрение
ХГУ – Харьковский государственный университет
PW RE – Pauly's-Wissowa Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
<i>Глава 1</i>	
История исследований археологических памятников раннего железного века лесостепного Подонья	6
<i>Глава 2</i>	
Лесостепное Подонье на рубеже эпохи бронзы и раннего железного века.....	15
Наступление железного века в Донской лесостепи	15
Культуры финальной бронзы и их соотношение с памятниками раннего железного века Донской лесостепи	18
Погребения позднейшего предскифского периода на Среднем и Верхнем Дону	19
<i>Глава 3</i>	
Верхнее Подонье в начале железного века	29
Поселения с текстильной керамикой	31
Городецкие памятники с "рогожной" керамикой	39
Опыт реконструкции культурных и этнических процессов на Верхнем Дону в I тыс. до н.э.	42
<i>Глава 4</i>	
Среднедонская культура скифского времени (по материалам поселений)	49
Территория и система расселения скифоидного населения в лесостепном Подонье	49
Проблема происхождения среднедонской культуры	66
<i>Глава 5</i>	
Среднедонские курганы в системе памятников скифского времени лесостепи и степи Восточной Европы	90
Погребальные сооружения и погребальный обряд	90
Сопровождающий инвентарь как показатель социального статуса погребенных	102
К истолкованию феномена среднедонских курганов	117
<i>Глава 6</i>	
Проблема этнической принадлежности населения Среднего Дона в скифское время	129
Некоторые вопросы исторической географии Скифии у Геродота	130
Проблема этнической принадлежности среднедонских племен в современной науке	134
Итоги анализа данных археологии и античной традиции о населении Среднего Дона в скифское время	140
Вместо заключения. О финале среднедонской культуры скифского времени	145
Литература	153
Список сокращений.....	159

А. П. Медведев

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ

«НАУКА»